

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

The Library
of the

University of Wisconsin

11-51

АЛЕКСЕЕВЪ.
СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXX, № 2.

А. С. ПУШКИНЪ
ВЪ
ЮЖНО-СЛАВЯНСКИХЪ ЛИТЕРАТУРАХЪ.

СБОРНИКЪ
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХЪ И ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИХЪ СТАТЕЙ.

ИЗДАННЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦИЮ
ОРД. АКАД. И. В. Ягича.

Jaic, Vatican

• САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1901.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Августъ 1901. Непремѣнный Секретарь, Академикъ Н. Дубровинъ.

*Imp
m/pt
y12*
Purchased by the Russian Institute
MAY - 8 1952

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Когда Россія готовилась поминать столѣтнюю годовщину своего великаго поэта А. С. Пушкина, вспомнились и мнѣ мои давнишнія занятія, относящіяся сюда. У меня родилась мысль привести въ порядокъ мой давно собранный матеріалъ о переводахъ Пушкина на сербско-хорватскій языкъ, пополнить его и оживить примѣчаніями критическими. Приступая къ пересмотру матеріала я убѣдился въ томъ, что было бы гораздо лучше и для разнообразія и для полноты изложенія, если бы мнѣ удалось привлечь къ участію въ этомъ историко-литературномъ изданіи также другихъ знатоковъ въ области отдѣльныхъ южно-славянскихъ литературъ. Желаніе мое исполнилось, хотя и не въ томъ идеальномъ совершенствѣ, въ какомъ оно мнѣ представлялось. Идея литературной и научной ассоціаціи у славянъ еще очень мало развита. Существуютъ, правда, ученые и литературныя общества, союзы, кружки, фонды и т. п. для каждаго славянскаго народа и племени отдѣльно, но дѣятельность ихъ по большей части такъ и ограничивается поддержкою и удовлетвореніемъ узкихъ домашнихъ потребностей. Мнѣ же, привыкшему уже давно смотрѣть на культурныя задачи славянскихъ народовъ съ болѣе высокой точки зрѣнія, хотѣлось и въ данномъ случаѣ выйти изъ узкой рамки и представить читателямъ этого сборника значеніе А. С. Пушкина для всѣхъ южныхъ славянъ въ возможно широкомъ объемѣ, именно въ переводахъ по всѣмъ южно-славянскимъ

литературамъ. Для достиженія этой цѣли пришлось обратиться въ разныя стороны съ просьбою и приглашеніемъ къ участию. Не всё, къ кому я обращался, были въ состояніи отозваться, что отчасти объясняется малочисленностью тружениковъ при большомъ количествѣ задачъ, отчасти же непривычкою или даже нежеланіемъ участвовать въ сборномъ изданіи.

Тѣмъ пріятнѣе для меня обязанность поблагодарить тѣхъ немногихъ, которые рѣшились содѣйствовать къ осуществленію моего плана. Я убѣжденъ, что Отдѣленіе русскаго языка и словесности Императорской Академіи наукъ, которое взяло на себя издать этотъ трудъ въ своемъ «Сборникѣ», раздѣляетъ мой взглядъ, что такимъ способомъ дѣйствительно ускоряется знакомство и сближеніе духовной жизни славянскихъ народовъ между собою.

Сборникъ этотъ печатался въ продолженіе слишкомъ двухъ лѣтъ. Отъ того и вышли нѣкоторыя неровности въ ссылкахъ на изданія, которыя сначала мнѣ были доступны только по частнымъ указаніямъ, потомъ же выходомъ своимъ опередили этотъ сборникъ.

И. В. Ягичъ.

Вѣна, 23 іюня (6 іюля) 1901 г.

І.

РУССКОЕ ВЛІЯНІЕ И ПУШКИНЪ
ВЪ БОЛГАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

Ив. Д. Шишманова.

Вопросъ о Пушкинѣ въ болгарской литературѣ тѣсно связанъ съ болѣе широкимъ вопросомъ о вліяніи русской письменности на болгарскую. Къ сожалѣнію самая важная задача литературно-исторической критики — изслѣдованіе источниковъ, едва намѣчается у насъ. Самыя элементарныя условія, необходимыя для такого изслѣдованія, отсутствуютъ въ нашей литературѣ. Мы не имѣемъ даже сколько нибудь полной библіографіи болгарскихъ печатныхъ изданій отъ начала нашей письменности. Начатый А. Теодоровымъ трудъ этого рода — неоконченъ¹⁾. Обзоръ періодическихъ изданій, составленный Ю. Ивановымъ неполонъ²⁾. Но печальнѣе всего то, что вслѣдствіе крайней трудности достать нѣкоторыя старыя изданія, ставшія библіографической рѣдкостью, — вслѣдствіе отсутствія ихъ даже въ главныхъ библіотекахъ страны, нисколько не спѣшащихъ, при томъ, пополнить этотъ важный пробѣлъ своихъ каталоговъ, — указанный недостатокъ еще долгое время будетъ чувствоваться. Вотъ почему даже такой сравнительно легкій трудъ, какъ составленіе библіографической замѣтки о болгарскихъ переводахъ Пушкина, требуетъ несоразмѣрной потери времени и усилій. Мы были часто принуждены рыться цѣлый день въ библіотекахъ, чтобы

1) Българска Книгописъ, съставенъ отъ А. Теодоровъ. Дѣлъ Първи (1641—1877). Сборникъ за нар. умотв., наука и книжнина, 1893, кн. IX.

2) Юрд. Ивановъ, Българскія Периодически Печать отъ възраждането му до днесъ. София, 1893.

открыть какой нибудь незначительный переводъ изъ Пушкина, могущій свидѣтельствовать о размѣрахъ знакомства болгарскихъ литераторовъ съ произведеніями русскаго поэта. Впрочемъ этотъ трудъ оказался не бесполезнымъ въ другомъ отношеніи: просмотръ почти всей нашей періодической литературы, далъ намъ возможность освѣтить гораздо болѣе интересный и неизслѣдованный еще вопросъ: о *зарожденіи русскаго вліянія* въ нашей письменности, вопросъ, который будетъ предметомъ другого спеціального нашего изслѣдованія. Здѣсь мы его затронемъ насколько онъ, какъ болѣе общій, объясняетъ постоянное развитіе интереса болгарскихъ читателей и къ Пушкину.

Когда начинаются первыя литературныя сношенія между Россіей и Болгаріей (независимо отъ церковно-славянской письменности, такъ какъ вліяніе богослужебныхъ книгъ *русской* редакціи на *ново-болгарское правописаніе* имѣетъ лишь чисто формальный характеръ), точно сказать трудно.

Въ общемъ, несомнѣнно только то, что эти отношенія завязываются еще раньше середины прошлаго столѣтія.

Обыкновенно годомъ рожденія ново-болгарской литературы считается 1762 г., въ которомъ появилась извѣстная «*Исторія Славяно-болгарская*» Отца Паисія Хилендарскаго¹⁾. Но новѣйшія изслѣдованія доказали, что еще до Паисія существовала сравнительно богатая чисто-народная литература съ преимущественно религіозно-правоучительнымъ характеромъ. Эта литература, состоящая главнымъ образомъ изъ цѣлаго ряда сборниковъ, такъ называемыхъ «*Дамаскиновъ*», восходитъ еще къ 17-му столѣтію²⁾.

Для насъ здѣсь интересно то, что нѣкоторые изъ этихъ «Да-

1) См. Трѣмъ на българската словесность отъ А. Теодоровъ, Свезка I. Паисий Хилендарски, Исторія Славеноболгарская 1762. Пловд. 1898.

2) См. Новобългарска писменность прѣди Паисия. Б. Цонева въ «Бълг. Прѣгледъ», I, кн. 8, р. 80 и сл.; Л. Милетичъ, Сборникъ за нар. умотв. etc. XII, Повѣсть за паден. на Цариградъ въ 1453 год. стр. 399 и сл.

маскиновъ» заключаютъ между прочимъ переводъ одной очень популярной въ Россіи «Повѣсти о Цареградѣ».

Кто былъ авторомъ этого перваго до сихъ поръ константинованнаго заимствованія изъ русской литературы — неизвѣстно. Но несомнѣнно, что это было лицо духовное, по всей вѣроятности какой-нибудь монахъ, имѣвшій случай познакомиться съ русскимъ языкомъ во время управленія богатыми болгарскими мѣтохами въ Россіи или во время своихъ странствованій для сбора подаяній¹⁾.

Извѣстно и отчасти документально доказано, что нѣкоторые изъ нашихъ монастырей были въ сношеніи съ Россіей еще въ XVII-мъ вѣкѣ. Такъ что, *по всей вѣроятности, и первыя русскія литературныя вліянія вышли изъ монастырей*. Это предположеніе подтверждается затѣмъ и присутствіемъ довольно большого количества русскихъ книгъ, находящихся въ нѣкоторыхъ нашихъ монастырскихъ библіотекахъ. Нужно сожалѣть, что каталоги этихъ библіотекъ такъ мало намъ извѣстны; иначе могли бы точнѣе судить о времени, когда русская литература начала пробивать себѣ у насъ дорогу.

Когда въ 1845 г. Григоровичъ посѣтилъ Рыльскій монастырь, онъ пожелалъ увидѣть скитъ св. Луки, гдѣ къ удивленію своему нашелъ благочестиваго старца Амвросія, имѣвшаго въ своей скромной библіотекѣ не только церковно-славянскія и греческія книги, но и *русскія*. «Я зашелъ здѣсь къ старцу Амвросію, проводшему 25 лѣтъ въ уединеніи. Удивила меня въ скромной келліи его избранная библіотека славянскихъ, *русскихъ* и греческихъ книгъ. Съ восхищеніемъ принялъ онъ привѣтъ русскаго и немедленно обратилъ разговоръ на духовныхъ писателей нашихъ прошлаго столѣтія. Умилительно говорилъ онъ

1) В. Григоровичъ, Очеркъ путешествія по Европейской Турціи, изд. II, 1877, стр. 55: «Я былъ встрѣченъ (въ Зографскомъ монастырѣ, на Аѳонѣ) весьма лестнымъ привѣтствіемъ выраженнымъ по русски (главные монахи познакомились съ русскимъ языкомъ, управляя своими богатыми мѣтохами въ Россіи)».

о Платонѣ Митрополитѣ, *котораго сочиненія нѣсколько разъ читалъ*, о другихъ нашихъ проповѣдникахъ, и заключилъ просьбою, прислать ему третій и четвертый томы Θεοφана Прокоповича»¹⁾.

Замѣчаніе Григоровича о Рыльскомъ монастырѣ можетъ быть съ неменьшею вѣроятностью повторено и относительно Аѳонскихъ болгарскихъ обителей, въ особенности Зографской и Хилендарской. Ученый путешественникъ жалуется, что когда онъ въ Зографѣ обратился «къ отцамъ распорядителямъ монастыря, изъ которыхъ главные были знакомы съ Россіей», съ просьбою показать ему монастырскія рукописи, Архимандритъ Анатолій, вмѣсто того, чтобъ ему открыть монастырскую библіотеку, показавъ ему свою собственную, состоящую изъ разныхъ печатныхъ книгъ, собранныхъ имъ въ С.-Петербургѣ, на толкунѣ²⁾.

Слѣдуетъ замѣтить, что уже родоначальникъ ново-болгарской письменности, отецъ Паисій, пользуется при составленіи своей болгарской исторіи *русскимъ* переводомъ *Мавро Орбини* и *Баронія*, которыхъ онъ могъ по всей вѣроятности найти въ Хилендарѣ³⁾.

Изъ вышесказаннаго и изъ характера приведенныхъ книгъ нужно заключить, что первыя книги, перенесенныя изъ Россіи въ Болгарію совсѣмъ не были только церковно-славянскіе буквари, часословы и псалтыри⁴⁾. Уже немногочисленные приведенные нами примѣры указываютъ, что по крайней мѣрѣ въ монастыряхъ, имѣлись *русскія историческія и богословскія сочиненія*⁵⁾. А судя по рукописи, находящейся теперь у меня, и со-

1) *Иб.*, стр. 132.

2) *Иб.*, стр. 55.

3) Другой нашъ историкъ прошлаго столѣтія «Іеросхимонахъ» Спиридонъ «отъ монастыря Нѣмца» въ Молдавіи, ставшій извѣстнымъ только въ послѣднее время, зналъ кромѣ того и русскій Синописисъ. См. «Кѣмъ въпроса за тый нареченитѣ прѣправки на Паисиевата история отъ В. Н. Златарски». Изъ С. Пер. Спис. LIX, 1899.

4) Ср. въ Царегр. газетѣ «Турція», г. V, № 82.

5) Л. Милетичъ сообщилъ мнѣ недавно интересный фактъ, что онъ нашелъ въ одномъ Дамаскинѣ, составленномъ въ Габровѣ въ 1792 г. и содержащемъ болѣе позднія приписки, буквальную копію съ *русскаго* столь попу-

ставленной вѣроятно въ концѣ прошлаго столѣтія, — иногда переходили въ Болгарію и нѣкоторыя старинныя *русскія грамматическія сочиненія*, вродѣ грамматики Смотрицкаго, упоминаемой еще въ 1851 г. извѣстнымъ тогда Скопскимъ учителемъ И. Х. Константиновымъ¹⁾ и найденной мною въ библіотекѣ отца Неофита Рыльского. (Впрочемъ, наши книжники того времени пользовались болѣе грамматикой серба Мразовича). Моя рукопись, очевидно переписанная какимъ нибудь западнымъ болгаринѣмъ, заключаетъ правила о «обученіе чиннаго чтеніа и писаніа», составленныя очевидно для южно-русса. Напр.: «Вмѣсто *ѡ* не глї *хѡ*: іакѡ Філіппъ, а не Хвѣліппъ, Фараѡнъ, а не Хвараѡнъ». Дальше: «Вмѣсто *ѣ* не глї *и*. Іакѡ пѣвцы, вѣнцы, вѣнчаются, а не пивцы, винцы, винчаются» и т. д. Интересно, что моя рукопись заключаетъ довольно большой списокъ «реченій съ произношеній себѣ подобящихся ѡбаче разлічіе іакѡже въ знаменованіи, сїце и писаніи ймущихъ», между которыми есть много чисто русскихъ словъ, переведенныхъ на болгарскій или для большей ясности на турецкій. Здѣсь на шести страницахъ находимъ мы и специально русско-болгарскій словарь, въ которомъ слова сгруппированы безъ всякой системы. Подъ заглавіемъ «Россійскій» приводятся 125 словъ, частію невѣрно переведенныя и большею частію съ неправильнымъ удареніемъ. Мы имѣемъ предъ собой въ данномъ случаѣ, быть можетъ, первый опытъ русско-болгарскаго словаря, какихъ мы встрѣчаемъ затѣмъ еще нѣсколько, начиная съ первой трети вѣка. — Но первые болгарскіе литераторы эпохи мѣстнаго возрожденія не ждали появленія полныхъ русско-болгарскихъ словарей, чтобъ черпать въ богатомъ источникѣ русской литературы, особенно педагогической. Нѣкоторые изъ нихъ, выучившись неизвѣстно гдѣ, порусски (въ Россіи или въ Румыніи?), занялись переводомъ учеб-

лярнаго потомъ и у насъ «Мартына Задѣка, швейцарскаго старика предсказаніе. СПбургъ 1798». — Копія сдѣлана въ 1826 г. нѣкимъ Даскаломъ «Ничолчомъ изъ Севалева, сыномъ Папа Недьова».

1) Цариградскій Вѣстникъ, 1851, № 83.

никовъ, для болѣе сложныхъ потребностей перваго болгарскаго общиннаго училища въ *Габровъ*, основаннаго переселившимися въ Одессу купцами Априловымъ и Палаузовымъ, съ помощью нѣсколькихъ болгарскихъ патріотовъ въ Букарештѣ. Отчасти самое это мѣсто, откуда пришло только что указанное педагогическое нововведеніе, не могшее не отозваться на цѣломъ ходѣ развитія болгаръ, отчасти русская подготовка инициаторовъ, должны были естественно втянуть новооткрытое заведеніе въ кругъ русскаго умственнаго вліянія. Это ясно замѣчается и въ первыхъ учебникахъ переведенныхъ для училища, какъ мы сказали уже, — съ русскаго языка.

Основаніе Габровскаго училища составляетъ такимъ образомъ знаменательную дату и въ исторіи болгарской литературы и болгарскаго литературнаго языка вообще, который долго колебался между западно и восточно-болгарскими діалектами. Оно нанесло и послѣдній ударъ приверженцамъ *греческой* школы у насъ. Негодованіе послѣднихъ ясно выражается въ предисловіи къ интересной книгѣ, вышедшей въ 1836 г. въ переводѣ нашего лучшаго тогда эллиниста, Райка Поповича «Христонейя»¹⁾. Въ высшей степени характерно, что уже тогда поднимается споръ о томъ, *откуда болгаринъ долженъ почерпнуть высшее образованіе. Долженъ ли онъ предпочитать греческую или русскую литературу?*

Райко Поповичъ не колебаясь предпочитаетъ первую — изъ практическихъ соображеній: «Нѣкоторые «ревнители» говорятъ, что всѣхъ вышеупомянутыхъ писателей²⁾, мы можемъ найти по церковнославянски и по русски, и не только ихъ, но и много другихъ... Славянскихъ и Россійскихъ (книгъ) много, но если мы заставимъ дѣтей учиться только по этимъ книгамъ, — они будутъ учиться безъ «сладоути» и невозможно, чтобъ въ ихъ сердцахъ породилась какая нибудь «истинна теплота и душевно скло-

1) Христонейя или благодѣяніе. Перев. съ греческаго Д. Н. Дарваря. 1836.

2) Подразумѣвая греческихъ.

неніе», потому что Болгарія не имѣетъ никакого отношенія къ Россіи. Некому имъ писать и не отъ кого отвѣтъ получать. Не съ кѣмъ имъ говорить. Тоже самое можно сказать и по отношенію къ славянскому. Поэтому оба эти языка въ Болгаріи мѣртвы и недѣйствительны и кажутся имъ ненужными: или даже, если и нужны, то всѣ три,—церковно-славянскій, русскій и болгарскій—остаются мѣстными. Греческому же—молодежь очень радуется и любитъ его, такъ какъ Болгарія неразлучно соединена съ Греціей».

Между первыми приверженцами русскаго вліянія у насъ, нужно упомянуть и переводчика Венелиновой брошюры «О зародышѣ новой болгарской литературы. М. 1838¹⁾», «губернскаго секретаря» *Михаила Кифалова*, который въ качествѣ русскаго чиновника владѣлъ хорошо русскимъ языкомъ. Въ предисловіи къ своему переводу онъ рекомендуетъ двѣ коренныя реформы: употребленіе гражданскаго шрифта вмѣсто церковно-славянскаго и окончательное опущеніе знаковъ ударенія. Важно, что въ обоихъ случаяхъ онъ ссылается на примѣръ «россіянъ». Но Кифаловъ настаиваетъ на томъ, чтобъ не только въ нѣкоторыхъ формальныхъ вопросахъ мы подражали русскимъ, но и заимствовали изъ ихъ богатой литературы, пока у насъ заведутся собственные «Ломоносовы, Карамзины и Венелины». Горячій приверженецъ идеи сближенія между русскими и болгарями, Кифаловъ преподнесъ 50 экземпляровъ своего перевода «въ честь Болгаріи» Санктъ-Петербургской академіи, Московской, Петербургской и Одесской библіотекѣ и «различнымъ великимъ лицамъ».

Первый учитель въ Габровскомъ училищѣ, *Отецъ Неофитъ Рылскій*, посланный нарочно въ Букарештъ для ознакомленія съ Ланкастерской методой, еще при самомъ открытіи заведенія собралъ 120 учениковъ; нѣкоторые изъ нихъ отправились продолжать свое образованіе уже не въ греческія училища, какъ было до тѣхъ поръ принято, — а въ Россію.

1) Заради возрожденіе новой Болгарской науки или словесности etc. Москва 1838.

Этотъ фактъ, такъ хорошо освѣщающій рѣшительную и сознательную перемѣну въ направленіи нашей національно-воспитательной политики, внесенную Априловымъ, — повторился и въ другихъ нашихъ училищахъ, открытыхъ по образцу Габровскаго: въ Пловдивѣ, Копривщицѣ и т. д., благодаря конечно и довольно въ то время снисходительному отношенію турецкаго правительства къ христіанскому населенію, которому султанъ Абдулъ Меджидъ какъ разъ тогда формальнымъ актомъ 22 октября 1839 г., знаменитымъ «Хати-Шерифомъ» объявлялъ торжественно полноправность.

Переворотъ, совершенный въ Болгаріи въ понятіяхъ о томъ, откуда болгарская молодежь должна черпать свое высшее образованіе, — встрѣтилъ полное сочувствіе въ русскихъ правительственныхъ и особенно въ *славянофильскихъ кружкахъ*; послѣдніе, начиная еще съ Погодина, оказывали самую ревностную поддержку нашей учащейся молодежи. Въ этомъ отношеніи, нельзя не отмѣтить и заслуги славянскихъ благотворительныхъ комитетовъ. Изъ записки заслуженнаго одесскаго болгарскаго патріота Н. Палаузова къ А. П. Озерову 1853 года, въ которой доказывается необходимость открытія спеціальнаго духовнаго училища въ Болгаріи, на томъ основаніи, что многіе изъ болгарскихъ молодыхъ воспитанниковъ, кончившихъ семинарію въ Россіи, или не возвращались въ Болгарію, или же не посвящали себя духовному званію, — мы узнаемъ, что еще въ 1840 году (т. е. 5 лѣтъ послѣ открытія Габровскаго училища) послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе принимать ежегодно четырехъ болгаръ, — въ Одесскую духовную Семинарію.

Такъ какъ значительная часть заслугъ Априлова и Палаузова въ созданіи культурнаго русскаго теченія въ Болгаріи, въ противоположность греческому, принадлежитъ первому преподавателю въ ихъ училищѣ, *отцу Неофиту Рыльскому*, то не безынтересно было бы узнать, насколько ему самому были извѣстны условія, при которыхъ приходилось развиваться нашему юношеству и затѣмъ зналъ ли онъ самъ русскій языкъ и могъ ли

пользоваться русской литературой? — На этотъ послѣдній вопросъ, можно, думаю, отвѣтить утвердительно, хотя мы еще не имѣемъ полной біографіи патріарха нашихъ педагоговъ. Неизвѣстно, посѣщалъ ли Неофитъ Россію, но судя по русскимъ цитатамъ и замѣткамъ о русскомъ языкѣ въ предисловіи къ его Грамматикѣ¹⁾, при которой находимъ, въ качествѣ приложенія, и маленькій словарь турецкихъ словъ въ переводѣ на болгарскій и «россійскій»; судя затѣмъ по запискамъ Григоровича, который въ 1845 г. имѣлъ случай видѣться съ Неофитомъ въ Рыльскомъ монастырѣ, послѣдній еще въ тридцатыхъ годахъ не былъ профаномъ въ русскомъ языкѣ, по крайней мѣрѣ въ грамматической литературѣ²⁾. Впослѣдствіи отецъ Неофитъ успѣлъ обогатить свою библіотеку русскими книгами, какъ видно, изъ его собственноручнаго каталога, печатаемаго нами теперь въ предстоящемъ 16 томѣ министерскаго «Сборника за нар. умотворенія etc.».

Когда Неофитъ былъ назначенъ учителемъ въ Габровскомъ училищѣ, онъ былъ уже человѣкомъ зрѣлаго возраста, около 42 лѣтъ, при томъ онъ представлялъ такую силу въ эту эпоху, что его отсутствіе изъ Болгаріи почувствовалось бы какъ большая потеря. Извѣстно, что послѣ того, какъ онъ оставилъ Габровское училище, онъ былъ позванъ въ Копривщицу и т. д. Эта его апостольская миссія и его уже не молодые годы воспрепятствовали, навѣрное, Палаузову и Априлову предложить ему дополнить свое образованіе въ Россіи. Но уже о Неофитовомъ ученикѣ З. Княжескомъ, замѣстникѣ его въ Габровѣ, Венелинѣ

1) Болгарска Грамматика сега перво сочинена etc. Крагуевацъ, 1836.

2) Вотъ что пишетъ Григоровичъ op. cit., стр. 129: «Отецъ Неофитъ замѣчательный автодидактъ. Родомъ изъ Бани, что въ Разложскомъ округѣ, съ ранней юности онъ посвятилъ себя духовному званію. Одаренный пытливостью и твердымъ характеромъ, при самыхъ ограниченныхъ средствахъ, онъ приобрѣлъ познанія, кромѣ славянскаго, въ греческомъ древнемъ и новомъ, русскомъ и сербскомъ языкахъ. Нельзя повѣрить, какъ малы пособія, которыми пользовался онъ въ своихъ трудахъ. Въ русскомъ языкѣ напр. одинъ лексиконъ и писмовникъ Курганова были его постоянными руководителями, съ которыми онъ успѣлъ столько, что выражается нашимъ языкомъ съ замѣчательною легкостью».

сообщаетъ, что его «г-нъ Палаузовъ и Априловъ выписали на два года въ Одессу для усовершенія въ наукахъ»¹⁾. Съ той же цѣлью съ тридцатьдевятого года рѣшаются и другіе ученики Неофита учиться въ Россіи и прежде всего въ Одессѣ. И съ тѣхъ поръ наплывъ нашей молодежи въ русскія учебныя заведенія постоянно увеличивается.

Вотъ какъ описываетъ упомянутый Захарій Княжескій въ одной запискѣ, составленной имъ и напечатанной въ «Письмахъ къ М. П. Погодину изъ Славянскихъ земель» (М. 1880, выпускъ III, стр. 712—3), первые шаги нашихъ учениковъ въ Россіи: «Молодые болгаре съ 1839 года какъ трудолюбивыя пчелы нашли. . . . въ Россіи для себя изобилующихъ медомъ пѣтловъ, не щадя ни издержекъ, ни здоровье свое, всячески старались приобрѣсть по возможности всего того, что нужно для любимой ихъ родины: мы съ удивленіемъ смотрѣли на необыкновенныя ихъ занятія, и неліцемерной приверженности къ Болгаріи, каждый изъ нихъ безкорыстно старался принести ей свою лепту. Въ 1845 году уже два изъ нихъ окончили полный курсъ наукъ, одинъ въ Ришельевскомъ Лицеѣ, Найдень Геровъ, другой въ Одесской Семинаріи, Захарій Княжескій».

О Найдень Геровѣ, который послѣ окончанія своего ученія, сдѣлался учителемъ въ своемъ родномъ городкѣ и самымъ дѣятельнымъ распространителемъ *русскаго языка*, скажемъ нѣсколько словъ дальше; здѣсь остановимся на другомъ изъ первыхъ окончившихъ въ Россіи учениковъ Неофита, именно Захаріи Княжескомъ, которому особенно принадлежитъ заслуга распространенія *русскихъ книгъ* въ народѣ около 50-хъ годовъ этого вѣка.

Изъ одного очень интереснаго его письма къ Погодину, писаннаго въ 1847 г.²⁾, мы узнаемъ, что «послѣ окончанія полного курса наукъ» онъ получилъ «отъ болгаръ приказаніе отправиться не въ Болгарію, а въ С.-Петербургъ, для исходатайствованія

1) О зародышѣ, стр. 43.

2) Письма къ М. П. Погодину изъ слав. земель (1835—1861). Съ примѣчаніями Д. Ч. Нила Попова, М. 1880, вып. III, 709 сл.

отъ высшаго начальства нѣкоторыхъ пособій относительно къ образованію Болгаръ».

Получивши такую миссію (отъ какихъ болгаръ, не говорится опредѣленно) онъ отправился въ столицу, гдѣ пробылъ отъ 20 Января 1846 г. до 25 Апрѣля 1847 г. и успѣлъ дѣйствительно исходатайствовать цѣлый рядъ пособій, состоящихъ изъ: 1) *стипендій* для болгарскаго юношества и не только въ духовныхъ училищахъ, но и въ С.-Петербургскомъ Университетѣ, Медико-хирургической Академіи и въ Практическомъ Технологическомъ Институтѣ. Эти щедрыя пожертвованія такъ важны и такъ характерны, какъ проявленіе уже очень живой симпатіи русскаго правительства и общества къ образовательнымъ стремленіямъ болгаръ, что я себѣ позволю привести пассажъ изъ вышеупомянутаго письма Княжескаго къ Погодину, гдѣ подробно вычисляются всѣ пожертвованія съ обозначеніемъ жертвователей¹⁾.

«1) Въ теченіе этихъ 15 мѣсяцевъ я исходатайствовагъ 13 казенныхъ вакансій для болгарскаго юношества. А именно въ С.-П.-бургской и Московской Семинаріяхъ по 4 человѣка чрезъ каждые 2 года и по окончаніи курса семинарскихъ наукъ переводить оныхъ въ Духовныя Академіи С.-П.-бургскую и Московскую, а изъ Одесской Семинаріи переводить въ Кіевскую Академію, и такъ эти 14 болгаръ будутъ принимаемы въ Константинополѣ въ нашегъ посольствѣ и отправляемы на казенный счетъ въ упомянутыя Духовныя заведенія, такимъ же образомъ и по окончаніи курса будутъ возвращаемы въ Болгарію на сумму Духовно-учебныхъ капиталовъ.

2) Въ С.-П.-бургскомъ университетѣ одну вакансію казенную навсегда для болгарскихъ юношей.

3) Двѣ казенныхъ вакансіи навсегда въ Императорской Медико-Хирургической Академіи.

4) Въ Практическомъ Технологическомъ Институтѣ двѣ вакансіи навсегда.

1) *Иб.*, стр. 710—712.

5) Св. Синодъ пожертвовалъ всѣ свои изданія по 1 экз. для Болгарской Публичной Библіотеки на сумму 750 р. сер.

6) Медицинская Академія пожертвовала около 60 названій книгъ отъ своихъ изданій.

7) Духовная Академія также пожертвовала за всѣ годы «Христіанское чтеніе» по 2 экз. которыхъ и въ будущее время будетъ отпускать онимъ.

8) Топографическое Депо также отпустило безвозмездно 65 экз. картъ и плановъ для болгарскихъ училищъ.

9) Также пожертвовано для Библіотеки «Полное собраніе Россійскихъ Законовъ и Свода Законовъ» 1842 г. въ чистомъ переплетѣ 115 томовъ огромныхъ.

10) Министерство Нар. Пр. пожертвовало по 1 экз. своихъ изданій для всѣхъ болгарскихъ училищъ, кромѣ того отпустило за всѣ годы своего журнала и впередъ будетъ отпускать онаго по 2 экз.

11) Министерство Вн. Дѣлъ также отпустило и будетъ отпускать своего журнала по 2 экз.

12) Департаментъ Мануфактуры отпустилъ за всѣ годы своего журнала и навсегда будетъ отпускать онаго, кромѣ того отпустилъ два ящика (sic) земледѣльческихъ моделей.

13) Императорское Вольное Общество пожертвовало для всѣхъ болгарскихъ училищъ по 1 экз. изъ всѣхъ своихъ трудовъ и изданій.

14) Императорская Академія Наукъ также пожертвовала до 200 названій изъ своихъ кладовыхъ для Болгаріи.

15) *Отъ частныхъ лицъ собрано болѣе 30 пудовъ книгъ разнаго содержанія.*

16) Св. Синодъ пожертвовалъ для Болгаріи изъ Моск. Син. Типографіи *два станка* для болгарской типографіи и 4 сорта славянскаго шрифта, матрицы и 4 гражданскаго шрифта.

17) Кромѣ того по моей просьбѣ Св. Синодъ послалъ указы митрополитамъ С.-П.-бургскому, Московскому и Кіевскому и 10 архіепископамъ и епископамъ, дабы каждый изъ нихъ предло-

жилъ церквамъ въ своей епархіи пожертвовать для болгарскихъ бѣдныхъ церквей всякія священническія облаченія, Евангелія, кресты, чаши, диски, воздухи и все принадлежащее къ церковному украшенію, что изъ С.-П.-бургской Епархіи отправлено уже 30 яхчыковъ (sic) въ Одессу таковыхъ облаченій и посудъ.

18) Журналы «Современника» и «Финскаго Вѣстника» отпущены за всѣ годы и впередъ будутъ отпускатся.

Длинный списокъ Княжескаго и характеръ подаренныхъ предметовъ показываютъ, что русское правительство и общество отнеслись съ полнымъ довѣріемъ къ миссіи уполномоченнаго болгарами делегата. Изъ переписки Княжескаго съ Погодинымъ видно, что послѣдній особенно ему помогъ своими рекомендаціями, хотя инициатива и не принадлежитъ ему. (Въ одномъ письмѣ 23 Августа 1847 г. Погодинъ именуется «Милостивымъ отцомъ всѣхъ Болгаръ»)¹⁾. Несомнѣнно, что и другіе вліятельныя лица поддерживали просьбу Княжескаго, иначе матеріальный успѣхъ не былъ бы столь блестящъ. Самая идея делегата — не только добыть побольше правительственныхъ стипендій, но и основать центральную народную библіотеку въ Старой-Загорѣ, встрѣчена была всюду сочувственно. Однакоже проекты Княжескаго не осуществились вполне. Неизвѣстно почему, идея центральной библіотеки осталась только на бумагѣ. Помѣшало ли, въ данномъ случаѣ, турецкое правительство или греческое духовенство, — нельзя сказать съ увѣренностью; но что эта неудача столь прекраснаго плана не зависѣла отъ воли самого Княжескаго, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, въ виду искренняго патріотизма, который онъ показалъ и въ послѣдствіи во многихъ случаяхъ. Несмотря на все это, подаренныя книги, хотя и не послужили для основанія всенародной библіотеки, не пропали безслѣдно. Какъ мнѣ удалось узнать, онѣ были распространены самимъ Княжескимъ по библіотекамъ нѣсколькихъ училищъ, гдѣ и теперь есть слѣды ихъ. Кто знаетъ, можетъ быть, разрозненныя

1) Письма къ М. П. Погодину, etc. вып. III, стр. 716.

такимъ образомъ, эти книги принесли больше пользы, чѣмъ еслибъ онѣ были спрятаны въ *одной* хотя и центральной библиотекѣ.

Все это заставляетъ насъ считать Княжескаго, дѣйствительно, не только самымъ раннимъ, но и однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ распространителей русской литературы между болгарами. Привезенныя Княжескимъ и подаренныя разнымъ болгарскимъ городамъ русскія книги, вмѣстѣ съ добытыми во время военныхъ походовъ и черезъ монастыри, при всей своей пестротѣ, составляли уже нѣкоторую, хотя и слабую основу для желающихъ сколько нибудь познакомиться съ русской литературой.

Оставалось только, чтобъ нашлись лица, которыя распространяли бы и *знаніе русскаго языка*, послѣ того какъ была распространена *русская книга*.

Эту важную задачу первый взялъ на себя *Найденъ Геровъ*, товарищъ Княжескаго, окончившій вмѣстѣ съ нимъ ученіе, и назначенный еще въ 1846 г. учителемъ въ Копривщицѣ, гдѣ между другими предметами преподавалъ и русскій языкъ.

Примѣру Герова послѣдовали и другіе русскіе воспитанники, позднѣе окончившіе и имѣвшіе случай послужить своему отечеству въ качествѣ учителей: *Ботѣ Петковъ* въ Калюферѣ, *Отецъ Атанасій Чолаковъ* въ Панегюрищѣ, *Димитрій Поповъ* въ Карловѣ, *Никифоръ Константиновъ* въ Еленѣ и Пазарджикѣ, *Н. Михайловскій*, *Момчиловъ* и др. — Біографъ современнаго болгарскаго писателя Вазова говоритъ ясно, что послѣдній учитель поэта въ Сопотѣ, Партеній Бѣлчевъ, воспитанникъ Кіевской духовной семинаріи, «что бы сдѣлать доступными своимъ ученикамъ богатства русской литературы, рѣшился учить ихъ по русски и ввелъ въ свои классы обязательное обученіе русскаго языка»¹⁾.

Всѣ эти учителя, окончившіе свое образованіе въ Россіи, были принуждены, при тогдашней бѣдности нашей педагогиче-

1) См. Юбилея на Ив. Вазова, стр. 4.

ской литературы, употребляютъ русскіе учебники, изъ которыхъ диктовали своимъ ученикамъ, а иногда давали имъ въ руки и самый оригиналъ.

Однако надо замѣтить, что исключая Найдена Герова, который пріѣхалъ въ Болгарію уже русскимъ подданнымъ, другіе учителя, по скольку мнѣ извѣстно, не осмѣливались преподавать русскій языкъ какъ отдѣльный предметъ, а подъ названіемъ Староболгарскаго. Единственный примѣръ, гдѣ русскій языкъ предвидѣлся какъ спеціальныи предметъ въ учебномъ планѣ нашихъ училищъ, я встрѣтилъ до сихъ поръ только въ Старозагорскомъ дѣвичьемъ классномъ училищѣ, основанномъ первыми нашими дѣвушками, получившими гимназическое образованіе въ Россіи.

Какъ бы то ни было, официально или тайно, преподаваніе русскаго языка идетъ непрерывно, можно сказать, со времени Найдена Герова; вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается и количество русскихъ книгъ.

Каждый русскій воспитанникъ естественно привозилъ съ собой хотя маленькую библіотечку учебниковъ и другихъ сочиненій. Такъ напр. І. Груевъ, бывшій директоръ Народнаго Просвѣщенія въ Восточной Румелии, сообщаетъ мнѣ, что онъ пользовался русскимъ журналомъ «Библіотека для чтенія», найденнымъ имъ между русскими книгами Герова. Нѣкоторыя училища и частныя лица прибѣгали къ добрымъ услугамъ русскихъ дипломатическихъ представительствъ, которыя съ удовольствіемъ брали на себя легкую и безопасную для нихъ коммиссіонерскую должность. Преимущественно такимъ образомъ доставлялись книги Габровской гимназіи. Кромѣ того и старые способы добыванія изъ Россіи книгъ продолжали практиковаться. Часто и въ эту эпоху книги переносились *монахами*. Такъ въ 1863 г., когда отецъ Герасимъ Рыльскій отправился въ Россію собирать подаваніе на Арабовскій монастырь, Груевъ попросилъ его купить ему нѣкоторыя сочиненія новѣйшихъ русскихъ писателей. Русскія книги разносилъ по Болгаріи первый нашъ книгопродавецъ, *Хаджи Найдено Іовановичъ* изъ Татаръ-Пазарджика

(книгопродавецъ по всей Болгаріи). Наконецъ не нужно забывать, что нѣкоторыя училищныя библіотеки снабжались русскими книгами черезъ посредство своихъ согражданъ, проживавшихъ за границей.

Какія именно книги, кромѣ учебниковъ доставлялись, едва ли когда нибудь можно будетъ точно установить; но что попадались иногда и беллетристическія произведенія, видно изъ интересныхъ записокъ Любена Каравелова въ его газетѣ «Знамя»¹⁾, гдѣ онъ рассказываетъ какъ началъ изучать русскій языкъ въ Пловдивѣ около 1849—1850 г. съ помощью случайно найденныхъ книгъ. Надо все-таки констатировать, что между русскими книгами, извѣстными Каравелову еще изъ Пловдива («Рыцари Лебеда или дворъ Великаго Карла», «Жизнь Наполеона Бонапарта», «Превращенія Овидія», «Разговоры російско-греческо-французскіе») не упоминается ни одинъ изъ русскихъ беллетристовъ или поэтовъ. Груевъ ясно утверждаетъ, что кромѣ учебниковъ у большинства тогдашнихъ учителей, окончившихъ образованіе въ Россіи, рѣдко имѣлись другія книги. Болѣе посчастливилось только Вазову съ его послѣднимъ учителемъ въ Сопотѣ, упомянутымъ Партеніемъ Бѣлчевымъ. Этотъ наивный и восторженный идсалистъ часто декламировалъ громогласно ученикамъ своимъ стихотворенія Державина, Ломоносова, Хомякова и другихъ русскихъ поэтовъ²⁾. Однако П. Бѣлчевъ былъ исключеніемъ, при томъ же онъ былъ сравнительно моложе. Вообще интересъ къ русской беллетристикѣ и поэзіи у большинства нашихъ старыхъ русскихъ воспитанниковъ, кажется, необыкновенно слабымъ.

Этимъ объясняется главнымъ образомъ и поразительная скудость переводовъ изъ русской изящной литературы, вообще, а также случайность выбора.

За всю эпоху отъ 40-хъ до 60-хъ годовъ, когда подростаетъ

1) *Знамя*, Букурештъ, 1874, № 3, стр. 11.

2) Юбилея на Ив. Вазова etc. стр. 5.

новое поколѣніе, съ новыми стремленіями и общественными идеалами и когда готовится почва для нашей эмигрантской литературы, съ Любеномъ Каравеловымъ во главѣ, — мы находимъ только два-три перевода русскихъ беллетристическихъ сочиненій: «*Дворянскіе Выборы*», (комедія водевилъ въ 1 дѣйствіи. Кишиневъ 1843), «*Бѣдная Лиза*» Карамзина («Сирота Цвѣтана», повѣсть Карамзина «поболгаренная» І. Груевымъ и «*Райна, Королева Бомарская*» Вельтмана (въ перев. Ел. Мутьевой и І. Груева).

Дѣйствительно въ тѣ годы, которые мы теперь изучаемъ, болгарская литература развивалась главнымъ образомъ при посредствѣ газетъ и журналовъ, но и въ періодической печати мы не находимъ ни одного важнаго произведенія русской изящной литературы. Что особенно характерно, это то, что почти всѣ наши писатели держатся какихъ то допотопныхъ представленій о русской беллетристикѣ. Изъ всего видно, что Карамзинъ еще самый новый изъ извѣстныхъ тогда у насъ русскихъ авторовъ. — 1858 г. Груевъ «поболгариваетъ» его «Бѣдную Лизу», но еще пять лѣтъ раньше Т. Н. Шишковичъ объявляетъ въ «Цареградскомъ Вѣстникѣ» (1853, № 148), что начнетъ изданіе «Библиотека для Чтенія» съ выдержками изъ разныхъ книгъ; въ ней онъ имѣлъ намѣреніе помѣстить какую то статью о «Петрѣ Первомъ русскомъ Царѣ» и свои записки изъ Карамзинскихъ «Переводовъ» и «Сочиненій». По неизвѣстнымъ причинамъ эта Библиотека не вышла въ свѣтъ; однако въ фельетонѣ той же газеты (№ 154) мы находимъ, какъ образецъ, переводъ изъ Карамзина «островъ Борнигольмъ» (перевелъ Т. Н. Шишковичъ, рассказъ русскаго путешественника К.).

Познанія нашихъ литераторовъ того времени о русской беллетристикѣ видимо остановились еще въ пятидесятыхъ годахъ на Карамзинѣ, хотя уже прошло полтора десятка лѣтъ со смерти Пушкина!

Впрочемъ и за то еще приходится быть благодарнымъ, такъ какъ въ случайныхъ цитатахъ газетныхъ статей и корреспон-

денцій обнаруживаются еще болѣе архаичныя понятія. Такъ на-
примѣръ старый *Кипиловскій*, переводчикъ первыхъ учебниковъ
для Габровскаго училища, въ одномъ письмѣ 1850 года, въ ко-
торомъ возмущается по поводу нововведеній въ правописаніи и
языкѣ, приводитъ въ доказательство того, что сложная орфографія
не мѣшаетъ литературѣ развиваться, — великую славу русскихъ
«просвященныхъ мужей» Дмитрія Ростовскаго, Платона и Дер-
жавина! — Добродушный Кифаловъ мечтаетъ въ 42 году, какъ
бы намъ имѣть своихъ Ломоносовыхъ. Даже еще учитель Ва-
зова въ 1865 году, декламируетъ своимъ ученикамъ главнымъ
образомъ изъ Державина и Ломоносова. Но всего характернѣе
что въ 1853 году (№ 134 Царегр. Вѣстника) извѣстный тру-
женикъ по Скопскому возрожденію, Іорданъ Хаджи Константи-
новъ (Джинотъ)¹⁾ называется:

*«Философъ Скопскій
Наши Тредьяковскій!»*

И редакція отмѣчаетъ — что это «похвальные стихи» ученыхъ
въ Цариградѣ.

Всѣ эти курьезные факты наводятъ насъ на мысль, что наши
писатели середины этого столѣтія не только не имѣли возмож-
ности, но и *желанія* познакомиться съ болѣе новой русской лите-
ратурой послѣ Карамзина и пользовались главнымъ образомъ
тѣмъ, что находили въ училищныхъ библіотекахъ, часто непо-
полняемыхъ со времени Княжескаго.

Къ этимъ устарѣлымъ понятіямъ подходитъ вполне и первая
статейка, которую находимъ въ нашей печати — о русской лите-
ратурѣ. Она была помѣщена въ Цареградскомъ Вѣстникѣ еще
въ 1848 году (Д. № 13) и представляетъ для насъ интересъ не
только по своей наивности, некритичности и архаичности, но и
потому, что была напечатана подъ редакціей Ивана Андреова
(позже Д-ра Богорова), который въ качествѣ русскаго воспитан-

1) Ср. Български Прегледъ, III, кн. 4, стр. 85 сл. Статья В. Кличева.

ника, долженъ былъ бы хотъ знать, что Пушкинъ не *сатирикъ*! Эта статья важна между прочимъ и потому, что она до появленія «Исторіи Славянскихъ Литературъ» Йорд. Иванова¹⁾, осталась единственнымъ общимъ обзоромъ русской литературы; поэтому я позволю себѣ привести изъ нея обширныя выдержки.

«Тотъ кто желаетъ глубже изслѣдовать и правильно судить о литературѣ другого народа, долженъ вспомнить когда она была въ пеленкахъ. Рожденіе просвѣщенія въ Россіи считается со времени Великаго Петра, а прежде этого славнаго самодержца, просвѣщеніе существовало только въ монастыряхъ, откуда появились русскія сочиненія, большей частью русскаго клира, между которыми и лѣтопись монаха Нестора. . .

«Такъ какъ переводы дѣлались большей частью съ греческаго, поэтому старо-русскій языкъ очень похожъ на греческій. . .

«Въ то время вышло въ свѣтъ много басень и героическое стихотвореніе съ надписью «Разказваніе за бойтъ на Князь Игоря къ Половцѣтъ», чудное стихотвореніе старыхъ книжниковъ. . .

«Наконецъ вышли различныя *трагедіи*, которыя приписываются стихотворцу *Блѣю* (sic), котораго называютъ соловьемъ всѣхъ временъ, хотя многіе изъ молодыхъ спорили, что это имя относится въ Россіи ко всѣмъ стихотворцамъ, которые пѣли на Царскихъ праздникахъ подвиги царскихъ намѣстниковъ».

«Наконецъ остроумный мужъ Великій Петръ познавъ, что правители чѣмъ болѣе учены, тѣмъ болѣе бываютъ славны и благополучны, положилъ основу въ С.-Петербургѣ первой русской Академіи, которую онъ не могъ видѣть оконченной, такъ какъ былъ унесенъ смертью среди своихъ безсмертныхъ трудовъ».

«Во время Великаго Петра жилъ Новгородскій митрополитъ Теофилъ (sic) Прокоповичъ, замѣчательный первосвященникъ по своему большому образованію и церковному краснорѣчію. Онъ всѣмъ сердцемъ помогъ добрымъ идеямъ этого управителя, со-

1) История на Славянскитѣ литературы. Отъ Йорданъ Ивановъ. Пловдивъ, 1896 г.

вѣтникомъ котораго онъ былъ. Между оставшимися сочиненіями этого первосвященника есть и надпись (sic) на гробѣ Петра Великаго, которая считается первымъ ораторскимъ произведеніемъ (Говореніе на ораторство). «Труды Великаго Петра въ пользу просвѣщенія русскаго народа, скоро принесли ожидаемыя послѣдствія. Такъ какъ скоро послѣ этого въ Россіи появился первый литературный памятникъ, Сатиры Князя Антиоха Кандемира (sic), родившагося въ Цареградѣ 1709 г., сына Молдавскаго управителя Димитрія Кандемира, который перешелъ на русскую службу и воспиталъ сына своего Антиоха въ русской Академіи въ С.-Петербургѣ, основанной Петромъ Великимъ. Многіе молодые критики сравниваютъ Князя Кандемира съ Горациемъ, которому онъ «весьма разумно» въ многихъ мѣстахъ подражалъ».

«1710 г. появился *нѣкій новый, называвшійся Ломоносовымъ*, очистилъ русскій языкъ отъ чужихъ словъ и выраженій («Фразове»). Первый онъ написалъ русскую грамматику, составилъ ораторское руководство и сочинилъ всевозможныя стихотворенія. Чудесное величіе фантазіи блещетъ повсюду въ его стихотвореніяхъ, а больше всего въ стихотвореніи, носящемъ названіе «*Трагедіи Мира*», въ которомъ, по мнѣнію критиковъ, находятся различныя и чудесныя «стихотворства». Въ 1803 г. Академія художествъ (авторъ пишетъ «академія на занаятитѣ», что значитъ собственно А. *ремесль*!) напечатала третье изданіе его сочиненій въ шести частяхъ».

«Во время царицы Елизаветы или 1750 г. была введена въ Россіи мелодрама Оеодора Волкова и немного позже поэзія Сумарокова, которыя создали въ Россіи первый русскій театръ, по приказанію этой царицы. Но эта эпоха предшествовала другой болѣе свѣтлой, — эпохѣ царицы Екатерины Второй, которая не только поощряла и подкрѣпляла просвѣщеніе во всемъ своемъ царствѣ, но и сама, часто занимаясь языками и искусствами, отдыхала отъ гражданскихъ тревогъ. Эта славная управительница своимъ примѣромъ вдохнула такое стремленіе къ ученію своему народу, что въ ея царствованіе, открылась въ Москвѣ первая

публичная типографія Новикова, въ которой были переведены и вышли въ свѣтъ почти всѣ эллинскія стихотворенія и сочиненія».

«Съ этой славной эпохи появились въ Россіи разные стихотворцы и писатели на *различныхъ языкахъ*, между которыми и одинъ изъ баснописцевъ, Крыловъ, *сатирикъ* (sic) Пушкинъ, книжовникъ Гябдичъ и опытный который очистилъ и исправилъ русскій языкъ отъ чужихъ словъ и фразъ, знаменитый исторіографъ этого народа Карамзинъ и разные церковные писатели, какъ то архіепископъ Петербургскій и Новгородскій Михаилъ Дѣспинскій, Московскій Филаретъ, Казанскій Амвросій, Кіевскій Евгений и мн. другіе, число и описаніе которыхъ не есть нѣчто для краткаго описанія въ Периодическомъ изданіи».

Вотъ каковы познанія нашихъ «ученѣйшихъ мужей» по русской литературѣ около середины нашего вѣка! — Не слѣдуетъ впрочемъ забывать, до какой степени невѣрные воззрѣнія встрѣчаются у насъ на отдѣльныя явленія въ русской литературѣ, даже въ 70-хъ годахъ, даже въ руководствахъ по словесности Шишкова и Войникова, которые приводятъ въ числѣ самыхъ великихъ русскихъ драматурговъ *Тургенева*. Шишковъ, составившій свое руководство главнымъ образомъ по Минину и наполнившій его цѣлой кучей образцовъ изъ русскихъ поэтовъ въ оригиналѣ, преспокойно пишетъ: «Русскіе Пушкинъ, Кукольникъ, Островскій, Писемскій, а самый новѣйшій между ними талантливый писатель (драматикъ) появился *Тургеневъ*¹⁾. Тоже самое твердитъ годъ позже и Войниковъ: «Самые извѣстные драматическіе поэты у русскихъ суть: Пушкинъ, Островскій и *Тургеневъ*»²⁾.

До сихъ поръ мы слѣдили за вліяніемъ главнымъ образомъ русской *прозы* на болгарскую и констатировали, что вліяніе это весьма слабо.

Посмотримъ теперь, насколько сильно было вліяніе русской *поэзіи* и въ чемъ оно состояло. Для этой цѣли мы пересмотрѣли

1) *Элементарна словесность въ два Курса* отъ Т. Н. Шишкова, т. I. Цградъ 1878, стр. 187.

2) *Руководство за Словесность* отъ Д. П. Войникова, Віена 1874, стр. 217.

всѣ поэтическіе опыты, напечатанные въ нашихъ старыхъ періодическихъ изданіяхъ, въ особенности въ первомъ и второмъ томѣ «Царегр. Вѣстника». И тутъ дѣйствительно оказалось, что есть громадная разниа между произведеніями нашихъ болѣе старыхъ «дидаскаловъ» поэтовъ и первыми стихотвореніями Славейковыхъ и Чинтуловыхъ, явно уже подражающихъ русскимъ.

Вообще нигдѣ русское вліяніе въ нашей болѣе старой литературѣ нельзя такъ ясно прослѣдить, какъ въ поэзіи. Тутъ можно дѣйствительно говорить о настоящемъ переворотѣ. Не трудно замѣтить коренную перемену какъ въ идеяхъ такъ и въ формѣ, какъ въ чувствахъ, выражаемыхъ поэтомъ, такъ и въ манерѣ ихъ передачи. Поэтический стиль отличается рѣзко отъ стиля предыдущей эпохи. При этомъ первый разъ являются и настоящіе талантливые поэты. При пересмотрѣ «Царегр. Вѣстника» легко замѣтить, что подвизающіеся въ немъ поэты почти безъ исключенія «даскалы». Общую черту всѣхъ этихъ пѣнтовъ составляетъ ихъ безыдейность. Ихъ стихотворенія похожи между собой какъ двѣ капли воды и по бездарности и по безсодержательности.

Вдругъ на страницахъ этого самого «Цареградскаго Вѣстника» одновременно появляются *Славейковъ* и *Чинтуловъ* и поэзія какъ бы по мановенію магическаго жезла совершенно преобразается. Подъ чьимъ вліяніемъ происходитъ этотъ переломъ, указано ясно Славейковымъ, напечатавшимъ въ 49 году стихотвореніе *Гробъ («отъ русски»)*¹⁾. Стихи Чинтулова *«Проводы болгарина изъ Одессы»*²⁾ также прекрасно показываютъ, кто были учителями поэта. — Славейковъ еще борется съ трудностями новой поэтической формы, къ которой не привыкъ. Какой прогрессъ въ техническомъ отношеніи между только-что указаннымъ переводомъ и изящнымъ переводомъ того же Славейкова Пушкинской сказки «О рыбацѣ и рыбкѣ!» Какъ бы нарочно для того, чтобы сдѣлать указанный переворотъ болѣе нагляднымъ, Сла-

1) Царегр. Вѣстникъ, 1849, № 43.

2) Id. 1849 г., № 59. Стих. Д. П. Ч. «Испроводякъ на едного болгарина изъ Одессы».

вейковъ (тогда Славейскій) оставилъ намъ нѣсколько стихотвореній, писанныхъ въ старой даскальской манерѣ; одно изъ нихъ было даже напечатано въ томъ же 1849 году подъ заглавіемъ: «Второй Тырновскій пожаръ». Никто бы не повѣрилъ, что это стихотвореніе переводчика «Гроба».

Чинтуловъ, въ качествѣ русскаго воспитанника, еще съ юношескихъ лѣтъ испытавшій на себѣ вліяніе русской поэзіи, естественно уже въ первыхъ своихъ стихотвореніяхъ обнаружилъ большее мастерство формы, чѣмъ Славейковъ, автодидактъ, научившійся русскому языку въ Болгаріи. Однако позднѣе Славейковъ въ этомъ отношеніи далеко превзошелъ и Чинтулова и всѣхъ болѣе молодыхъ поэтовъ. Не удовлетворившись рабскимъ подражаніемъ русской поэзіи, онъ попробовалъ создать оригинальный болгарскій поэтический стиль.

Стихотворенія, написанныя въ новой манерѣ, скоро пресѣкли струю даскальской поэзіи, которая съ 1852 г. перестаетъ наполнять столбцы Цареградскаго Вѣстника. Характерно, что на ея мѣстѣ появляются прекрасныя, чисто-народныя пѣсни. А рядомъ встрѣчаемъ даже переводы изъ Шиллера (*Des Mädchens Klage*) и изъ Гете (Вильгельмъ Мейстеръ; «*Kennst du das Land*»). Переводчикъ этой пѣсни, опять русскій воспитанникъ Н. Катрановъ—прототипъ Тургеневскаго Инсарова, къ несчастію умершій прежде чѣмъ развилась его богато одаренная натура.

Слѣдующему поколѣнію поэтовъ осталось только продолжать начатую еще въ 50-хъ годахъ реформу, сдружившись еще тѣснѣе съ русской музой.

При другихъ условіяхъ новое теченіе произвело бы реакцію; но отсутствіе всякой литературной традиціи, какихъ бы то ни было вліятельныхъ литературныхъ школъ — сдѣлало торжество новыхъ поэтовъ очень легкимъ.

Замѣтимъ здѣсь интересный фактъ, что въ 50-хъ-годахъ ходили въ народѣ нѣкоторыя русскія пѣсни даже въ *оригиналь*. Такъ напримѣръ въ одномъ маленькомъ моемъ рукописномъ сборникѣ пѣсenni («собранныхъ въ лѣто Христова 1850»), находимъ

между прочимъ «Боже царя храни» и при томъ въ вариантѣ, который только отчасти напоминаетъ гимнъ Жуковского и подобное стихотвореніе Пушкина¹⁾. Курьезно, что русскій гимнъ, перенесенный въ Болгарію какимъ нибудь русскимъ воспитанникомъ, послужилъ позднѣе другому русскому воспитаннику для составленія по его образцу «Молитвенной пѣсни о здоровіи и долгоденствіи милостивѣйшаго Султана Абдуль Меджида», пропѣтый на экзаменѣ учениками Габровской школы, «такъ хорошо и умильно, что многіе присутствующіе, мужчины и женщины, отъ умиленія пролили слезы»²⁾.

Тѣсныя рамки этого изслѣдованія не позволяютъ намъ прослѣдить основательнѣе ростъ русскаго вліянія послѣ 60-хъ и 70-хъ годовъ. Извѣстно; что новая школа успѣла чрезъ русскихъ воспитанниковъ Богорова, Бурмова и др. овладѣть самымъ вліятельнымъ нашимъ литературнымъ органомъ «Цариградскими Книжицами». Старая реакція, исходившая отъ Райно Поповича, основывавшаяся только на чисто практическихъ доводахъ, давно замолкла. Никто не смѣетъ уже твердить, что изученіе *греческаго* языка полезнѣе для болгаръ, чѣмъ русскаго. Вопросъ идетъ теперь иногда только о томъ, кому отдать предпочтеніе — Востоку (Россіи) или Западу? Но если послѣ 60-го года начинается новая реакція, то она имѣетъ скорѣе политическій характеръ и вытекаетъ изъ здравыхъ принциповъ національной независимости. Особенно сильно отражается политическая реакція въ органѣ церковной Уніи, «*Бомаринъ*», которая не можетъ и относительно литературы и языка не поддерживать теченіе, противное русско-православному. Не менѣе враждебно настроена и партія «молодыхъ», органомъ которой служила газета «*Турція*»³⁾. Здѣсь мы видимъ болѣе сознательное отношеніе къ задачамъ, связаннымъ съ нашими политическими отношеніями, въ особенности къ вопросу о литературѣ и языкѣ, но редація очевидно опоздала

1) Сочин. А. С. Пушкина. Изд. общ. для пособ. нужд. литер. etc. т. I, 155.

2) Цар. Вѣстн. ч. VIII, 1858, № 391.

3) Турція, ч. IX, № 23, 39.

съ своей проповѣдью принципа, высказаннаго въ первый разъ, въ одной корреспонденціи «Цар. Вѣстника», именно «что намъ не нужно искать просвѣщенія у русскихъ, которые отстали въ просвѣщеніи 4 столѣтія назадъ отъ другихъ европейцевъ».

Сильная противорусская тенденція проявляется и въ цѣломъ рядѣ статей и корреспонденцій въ газетѣ Раковского «Дунавскій Лебедь», но онѣ не затрогиваютъ языка и литературы и заключаютъ въ себѣ исключительно нападки противъ Россіи за то, что она манитъ болгаръ переселяться въ ея степи¹⁾.

«Тотъ же политическій характеръ имѣютъ и анти-русскія статьи, которыя встрѣчаются прежде учрежденія экзархіи, не только въ Цареградскихъ, но и въ эмигрантскихъ газетахъ²⁾. Однако же и они вызваны временнымъ національнымъ раздраженіемъ и не имѣютъ особеннаго значенія для литературнаго историка. Сильныя нападки противъ Россіи находимъ, особенно накануне нашей побѣды, въ церковномъ вопросѣ. Единодушно всѣ вліятельные общественные органы востаютъ противъ неблагоприятнаго болгарамъ отвѣта русскаго Синода греческому вселенскому патріарху по церковному вопросу.

Эти выраженія щекотливаго національнаго честолюбія и горячаго патріотизма, встрѣчаются часто и въ корреспонденціяхъ изъ русскихъ колоній, противъ руссификаціи болгарскихъ училищъ. Но, повторяемъ, это скорѣе выраженіе политическаго антагонизма или проблески временной національной вражды.

Единственная послѣдовательная реакція, вопреки всѣмъ невзгодамъ и неподготовленности инициатора, нашла себѣ болѣе благоприятную почву только въ наше время. Это именно реакція Богорова, но и она ограничивается областью исключительно языка³⁾. Что касается собственно литературы, то даже въ эпохи самыхъ

1) Дунавскій Лебедь, Бѣлградъ 1860—61, № 53, 54, 57, 58, 60, passim.

2) Македонія, 1869, № 33, Дунавска Зора, Браила, 1868, № 35 и др.

3) «Книговище за прочитане», Списува Д-ръ Ив. А. Богоровъ. Шестъ Книжки наедно. Вѣна 1875 и того же «Чистобългарска Накованія», Пловдивъ, 1878.

большихъ политическихъ недоразумѣній, не исключая и послѣдней, русская литература осталась главнымъ источникомъ, изъ котораго Болгарія продолжала черпать свое образованіе. Даже самые рѣшительные противники русскаго вліянія пишутъ на языкѣ полномъ руссизмовъ. Если при всемъ томъ въ областной изящной литературѣ даже и послѣ 70-хъ годовъ это вліяніе оказывается не столь сильнымъ, то это отчасти объясняется недостаткомъ поэтическихъ и писательскихъ талантовъ съ болѣе широкимъ образованіемъ, а также трудностью, а подчасъ и небезопасностью кнжныхъ сношеній съ Россіей.

Всѣ эти неблагопріятныя условія, дѣйствительно не существуютъ для тѣхъ нашихъ писателей и поэтовъ, эмигрантовъ, которые подобно *Каравелову* и *Ботеву*, жили въ Румыніи и слѣдовательно имѣли возможность свободно пользоваться богатствами русской литературы; они естественно гораздо болѣе находились подъ ея вліяніемъ. Но ихъ политическіе и соціальные идеалы, общіе у нихъ съ тогдашней русской интеллигенціей, дѣлали ихъ болѣе или менѣе безразличными или даже враждебными къ вопросамъ чисто-литературнымъ или эстетическимъ. Во имя насущныхъ потребностей современной ему крестьянской и безграмотной Болгаріи, Каравеловъ ведетъ жестокую борьбу противъ попытокъ познакомить болгаръ, путемъ переводовъ, съ образцами старой европейской классической литературы. «Идіотъ— тотъ, кто берется переводить Мильтоновъ «Потерянный рай», Тассовъ «Освобожденный Іерусалимъ» или Дантовъ «Адъ». Теперешній вѣкъ интересуется лишь знать, что говорятъ Токвиль, Бокль, Дреперъ и Страусъ, Фогтъ, Дарвинъ, Гексли и Гумбольдтъ, интересуется государственными науками, а не глупостями Тасса и Фенелона». По глубокому убѣжденію Л. Каравелова «всякое литературное произведеніе должно имѣть задачей очищать человѣческій мозгъ, бороться съ людскими суевѣріями, предрасудками и неправильными понятіями и давать человѣчеству очищенные понятія. Однимъ словомъ каждое литературное произведеніе должно обогащать умъ и разсудокъ и *убивать во-*

ображеніе, отъ котораго происходятъ почти всѣ человѣческія несчастія»¹⁾).

При такихъ отрицательныхъ воззрѣніяхъ на творчество нельзя ожидать отъ Каравелова обогащенія болгарской литературы переводами изъ русскихъ классиковъ. Плохой поэтъ, онъ бы и не могъ передать достаточно изящно тонкую поэзію Лермонтова и Пушкина, но онъ могъ бы, вмѣсто того, чтобы переводить Марка Вовчка, взять другого какого нибудь болѣе крупнаго русскаго беллетриста; но какая бы изъ этого вышла польза для «бѣднаго, безземельнаго, нравственно и матеріально поработеннаго и полуубитаго отъ различныхъ страданій бѣдняка?»²⁾). При всемъ томъ, въ двухъ случаяхъ, и только въ двухъ,—этотъ рѣшительный врагъ классиковъ и чистаго искусства, сдѣлалъ уступку русскому «Олимпійцу», онъ перевелъ и напечаталъ два разсказа Пушкина: «Капитанскую дочку» и «Кярджали»: послѣдній, очевидно, потому, что главный герой болгаринъ (Каравеловъ при всемъ радикализмѣ своихъ соціальныхъ взглядовъ, былъ пламеннымъ патріотомъ), а первый потому что цѣнилъ въ немъ тенденцію. Надо, впрочемъ, прибавить что на практикѣ Каравеловъ дѣлалъ вообще значительныя отступленія отъ защищаемой имъ теоріи; въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, чутье дѣйствительности мѣшало этому замѣчательному человѣку, сдѣлаться узкимъ фанатикомъ доктрины.

Такое же отрицательное отношеніе къ чистому искусству мы видимъ и у *Хр. Ботйова*. Какъ поэтъ, послѣдній гораздо даровитѣе Каравелова и могъ бы быть прекраснымъ посредникомъ между русской и болгарской поэзіей; но и онъ искалъ въ искусствѣ главнымъ образомъ пользы и, если рѣшился перевести что-нибудь съ русскаго (напр. драму *Костомарова «Кремуцій Кордъ»*), то тоже лишь потому, что находилъ въ ней симпатичную ему политическую тенденцію. Представителями чисто-литературныхъ инте-

1) Газ. Независимость, Букурещъ, Годъ IV, № 19, стр. 155.

2) Ibid.

ресовъ въ противоположность Каравелову и Ботйову, являются члены маленькаго кружка только что основаннаго тогда «*Періодическаго Списанія*» и Цареградскій литературный органъ «*Читалище*». Критикъ «*Періодическаго Списанія*», профессоръ одной изъ Московскихъ гимназій, болгаринъ *Бончевъ*, въ особенной статьѣ, предшествующей его переводу «Тараса Бульбы» (Пер. спис. 1875, I, кн. 7 и 8): «Классическіе европейскіе писатели на болгарскомъ языкѣ и польза отъ изученія ихъ сочиненій», ставитъ капитальный вопросъ, съ чего мы должны начать наше изученіе иностранной литературы и приходитъ къ заключенію, «что мы должны изучать творенія тѣхъ писателей, которые стоятъ на первомъ мѣстѣ, а не терять время и деньги на копаніе въ сорѣ и выкапывать такихъ писателей, которые по слабости своего ума не могутъ ничего сказать новаго и здраваго отъ себя, а пережевываютъ чужія идеи». (Между прочимъ Бончевъ имѣетъ здѣсь въ виду Ѳаддея Булгарина, котораго романъ «*Иванъ Выжигинъ*» былъ переведенъ еще въ 1861 году, неизвѣстно зачѣмъ, можетъ быть благодаря его фамиліи). Желая помочь болгарской литературѣ «хоть сколько нибудь выйти на правильный путь», Бончевъ обѣщаетъ постепенно знакомить читателей «*Періодическаго списанія*» съ «славными» твореніями европейской литературы. Онъ будетъ пользоваться литературами Еллады и Рима, Италіи, Англіи, Франціи и Германіи, но главное вниманіе будетъ обращать на *русскую* литературу. «Мы болгаре, какъ вѣтвь великаго славянскаго племени, имѣющая свой характеръ, свою исторію, свою письменность, однимъ словомъ свой духовный образъ, — мы связаны духовными узами съ другими славянскими племенами. Духовное родство между народами имѣетъ силу, какъ магнитъ, притягивать и спаивать. Два раза въ исторіи показалась эта сила духовнаго родства между нами и русскими: русскій народъ принялъ священныя книги и староболгарскій языкъ, — языкъ, который легъ въ основу русской литературы, какъ краеугольный камень, а въ новое время болгаре обновляютъ свою духовную жизнь посредствомъ русскаго языка и образованія; такимъ обра-

зомъ въ немъ мы получаемъ наслѣдство и находимъ слѣды родства съ нашей старой исторической мыслью. Вотъ причина, почему въ нашей настоящей письменности такое большое мѣсто занимаютъ русскія слова и цѣлыя выраженія. Эти факты намъ показываютъ, что при изученіи иностранныхъ литературъ видное мѣсто должна занять и русская. Черезъ нее мы легче станемъ причастны къ европейскому просвѣщенію. Таковъ законъ природы».

Къ несчастью, прекрасныя обѣщанія Бончева остались неисполненными, вслѣдствіе его смерти. «Періодическое Списание», давъ переводъ «Тараса Бульбы» и Шиллеровыхъ «Разбойниковъ» (того-же Бончева), видимо не нашло къмъ его замѣнить. Только перешедши изъ Браилы въ Софію послѣ Освобожденія, органъ «Книжного Дружества» сталъ давать изрѣдка переводы изъ европейскихъ классиковъ, по преимуществу нѣмецкихъ поэтовъ.

«Періодическое списаніе» было воспріемникомъ *Вазовской* музыки. Первое стихотвореніе національнаго поэта появилось на его страницахъ. По натурѣ художникъ, не особенный почитатель Каравеловскихъ и Ботѣвскихъ соціально-политическихъ тенденцій, только временно увлеченный ими, Вазовъ не могъ подписаться подъ строгимъ приговоромъ Каравелова надъ бесполезностью классиковъ. Познакомившись еще въ Калоферѣ съ лучшими произведеніями русской поэзіи, онъ сохранилъ особенно горячее почитаніе къ Пушкину, котораго онъ всегда ставилъ выше Лермонтова, Некрасова и др. русскихъ поэтовъ. Пушкинъ вмѣстѣ съ Беранже и Викторомъ Гюго, какъ Вазовъ лично намъ признавался, болѣе всего вліяли на развитіе его таланта. Однимъ изъ первыхъ его стихотвореній въ «Періодическомъ Списаніи» характернымъ образомъ оказывается подражаніе Пушкинскому стихотворенію «Поэтъ и Чернь». (См. ниже). Интересенъ рассказъ поэта о томъ, какъ возникъ этотъ переводъ. На каникулы 1870 года вернулся въ Калоферъ одинъ нашъ русскій воспитанникъ и декламировалъ передъ Вазовымъ названное стихотвореніе,

которое такъ восхитило нашего поэта, что онъ рѣшился написать что-нибудь подобное по его образцу. Съ тѣхъ поръ русская поэзія не переставала быть богатымъ источникомъ для вдохновенія и образованія Вазова¹⁾.

Цареградскій органъ «Читалище» не имѣлъ своего Бончева и мы не находимъ въ немъ такой обширной принципиальной статьи о важности европейскихъ классиковъ для насъ. Но изъ напечатанныхъ въ немъ стихотвореній и изъ частичныхъ переводовъ Гомера и пр. ясно видно его эстетическое направленіе. Русская поэзія представлена однако въ «Читалищѣ» только однимъ переводомъ Пушкина²⁾ — и опять того же самаго стихотворенія, которое такъ понравилось и Вазову: «Поэтъ и Чернь» (Поетъ и Згань). Переводчикомъ былъ *П. Р. Славейковъ*. Ничего не можетъ быть характернѣе для эстетическихъ вкусовъ Вазова и Славейкова, какъ выборъ именно этого стихотворенія, поднявшаго столько полемической пыли въ самой русской критикѣ и чуть не создавшаго Пушкину одно время несправедливую репутацію исключительнаго жреца «чистаго искусства».

Таковы были литературныя отношенія Болгаріи къ Россіи до Освободительной войны, которая составляетъ эпоху и въ исторіи развитія болгарской литературы.

Разрушивъ всѣ препятствія, мѣшавшія русской книгѣ найти широкое и свободное распространеніе у насъ, давъ не только горсти избранныхъ возможность познакомиться съ русскимъ языкомъ и литературой, но даже и ученикамъ на школьныхъ скамьяхъ (обязательное изученіе русскаго языка было давно уже предписано и только временно отмѣнено)—Война за освобожденіе

1) Интересно напр. сравнить Пушкинскаго Пимена (Бориса Годунова) съ Вазовскимъ Отц. Памсіемъ (Поля и Горц, Епопея на Забравениѣ), Вазовское письмо въ стихахъ къ В(азову) съ Пушкинскимъ стихотвореніемъ «Горюхъ» (Къ ***). etc.

2) Переводы Жинзифова — изъ Шевченка.

дала новый неожиданный толчокъ нашей литературѣ, что очень легко можно констатировать и по количеству книгъ, напечатанныхъ до и послѣ войны. Какъ и должно было случиться, русская литература въ этотъ новый періодъ играла первенствующую роль. Мечта Бончева, что «черезъ нее мы станемъ скорѣе причастны къ европейскому просвѣщенію», вполне осуществилась. Въ этомъ отношеніи совершенно вѣрно замѣчаетъ Драгановъ въ своемъ «Библіографическомъ Обзорѣнн важнѣйшихъ произведеній болгарской литературы за 1895 годъ», напечатанномъ въ Извѣстіяхъ Русской Академіи¹⁾. «Изъ предложеннаго списка видно, что не мало сочиненій западно-европейскихъ писателей, поэтовъ и мыслителей, переведенныхъ болгарами въ теченіе одного лишь 1895 года, дѣлались извѣстными болгарской читающей публикѣ *исключительно* въ переводахъ съ русскаго языка. Таковы: Андерсонъ, Белло, Бирбекъ, Бокль, Данте, Джіакометти, Захеръ Мазохъ, Маколей, Мицкевичъ, Реньаръ, Сервантесъ, Смайльсъ, Спенсеръ, Шекспиръ и Шопенгауеръ».

При такомъ огромномъ богатствѣ самыхъ разнообразныхъ сочиненій, которыя русская литература намъ доставила сразу, послѣ освобожденія Княжества, — при отсутствіи болѣе опредѣленныхъ общественныхъ, эстетическихъ и пр. принциповъ — естественно, нельзя было ожидать, чтобъ переводная болгарская литература руководилась болѣе серьезно обдуманномъ планомъ въ выборѣ своихъ образцовъ. Отсутствіе авторитетной критики дало еще больше возможности развиться въ этомъ отношеніи полной анархіи, что отчасти продолжается еще и до сихъ поръ. Наша библіографія продолжаетъ отмѣчать рядомъ съ переводами первоклассныхъ произведеній и переводы такихъ книжекъ, какъ «Приказка Протопей Пряпорщикъ отъ 30-тѣ Царства», «Преданіе, единъ солдатинъ, какъ е спасилъ живота на Петра Великіи» etc. Но нельзя не признать, что по-немногу вырабатываются и

1) Извѣстія Отдѣл. русск. языка и словесности Импер. Акад. Наукъ, т. I, кн. 2 и 4, II, кн. 8.

Сборникъ II Отд. Н. А. Н.

руководящіе принципы, обнаруживающіеся въ предпочтеніи, которое оказываютъ переводчики къ тому или иному виду литературныхъ произведеній. Отрицатели чистаго искусства, представителей которыхъ мы встрѣчаемъ преимущественно среди самыхъ радикальныхъ элементовъ страны — социалистовъ, продолжаютъ тенденціи Каравелова и Ботйова. Въ ихъ переводахъ, нужно признать, замѣчается сознательный выборъ, хотя и односторонній. Молодежь болѣе увлекается народнической русской литературой. Есть впрочемъ и большое количество писателей, старающихся сохранить свободнымъ свой эстетическій вкусъ отъ временныхъ вліяній той или другой социальной теоріи. Во главѣ ихъ находимъ старыхъ корифеевъ Вазова и Величкова, которые своею большою Христоматіей принесли неоцѣнимую услугу нашей гимназической молодежи, доставивъ ей въ переводѣ образцы самыхъ лучшихъ литературныхъ произведеній. Составленная по плану Галахова и Филонова, эта первая для полныхъ гимназій болгарская Христоматія, за которой скоро послѣдовала Христоматія Мишева и Костова, содержитъ матеріалъ, взятый по большей части прямо изъ подобныхъ же русскихъ учебниковъ. Для своихъ практическо-педагогическихъ цѣлей Вазовъ и Величковъ должны были перевести большое количество вещей изъ русской беллетристики. Впрочемъ Величковъ еще будучи ученикомъ въ Цареградскомъ Императорскомъ Лицеѣ пробовалъ переводить съ русскаго и издалъ Пушкинскую «Русалку» въ прозѣ. Между новыми переводчиками русскихъ, преимущественно стихотворныхъ произведеній, первое мѣсто занимаютъ Алеко Константиновъ, Пенчо Славейковъ и Т. Ц. Трифоновъ.

Нашъ краткій очеркъ о вліяніи русской литературы на болгарскую освобождаетъ насъ отъ труда, объяснять различныя фазы судьбы Пушкина въ нашей литературѣ и даетъ намъ возможность ограничиться по возможности полнымъ указателемъ

всѣхъ нашихъ переводовъ изъ Пушкина, еще до сихъ поръ не сдѣланнымъ въ нашей литературѣ.

Единственный русскій поэтъ, относительно котораго существуетъ короткий и неполный списокъ его сочиненій въ болгарскомъ переводѣ, — это Лермонтовъ ¹⁾. Нѣкоторые переводы Славейкова и Вазова цитируетъ Драгановъ въ своемъ уже упомянутомъ библиографическомъ обзорѣ (стр. 85, 88, 91). Но какъ Вазовскій переводъ изъ Пушкина Драгановъ ошибочно называетъ на стр. 17: «Пушкинъ, А. С. Памятникъ» ²⁾.

А) Пушкинъ въ болгарской литературѣ до освобожденія.

При скудныхъ познаніяхъ, обнаруженныхъ всего характеристике авторомъ первой болгарской статьи по исторіи русской литературы, которую мы цитовали выше и въ которой Пушкинъ называется «сатирикомъ», при слабомъ знаніи русской belle-lettres даже составителями учебниковъ словесности, при отрицательныхъ взглядахъ самыхъ видныхъ представителей нашей эмигрантской прессы, не удивительно, что въ нашей литературѣ переводы изъ Пушкина до Освободительной войны — очень рѣдки.

1. Упомянутый выше переводъ П. Р. Славейкова Пушкинскаго стихотворенія «Чернь». былъ напечатанъ только 11 лѣтъ спустя, это «Поэтъ и Станъ». Читалище, Царьгр. 1873. III. 661—662.

Стихотвореніе Вазова «Борба» вышло дѣйствительно раньше (Период. Списание, 1870, кн. 2, стр. 103—106), но оно представляетъ черезчуръ вольный переводъ Пушкина и значительно

1) Спис. «Цѣлина» отъ М.

2) Эта ошибка произошла вслѣдствіе недоразумѣнія. Въ одномъ номерѣ журнала «Български Прегледъ» А. Т. исправляетъ только, что стихотвореніе это, вышито на подушкѣ, поднесенной Вазову въ день его юбилея, принадлежитъ не Пушкину, а Горацию и переведено по-болгарски Вазовымъ по переводу А. Фета.

отклоняется и по смыслу отъ него. (Пушкинское стихотвореніе не имѣетъ болѣе 55 стиховъ, а Вазовское — 116. Вазовъ, впрочемъ, ни словомъ и не упоминаетъ о своемъ источникѣ).

2. Подражать Пушкину пробовалъ и Т. Н. Шишковъ въ одномъ стихотвореніи, направленномъ противъ греческаго духовенства. Онъ вдохновлялся Пушкинскими стихами «Клеветникамъ Россіи». — *Элементарна Словесность* etc. Цгр. 1873, стр. 93 и 173.

Стихотвореніе осталось неизданнымъ цѣликомъ. За все это время мы имѣемъ еще только:

3. Капитанская дочка.

— Пушкинъ, А. Капитанска дъщеря. Повѣсть. (Прѣводъ отъ Русски). Прѣв. Л. Каравеловъ. Букурещъ, 1875. (См. ниже перев. Андрейчика).

4. Кърджали.

— Кърджали, пер. Л. Каравеловъ. «Независимость». Бук., 1874. IV, № 14, 15. См. ниже.

5. Русалка, драма.

— А. Пушкинъ. Русалката, Драма отъ —. Прѣвелъ К. Величковъ. Цгр., 1873. (Ср. ниже перев. Трифонова).

6. Единственный биографическій очеркъ о поэтѣ находимъ въ альманахѣ «*Литоструй*» (годъ VII, 1875, стр. 52 и сл.). Авторъ І. Г(руевъ) можетъ считаться вообще однимъ изъ нашихъ лучшихъ старыхъ знатоковъ русской беллетристики. Его переработка «Бѣдной Лизы» принадлежитъ къ первымъ беллетристическимъ трудамъ, вообще, въ нашей литературѣ. Груевъ сумѣлъ достать себѣ и нѣкоторыхъ новѣйшихъ русскихъ писателей, между прочимъ и Пушкина, который во время Тракійскаго возстанія (1875) чуть-чуть не сдѣлался причиной обвиненія Груева въ государственной измѣнѣ. Самъ Груевъ очень живо разсказалъ этотъ эпизодъ изъ своей полной тревогъ жизни, въ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ въ «Болгарскомъ Прегледѣ» (ч. V. 1898, кн. I. Сентябрь, стр. 32): «На другой день мой четвертый допросъ начался съ вопроса: «Почему у меня есть русскія книги?» — Я отвѣчалъ: «Какъ бывшій учитель и любитель лите-

ратуры, я имѣю книги на различныхъ языкахъ, и думаю, что не преступно имѣть между французскими и турецкими книгами и нѣсколько русскихъ». — «А зачѣмъ тебѣ была книга *Тюфбеки* (оружейнаго мастера)?¹⁾». Что ты хотѣлъ съ ней дѣлать, а также съ книгой *«берберъ-Георгія»* (Георгія Цирюльника), въ которой есть столько клеветъ на Турцію и оскорбленій ея?» — Пораженный этими вопросами, я отвѣтилъ, что я о такихъ книгахъ ничего не знаю и ихъ не имѣю. Тогда мнѣ показали двѣ книги, изъ которыхъ одна была томъ сочиненій Пушкина, а другая томъ Всеобщей Истории Г. Вебера (Средніе вѣка). Едва удерживаясь отъ смѣха, я объяснилъ, что тутъ нѣтъ никакой оружейной книги, ни парикмахерской, а что одна есть сочиненіе знаменитаго русскаго поэта, а другая исторія знаменитаго Вебера, что въ этихъ сочиненіяхъ нѣтъ ничего преступнаго и бунтовническаго. Фехамъ-эффенди позвалъ переводчика Якови, давшаго такіа фальшивыя свѣдѣнія и потребовалъ отъ него объясненія. Смущенный грекъ надѣлъ очки, пересмотрѣлъ внимательно заглавія книгъ и призналъ, что, дѣйствительно одна Вебера, и что по ошибкѣ прочелъ «берберъ», а другая носитъ только заглавіе «Пушкинъ», что по-турецки означаетъ «оружейный мастеръ».

В) Пушкинъ въ болгарской литературѣ послѣ Войны.

Совсѣмъ иной видъ представляетъ Пушкинская литература послѣ Войны, когда Пушкинъ становится широко извѣстенъ не только по переводамъ, но и въ оригиналѣ, въ русскихъ хрестоматіяхъ, въ полныхъ изданіяхъ, въ сборникѣ Гербеля «Русскіе поэты» и т. д.

1) По-болгарски *Пушка* — ружье, по-турецки *тюрек*. Турецкій офиціальныи драгоманъ перевелъ съ болгарскаго Пушкинъ-Тюрекчи (оружейный мастеръ).

1. Уже въ 1880 году встрѣчаемъ въ «Марицѣ», газетѣ, выходившей въ Пловдивѣ, нѣсколько восторженныхъ писемъ изъ Москвы, извѣстнаго еще передъ Войной литератора С. С. Бобчева о Пушкинѣ по поводу открытія его памятника въ старой русской столицѣ (*Марица*, III, 1880, № 194, 20 Юня, № 196, Юля 1 № 199, 11 Юля: «Московски писма»).

Восхищенный корреспондентъ даже не считаетъ нужнымъ распространяться о самомъ поэтѣ, такъ какъ «если до вчерашняго дня были люди, которые подъ вліяніемъ тенденціозной критики отрицали величіе Пушкина, теперь эти отрицатели поражены и уничтожены». Онъ ограничивается описаніемъ торжества, даетъ краткое содержаніе рѣчей, произнесенныхъ передъ памятникомъ, въ университетѣ «въ Обществѣ Любителей Русской Словесности», не забывая при этомъ высказать глубокое впечатлѣніе, произведенное на него рѣчами въ особенности Тургенева и Достоевскаго. Бобчевъ извиняется, что оставляетъ свои замѣтки не полными, такъ какъ долженъ скоро вернуться въ Болгарію; но онъ убѣжденъ, что великое русское національное торжество должно очень интересовать нашу интеллигенцію.

Однако никто другой ничего не написалъ объ этомъ торжествѣ. Только въ 1891 г. вышла брошюрка «Русскій поэтъ Ал. Серг. Пушкинъ. Софія — Пловдивъ. Прѣвелъ (отъ ?) П. Цачевъ, въ которой находимъ и описаніе открытія памятника поэту въ Москвѣ въ 1880 г.

2. Второй торжественный моментъ въ чествованіи памяти Пушкина, чествованіе поэта по поводу *пятидесятилѣтія* со времени его смерти, былъ отмѣченъ журналомъ «*Мисль*», издаваемымъ въ 1887 г. въ Силистріи; но это была не оригинальная статья, а переводъ изъ русскаго журнала «Общее дѣло».

3. Нѣсколько интересныхъ замѣтокъ о пребываніи Пушкина въ Одессѣ и его памятникѣ, открытомъ тамъ въ 1887 г., мы встрѣчаемъ въ журналѣ Вазова «Денница» (Софія, II г., 1891, кн. 1).

а) Біографіи, портреты и критическія оцѣнки поэта.

1. Въ письмахъ Бобчева мы находимъ, между прочимъ, и краткую біографію поэта.

Съ жизнью и дѣятельностью Пушкина болгарская публика могла познакомиться болѣе подробно изъ слѣдующихъ статей и книгъ, переводныхъ и оригинальныхъ:

2. А. С. Пушкинъ. «Българска Иллюстрація». София. (Г. I, 1880, стр. 4 и 21).

Біографическій очеркъ съ хорошимъ портретомъ, первымъ въ нашей печати.

Авторъ не указанъ.

3. Чърти изъ живота на Александра Сергѣевича Пушкина. Прѣвелъ отъ русски Г. Неновъ. Статя въ спис. «Наука» (Пловд. 1883. III, стр. 506—540).

Къ сожалѣнію переводчикъ не упомянулъ, кто авторъ оригинала. Это первый болѣе обстоятельный этюдъ о Пушкинѣ на болгарскомъ языкѣ.

4. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. Коротенькая біографія съ плохимъ портретомъ въ журналѣ для юношества «Изворъ» (Русчукъ, год. I, 1892, стр. 259—265) издаваемомъ Ив. Д. Ивановымъ и Т. Ц. Трифоновымъ.

Оба редактора, воспитанники Николаевского южнославянскаго пансіона, считаются довольно хорошими переводчиками съ русскаго между молодыми писателями. Ивановъ перевелъ нѣсколько вещей Гоголя и Тургенева. О Трифоновѣ дальше.

5. В. Острогорскій. Двадесетъ биографии на образцови русски писатели. Шуменъ, 1896.

6. А. М. Снабичевскій. Пушкинъ. Животъта и литературната му дѣятелность. Прѣвелъ Г. Б. Издава книжарницата на К. Евстатиевъ. 1898. — Съ различными портретами Пушкина, его родителей и др. иллюстраціи.

7. Біографическіе и критическіе замѣтки о Пушкинѣ на-

ходимъ и въ руководствѣ Йордана Иванова «Исторія на Славянскитѣ литератури», Пловдивъ, 1896, стр. 152—167.

8. Обѣ болгарскія хрестоматіи содержатъ тоже коротенькіе біографіи поэта. Ст. Вазовъ и Величковъ, ч. I, стр. 309¹⁾. Мишевъ и Костовъ, II¹, стр. 120.

9. Русскій поэтъ Ал. Серг. Пушкинъ. Софія, 1891. Описаніе животу му и основаніе паметника му въ Москва прѣзъ 1880 год. 26-ой Май. Прѣвелъ П. Цачевъ и т. д.

10. Журналъ «Дума» даетъ плохой портретъ Пушкина безъ всякой біографической замѣтки: «Александръ С. Пушкинъ». Дума, литературно-научно-политическо списание. Ред. Н. Юнковъ Владикинъ. Пловдивъ, 1890, г. I, кн. 5 и 6, р. 432.

б) Переводы.

1. Часть первыхъ переводовъ Пушкина, какъ и другихъ нѣкоторыхъ русскихъ писателей, вышла въ свѣтъ, какъ было сказано выше, благодаря тому обстоятельству, что *Вазовъ и Величковъ* пользовались для своей хрестоматіи русскими подобными учебниками. Руководимые своимъ тонкимъ эстетическимъ вкусомъ, они намъ дали нѣсколько отличныхъ переводовъ изъ Пушкина.

2. На первомъ мѣстѣ по художественности и легкости должны быть поставлены переводы рано погибшаго писателя *Алеко Константиновича*, одного изъ самыхъ даровитыхъ истолкователей русской поэзіи вообще и Пушкина въ частности. Константиновичъ — воспитанникъ Николаевского Южнославянскаго пансіона и Новороссійскаго университета, авторъ болгарскаго Тартарена «Бой Ганьо», который далъ ему большую популярность.

Въ отличныхъ переводахъ Константинова мы имѣемъ три поэмы Пушкина: «Полтава», «Бахчисарайскій Фонтанъ», «Цыгане».

1) Для выясненія, въ частности, взглядовъ Вазова на Пушкина въ послѣднее время, интересно прочесть его стихотвореніе «Пушкинъ» въ собственномъ его журналѣ «Зора», Пловдивъ, 1885, кн. 2, стр. 81.

3. Съ большими вольностями, отличающими вообще его манеру переводить, но и съ большимъ мастерствомъ въ языкѣ и въ искусствѣ владѣть народнымъ стихомъ, передалъ Пушкина сказку «О рыбацѣ и рыбкѣ» *П. Р. Славейковъ*, съ которымъ мы имѣли случай познакомиться какъ съ однимъ изъ главныхъ преобразователей новоболгарскаго поэтического стиля. Переводъ настолько хорошъ, что читается какъ оригиналъ. Благодаря учебникамъ эта сказка стала особенно распространенной.

4. Между переводчиками Пушкина находимъ и *молодого Славейкова (Пенчо)*, который перевелъ нѣсколько пѣсень для журнала «Мысль» по случаю праздника, см. ниже подъ № 9.

Славейковъ младшій, впрочемъ, не достигаетъ той легкости въ формѣ и того знанія народнаго языка, которымъ отличался его отецъ.

5. Плодовитымъ переводчикомъ Пушкина и вообще съ русскаго, является *Т. Ц. Трифоновъ*. Вообще любитель драмы, онъ видимо поставилъ себѣ цѣлью дать болгарамъ переводы всѣхъ Пушкинскихъ драматическихъ произведеній. Послѣ того, какъ онъ издалъ «Бориса Годунова», «Скупого рыцаря», «Моцарта и Сальери», онъ намъ сообщаетъ, что перевелъ и «Каменнаго Гостя» для юбилейной книжки Пловдивскаго журнала «Българска Сбирка», которая выйдетъ въ честь Пушкина. Трифоновъ, успѣвшій, благодаря своему большому прилежанію, усвоить техническую сторону переводнаго искусства, былъ удостоенъ особаго вниманія критики, не всегда, впрочемъ, для него благоприятной. Такъ какъ чувствительный переводчикъ не остался въ долгу у своихъ критиковъ, то мы имѣемъ цѣлую полемику специально по поводу переводовъ «Скупого рыцаря» и «Моцарта и Сальери».

6. *Д. Йордановъ*, переводчикъ «Кавказскаго плѣнника», до сихъ поръ не перевелъ ничего болѣе важнаго изъ Пушкина. Первый его опытъ даетъ, впрочемъ, надежду на будущее.

7. Горячій, но крайне слабый истолкователь Пушкина *Д. Ангелъ*, напечаталъ нѣсколько своихъ совершенно безформенныхъ

переводовъ въ давно уже переставшемъ выходить въ Силистрій журналѣ «Мисль». Анчевъ, очевидно, не понимаетъ красоты звучной рѣмы, поэтому онъ переводитъ только бѣлыми стихами, безъ всякаго размѣра. Послѣдній его переводъ, «Борись Годуновъ», заслуживаетъ, какъ и другіе его опыты, быть упомянутымъ только для полноты библиографическаго обзора.

8. Остальные переводчики, за исключеніемъ *д-ра К. Кръстева*, основателя и редактора софійскаго журнала «Мисль», плодovitаго писателя *Андрейчина* и поэта *М. Москова*, — незначительны, случайны и малоизвѣстны.

9. По поводу юбилея вышли въ журналѣ, издаваемомъ въ Софіи подъ заглавіемъ «Мисль» (г. IX, 1899, майская кн.) слѣдующія статьи или переводы молодого поэта П. П. Славейкова:

а) «Потаената скръбь на поета» стр. 467—481.

б) Переводы: «Станси» стр. 481, «Зименъ вечеръ» (стр. 482), «Ехо» (стр. 483), «26-й май» (стр. 463), «Кавказъ» (стр. 484).

— Тамъ же въ переводѣ К. Христова, молодого много общающаго поэта: «Анчаръ» (стр. 484), «Облакъ» (стр. 485), «Къмъ поета» (стр. 486), «На гробищата» (стр. 481).

10. По тому же поводу вышли въ журналѣ, издаваемомъ въ Филипполѣ (Пловдивѣ) «Българска Сбирка», годъ VI, 1899, кн. 1 и 15 мая:

а) Этюдъ о поэзіи А. С. Пушкина *д-ра Н. Бобчева*: «Поезнята на Пушкина» (стр. 397—405).

б) Библиогр. замѣтка (съ русскаго) А. С. Пушкинъ (стр. 449—451).

с) Бѣлинскій за Пушкина (соч. Бѣлинскаго VIII т.). Прѣвелъ Ил. С. Бобчевъ (стр. 453—461).

д) Извѣстіе о Пушкинскомъ праздникѣ въ Россіи.

I. Стихотворенія (пѣсни, элегіи, оды, баллады etc.).

1. Къ А. П. Кернъ.

— Азъ помню чудно мгновенье. Стихотворенье отъ Пуш-

кипа. Прѣвелъ *И. Д. Юрдановъ*. «Български Прѣгледъ», год. III, кн. 9 и 10, стр. 84.

— Азъ помню чудното мигновенье. *Правдолюбовъ*. «Литературни Записки». Мѣсечно списание. Свищовъ. Год. I, 1895, стр. 277.

2. Элегія.

— Преживяхъ вече свои-те желанья и разлюбихъ вече свои-те мечти и пр. Изъ Пушкина. Прѣвелъ *М. Московъ*. «Янтра», иллюстриванъ листъ за забава и поучение. Редакторъ Д. Панайотовъ. Търново, год. I, 1886, стр. 28.

— Изъ Пушкина. Преживяхъ азъ вече свои-тѣ желанья. Прѣвелъ *Т. С.* «Напредъ», Пловдивъ, год. IV, 1887, № 2.

— Пѣвецъ. Изъ П. Прѣвелъ *В. Л.* «Книжица за прочитъ». Солунъ, 1890, кн. IV—VII.

3.

— Понѣкога азъ зимахъ свой-та лира. Прѣв. *К. Величковъ*. Христоматия Вазовъ-Величковъ, ч. II, 1884, стр. 303. (Тоже Мишев-Костовъ, Христоматія, II, стр. 485).

4. Воспоминаніе (Когда для смертнаго умолкнеть шумный день).

— Въспоминание. Прѣвелъ *Ив. Вазовъ*. Христоматия Вазовъ-Величковъ, ч. II, 1884, стр. 207.

5. Ода вольность.

— Ода на свободата отъ *А. С. Пушкинъ*. «Дума». Год. I, 1890, кн. 5 и 6; стр. 433. *Анонимный переводчикъ*.

6. Элегическій отрывокъ.

— Изъ Пушкина. (Готовъ съмъ, ахъ другари, да тръгнемъ, гдѣ-то щете, къмъ сѣверъ, югъ иль западъ). Прѣвелъ *С—съ*. «Българска Иллюстрація», год. I, 1880, стр. 21.

7. Отвѣтъ на вызовъ написать стихи въ честь Государыни Императрицы Елизаветы Алексѣевны.

— Отговоръ на поканата да напиша стихове въ честь на императрица Елисавета. *А. С. Пушкинъ*, «Дума», год. I, 1890, кн. 5 и 6, стр. 435. *Анон.*

8. Возстанъ, о Греція, возстанъ!

— Къмъ Гърция (отъ Пушкина). «Дума», год. I, 1890, кн. 3, стр.

9. Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный. II, 189.

— Азъ си въздигнахъ паметникъ нерукотворно. «Русск. поетъ Ал. Серг. Пушкинъ». Прѣв. П. Цачевъ. Стр. 4.

10. Талисманъ. (Тамъ, гдѣ море вѣчно плещеть).

— Талисманъ. Отъ Пушкинъ. Прѣвелъ Alter Novus. Илл. спис. «Свѣтлина». Пловдивъ, год. VII, 1897, кн. 5.

11. Романсъ (Подъ вечеръ, осенью ненастной).

— Изъ Пушкина. Романсъ. «Мисль». Литературно списанне. Силистра. I, 1887, № 11. Юни. Прѣв. *Анчевъ*.

12. Вакхическая пѣсня.

— Изъ Пушкина. Вакхическа пѣсень. «Мисль», Силистра. I, 1887, № 9, стр. 209. (Перев. Анчевъ?).

13. Черная шаль. I, 228.

— Гледамъ като безуменъ на черния шалъ. П. Цачевъ, ор. cit., стр. 11. (Только 5 стиховъ).

14. Къ нянѣ.

— Стихотворение на бавачката му. П. Цачевъ, ор. cit., стр. 7.

15. Пиръ Петра Великаго.

— «Въ одномъ мото» изъ «Петаръ на Невѣ». Газета «Славянинъ», г. IV, 1882/3, № 19, стр. 76. Неполно.

16. Кавказъ.

— Кавказъ Пушкина. «Славянинъ», год. II, 1880—1881, стр. 355—356. Прѣвелъ въ проза Б. Ив. Гашевски.

17. Пѣснь о вѣщень Олегѣ.

— Вѣщій Олегъ. Балада отъ А. С. Пушкина. Прѣвелъ П. П. Славейковъ. Библиотека Свети Климентъ, т. I, 1888—1889, кн. I—VI, стр. 277—280.

(Id. Миш.-Кост. Христ., II², 1898, стр. 419).

18. Утопленникъ.

— Удавленный. Прѣв. Ив. Вазовъ. Христ. Ваз.-Вел., ч. II, 1884, стр. 30.

(Id. Миш.-Кост., II¹, стр. 408, II², стр. 418).

— Удавленный (отъ Пушкина). Прѣв. М. Г. Т. «Славянинъ», год. X, 1891, № 39, стр. 154.

Подражаніе на Пушкина. М. Московъ. «Наука», III, 1883, стр. 880.

II. Поеми и сказки.

1. Полтава.

— Полтава. Поема отъ А. С. Пушкинъ. Прѣвелъ *А. Константиновъ*. «Библиотека Свети Климентъ», т. I, 1888—1889, кн. I—VI, стр. 329—372. Зам. 373—375.

(Существуетъ и въ отдѣльномъ изданіи Вълкова, Софія).

Id. Мишевъ, Христоматия, II^а, 1898, стр. 133.

2. Бахчисарайскій фонтанъ.

— Бахчисарайскій фонтанъ. Отъ А. С. Пушкинъ. Прѣвелъ *Ал. Константиновъ*. Библиотека Свети Климентъ, т. II, 1889—1890, стр. 521—535.

3. Цыганы.

— Чергары. Поема отъ А. Пушкина. Прѣвелъ *Ал. Константиновъ*. «Българска Сбирка, Пловдивъ, год. I, 1894, стр. 177—192. Сл. Два письма г. Алеко Константинова въ редакцію «Българска Сбирка», годъ VI, кн. 9 и 10, 1899 (1 и 14 мая), стр. 451—453, въ которыхъ авторъ рассказываетъ о своемъ переводѣ.

— Цыгани (отъ Пушкина). Прѣв. А—въ (Анчевъ). Мисль. Силистра, год. I, 1887, № 6, стр. 131—134 и № 7, стр. 156—159.

— *Птиче*. Прѣв. Ив. Вазовъ (Изъ «Цыганы»). Христ. Ваз.—Вел., ч. II, 1884, стр. 305.

(Id. Миш.-Кост., II^а, 485).

4. Кавказскій плѣнникъ.

— Кавказски пленникъ. Поема отъ А. Пушкина. Прѣвелъ И. Д. Юрдановъ. Български Прегледъ, ч. IV, кн. 1, стр. 1—19. (Безъ посвященія и эпилога).

5. Братя-Разбойники.

— Братия разбойници. (Отъ Пушкина). Мисълъ. Силистра, год. I, 1886, № 3. Прѣв. А—евъ (Анчевъ).

6. Мѣдный всадникъ.

— Мѣдный Конникъ. Прѣвелъ Ив. Вазовъ. Христом. Ваз.-Вел., ч. II, 1884, стр. 88.

(Id. Христ. Мишевъ-Кост., II³, 1898, стр. 138.

7. Сказка о рыбацѣ и рыбацѣ.

— П. Р. Славейковъ, Малка Хрестоматийка за образецъ на бждущитѣ издание отъ Хрестоматия. Пловдивъ, 1882, стр. 1—13. Приказка «Дѣдо, баба и златна рибка».

(Id. Наука, год. I, 1881, стр. 917—924. Една приказка по Пушкина отъ П. Р. Славейкова. Изъ Хрестоматията на П. Р. Славейкова. — Id. Миш. и Кост., II³, 1898, стр. 194: Рибаръ и рибка. Прѣвелъ П. Р. Славейковъ).

8. Сказка о мертвой царевнѣ и о семи богатыряхъ.

— А. С. Пушкинъ. Приказка за умрѣлата царска дъщеря и за седемтѣхъ юнака. Прѣвелъ за дѣца отъ III и IV отдѣление Д. Тончевъ, II изд. Силистра.

— Пушкинъ А. С. Двѣ приказки. За умрѣлата царска дъщеря и за седемтѣ юнаци. Трето изданіе. Ломъ. Печатница на А. Н. Димитровъ. Перев. неизв. (Тончевъ?).

III. Драми.

1. Борисъ Годуновъ.

— Борисъ Годуновъ. Прѣвелъ Вазовъ:

I. Нощъ. Въ Келията Пименъ пише.

II. Самозванецъ и Марина.

Христом. Вазовъ и Величковъ, ч. II, 1884, стр.

— Борисъ Годуновъ. Драма въ стихове. Прѣв. Т. Ц. Трифоновъ. Руссе, 1891. Сл. «Дума», ч. III, 1893, кн. 2. Крит. отд.

— Пушкинъ А. С., Борисъ Годуновъ (сцена изъ руската история). Превелъ Д. Г. Анчевъ. Силистра, 1888.

2 и 3. Скупой рыцарь. — Моцартъ и Салери.

— Скжпий рыцарь. Драма отъ А. Пушкина. Мишевъ-Кост., Христом. II¹, стр. 590 и сл.:

Сцена I. Прѣв. П. П. Славейковъ.

Сцена II. Прѣв. Ив. Вазовъ.

Сцена III. Прѣв. Д. Мишевъ.

(Нѣсколко строфъ изъ перев. Вазова цитируетъ Иорд. Ивановъ въ своей «Исторіи Слав. Литер.», стр. 164).

— *Моцартъ и Салери и Скжперникъ рыцарь*. Драма въ стихове отъ А. С. Пушкина. Прѣвелъ Т. Ц. Трифоновъ. Руссе, 1889.

[Рец.: — «Денпица», ч. I, кн. 10, стр. 478—479. Георги. — «Критика», Мѣсечно списание. Казанлъкъ. Ред. Д-ръ К. Кръстевъ, год. I, кн. 1, стр. 22—27; кн. II, стр. 56, С. Делиспасовъ. — «Моцартъ и Салери и Скжперникъ рыцарь», на масата на критика. Отговоръ на Делиспасова отъ Т. Ц. Трифонова. «Искра» г. III, кн. 3 и 4. — «Дума», год. I, 1890, кн. II: Г-нъ Делиспасовата критика на «Моцартъ и Салери» и «Скжперникъ рыцарь» отъ Пушкина. Прѣвелъ Т. Ц. Трифоновъ].

4. Русалка, драма.

— Русалка. Драматически очеркъ отъ А. С. Пушкинъ. Прѣвелъ Т. Ц. Трифоновъ. (Съ кратк. введ., стр. 331—333). «Изворъ» иллюстр. списание за ученици и ученички, год. II, 1893, стр. 333—357 и отдѣльно: Пушкинъ А. С. Русалка. Драматическій очеркъ въ стихове. Прѣв. Т. Ц. Трифоновъ. Русч. 1893.

5. Каменный гость.

— Каменный гость. Прѣв. Т. Ц. Трифоновъ. Бълг. Сбирка, 1899, кн. 9 и 10, стр. 408—439.

IV. Повѣсти и романы.

1. Евгений Онѣгинъ.

— Евгений Онѣгинъ. Изъ II пѣсень. Прѣвелъ *Ив. Вазовъ*. Христом. Вазовъ-Величковъ, II ч., 1884, стр. 94.

— Изъ Онѣгина гл. VIII. (Въ тѣзи дни, когато бѣхъ въ Лицея). Прѣв. *П. Цачевъ*, ор. cit. стр. 9.

2. Капитанская дочка.

— А. С. Пушкинъ. Капитанска дъщеря. Повѣсть. Прѣвелъ *Ив. Ст. Андрейчинъ*. София, 1898.

3. Кирджали.

— Кърджали. Повѣсть отъ Пушкина. Прѣв. Х. «Българска Сбирка», год. IV, 1897, стр. 749 и сл.

— Кърджали. Повѣсть отъ Пушкина. Прѣв. С. Поповъ. «Китка». Хасково, год. I, кн. 12, стр. 732—740.

4. Повѣсти Ив. Петр. Бѣлкина: Вистрѣлъ.

— А. С. Пушкинъ. Вистрѣлъ. Прѣв. Ив. Владимировъ. «Литературно-научно списание на Казанлъжското учителско Дружество». Ред. Д-ръ К. Кръстевъ въ Казанлъжъ. Год. I, 1890, кн. 5, стр. 153 и сл. Id. кн. 6.

— Вистрѣлъ отъ А. С. Пушкина. Газ. «Народна Защита», Седмич. вѣстн. Редакторъ-издатель Т. Цаневъ. Казанлъжъ, год. I, бр. 2. Фейльетонъ. Перев. ?

— Гърмежътъ отъ А. С. Пушкинъ. Прѣвелъ Велисавъ. Газ. «България не спи», ред. отгов. Ст. Стоиловъ. София. Год. I, Януарий 7, № 1, Фейльетонъ.

5. Повѣсти Ив. Петр. Бѣлкина: Метель.

— Виелица. Повѣсть отъ А. Пушкинъ. Прѣвелъ Д-ръ К. К. Кръстевъ. «Литературно-научно списание etc.». Казанлъжъ, год. I, кн. 1, стр. 34—42 и кн. 2.

6. Пиковая дама.

— Дама «Круша» отъ Пушкина. Прѣвелъ Р(адевъ?). «Китка», мѣсечно литературно списание. Ред. П. Ив. Радевъ, Ст. Поповъ и Хр. Карапетковъ. Год. I, 1893. Хасково, кн. 7, стр. 411—443.

7. Дубровский.

— А. С. Пушкинъ. Дубровски. Повѣсть. Прѣвелъ отъ русски
Д. Г. Анчевъ. Силистра 1893.

8. Повѣсти Ив. Петр. Бѣлкина: Станціонный смотритель.

— Станционенъ надзиратель отъ А. С. Пушкина. Прѣвелъ
С. Д. Юруковъ. «Българска Сбирка», год. IV, 1897,
стр. 291—299.

II.

А. С. ПУШКИНЪ
ВЪ ХОРВАТСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

НАПИСАЛЪ

Проф. Миливой Шрепель.

Когда А. С. Пушкинъ скончался, у хорватскаго народа только что начала зарождаться заря культурнаго политическаго возрожденія. Это былъ второй ренессансъ этого народа, существенно отличавшійся отъ перваго опредѣленно выраженнымъ стремленіемъ къ политическому объединенію. Этотъ второй ренессансъ стоялъ въ связи съ общей европейской реакціей противъ духа и литературы XVIII-го столѣтія; вмѣсто привилегированныхъ сословій выступаетъ и крѣпнеть теперь въ общественной жизни демократія. Радикальный тонъ этой струи высказывается и въ хорватскомъ движеніи тѣмъ, что вожаки его подняли знамя «иллиризма», чтобы на основаніи нейтральности этого историческаго названія, превратно истолкованнаго въ смыслѣ славянскомъ, легче объединить въ одно цѣлое всѣхъ южныхъ славянъ — словенцевъ, хорватовъ, сербовъ и болгаръ. Хорватскіе регенераторы руководились фактомъ, что имя иллирское было уже извѣстно съ давнихъ поръ, въ особенности въ иностранныхъ литературахъ; прельщала же ихъ также идея Наполеона I-го, который декретомъ отъ 19 октября 1809 года постановилъ, какъ извѣстно, что Крайна, Хорутанія, Истрія, Триестъ, Фиуме, Хорватское приморье, Далмація съ островами, гражданская и военная часть Хорватіи до Савы должны впредь носить названіе — Иллирія.

Хорватское возрожденіе подъ именемъ иллиризма затѣяла молодежь, имѣвшая сношенія съ чешскими дѣятелями. Людевитъ Гай, отецъ хорватскаго возрожденія, былъ другомъ и ученикомъ

Яна Колляра, который, въ свою очередь, стоялъ подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ нѣмецкой романтики. Поэтому и понятно, что илиризмъ въ литературѣ сочувствовалъ не столько Байрону, сколько направленію Уланда. Чрезмѣрная субъективность перваго не была по вкусу хорватскимъ регенераторамъ, вздыхавшимъ болѣе всего за единство южныхъ славянъ: въ этомъ сосредоточивалось ихъ одушевленіе, въ этомъ они усматривали якорь спасенія при стѣснительныхъ политическихъ обстоятельствахъ, происходившихъ отъ мадьярской супрематіи. Оборотъ этотъ совершался въ тридцатыхъ годахъ. Въ то время и вѣнское правительство поддерживало или по крайней мѣрѣ не воспротівлялось илиризму, видя въ немъ нѣкоторую опору противъ мадьяръ. Однако-жъ эта поддержка не была продолжительна. Когда въ Вѣнѣ замѣтили, что илиризмъ съ необыкновенной быстротой идетъ впередъ, они струсили, и боясь неоправданной новой опасности, угрожающей будто-бы ихъ властолюбивымъ замысламъ, они вскорѣ вовсе запретили употреблять имя илирское. Крѣпкая струнка либерализма отзывается въ илиризмѣ; съ нимъ подружилось даже низшее духовенство, какъ доказываетъ примѣръ Павла Штооса. Этотъ демократическій либерализмъ прокладывалъ дорогу 1848 году, онъ привелъ идею илиризма въ дѣло, когда банъ Елличичъ перешагнулъ Драву. Всѣмъ этимъ ходомъ дѣлъ объясняется, почему лирическая поэзія илиризма гораздо сильнѣе выставляетъ патріотизмъ, чѣмъ личныя чувства. Оттуда объясняется также ея, такъ сказать, стыдливость.

Илиризмъ былъ дѣломъ нѣсколькихъ людей, но людей рѣшительныхъ. Иногда почва долго отдыхаетъ и тогда вдругъ обильный урожай, такъ и илиризмъ родилъ много сильныхъ талантовъ, въ числѣ которыхъ нѣкоторые до сихъ поръ занимаютъ первенствующія мѣста на хорватскомъ Парнассѣ, какъ: Иванъ Мажураничъ, Петаръ Прерадовичъ и Станко Вразъ. И въ драматической поэзіи явилось нѣсколько талантливыхъ писателей, между которыми стоитъ упомянуть Димитрія Деметера. Только

въ области исторіи иллиризмъ не отличался, послѣдовавшая эпоха превзошла его. И у хорватовъ вышло такъ, какъ мы видимъ у прочихъ европейскихъ народовъ: поэтъ передаетъ свое оружіе «литератору», вмѣсто стиховъ первые таланты начинаютъ писать повѣсти. У иллиризма не было повѣствователей, беллетристовъ, которые выдерживали бы сравненіе съ Шеноа или съ Гяльскимъ. Теперь только выходитъ наружу вліяніе литературы русской: чѣмъ Янъ Колляръ былъ для иллирской поэзіи, тѣмъ оказался Тургеневъ для хорватской повѣсти, начиная съ Гяльского, который у хорватовъ сдѣлался представителемъ новаго періода — періода реализма, согрѣваемаго сочувствіемъ къ бѣдствующимъ и униженнымъ.

Въ иллирской поэзіи не трудно подмѣтити три различныя теченія: средневѣковую поэтическую литературу Далмаціи-Дубровника, народное творчество, т. е. сербскія народныя пѣсни, и неоромантическое европейское направленіе. Народъ хорватскій въ своемъ политическомъ порабощеніи съ гордостью вспоминалъ и ссылался на своихъ старыхъ писателей перваго возрожденія, изъ которыхъ многіе, какъ это хорошо объяснено въ сочиненіи покойнаго Первольфа, были въ числѣ первыхъ прославлявшихъ идею славянской взаимности, воспѣваемаго ими «славянства». Но такъ какъ поэтическая дѣятельность этихъ писателей вращалась въ кругу идеаловъ итальянскихъ, преклоняясь во всемъ предъ нимъ, то Станко Вразъ возсталъ противъ исключительнаго подражанія новой поэзіи этимъ предкамъ, указывая на живой источникъ народной поэзіи. Содержаніе же идейное иллирскіе поэты для себя отыскивали въ европейской романтикѣ, при чемъ сѣверные опирались исключительно на нѣмецкую, а южные преимущественно на итальянскую литературу, хотя одинъ изъ послѣднихъ, графъ Медо Пуцичъ, зналъ также о Коллярѣ и Мицкевичѣ.

Между иллирскими писателями Вразъ былъ чистѣйшій литераторъ, Прерадовичъ принадлежалъ къ военному сословію, а Ив. Мажураничъ, гениальный пополнитель «Османа» Гундули-

чева и авторъ «Ченгичъ-аги» можетъ быть скорѣе причисленъ къ государственнымъ людямъ, чѣмъ къ писателямъ. Въ дѣятельности Вразъ очень наглядно отражаются характерныя черты иллирской литературы. Онъ по занятію и призванію писатель, который входитъ даже въ полемику, чтобы отстоять свои начала и убѣжденія.

Изъ богатой переписки *Вразъ* узнаемъ о сношеніяхъ иллиризма съ прочимъ славянствомъ, слышимъ о трудностяхъ тогдашняго сообщенія, въ особенности относительно доставки русскихъ книгъ въ Хорватію. Вразъ въ своихъ письмахъ постоянно жалуется, а другъ его *И. И. Срезневскій* старается всѣми усиліями помочь, но, конечно, задача эта превышала его силы. Со стороны мадьяръ нерѣдко высказывались доносы на представителей иллиризма, что они молъ получаютъ изъ Россіи денежныя пособія. Вразъ отвѣтилъ на эти доносы эпиграммой «*Rubljë*» слѣдующаго содержанія:

«Vašeg društva sladke trublje,
 Koje sve baš točno znadu,
 Razglasiše već po gradu:
 Da pošilja svietle rublje
 Nam za ljubav, bolje znanstvo,
 Njeg'vo rusko veličanstvo.
 No bih kazao, da i ova
 Novina je laž gotova:
 Jer oprostí, družbo slavna,
 Da su nama rublji liepi,
 To bi i vas već odavna
 Imali u naših džepi'!

Вразъ въ своей богатой литературной дѣятельности переводилъ очень много изъ всѣхъ почти европейскихъ литературъ. Въ длинномъ рядѣ его переводовъ мы находимъ словенцевъ, чеховъ, поляковъ и русскихъ (Языкова, Жуковскаго, Веневитинова, Пушкина, Лермонтова, Хомякова), англичанъ, испанцевъ и италіян-

цевъ. Помимо нѣкоторыхъ мелкихъ стихотвореній онъ перевелъ изъ Пушкина «Клеветникамъ Россіи», «Бахчисарайскій фонтанъ» и «Бородинскую годовщину». Вразъ былъ родомъ словенецъ, ему стоило не малаго труда писать стихи штокавскимъ нарѣчіемъ (литературнымъ хорватскимъ языкомъ), но несмотря на все то, въ переводахъ его слышится поэтъ. Онъ, правда, придерживался еще принципа, что въ стихѣ главное дѣло — число слоговъ, но все же ему удавалось въ трохаическомъ размѣрѣ достигнуть аристократической изящности и благородной простоты подлинника. Однообразію трохеевъ онъ съ успѣхомъ противодействовалъ при помощи такъ называемой синицезы, которую иллирскіе поэты допускали по примѣру старыхъ далматскихъ образцовъ. Поэты послѣдующаго времени отказались отъ этого приѣма. Но у Вразы прелестной игрѣ размѣровъ въ романтическихъ пѣсняхъ хорошо соответствуетъ большая свобода, которую поэтъ приобретаетъ посредствомъ синицезы.

Вразу, какъ лирическому поэту, въ особенности удавались въ переводахъ мѣста лирическія. Но вліяніе Пушкина замѣтно у него отчасти также въ оригинальныхъ произведеніяхъ его, напр. въ балладѣ «Fredrik i Vegunika», тамъ, гдѣ описывается бѣдственное положеніе Вероники Десиничъ въ тюрьмѣ.

Кромѣ Вразы переводилъ изъ Пушкина еще иллирскій поэтъ *Д. Деметеръ* въ Даницѣ (двѣ пѣсни), при чемъ стоитъ замѣтить, что Деметеръ принадлежалъ къ рѣдкимъ представителямъ байронизма въ Хорватіи во время иллиризма. Его стихотвореніе «Grobničko polje» содержитъ описаніе борьбы татаръ съ хорватами на лирико-эпическій ладъ, рефлексіи чередуются съ діалогами и эпизодическими пѣснями; сначала встрѣчаемъ пѣсню татарокъ, потомъ пѣсню иллирійцевъ, принадлежащую къ лучшимъ своего рода. Пѣсня татарокъ состоитъ изъ трехъ строфъ, какъ и «татарская пѣсня» въ «Бахчисарайскомъ фонтанѣ»; въ обоихъ выражается постепенность мыслей одинаковыми приѣмами, т. е. что татарину пріятно и что ему еще болѣе пріятно. Вотъ эта пѣсня у Деметера:

Liepo j' vidjet na nebesi,	Liepo j' vidjet, kad rumeni
Kad se zora rumeni;	Nebokrug večerni plam;
Liepo j' vidjet, kad se resi	Liepo j' vidjet, mladoj ženi
Ruža listi crveni;	Kad bo'adisa lica sram:

Nu Tatarin sablju cieni
Više jošte tri puta,
Sablju, koju krv crveni
Svog dušmana ubita.

Пѣсню иллирійцевъ, начинающуюся стихомъ «Prosto zrakom ptica leti», главный мотивъ которой грустное желаніе свободы, можно сопоставить съ пѣсней у Пушкина въ Цыганахъ «Птичка божія не знаетъ». Въ концѣ стихотворенія прибавленъ эпилогъ — тоже приѣмъ у Байрона и Пушкина часто повторяющійся.

Вліяніе Пушкина въ продолженіе иллирской эпохи было бы по всей вѣроятности замѣтнѣе и значительнѣе, если-бы не уже въ 1849 году, мадьярамъ въ наказаніе, а хорватамъ въ плохое вознагражденіе, произошла пріостановка конституціоннаго правительства, за которой въ 1851 году послѣдовала система Баховской централизаціи и германизаціи. На нѣжные посявы національной жизни обрушился морозъ, всѣ надежды хорватовъ, что ихъ баловень и любимецъ, банъ Еллагичъ, возвратитъ имъ свободу, оказались тщетными. Пока раньше въ Хорватіи историческое развитіе страны было поддерживаемо тремя сословіями, аристократическимъ, городскимъ и крестьянскимъ, новая система, презрѣвъ исторію и народныя преданія, сосредоточила всю власть въ рукахъ чиновничества, принадлежавшаго происхожденіемъ по большей части иностранцамъ.

Наступили пасмурные дни и для литературы; ряды литераторовъ становились все слабѣе. Вся литературная дѣятельность сосредоточилась въ *Кукулевичъ* или же сгруппировалась около него и Мирка *Боговича*. Первый былъ преимущественно историкомъ (хотя онъ писалъ также повѣсти и драмы), второй — поэтомъ. Въ этомъ затмѣніи національной жизни неудивительно,

что и литература опустила крылья; лишенная свободы поэзія издыхала. Литература все еще питалась романтизмомъ, отсюда наклонность ея къ исторіи и народному творчеству. Печальный духъ поэта переносился изъ неблагоприятнаго современнаго положенія въ прошлое, чтобы въ немъ найти утѣшенія и ободренія для будущности. Вотъ главная характеристика литературы во время абсолютизма. Несмотря на все то, она не отказалась отъ своихъ идеаловъ.

Иллиризмъ былъ смѣненъ названіемъ юго-славянскимъ. Органомъ изящной словесности сталъ журналъ «Neven», который не упускалъ изъ виду прочихъ славянскихъ литературъ. Во главѣ переводчиковъ стоялъ Иванъ *Трнски*, ему обязанъ журналъ, между прочимъ, различными переводами изъ Пушкина, въ числѣ которыхъ стоитъ указать на «Кавказскаго плѣнника» и на «Бахчисарайскій фонтанъ». Трнски приобрѣлъ какъ переводчикъ громкую извѣстность; можно же утверждать, что лучшіе переводы его падаютъ во время абсолютизма. Трнски перевелъ обѣ пѣсни Пушкина восьмисложнымъ трохаическимъ размѣромъ, подобно тому, какъ Станко Вразъ, но безъ синицезы. Однакожъ переводы Трнскаго еще въ меньшей мѣрѣ удовлетворяютъ требованіямъ подлинника, чѣмъ переводы Вразъ. Несмотря на всю правильность языка, переводы его слабо отражаютъ чудную роскошь восточной жизни, нарисованную мастерски въ подлинникѣ. Причина этой неудачи, должно быть, кроется въ различіи талантовъ русскаго поэта и поэта переводчика. Трнски былъ по преимуществу дидактикъ.

Переводы Трнскаго занимаютъ все-таки въ хорватской литературѣ между переводами изъ Пушкина высокое мѣсто. Они блестятъ лирической легкостью. Трнски не обращалъ сначала еще довольно вниманія, сочиняя трохеи, на требованія ударенія, только съ семидесятыхъ годовъ у него установилось вполнѣ оправданное убѣжденіе, что и въ хорватскомъ стихотворствѣ должно господствовать удареніе. Трнски — отецъ хорватской рѣмической версификаціи, но въ практическомъ примѣненіи сво-

ихъ началъ онъ самъ поступалъ иногда слишкомъ педантически, поэтичность выраженія должна была уступать требованіямъ стиха и рѣмы. Чтобы показать, каковы были переводы его во время абсолютизма, въ теченіе пятидесятихъ годовъ, приводимъ изъ «Кавказскаго плѣнника» переводъ «Черкесской пѣсни».

Rieka teče, talas šumi,	Na svom čamcu kozak brodi,
Noć se smrkla strahovito;	Po dnu rieke mrežu vuče.
Kozak trudan snom se kumi,	Pazi, smrt ćeš nać u vodi.
Na koplje se boći vito.	Mladić tone, rieka huče,
Oj ne driemaj, moj kozače:	U dno brzo svak zamače:
Čečenjanin kroz mrak skače.	Čečenjanin briegom skače.

Na rieci je liepo selo,
 Cvatu diljem livadice;
 Kolo igra tud veselo.
 Bjež'te ruske djevojčice,
 Da vam majka ne zaplače:
 Čečenjanin briegom skače.

Въ «Neven»-ѣ вышелъ также переводъ новеллы «Барышня-крестьянка», сдѣланный И. Трнскимъ. Этотъ переводъ далъ въ семидесятихъ годахъ *И. Томичу* матеріалъ для libretto къ одной оперѣ хорватскаго композитора Зайца, подъ названіемъ «Lizinka», принадлежащей къ лучшимъ его произведеніямъ. Въ «Neven»-ѣ напечатанъ еще переводъ «Дубровскаго», сдѣланный тѣмъ-же Трнскимъ, который можно смѣло причислить къ самымъ удачнымъ переводамъ въ хорватской литературѣ изъ русской прозы. Благородство и отиѣнность стилия въ переводѣ соперничаетъ съ подлинникомъ. Этому пріятному впечатлѣнію не можетъ много повредить, если и докажется, что смыслъ того или другого мѣста не вполне точно переданъ. Этотъ переводъ своимъ достоинствомъ равняется извѣстнымъ переводамъ *И. Мишкатовича* изъ Тургенева. Переводъ вышелъ въ 1853 году, а въ 1854 году появились въ томъ-же «Neven»-ѣ два разсказа *М. Боговича*:

«Vidov dan na Lobor-gradu» и «Slava i ljubav». Во второмъ разсказѣ авторъ рассказываетъ судьбу одного хорватскаго дворянина, попавшаго въ Наполеоновскомъ походѣ на Россію въ качествѣ солдата въ Москву, гдѣ онъ былъ свидѣтелемъ пожара. Описывая пожаръ, Боговичъ употребилъ гордые слова Пушкина изъ «Евгенія Онѣгина» (III, 37) — доказательство, что вліяніе Пушкина черезъ Трискаго сообщилося и собрату его — Боговичу.

Подъ конецъ абсолютизма вышло еще нѣсколько переводовъ изъ Пушкина въ газетѣ «Narodne novine», переводчикомъ былъ молодой въ то время студентъ-медикъ *Э. Асанеръ*, пописывавшій подъ псевдонимомъ «Асан-ага»; переводы его не имѣютъ литературнаго значенія. Въ 1859 году выступилъ въ «Narodne novine» также Спир. *Димитровичъ Котараминъ*, усердный переводчикъ изъ А. С. Пушкина, но дѣятельность его лучше отнести ко второму, послѣ 1860 года наступившему періоду политической и національной жизни въ Хорватіи.

Послѣ Сольферино Хорватія почувствовала опять нѣкоторое облегченіе. Изъ-за пасмурныхъ дней стало опять небо проясняться, когда такъ называемымъ октябрьскимъ дипломомъ 1860 года странѣ возвращена конституціонная жизнь. Всѣ таланты хорватской литературы выступили теперь на поприще политическое; въ парламентѣ хорватскомъ 1861 года приняли участіе всѣ лучшіе хорватскіе литераторы, волна политики отбросила ихъ отъ литературы. Теперь наступило время для процвѣтанія политическаго краснорѣчія, но въ ущербъ самой литературѣ, лишенной такимъ образомъ своихъ лучшихъ представителей, мѣста которыхъ заняли дилеттанты. Этотъ дилеттантизмъ въ особенности выходилъ наружу въ области новеллистики. Поэтому не малой заслугой Иосифа Мишкатовича слѣдуетъ признать то, что онъ именно теперь, какъ разъ въ пору, внесъ въ хорватскую литературу И. Тургенева. Этимъ восполнялся пробѣлъ въ литературѣ самымъ достойнымъ образомъ и беллетристика направлялась на хорошій путь. Къ числу дилеттантовъ, обогащавшихъ литературу переводами принадлежалъ также вышеупомянутый Спир.

Димитровичъ. Его знали по дружбѣ съ поэтомъ *Прерадовичемъ*, завязавшейся въ бытность ихъ обоихъ въ Италіи въ качествѣ австрійскихъ офицеровъ. Это былъ военный кружокъ хорватскихъ поэтовъ. Прерадовичъ началъ свою поэтическую дѣятельность на хорватскомъ языкѣ стихами 1843 года: «*Poslanica Spiri Dimitroviću*».

Переселившись въ Загребъ Димитровичъ сдѣлался вскорѣ — въ началѣ шестидесятыхъ годовъ — переводчикомъ для загребскаго театра съ годовымъ окладомъ, при чемъ онъ обнаружилъ неимовѣрное усердіе. Онъ переводилъ какъ легкія мелкія піесы изъ нѣмецкой литературы, такъ и большія серьезныя сочиненія изъ Шиллера и Шекспира. До своей кончины (1868 г.) онъ перевелъ такимъ образомъ до ста различныхъ драматическихъ произведеній. Но Димитровичъ мало заботился, да и некогда было ему, о хорошей окончательной отдѣлкѣ своихъ переводовъ, къ тому же признаться, онъ былъ слабо подготовленъ для своей задачи. Въ его трудахъ такъ и слышится суровый солдатъ. Молодой *Шеноа* возсталъ противъ него, завязалась жестокая полемика, въ которой не обошлось безъ личныхъ оскорбленій. Димитровичу не доставало литературнаго, эстетическаго образованія, онъ старался прикрыть этотъ недостатокъ красивыми фразами простонародной поэзіи, которая была ему хорошо извѣстна. Но этого мало. Димитровичъ взялся также за переводы изъ Пушкина. Въ 1859 году онъ перевелъ «*Руслана и Людмилу*», въ 1860 году «*Полтаву*», «*Братьевъ разбойниковъ*» и «*Цыганъ*», наконецъ, также, и «*Евгенія Онѣгина*». Само собою почти разумѣется, что Димитровичъ переводилъ народнымъ эпическимъ размѣромъ. Этого размѣра онъ придерживался, безъ различія, приходилось-ли переводить изъ Пушкина или изъ Шекспира. Когда переводъ «*Руслана и Людмилы*» вышелъ отдѣльной книжкой, читатели были въ восторгѣ отъ красоты Пушкинской поэзіи, но и отъ богатства народной фразеологіи въ переводѣ. На дѣлѣ можно допустить, что размѣръ, выбранный переводчикомъ, не повредилъ впечатлѣнію, которое долженъ былъ произвести его трудъ. Но «*Евге-*

нiя Онѣгина» все-же трудно было вложить въ этотъ стихъ, свойственный только широкому размаху эпическаго разсказа. Петербургскiй dandy и сербскiй народный гусларь не могутъ ходить въ одномъ и томъ же костюмѣ. Уже въ «Русланѣ и Людмилѣ» незнакомство переводчика съ классическимъ мiромъ сыграло съ нимъ нехорошую шутку, когда онъ, напр., назвалъ Лемнось «старымъ кузнецомъ» («Lemnos kovačina stara»). За-то описанiя сраженiй у него выходили великолѣпныя, полныя энергiи и пластичности. Поэтому переводъ «Руслана и Людмилы», несмотря на всѣ его недостатки, еще и теперь имѣетъ свою цѣну, онъ читается легко. Переводъ его точенъ, даже черезчуръ точенъ тамъ, гдѣ онъ оставилъ русскiе слова непереведенными, не обращая вниманiя на то, что они или совсѣмъ неизвѣстны въ хорватскомъ языкѣ, или же въ другомъ значенiи употребляются. И въ «Полтавѣ» переводчику лучше удались эпическiя мѣста, чѣмъ лирическiя; для лирики неоставало ему тонкаго вкуса. Одно достоинство всѣхъ этихъ переводовъ, т. е. «Руслана», «Полтавы», «Братьевъ разбойниковъ», «Цыганъ» — должно быть нарочно припомнута, это ихъ — удобопонятность, вразумительность. Поэтому переводы Димитровича нашли читателей. Въ доказательство этого качества приводимъ нѣсколько строкъ изъ эпилога «Цыганъ».

Već danicom istok ožareni
 Divno sjaje. Aleko za humom
 U rukama krvavima s nožem
 Na kamenu sjedio je grobnom.
 Dva su trupa pred njima ležala;
 Ubojica užasna je lica,
 U smućenoj i robskoj gomili
 Cigani su njega okružili;
 Nedaleče zavalu kopaju,
 Idu žene u turobnom redu
 I mrtvacem oči cjelivaju.
 Pokraj kćerice stari otac sjedi,

U bezdjetnoj i niemoj pečali
Na ubjenu nesretnicu gledī;
Podigoše trupe i ponieše,
Da u mater duboku zemljicu
Zakopaju mladjahnu dvojicu.
Na sve Alek iz dala je gledō.
Pokojnike kada su spustili,
Zemnom grudom prostiše se s njima,
On se htjede tiho odmaknuti,
Al s kamena na zemlju pade.
Približi se starac ter mu reče:
«Kani nas se, oholi čovječe!
Mi smo divljad, pravā nemademo,
Mi ne znamo kazne ni mučenja,
Ne treba nam krvi ni cviljenja;
S ubojicom živjet ne možemo.
Rodjen nisi za nevolje divlje,
Ti bi rado, da je sve po tvome;
Tvoja nam je nazočnost užasna:
Mi smo biedni, ali dobre duše,
Ti s' okrutan — dakle nas ostavi,
Nama prosti, mir nek s tobom bude.
To izusti i s vikom čoporā
Podignu se tabor na skitanje.
Iz doline strahovite noći,
U pustošnoj skoro je daljini
Sve se skrilo. Samo jedna kola
Pokrivena ubogim pokrovom
Ostadoše na udesnom polju.
Uprav tako ispred oštze zime
U maglini jutrenje zorice,
Kad se digne s polja širokoga
I grakćući na jugo poleti
Silno jato kasnijeh ždralova,

Izranjeni od težkog olova
 Samo jedan pečalan ostane
 Zaprhnuvši prošipljenim krilom.
 Noć nastade; pokraj lakih kola
 Nitko nije vatru naložio,
 Nit je itko pod lasnim pokrovcem
 Do zorice sanak boravio.

Но — такимъ тономъ нельзя переводить «Онѣгина», спокойная обширность эпического десятисложнаго размѣра не годится для поверхностной, суетливой, надменной природы Онѣгина. Переводъ «Онѣгина», сдѣланный Димитровичемъ, это настоящее кораблекрушеніе Пушкинской поэзіи, тѣмъ болѣе ужасное, что переводчикъ не понялъ духа и смысла отдѣльных мѣстъ. Такъ напр. онъ наивно называлъ «хандру» въ переводѣ «neka bolest u Rusiji» (родъ болѣзни въ Россіи)!

Въ началѣ 60-хъ годовъ вышла въ журналѣ «Glasopisa» первая глава «Онѣгина» въ переводѣ *И. Триснаго*, переводъ сдѣланъ въ четырехстопныхъ трохаическихъ стихахъ съ римой, довольно хорошо. Въ то же время вышли еще нѣкоторые мелкіе переводы, о которыхъ упоминается подробно въ библиографическомъ обзорѣ.

Въ 1869 году сталъ выходить новый беллетристическій журналъ «Vienas», при сотрудничествѣ лучшихъ въ то время писателей, достаточно упомянуть *Прерадовича* и *Янча*. Теперь дилетантизмъ уступаетъ, въ храмъ искусства и наукъ опять получаютъ доступъ только такіе, кому литература не пустое препровожденіе времени или только насущный хлѣбъ, но священное призваніе. «Vienas» сталъ давать переводы отдѣльных Пушкинскихъ стихотвореній, въ которыхъ приняли участіе *Триски*, *Утѣшеневичъ*, *Маретичъ*, *Брлековичъ* и пр. Здѣсь напечатанъ также переводъ «Выстрѣла» и впервые переводъ «Капитанской дочери», который хорошо перевелъ *Маретичъ*, бывшій тогда еще студентомъ. И прочіе литературные журналы и газеты, выходившіе въ тече-

ніе 70-хъ, 80-хъ и 90-хъ годовъ, сообщали различные переводы изъ Пушкина, на которыхъ мы не останавливаемся. Припомнимъ только переводъ «Мѣднаго всадника», сдѣланный *Брлековичемъ* въ журналѣ «Hrvatska lipa» за 1875 годъ ямбическими стихами, которые пошли въ ходъ въ хорватской литературѣ послѣ попытки, сдѣланной Марковичемъ въ эпической повѣсти «Kohan i Vlasta» (1868). Переводъ Брлековича выдаетъ начинающаго труженика, но есть и удачныя мѣста.

Въ 1881 году «Матица хорватская» (Matica hrvatska) издала «Онѣгина» въ переводѣ Ивана Трнскаго. Онъ перевелъ и напечаталъ 1 главу романа уже давно (лѣтъ двадцать раньше этого времени), но теперь онъ переправилъ свой трудъ съ цѣлью получить безупречные трохаическіе стихи. Но эта его затѣя не удалась ему, переводъ вышелъ не вполне понятнымъ. Внѣшняя форма стиховъ и рѣимъ правильная, но эта правильность повредила легкости выраженія. Она нарушила изящность, безъ которой Онѣгинъ не Онѣгинъ. Многіе читатели, незнакомые съ русскимъ оригиналомъ, недоумѣвали, какъ могъ Пушкинъ именно своимъ Онѣгинымъ стать гордостью и любимцемъ русскаго народа, сдѣлаться для русской литературы тѣмъ, чѣмъ былъ Гёте для нѣмецкой. Нѣтъ сомнѣнія, что Онѣгина слѣдовало переводить въ ямбахъ. Сербскій поэтъ *Змай Јованъ Јовановичъ* былъ бы въ состояніи это сдѣлать, какъ слѣдуетъ. Это доказываетъ его образцовый, удивительно хорошій переводъ Лермонтовскаго «Демона». Вообще его переводы стоятъ въ сербской и хорватской литературѣ выше всѣхъ; въ нихъ все кипитъ полною жизнью, это не сухіе остовы, а настоящія поэтическія воспроизведенія. Нельзя, однакоже, не признавать большихъ заслугъ Трнскаго въ томъ, что онъ, начиная съ пятидесятихъ годовъ, не переставалъ знакомить хорватскую публику съ поэзіею, съ сочиненіями А. С. Пушкина.

Въ новѣйшее время (1896) проф. *Т. Маретичъ* перевелъ и въ Христоматіи изъ славянскихъ литературъ (Ћитанка) напечаталъ «Полтаву». Онъ извѣстенъ въ хорватской литературѣ переводами Гомера, Вергилія и Мицкевича «Пана Тадеуша». Въ

переводахъ изъ древнихъ классиковъ онъ сохранилъ размѣръ оригиналовъ, въ переводѣ же «Полтавы» онъ примѣнилъ восьми-сложные стихи съ римой. Переводъ его отличается правильностью и точностью.

О Пушкинѣ и его сочиненіяхъ написалъ Ив. Трнски въ «Neven»-ѣ за 1854 годъ статью біографическую, которая передѣланная вошла въ введеніе его изданнаго въ 1881 году перевода «Онѣгина». Я написалъ тоже біографію русскаго поэта, напечатанную въ изданіи «Матицы хорватской» за 1891 годъ, подъ заглавіемъ: «Pjesnički prvac i prvoj polovini XIX vieka». Въ этой книжкѣ мною рядомъ съ Пушкинымъ разобраны еще слѣдующіе корифеи европейскихъ литературъ: Байронъ, Мицкевичъ, Коляръ, Леопарди, Гейне и Гюго.

Чтобы почтить память великаго русскаго поэта по случаю столѣтней годовщины его рожденія «Матица Хорватская» напечатаетъ и вскорѣ издастъ¹⁾ Антологію изъ его сочиненій въ хорватскихъ переводахъ. Здѣсь, между прочимъ, выйдетъ также переводъ «Бориса Годунова», сдѣланный съ соблюденіемъ размѣра оригинала *Ис. Великановичемъ*. Великіе гении не живутъ только для себя и своего народа, они снабжаютъ богатствомъ своихъ идей, красотой своихъ сочиненій всѣ народы. Пушкинъ дарилъ и еще долго будетъ дарить все человѣчество. Мы, хорваты, преклоняясь передъ тѣнью его, почитаемъ въ немъ не только великаго поэта, но и великаго славянина. Имя Пушкина — каждому славянину святыня.

1) Съ тѣхъ поръ, какъ эта статья написана, прошелъ цѣлый годъ. Упомянутое изданіе вышло подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Puškinova izabrana djela u hrvatskoj knjizi. O stogodišnjici pjesnikova rođenja izdala Matica hrvatska Zagreb, 1899. Naklada «Matice hrvatske», 8°. LXXII, 392.

И. В. Я.

III.

А. С. ПУШКИНЪ

ВЪ СЕРБСКО-ХОРВАТСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

Очеркъ библиографическій.

Въ маленькихъ литературахъ постоянно ощущается недостатокъ пособій библіографическихъ. Какъ многіе издатели думаютъ, что отдѣльная книга можетъ обойтись безъ указателя, такъ и совокупность издаваемыхъ сочиненій, книгъ, газетъ, журналовъ, не вызываетъ обзорѣній библіографическихъ. Когда уже отдѣльныя книжки съ трудомъ расходятся и плохо окупаются, — очень часто еще до сихъ поръ на подписку, не попадая даже въ книжную торговлю, — то понятное дѣло, на сухіе библіографическіе труды можно еще менѣе рассчитывать, что они найдутъ покупателей или читателей. Между тѣмъ этотъ пробѣлъ становится съ каждымъ годомъ чувствительнѣе, онъ заслуживаетъ серьезнаго обсужденія. Въ сербско-хорватской литературѣ значительная часть дѣятельности сосредоточена, чтобы не сказать спрятана, въ журналахъ и газетахъ, иногда очень недолговременныхъ. Многія изданія, не пользовавшіяся большою распространенностью, должны были прекратить свое существованіе послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Много-ли послѣ нѣсколькихъ лѣтъ. Полные экземпляры такихъ изданій принадлежатъ потомъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, къ библіографическимъ рѣдкостямъ. Составленіе библіографіи всѣхъ сербско-хорватскихъ журналовъ съ подробнымъ анализомъ ихъ содержанія, но и указаніемъ библіотекъ, гдѣ полные экземпляры имѣются, оказало бы громадную услугу литературѣ, оно должно бы даже предшествовать исторіи литературы, полное изложеніе которой безъ такихъ предварительныхъ пособій вещь почти немыслимая. Объ этомъ должны бы позабо-

тятся литературныя общества, не исключая даже академій, потому что безъ значительныхъ расходовъ подобнаго рода предпріятіе неосуществимо. Хорошо организованныхъ библіотекъ, за исключеніемъ университетской въ Загребѣ и можетъ быть великошкольной въ Бѣлградѣ — пока еще нѣтъ. На дняхъ только прошелъ слухъ въ газетахъ, что Матица Сербская въ Новомъ Садѣ постановила для своей библіотеки назначить отдѣльнаго библіотекаря. Хоть поздно, но лучше чѣмъ никогда. При существованіи нѣсколькихъ усердныхъ библіотекарей можно рассчитывать на появленіе трудовъ библіографическихъ.

Этими общими замѣчаніями я не намѣренъ извинять неполноту труда, представляемаго мною какъ маленькій, объемомъ незначительный, вкладъ въ пушкинскую литературу. Этотъ перечень, несмотря на незначительность его, стоилъ много усилій, онъ былъ сопряженъ съ многими трудностями, приходилось наводить справки и вести обширную переписку, обращаться въ разныя стороны съ просьбою за указаніями болѣе точныхъ данныхъ, и не всѣ запросы были увѣнчаны успѣхомъ. Уже въ бытность мою въ Берлинѣ я сталъ собирать матеріалъ для библіографіи переводовъ изъ Пушкина въ сербско-хорватской литературѣ. Въ то время помогалъ мнѣ въ этомъ дѣлѣ мой старинный другъ, теперь уже покойный проф. *М. Валявецъ*. Многія изъ ниже приводимыхъ замѣтокъ происходятъ первоначально отъ него. Все это относится къ 1880 году. Другія обязанности заставили меня потомъ отложить этотъ вопросъ на нѣсколько лѣтъ. Но съ 1887 года я началъ снова обращать вниманіе на пушкинскую библіографію. Въ Вѣнѣ былъ заинтересованъ мною для этого плана одинъ изъ бывшихъ моихъ слушателей, *Јованъ Максимовичъ*, нынѣ окружной инспекторъ народныхъ училищъ въ Крагуевцѣ (въ Сербіи). Онъ поднялъ вопросъ о библіографическихъ справкахъ относительно переводовъ въ сербской литературѣ съ русскаго и прочихъ славянскихъ языковъ въ новосадскомъ журналѣ «Стражиловъ». Начали появляться библіографическія указанія, но это усердіе не долго продолжалось! Къ столѣтней годовщинѣ вели-

каго русскаго поэта я порѣшилъ рядомъ съ прочими статьями издать также собранный мною библиографическій матеріалъ, позаботившись предварительно о дальнѣйшемъ восполненіи пробѣловъ. Такимъ образомъ понадобились новыя справки, новая переписка. Существенныя услуги оказалъ мнѣ въ данномъ случаѣ проф. загребскаго университета др. *Милицой Шрепелъ*, одинъ изъ самыхъ выдающихся ученыхъ между хорватами, всегда отзывчивый на всѣ вопросы по сравнительному изученію славянскихъ литературъ. Благодаря его любезному содѣйствію въ университетской библіотекѣ въ Загребѣ сдѣланы новыя разысканія по хорватскимъ газетамъ и журналамъ насчетъ переводовъ изъ Пушкина. Приобрѣтеннымъ матеріаломъ я могъ воспользоваться для пополненія моихъ раньше собранныхъ замѣтокъ. Такимъ образомъ обзорѣніе мое по части такъ называемой спеціально хорватской литературы, т. е. по отношенію къ изданіямъ, напечатаннымъ латинскими буквами въ западной части обитаемыхъ хорватами и сербами странъ не будетъ, какъ мнѣ сдается, страдать большими пропусками или неточностями. Гораздо труднѣе для меня оказалось обзорѣть литературу спеціально сербскую, по изданіямъ печатавшимся въ Бѣлградѣ, Новомъ Садѣ, въ Карловцахъ, Панчевѣ и т. д. Такого усерднаго сотрудника, какаго я нашелъ въ лицѣ проф. Шрепеля въ Загребѣ, не удалось отыскать на востокѣ, въ Бѣлградѣ или Новомъ Садѣ ¹⁾. Пришлось довольствоваться тѣмъ, что у меня собрано при помощи выше упомянутаго Јована Максимовича.

Такъ какъ очень мало сочиненій А. С. Пушкина на сербско-

1) «Матица Српска» напечатала недавно «Списак књига и рукописа у библиотеци Матике Српске». На это изданіе можно указать какъ на очень наглядное доказательство жалкаго положенія библиографіи въ сербской литературѣ, что послѣ хорошаго труда Стояна Новаковича непростительно. Сербскія книги приводятся здѣсь въ алфавитномъ порядкѣ — и только; не указаны форматъ изданія, нѣтъ числа страницъ, заглавія неполныя. Каталогъ составленъ по языкамъ; за сербскимъ идутъ русскій, болгарскій, румынскій, греческій — и теперь только хорватскій! Вотъ образецъ глубокомыслія! Гораздо разумнѣе составленъ изданный недавно каталогъ книжнаго магазина Станча (Стајић) въ Бѣлградѣ.

хорватскомъ языкѣ вышло отдѣльными книжками, то, конечно, все вниманіе сосредоточивается на журналахъ и газетахъ. Съ этой цѣлью разсмотрѣны слѣдующія періодическія изданія:

а) Латинскими буквами: «*Narodne novine*» съ 1835 по 1899 г., газета эта выходила постоянно въ Загребѣ (заглавіе нѣсколько разъ измѣнялось въ добавочныхъ частяхъ). «*Danica ilirska*» за 1835 по 1848 и 1862—1867 годъ (выходила въ качествѣ литературнаго прибавленія къ газетѣ «*Narodne novine*»). «*Kolo*» (выходило въ Загребѣ, отдѣльными книжками, всего 9 выпусковъ, 1842—1853 гг.). «*Dubrovnik*» за годы 1849—1851 три книжки, за годы 1867—1876 четыре книжки, въ видѣ альманаха опять за годы 1897—1899 три книжки. Изданіе печаталось въ Дубровникѣ, въ Загребѣ, въ Сплѣтѣ (Spalato). «*Neven*» за 1852 по 1858 годъ, выходилъ какъ еженедѣльный листъ въ Загребѣ, потомъ въ Рѣкѣ (Fiume). «*Glasopisac*» за 1861 по 1865 годъ (первые четыре года выходили въ Карловцѣ, пятый въ Вѣнѣ). «*Dragoljub*» за 1867 и 1868 годъ (выходилъ въ Загребѣ). «*Naše gore list*» за 1861 по 1863 годъ, выходилъ въ Загребѣ. «*Slavonac*» за 1863—1865 годъ выходилъ въ Пожегѣ (въ Славоніи). «*Vienac*» за 1869 по 1899 годъ, выходитъ теперь еще еженедѣльно въ Загребѣ. «*Dom i svijet*» за 1888 по 1898 годъ выходятъ въ Загребѣ. «*Hrvatska lipa*» (за 1875 годъ, выходила только одинъ годъ въ Загребѣ). «*Hrvatska vila*» за 1882—1885 годъ (выходила первый годъ въ Сушакѣ возлѣ Рѣки — Fiume, II—IV въ Загребѣ). «*Hrvatska*» полит. газета, выходила съ 1886 по 1894 годъ въ Загребѣ. «*Nada*» за 1895—1899 годъ (выходитъ въ Сараевѣ въ Босніи). «*Prosvjeta*» за 1893 по 1899 годъ въ Загребѣ. Кромѣ этихъ журналовъ и газетъ, розыски по которымъ оказались не совсѣмъ безуспѣшными, разсмотрѣны также слѣдующія изданія, но безъ результатовъ: «*Zora Dalmatinska*» за 1844—1848 г. «*Slavenski jug*» за 1848—1850 г. «*Obzor*» (какъ оппозиціонная полит. газета измѣняла заглавіе въ «*Pozor*», «*Novi Pozor*», «*Zatočnik*», «*Branik*») съ 1860 по 1899 г. (выходитъ еще). «*Primorac*» (выходилъ въ Кралевицѣ — Porto re — въ

1873 по 1878 годъ). «Hrvatske novine» (въ Загребѣ, 1867—1868 г.). «Sloboda» (съ 1878—1883 г. въ Сушакѣ возлѣ Рѣки — Фіуме, 1884—1885 г. въ Загребѣ). «Hrvatsko pravo» (съ 1895—1899 г., выходитъ въ Загребѣ). «Hrvatska domovina» (съ 1895—1889 г., выходитъ въ Загребѣ). «Slovinac» за 1878 по 1884 годъ (литературный органъ, выходилъ въ Дубровникѣ). «Balkan» за 1886—1887 годъ. «Smotga» за 1885—1887 г. (ежемесячное изданіе).

б) Кирилловскими буквами: «Даница» за 1860 по 1870 годъ (выходила еженедѣльно въ Новомъ Садѣ). «Матица» (выходила 1866—1870, еженедѣльно въ Новомъ Садѣ). «Вила» (выходила въ Бѣлградѣ съ 1865 по 1868 годъ). «Босанска вила» за 1886 по 1898 годъ (выходитъ въ Сараевѣ, не сполна рассмотрѣна). «Седмица», выходила въ пятидесятихъ годахъ въ Новомъ Садѣ (рассмотрѣны года 1853—1858). «Јавор» (выходилъ въ Новомъ Садѣ, 1874—1892, не вполне рассмотрѣнъ). «Стражилово» (выходило еженедѣльно въ Новомъ Садѣ съ 1885 по 1894 годъ, съ перерывомъ, всего 7 годовъ). «Бранково коло» (выходитъ въ Карловцахъ съ 1895 года еженедѣльно). «Отаѹбина» ежемѣсячный журналъ, выходилъ въ Бѣлградѣ съ 1873 по 1892 годъ (всего 129 выпусковъ). «Дело» ежемѣсячный журналъ, выходитъ въ Бѣлградѣ съ 1894 года по нынѣ. «Србадија» выходила въ Вѣнѣ въ 1875—1877 г. въ мѣсячныхъ выпускахъ, въ 1876 также «Млада Србадија». «Искра» (1898) въ Бѣлградѣ. Ничего не оказалось въ многихъ другихъ, по крайней мѣрѣ отчасти рассмотрѣнныхъ изданіяхъ, напр. въ «Српске илюстроване новине» въ Новомъ Садѣ за 1881 и 1882 годъ, въ «Невен» (для юношества) съ 1882 по 1887 годъ, въ Цетинскомъ журналѣ «Нова Зета».

Успѣхъ разысканій значительно затрудняется одной нехорошей привычкой многихъ переводчиковъ. Желая должно быть замѣять слѣдъ своихъ источниковъ, они любятъ подчасъ измѣнять заглавія переводимыхъ текстовъ, выдумывая новыя надписи, или же ограничиваясь замѣткой самаго общаго, неопредѣленнаго содержанія: «по рускому», «с рускога» и т. д. Не много библиографъ выигры-

ваетъ также отъ одной прибавки «по Пушкину», если все остальное передѣлано. Конечно эта жалоба относится преимущественно къ стихамъ небольшого объема, пѣснямъ лирическимъ, элегіямъ, эпиграммамъ и т. д., но большая часть сербско-хорватскихъ переводовъ вращается именно въ этой средѣ. Переводчики повидимому избѣгали переводить все слишкомъ индивидуальное у Пушкина, рисующее личныя отношенія поэта къ друзьямъ и условія жизни, содержащее намеки на общественное положеніе, на затрудненія цензурныя и т. д. Такимъ образомъ выборъ переводимыхъ пѣсенъ былъ довольно ограниченъ, поэтому и не удивительно, что инныя даже очень не выдающіяся вещи переводились по два и по три раза, тогда какъ другія, гораздо важнѣе и характернѣе для Пушкинской поэзіи, остались въ сторонѣ.

Было бы полезно знать, изъ какихъ изданій переводчики выбирали переводимый ими матеріалъ. Полныхъ изданій они въ большинствѣ случаевъ не имѣли подъ руками. Я не затрудняюсь утверждать, что громадное большинство ихъ вовсе не знало настоящаго значенія Пушкина, не сумѣло оцѣнить его поэзіи ни по отношенію къ русскому обществу, ни по отношенію къ европейскимъ литературамъ. Переводилось-же изъ Пушкина потому, что въ европейскихъ литературахъ, въ особенности нѣмецкой, авторитетъ его установился, благодаря многочисленнымъ и удачнымъ переводамъ, по которымъ его знали въ западныхъ литературахъ, изъ которыхъ также проникалъ слухъ о поэтѣ къ южнымъ славянамъ; но въ чемъ суть его поэзіи, на какихъ произведеніяхъ покоится его слава — этого южнославянскіе переводчики, за небольшими исключеніями, вовсе не знали, объ этомъ они и не заботились. Еще же менѣе были въ состояніи читатели по незначительнымъ, разбросаннымъ отрывкамъ изъ Пушкинской поэзіи, представленнымъ имъ въ переводахъ, не всегда удачныхъ, составить себѣ полное понятіе о значеніи Пушкина не то въ русской, не то въ европейской литературѣ. Поворотъ къ лучшему замѣтенъ только въ послѣднія десятилѣтія, благодаря окрѣпшей дѣятельности въ сербско-хорватской литературѣ, лучше раз-

вившемуся вкусу домашнихъ какъ писателей, такъ и читателей. Все, что прежде того, въ сороковыхъ, пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ переводилось изъ Пушкина, не могло обращать на себя особеннаго вниманія вслѣдствіе незначительности, не производило впечатлѣнія по внутренней безсвязности. Да и теперь еще Пушкина, можно сказать, въ сербско-хорватской литературѣ слишкомъ мало знаютъ, гораздо меньше чѣмъ напр. Лермонтова или Тургенева. Для самаго популярнаго его сочиненія и у южныхъ славянъ, для «Евгенія Онѣгина», не существуетъ еще перевода, который легкостью и изяществомъ равнялся бы переводу Лермонтовскаго «Демона» въ стихахъ Змая Јовановича. Его «Борись Годуновъ» переведенъ впервые только въ 1894 году. Переводъ «Русалки» появился еще позже, въ 1896 году. Блестящая лирика Пушкина и тогда, если-бы собрать въ одно цѣлое все до сихъ поръ переведенное, представляла бы только лоскутки. Кто же въ состояніи слѣдить и за этими лоскутками, разбросанными въ нѣсколькихъ дюжинахъ журналовъ, отчасти уже совсѣмъ забытыхъ и мало доступныхъ?.. Даже такое популярное сочиненіе, какъ «Капитанская дочка», до сихъ поръ не вышло отдѣльнымъ изданіемъ въ той части сербско-хорватской литературы, которая печатается латинскими буквами, хотя переводъ Маретича очень хорошъ (см. ниже подъ № 73). Да и Мостарское изданіе повидимому мало распространено.

Въ ниже приведенномъ обзорѣни положенъ въ основаніе не хронологическій порядокъ переводовъ, потому что нельзя вездѣ примѣнить его; иные переводы доступны только въ полномъ собраніи сочиненій авторовъ, когда же они впервые сдѣланы, нужно бы установить особымъ изслѣдованіемъ. Не составленъ списокъ по авторамъ, т. е. именамъ переводчиковъ, по той простой причинѣ, что не у всѣхъ переводовъ имя переводчика отмѣчено, иногда попадаютъ только начальныя буквы или даже псевдонимы. Соображаясь съ этими данными я порѣшилъ придерживаться порядка русскаго текста, какъ онъ напечатанъ въ изданіи Литературнаго фонда подъ редакціей П. О. Морозова.

Гдѣ академическое изданіе Л. Н. Майкова могло быть употреблено, ссыла на него прибавлена въ скобкахъ. Выбранный порядокъ изложенія имѣетъ то преимущество, что облегчаетъ обзорѣніе переводовъ соразмѣрно съ текстомъ подлинника, видны также пробѣлы непереведенныхъ стихотвореній или прозаическихъ текстовъ; наконецъ при соблюденіи этого порядка могли быть сведены подъ одно всѣ повторенія переводовъ одного и того-же сочиненія.

1.

I. 38 (I. 62), 1814 года. *Романсъ. Подъ вечеръ осенью ненастной.* Въ журналѣ «Glasnoša», который за 1865 годъ выходилъ въ Вѣнѣ подъ редакціей А. Лукшича (А. Lukšić) — это былъ пятый и кажется послѣдній годъ изданія этого журнала — напечатанъ переводъ подъ заглавіемъ «Romansa od A. Puškina», въ № 22 и 23, на стр. 173. Переводчикъ подписался буквами J. J., кажется несомнѣннымъ, что это былъ Janko Jurković. Въ подлинникѣ романсъ написанъ ямбическими стихами, девяти- и восьмисложными вперемежку, первые съ женской, послѣдніе съ мужской риемой. Переводчикъ сумѣлъ сохранить чередованіе женскихъ и мужскихъ риемъ согласно съ подлинникомъ, но стихъ не вышелъ ямбическимъ, число слоговъ увеличено на двѣнадцать (при женской риемѣ), на одиннадцать (при мужской риемѣ). Для образца приводимъ начало:

Kišovita jesen, mrkla večer studi,
Po pustoši moma krije lagan hod.
Što to tako stiska drkćući na grudi?
Nesrećnoga milja stidni tajni plod.

Polje, gora driema ispod noćnog skuta,
Sad je samo vjetar kroz ogranke šušno;
Nemiran joj pogled na sve strane luta,
Pa umoran pade na čedo majušno.

Этотъ переводъ выйдетъ черезъ нѣсколько времени въ Пушкинской антологіи, издаваемой Матицею Хорватской въ Загребѣ подъ заглавіемъ «Романса», на стр. 3—4 ¹⁾.

2.

I. 90 (I. 108), 1815 года. *Разсудокъ и любовь. Младой Дафнисъ юняся за Доридой*. Въ еженедѣльномъ журналѣ «Vienac», VII годъ изданія (1876), № 30, стр. 492, переведены эти стихи подъ заглавіемъ «Razum i ljubav», переводчикомъ отмѣченъ Tomislav Maretić, бывшій въ то время преподавателемъ въ Пожегѣ (въ Славоніи). Въ подлинникѣ ямбическіе стихи одиннадцати- и десятисложные (съ женской и мужской римой) чередуются въ строфѣ такъ: *abbacc* (вс десятисложные стихи съ мужской, а одиннадцатисложные стихи съ женской римой). Въ переводѣ сохраненъ размѣръ и рима оригинала, какъ показываетъ слѣдующій образецъ:

Ustopce Dafnis za Doridom ide:
 «Djevojčice oj li'era pričekaj,
 «Te daj dovikni, da me ljubiš, daj.
 «Svud za tobom ću, tako mi Kipride!»
 — Ne reci ništa! — razum veli njoj,
 Vragolan Eros: reci, dragi moj.

Въ исправленномъ видѣ выйдетъ и этотъ переводъ въ Пушкинской антологіи, которую черезъ нѣсколько мѣсяцевъ издастъ въ Загребѣ «Matica hrvatska».

3.

I. 139 (1816 года, въ акад. изданіи I. 220). *Желаніе. Мед-*

1) Эти ссылки на антологію написаны въ 1899 году, но съ тѣхъ поръ книжка давно уже вышла подъ заглавіемъ: Puškinova izabrana djela u hrvatskoj knjizi. O stogodišnjici pjesnikova rođenja izdala Matica hrvatska. Zagreb, 1899. 80. LXXII. 392.

лительно влскутся дни мои. Переводъ этого стихотворенія вышелъ въ 23 номерѣ загребскаго еженедѣльника «*Vienas*» за 1899 годъ (XXXI, стр. 367), за подписью переводчика Змајова. Былъ ли этотъ переводъ напечатанъ гдѣ-нибудь раньше кирилловскимъ шрифтомъ, не могу сказать, но онъ вышелъ приблизительно въ то же время кирилловскими буквами въ издаваемой въ Мостарѣ «*Зорѣ*» (Зора) за 1899 годъ, июль, стр. 222. Подписавшійся Змајова извѣстный сербскій поэтъ Змај Јован Јовановић. Переводъ его подъ заглавіемъ «*Želja*» начинается такъ:

Žalosno teku dani moji, žalosno,
I svaki trenut doda neko novo zlo.
Nesrećna ljubav muči me, muči me javom, snom,
I prieti neizvidom, grozi ludilom.

Какъ видно, въ переводѣ выдержанъ ямбическій размѣръ, но въ числѣ слоговъ нѣтъ совпаденія съ оригиналомъ русскимъ; рима выходитъ наружу только въ послѣднихъ четырехъ стихахъ, въ видѣ *aabb*; *a* мужская, *b* женская.

4.

I. 144 (I. 227), 1816 г. *Элегія. Счастливъ кто въ страсти самъ себѣ.* Въ журналѣ «Бранково коло» за 1895 годъ (I-й), № 8, стр. 231 переведена эта «Елегија», съ замѣткой: «превео Никола Весин». Въ подлинникѣ ямбы, римы мужскія (*a*) попережку съ женскими (*b*). Въ переводѣ рима чередуется согласнo съ подлинникомъ, но только женская, потому что стихъ вездѣ трохаяческій восьмисложный.

Благо оном ко не стрепи,
Кад се себи исповеда,
Кога јоште нада крепи,
Кад у мрачну судбу гледа.

5.

I. 144 (I. 215), 1816 года. *Наслаждение. Въ неволѣ скучной увядаетъ.* Въ журналѣ «Hrvatska vila» за 1885 годъ (IV-й этого изданія), № 7 перевелъ эту пѣсню какой-то F. S. подъ заглавіемъ «Naslada». Вотъ начало ея:

U nesnosnoj ti biedi gine
Tek razvit žića cvietak drag,
Kradimice mladost leti, mine,
A trag njen — pečali je trag.

6.

I. 148 (I. 119), по Морозову 1816, по Л. Н. Майкову 1815 года. *Слеза. Вчера за чашей пуншевою.* Эти стихи переведены въ издаваемой въ Сараевѣ «Надѣ» (Nada) за 1898-й (IV-й) годъ, № 23, на стр. 362, переводчикомъ значится нѣкто Ranko (Јован Дучић). Въ подлинникѣ чередуются ямбическіе девяти- и шестисложные стихи (женскія и мужскія рѣзмы). Переводчикъ упростилъ свою задачу, довольствуясь восьмисложнымъ трохаическимъ стихомъ, рѣзма женская сохранена только въ стихахъ 2, 4, 6 и т. д. Приводимъ образецъ:

Pokraj pune čaše punča
Ja s gusarom (sic!) jedne noći
Sjećah (sic! вм. sjegjah) mračan; na put jedan
Upro bijah mutne oči.
«No šta vidiš na tom putu?»
Čuh glas ovog hrabrog lava,
«Onud jošte ti drugove
Ne provede, bogu slava».

Второй переводъ той же пѣсни вышелъ въ «Бранково коло» за 1899 (V-й) годъ, № 20, на стр. 617, съ подписью перевод-

чика (переводчицы?): Вера (изъ Бѣлграда). И въ этомъ переводѣ употреблены восьмисложные трохаическіе стихи, съ рифмою 2, 4, 6, 8 и т. д. Замѣчательно, что оба переводчика не задумываясь оставили русскаго «гусара» (по-сербски «хусар») такъ и быть «гусаромъ» (т. е. пиратомъ, морскимъ разбойникомъ)! Начало второго перевода такое:

Уз чашу пунча са гусарем (!)
 Пред ноћ сеѣах забринуто
 И гледећн дањним путем
 Замипљен сам тужно ђут'о.
 «Зашто гледаш путем оним?»
 Запита ме гусар ти'о,
 «Кад још њиме, слава Богу,
 Ниси дружбу проводио».

Наконецъ третій переводъ того же стихотворенія выйдетъ въ Пушкинской антологіи, которую въ скоромъ времени издастъ хорватское литературное общество «Matica Hrvatska». Переводъ сдѣлалъ А. Нагамбашић. Начало слѣдующее (по сообщенію профессора М. Шрепеля):

S husarom uz čašu punča
 Sjedio sam mrk i ljut,
 Pa sam niemo s mračnom dušom
 Gledao na dalek put.

7.

I. 148—149 (I. 233), 1816 года, но при томъ надо еще обратить вниманіе на I. 152 (I. 235). На дѣлѣ рѣчь идетъ о текстѣ, который въ Морозовскомъ изданіи напечатанъ въ «дополнительныхъ библиографическихъ примѣчаніяхъ» VII, стр. LI. Эта редакція стиховъ «Друзьямъ» приводится также въ акад. изданіи Л. Н. Майкова, въ примѣчаніяхъ, на стр. 316. Сербскому пере-

водчику она могла быть известна по заграничному изданію: «Стихотворенія А. С. Пушкина, не вошедшія въ последнее собраніе его сочиненій» (второе изданіе, Berlin, V. Behr's Buchhandlung 1870), на стр. 3—4. Начало этой редакціи такое: *Среди бесѣды вашей шумной*. Владимиръ М. Іовановичъ (Јовановић), скончавшійся недавно въ Сербіи въ Шабцѣ (Шабаци на Савѣ), перевелъ эти стихи въ «Стражилово» за 1885 (I-й) годъ, № 44, стр. 1383—1386, потомъ же переводъ его перепечатанъ былъ въ книжкѣ «Лепе туѣинке», во второмъ, въ 1891 году напечатанномъ изданіи въ Шабцѣ (у Шапцу), на стр. 128—129, подъ заглавіемъ «Друговима». Въ подлинникѣ ямбы девятисложные и восьмисложные, съ приемами: женской—мужской. Переводчикъ употребилъ десятисложный трохайческій стихъ (сербскій эпическій размѣръ) съ приемомъ *aabb* (тогда какъ у Пушкина *abab*):

Сви зборите, само ја једини
Седим тужан у вашој средини...
Ох' ман'те ме, немојте ме звати,
Не могу ја с вама пировати...

8.

I. 152 (I. 218), 1816 года. *Пробужденіе. Мечты, мечты, идѣ ваша сладость!* Эту пѣсенку перевелъ «Никола Весин» (см. подъ № 4) въ «Бранково коло», годъ I-й (1895), № 24, стр. 743, подъ заглавіемъ «Бдење». Въ подлинникѣ четырех- и пятисложные ямбы съ мужской и женской приемомъ *ababaabb*. Въ переводѣ стихъ трохайческій четырех- и пятисложный съ женскими приемами:

Машто, машто,
Где су твоје власти!
Зашто, зашто
Немам ноћу сласти?

Стари, нови
Ишчезнули снови
Те једини
У дубокој тмини
Чамим ја.

6*

9.

I. 159 (акад. изд. I. 244) 1816 или 1817 года: *Болны вы, дядюшка*. Это четырехстишие перевелъ А. Нагамбашић подъ заглавіемъ «Џујет, џујет», оно выйдетъ въ Пушкинской антологіи, изданіи «Матицы Хорватской». По указанію М. Шрепеля первые стихи слѣдующіе:

Ah, zar ste bolni, ujače? Bez moći!
O kako bijah zabrinut! tri noći.

Уже изъ этого начала видно, что переводчикъ не понялъ значенія русскаго выраженія «нѣтъ мочи», оно не значитъ «bez moći», а могло бы быть переведено: «не могу реći» или «neiskazano», «odveć».

10.

I. 161 (I. 247), 1816 года. Въ Морозовскомъ изданіи подъ заглавіемъ «Эпитафія», въ Майковскомъ «На смерть стихотворца». Это четырехстишие переведено въ журналѣ, издававшемся нѣсколько лѣтъ въ Загребѣ, подъ заглавіемъ «Dragoljub», въ I-мъ годѣ изданія, 1867 года, на стр. 782: «Stihotvorac», переводчикомъ былъ «Edo Zvonimir Asanger», переводъ плохой; въ подлинникѣ ямбы десяти- и восьмисложные, съ риемой *abab*, въ переводѣ же восьмисложный трохайческій стихъ:

Klita u raju lje ne bude,
Ta sagrieši teške grihe,
Bog mu djela nek zabude,
Kano što mu sviet već stihe!

То же самое четырехстишие перевелъ подъ заглавіемъ «Роккојни Клитъ» хорватскій поэтъ А. Нагамбашић для Пушкинской антологіи, которая въ скоромъ времени выйдетъ въ Загребѣ. Начало, по указанію М. Шрепеля, слѣдующее:

Klit ne će bit u divnoj rajskoj slavi,
U težkom griehu morao je mrijet...

11.

I. 196 (1818 года). *Про себя. Великимъ быть желаю.* Это четверостишие перевелъ А. Нагамбашић подъ заглавіемъ «*Samom sebi*» для Пушкинской антологіи «*Матицы Хорватской*». Вотъ оно (по сообщенію проф. М. Шрепеля):

Ja želim biti velik, to priznajem,
I Rusku žarko ljubim ja,
I mnogo, mnogo obećajem,
Izvršit hoću l' — Bog to zna.

12.

I. 203—205 (отнесено въ Морозовскомъ изданіи къ 1819 г.). *Русалка. Надъ озеромъ въ глухихъ дубравахъ.* Переводъ этого стихотворенія вышелъ въ нынѣшнемъ (1899) году въ книжкѣ «*Putne uspomene iz god. 1898*» u Zagrebu 1899. 8° 62. Авторъ книжки Ivan Trnaski, одинъ изъ самыхъ усердныхъ переводчиковъ Пушкинскихъ сочиненій. Авторъ-поэтъ, очутившись на прелестномъ островѣ Локрумѣ (Ласгота vis-à-vis Дубровника), перенесъ себя въ поэтическомъ мечтаніи въ положеніе монаха Пушкинской Русалки, которой текстъ по этому поводу онъ и приводитъ на стр. 23—25 упомянутой книжки въ собственномъ переводѣ. Въ подлинникѣ обыкновенный размѣръ девятисложныхъ и восьмисложныхъ ямбовъ съ римой *abab*, въ переводѣ восьмисложные трохаические стихи, съ римой только женской *abab*:

U lug tamni do jezera
Kaludjer se negda skloni
Postit, molit; sviest ga tjera,
Da se trapi, suze roni.

Lopatom je drugda pako
 Starac i grob sâm si kopô,
 Ne bi li ga skončaj kako
 Ugodnika božjeg dopô.

Переводъ этотъ выйдетъ также въ Пушкинской антологіи, которую издать «Matica Hrvatska».

13.

I. 205 (1819 года по Морозову). *Деревя, приоттворю тебя пустынный улоокъ*. Переводъ вышелъ въ іюньской книжкѣ 1899 года (VI годъ изданія), ежемѣсячнаго въ Бѣлградѣ издаваемого сербскаго журнала «Дело», на стр. 434—436; переводчикъ подписался: «Милорад И. Митровић». Въ подлинникѣ ямбы, стихи двѣнадцатисложные (съ мужской римой) и тринадцатисложные (съ женской римой), попережку также девяти- и восьмисложные, одинъ десятисложный. Въ переводѣ стихъ шестистопный трохаическій съ римами, конечно женскими:

Срдачно те здравим, мој кутићу знани,
 Уточиште мира, надахнућа, рада,
 Где нечујним током теку моји дани,
 У срећи, без јада.

14.

I. 212 (1819 года). *Веселый пиръ. Я люблю вечерній пиръ*. Переводъ въ «Narodne povine» за 1859 годъ, № 58, подъ заглавіемъ «Veseli pir»; переводчикъ назвалъ себя «Asanaga», но настоящая его фамилія была Е. Asanger (см. № 10). Въ подлинникѣ семисложные и восьмисложные трохаическіе стихи, съ мужской и женской римой попережку. Въ переводѣ остался тотъ же размѣръ:

Ja večernji ljubim pir,
 Gdje veselje predsjeduje,
 A sloboda moj kumir
 Sama stolom gospoduje.

То же стихотвореніе перевелъ также А. Нагамбашић для Пушкинской антологіи, которую въ скоромъ времени издастъ «Matica Hrvatska» въ Загребѣ. Начало перевода (по сообщенію проф. М. Шрепеля) слѣдующее:

Večernji ja ljubim pir,
 Gdje veselje predsjedava,
 A sloboda, moj kumir,
 Gdje za stolom zakon dava.

15.

I. 227 (по Морозову 1820 года): *Дочери Карагеорія. Гроза луны, свободы воинъ*. Я не могъ провѣрить отмѣченное у меня указаніе на переводъ этихъ стиховъ, сдѣланный Милошемъ Поповичемъ и включенный въ изданную имъ книжку «Мачъ и перо» У Београду 1846. 12° 4 л. 93 стр. 5 л. Но кромѣ того существуетъ переводъ тѣхъ же стиховъ, подъ заглавіемъ «Kćeri Karagjorgjevoj» od Puškina (iz ruskoga), помѣщенный въ книжкѣ: *Talianke od Orsata Počića*. U Zagrebu 1849, 12° 92, на стр. 24—25. Переводчикомъ былъ извѣстный въ сербско-хорватской литературѣ поэтъ, графъ Медо Пуцић (Conte di Pozza) изъ Дубровника. Въ подлинникѣ — ямбы, стихи различные, отъ 8-ми до 13-ти слоговъ. Въ переводѣ преимущественно трохеи отъ 7-ми до 13-ти стиховъ — риемы какъ и въ подлинникѣ, но ямбы переводчику не удавались. Приводимъ для образца третью строфу:

Kak često uzbudjen osvete divlji žar
 Nevine ti zibke primukne na čelu
 I novog ubojstva misleći na udar
 Zagleda se u te i ne bi tudj veselju!

16.

I. 228 (1820 года). *Черная шаль. Гляжу какъ безумный на черную шаль*. Это стихотвореніе существуетъ, насколько я знаю, въ пяти различныхъ переводахъ. Въ литературномъ приложеніи къ «*Narodnim Novinam*», извѣстномъ еженедѣльникѣ «*Danica iliraka*» за 1847 (XII-й) годъ изданія, въ № 33, стр. 129, иллирскій поэтъ др. Д. Деметеръ перевелъ эти стихи подъ заглавіемъ «*Сѣгна Коррена*». Другой иллирскій поэтъ, Станко Вразъ, сдѣлалъ переводъ того же стихотворенія подъ заглавіемъ «*Сгнi zavoj*»; переводъ его вышелъ въ собранныхъ сочиненіяхъ Станка Вразъ, изданныхъ послѣ его смерти подъ заглавіемъ «*Děla Stanka Vraza*», въ четвертой книжкѣ «*Četvrti dio Razlike pjesme Prevodi U Zagrebu 1868*», на стр. 76—77. Станко Вразъ скончался въ 1851 году; поэтому не могу опредѣлить, чей переводъ раньше сдѣланъ. Третьимъ переводчикомъ того же стихотворенія былъ Змај Јованъ Јовановичъ. Его переводъ вышелъ впервые въ бѣлградской «*Вилѣ*» («*Вила*», II годъ, 1866, на стр. 22—23), потомъ же онъ включенъ въ собранныя сочиненія сербскаго поэта, изданныя въ 1887 году въ Новомъ Садѣ подъ заглавіемъ «*Певанија Змај-Јована-Јовановића. Одабране целокупне умотворине у песни и прози*» 4° XVI, 612, на стр. 155. Четвертый разъ вышло то же стихотвореніе въ переводѣ Јосипа Милаковића въ сараевскомъ иллюстрированномъ журналѣ «*Nada*», V годъ, 1899, на стр. 219, подъ заглавіемъ «*Сгна коррена*» од Јосипа Милаковића. Наконецъ, Іван Тртнскі сообщил свой переводъ подъ заглавіемъ «*Сгнi zavjes*» въ еженедѣльникѣ «*Vienac*» 1899 года, № 23, стр. 371—372. Какъ извѣстно, въ русскомъ подлинникѣ стихъ состоитъ изъ одного ямба и трехъ анапестовъ, съ мужской римой *aabbcc* и т. д. Переводчики не всѣ старались сохранить размѣръ подлинника, потому что сербско-хорватскій языкъ не легко выносить ямбы и анапесты. Попытка Вразъ не удалась вполне, только тѣ стихи выходятъ у него довольно гладко, гдѣ въ концѣ стоитъ односложное слово, напр. оба начальныя

стиха гласятъ такъ (второй лучше перваго, знаки ударенія поставлены мною):

Sve glèdam na cŕni zavòj (sic!) kano lùd
I túga me tìže za hlàdjānu grùd.

Напротивъ, не годятся такіе стихи, какъ 5—6:

I òna će ùm mi laskàjuć (sic) zaplèst (sic),
Te zmiĵu ne vīdjeh gdje će (sic) me uĵest (sic).

Милаковичъ тоже попыталъ счастья съ ямбами, они у него дѣйствительно лучше, чѣмъ у Враза:

Tu kòprenu cŕnu ko bèzumnik zŕèm
I lèdenu dūšu mi bōl trza n'ĵèm.
Lakòvĵeran kàda još bijah i mlād
Ja grĕkinju krāsnu sam ljúbio tàd.

Змай Јовановичъ остановился на трохеяхъ, но для разнообразія приемическаго иногда вм. двѣнадцатисложныхъ стиховъ беретъ одиннадцатисложные, такимъ образомъ получается рядомъ съ женскою также мужская рѣма. Вотъ первые четыре стиха:

Као махнитъ зверамъ у црн вео сад,
А ледену душу раздире ми јад.
У младости лудој, лаковерју слепом,
Гинуло ми срце за Гркињом лепом.

Іван Титски старался опять подойти къ размѣру подлинника, съ мужской рѣмой. Последнее онъ успѣлъ сдѣлать такимъ способомъ, что каждый стихъ у него заканчивается односложнымъ словомъ, но впрочемъ ямбико-анapestическій характеръ стиха не вполне удался ему. Читая по требованіямъ ударенія, мы разбираемъ, правда, первый ямбъ, но вмѣсто правильныхъ анапестовъ слышится только передъ удареніемъ на последнемъ слогѣ предшествующій дактиль:

Na zavjes crni zurim kanoti lud,
A pečal ljuta bonu siepa mi grud.

Переводъ Деметера войдетъ въ Пушкинскую антологию «Матицы Хорватской», начало слѣдующее:

Ko bezuman gledam crnu koprenu
I pečal mi kida dušu studenu.

17.

I. 235 (1821 года). *Красавица передъ зеркаломъ. Взгляни на милую, когда свое чело.* Это четырехстишие переведено въ 1859 г. въ «Narodne Novine» № 11, подъ заглавіемъ: «Liepotica pred zèrcalom»; переводчикъ называетъ себя здѣсь Sl. Voltava, но изъ сличенія этого перевода съ тѣмъ, который напечатанъ въ журналѣ «Dragoljub» I годъ (1867), № 49, стр. 782, гдѣ переводчикомъ указанъ Edo Zvonimir Asanger, оказывается, что переводъ — одинъ и тотъ же. Стало быть Sl. Voltava только псевдонимъ настоящей фамилии переводчика Асангеръ (см. выше подъ № 10). Сокращенное Sl. не что другое, какъ сокращеніе имени Slavoljub, какъ у хорватовъ принято переводить названіе Эдуардъ. Начало слѣдующее:

Gledi milu, kak si čelo lierno
Pred zrcalom cviećem okružuje.

18.

I. 235 (1821 года). *Муза. Въ младенчествѣ моемъ она меня любила.* Переводъ этого стихотворенія выйдетъ вскорѣ въ Пушкинской антологіи, которую издастъ «Matica hrvatska» въ Загребѣ. Переводчикомъ значится А. Нагамбашић. Начало перевода (по сообщенію проф. М. Шрепеля):

U mladosti mojoj bila mi je sklona
I pjesničku frulu dala mi je ona...

19.

I. 238 (1821 года). *Элеія. Я пережилъ свои желанья*. Переводъ этихъ стиховъ отъ «Змайовы» (Змајова, т. е. Змај Јован Јовановић) вышелъ въ журналѣ «Бранково коло» I годъ (1895), № 21, стр. 641, подъ заглавіемъ «Елегија». Стихи подлинныя ямбическіе, девяти- и восьми-сложныя съ рифмой *abab*. Въ переводѣ 11 и 10 слоговъ, попытка сохранить ямбы:

Преживео сам своје бѹjne жѣље
Размѣловѣ сам своје мѣште сјај,
Остале само пѣтје моје вѣље
По пѹстимъ грѹдма лѹта ѹздисај.

Еще раньше то-же стихотвореніе перевелъ покойный Владиміръ Јовановичь; когда, точно сказать не могу, но оно вошло во второе изданіе его стиховъ «Лепе Туѣинке» (см. выше подъ № 7), на стр. 130. Начало стихотворенія слѣдующее:

Рекао сам збогомъ нади,
Мануо сам спове своје,
Још ми само при јадѣ
У празноме срцу стоје.

Третій переводъ той же элегіи выйдетъ въ Пушкинской антологіи, издаваемой «Матицей Хорватской» въ Загребѣ, подъ заглавіемъ «Elegija». Начало перевода, который сдѣлалъ хорватскій поэтъ А. Харамбашичъ (А. Нгамбашић), по сообщенію проф. М. Шрепеля, слѣдующее:

Ја preživjeh želje svoje
I sve mašte uma svog,
Ostadoše patnje moje,
Plodi pustog srca mog.

20.

I. 261 (1821 года). *Десятая заповѣдь. Добра чужого не желать*. Переводъ этого стихотворенія въ «Лепе Туѣинке» Вла-

диміра Јовановича (см. выше № 7. 19), на стр. 131, подъ заглавіемъ: «Десета заповестъ». Въ подлинникѣ ямбы, стихи восьми- и девяти-сложные, рима *abba*. Въ переводѣ выбранъ семи-сложный стихъ, но судя по ударенію иные стихи надо читать ~-~--~-, иные же ~-~--~-.

Нама господ бог вели,
Да се туђе не жели,
Ништа на то не велим,
Нећу туђе да желим.

Нећу никог покрасти,
Нећу никог опасти,
Нећу села ни дома,
Волим бити сиромѣ.

21.

I. 263 (1821 года). *Лизѣ страшно полюбитьъ*. Восьмистишіе безъ заглавія, начинающееся этимъ стихомъ, переведено для Пушкинской антологіи «Матицы Хорватской», которая вскорѣ выйдетъ. Переводчикъ А. Нагамбашић. Начало перевода, по сообщенію проф. М. Шрепеля, слѣдующее:

Strah je Lizu vas ljubiti,
Al' da nije to obmana?

22.

I. 282 (1822 года). Между «эпиграммами» первая начинается такъ: *У Клариссы денегъ мало*. Это четырехстишіе переведено Станкомъ Вразомъ, въ собранныхъ сочиненіяхъ его (см. выше подъ № 16) въ «Děla Stanka Vraza» кн. III, стр. 171, подъ заглавіемъ «Savjetъ». Начало: «Klara novcemъ baš nesluje». Потомъ то-же четырехстишіе переведено въ «Narodne Novine» за 1859 г. № 58, переводчикомъ былъ Asan-aga (т. е. Asanger, см. выше подъ № 10. 17), подъ заглавіемъ «Klarisa». Начало: «U Klarise povasañ je malo». Переводъ Ст. Вразѣ выйдетъ въ Пушкинской антологіи «Матицы Хорватской», только не знаю кѣмъ и по чему исправленный.

23.

I. 291 (1823 года). *Темна жизни. Хоть тяжело подъ часъ
отъ ней бремя.* Переводъ этого стихотворенія сдѣлалъ Р. I. Ода-
вичъ въ журналѣ «Стражилово», V годъ, 1892, № 18, подъ
заглавіемъ: «Таьиге живота», не соблюдя подлиннаго размѣра
ямбическаго, представляющаго стихи девяти- и восьми-сложные
съ риемою *abab*. Переводчикъ остановился на десяти-сложныхъ
стихахъ съ цезурою послѣ 5-го слога; риема *abab*, конечно жен-
ская, соблюдена:

И ако j' тешко у њима бreme,
Таьиге иду брзо и лако,
Кочијаш стари, то седо време,
Не слази доле, већ тера тако.

Говорятъ, что это стихотвореніе переведено (вновь-ли или
перепечатано?) также въ какомъ-то журналѣ «Будућностъ» за
1894 годъ, № 80. «Будућностъ» цитируютъ обыкновенно какъ
изданіе, которое выходило въ Вершцѣ (Вршац) въ Венгріи.

Наконецъ, подъ заглавіемъ «Kola života», сдѣланъ переводъ
этого стихотворенія для Пушкинской антологіи, которую въ ско-
ромъ времени издастъ «Matica hrvatska». Переводчикъ — хорват-
скій поэтъ А. Нагамбашиѣ. Начало перевода (по сообщенію проф.
М. Шрепеля) слѣдующее:

Premda kadkad voze teško breme,
Kola su u vožnji lagana;
Smjel kočijaš, sjedoglavo vrijeme,
Vozi; ne slazi sa sjedala.

24.

I. 292 (1823 года). *Демонъ. Въ тѣ дни когда мы были
ноги.* Переводъ этого стихотворенія сдѣлалъ А. Нагамбашиѣ для
Пушкинской антологіи, которую издастъ черезъ нѣсколько вре-

мени «Matica hrvatska» въ Загребѣ. Начало перевода (по сообщенію проф. Шрепеля) слѣдующее:

Kad još su novi bili meni
Svi dojmovi života tog,
I dievâ pogled zaljubljeni,
I piev slavulja malenog.

Какъ видно, переводчикъ сохранилъ ямбы оригинала, даже съ чередованіемъ женскихъ и мужскихъ риемъ.

25.

I. 303 (1824 года). *Къ морю. Прощай, свободная стихія!* Переводъ этого стихотворенія выйдетъ въ Пушкинской антологіи, издаваемой «Матицею Хорватской»; переводчикъ — А. Нагмбашіѣ. Начало перевода (по сообщенію М. Шрепеля) слѣдующее:

Oprosti meni, stihijo slobodna,
Još zadnji put te sada gledam ja,
Gdje valjaš svoje plavetnjaste vale,
U kojih gorda ljepota ti sja.

Въ подлинникѣ стихи восьми- и девяти-сложные, въ переводѣ десяти- и одиннадцати-сложные, впрочемъ ямбы соблюдаются и даже чередованіе женскихъ и мужскихъ риемъ.

26.

I. 307 (1824 года). *Испанскій романсъ. Ночной зефиръ.* Этотъ романсъ переведенъ въ еженедѣльномъ журналѣ, который въ началѣ пятидесятихъ годовъ выходилъ въ Загребѣ подъ заглавіемъ «Neven», III годъ изданія (1854), № 41, на стр. 655, подъ заглавіемъ «Guadalkvivir». Переводчикомъ былъ Ivan Trnski. Начало слѣдующее: Noćni zefir — šušti kroz mir — Tu

mi — šumi — Gvadalkvivir. Тотъ же романсъ вышелъ въ «Narodne Novine» за 1859 годъ, № 58, подъ заглавiемъ: «Španjolka», переводчикомъ былъ Asan-aga (т. е. Asanger, какъ выше подъ № 10. 17. 22). Начало: Kroz noć mignu — Vjetrić pignu — Šumom šumi — Gvadalkvivir. Въ сербскомъ журналѣ «Јавор» за 1874 годъ, № 28, вышелъ третiй переводъ того-же романа подъ заглавiемъ «Летња ноћ». Переводчикомъ былъ извѣстный въ сербской литературѣ поэтъ Мита Поповић. Въ изданiи его стихотворенiй (Песме Мите Поповића, Земун 1884) этотъ романсъ читается на стр. 225: «Дивна је ноћ, дубок је мир, хуји, струји, Кадалкивир».

27.

I. 344 (1825 года). *Вакхическая пѣсня. Что смогли въ веселя гласъ?* Это стихотворенiе вышло въ сербскомъ переводѣ въ журналѣ новосадскомъ «Јавор», XIX годъ (1892), № 11, стр. 163, подъ заглавiемъ «Песма уз пехар». Переводчикомъ подписался Ленскiй (настоящая фамилiя переводчика Милета Јакшић). Переводчикъ старался по возможности близко подойти къ подлинному тексту.

Што ћути тако весеља глас?
Винска нам песма нек зујне.
Да живе цурице бујне
И младе жене, што љубе нас!

28.

I. 349 (1825 года). *Ex ungue leonet. Недавно я стихами какъ-то свистнулъ.* Это восьмистишие перевелъ Станко Вразъ, переводъ вышелъ въ «Děla» его III, 169, подъ заглавiемъ «Sproznaње». Въ подлинникѣ ямбы, въ переводѣ ни то, ни се, какъ видно изъ слѣдующихъ стиховъ:

Ja nedavno nečim jedva što sam pisnuo
U njekakovj knjizi (podpisu ni trag),

Već o tom žurnalni svat je i sud natisnuo;
Niti te robote ne podpisa vrag.

Въ журналѣ «Neven» (см. выше подъ № 26) за 1854 (III годъ), на стр. 699, въ статьѣ, посвященной біографіи А. С. Пушкина, которую написалъ Иванъ Трнски, переведено имъ же это восьми-стишіе и напечатано en regard съ русскимъ подлинникомъ. Начало слѣдующее:

Nije davno, što se pjesmom javi'
Izdavši ju bez podpisa svoga,
U novine hulja članak stavi,
Bezimen me grdi do zla boga.

Тотъ же Sl. Voltava, о которомъ была рѣчь выше, подъ № 17, перевелъ эти стихи въ «Narodne Novine» за 1859 годъ, № 11; повторилъ же переводъ въ журналѣ «Dragoljub» за I-й (1867) годъ, № 5, стр. 75, только здѣсь за подписью Ed. Zv. Asanger. Начало слѣдующее:

Nedavno sa stihovi uzkrisnu'
Izdavši ih bez svoga podpisa,
Novinarska hulja na njih pisnu
Te bezimen gërdo me izbrisa.

29.

I. 350 (1825 года). *Желаніе славы. Когда любовію и нплой упоенный*. Это стихотвореніе перевелъ нѣкто Миливой (Milivoj — псевдонимъ? или Milivoj Vežić, сынъ извѣстнаго Владислава Вежича?) въ журналѣ «Vienac» за 1874 (VI) годъ, № 14, стр. 219, подъ заглавіемъ: «Željovanje slave». Въ переводѣ примѣненъ ямбическій стихъ:

Kad ljubavlju i lašću bijah ono svladan,
Na koljenih pred tobom mučke klečah jadan,
Na tebe gledah, ti si moja, mišljah mlad,
Znaš dobro, želio si niesam slave tad.

30.

I. 351 (1825 года). Къ А. П. Кернъ. Я помню чудное мгновенье. Это стихотвореніе переведено въ 23 номерѣ журнала «Vienac» за 1899 годъ, на стр. 374, подъ заглавіемъ «А. Р. Kernovoј» преуео Јован Нраниловић. Переводчикъ сохранилъ ямбы, но исключительно съ женской римой; вслѣдствіе того у него всѣ стихи обнимаютъ по одиннадцати слоговъ, въ каждой строкѣ римаются только второй и четвертый стихъ.

O još se sjećam onog čudnog časa,
Kad preda mnom se prvi put pojavi,
Kô mimoletno kakvo prividjenje,
Ljepote čiste kano genij pravi.

Для характеристики перевода напомнимъ, что слѣдующія слова совпадаютъ съ русскимъ оригиналомъ: *čudnog časa* (чудное мгновенье), *mimoletno prividjenje* (мимолетное видѣнье), *suјete* (суеты), *nježni glasak zvučаше* (звучалъ голосъ нѣжный), *o milim crtama sam snio* (снились милыя черты), *protiva burnih* (бурь порывъ), *mašte* (мечты), и *mраku zatočenja* (въ мракѣ заточенья), *tiho moјi dni* (тихо дни мои), *bez boštva* (безъ божества). Нѣкоторыя изъ этихъ словъ въ сербско-хорватскомъ языкѣ совсѣмъ непонятны, напр. «protiv» (порывъ). Переводъ вышелъ также въ Пушкинской антологіи.

31.

I. 353 (1825 года). Прозаикъ и поэтъ. О чемъ прозаикъ ты хлопочешь. Это восьмистипіе перевелъ А. Нагамбашић для Пушкинской антологіи, которую недавно издала «Матица Хорватская» въ Загребѣ. Начало перевода, по сообщенію М. Шрепеля, слѣдующее:

Što, prozaik, ti klopočeš (sic!)?
Daj mi misó, kakvu hoćeš,
S kraja ću ju zaoštriti,
Lakom rimom opraviti.

32.

I. 355 (1825 года). *Послѣдніе цвѣты. Цвѣты послѣдніе мои.* Это шестистишіе въ альбомъ переведено скончавшимся на дняхъ хорватскимъ поэтомъ Г. Бадаличемъ (Hugo Badalić) для Пушкинской антологіи. Начало (по сообщенію М. Шрепеля) слѣдующее:

Draže nam je zadnje cvieće,
Nego prvo kad zarudi,
Ono sjetni spomen sreće
Življe nam u duši budi.

33.

I. 355 (1825 года). *19 октября 1825. Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ.* Это стихотвореніе перевелъ А. Нагамбашић для Пушкинской антологіи, которая недавно вышла въ Загребѣ. Вотъ начало перевода:

Već zelen ures šuma gubit mora,
I mraz srebreni povenuto polje,
A dan proviri kao preko volje,
I sakrije se iza bližnjih gora.

34.

I. 362 (1825 года). *Зимній вечеръ. Буря мглою небо кроетъ.* Поэтъ илиризма Станко Вразъ перевелъ это стихотвореніе, напечатано же оно въ 1864 году въ «Děla», II. Gusle i tambura, на стр. 49—50, подъ заглавіемъ «Zimski večer». Впервые переводъ вышелъ въ 1845 году въ книжкѣ «Gusle i tambura. Različite pèsni od Stanka Vraza. Knjiga prva. Zlatni Prag 1845», 12° XVI. 187, на стр. 58—59. Приводимъ для образца послѣднюю строфу:

Bura maglom nebo krije,
Vihar s ceste snijeg mete,

To ko ljuta zvěr zavije,
 To zaplače ko dijete.
 Izpij, izpij, moja Mare,
 Već je kasno u rónoć...
 Zaboravi jade stare,
 Bog će dati te će doć.

Конецъ строфы переведенъ невѣрно, въ подлинникѣ сказано:
 «выпьемъ съ горя; гдѣ же кружка? Сердцу будетъ веселѣй».

Въ журналѣ «Neven» за IV (1855) годъ, № 51, на стр. 813,
 вышелъ переводъ того же стихотворенія за подписью I. K. T.
 подъ заглавіемъ «Zimska večer». Начало таково:

Mrak i tama nebo krije
 Bura mete, urliče,
 Sad ko vuče kobno vije,
 Sad ko diete zaviče.

Далѣе въ сербскомъ иллюстрированномъ журналѣ «Искра»,
 который съ 1898 года выходитъ въ Бѣлградѣ, помѣщенъ опять
 въ 1898 г. (I годъ изданія), № 10, переводъ тѣхъ же стиховъ,
 подъ заглавіемъ «Зимье вече», переводчикъ подписался Д. J. Д.
 (т. е. Димитријевић). Начало слѣдующее:

Бура маглом небо крије
 А фијуче вихар снежни,
 Час к'о бесна звер завије,
 Час зацвили ко плач нежни.

Прибавимъ, что недавно вышелъ четвертый переводъ, напе-
 чатанный въ Пушкинской антологіи, которую издала «Matica
 hrvatska». Переводчикъ — А. Harambašić. Начало перевода (по
 сообщенію М. Шрепеля) слѣдующее:

Bura maglom nebo krije,
 Vjetar puše sve jače:
 Sad kô ljuta zvier zavije,

Sad kô diete zaplače;
 Sad krov trga zastarjeli,
 Da sve slama zapuca;
 Sad kô putnik zakasnjeli
 Nam na prozor zakuca.

Наконецъ имѣется еще и пятый переводъ тѣхъ-же стиховъ, явившійся въ «Босанской Вилѣ» за 1900 годъ (XV-й), № 13, на стр. 170, подъ заглавіемъ «Зимње вече». Начало перевода слѣдующее:

Бура, магла небо крије,
 Хладни вихар пресеца,
 Као зверка час завије,
 Час ко дете зајеца —

35.

II. 2 (1826 года). *Пророкъ. Духовной жаждою томимъ.* Это стихотвореніе переведено въ журналѣ «Hrvatska lipa», I-й годъ изданія (1875), № 45, стр. 338, переводчикомъ былъ Bogomir Brleković. Заглавіе: «Prorok». Начало слѣдующее:

Duševnom žedjom mučen ja
 Tumarah mračnom pustinjom,
 Šestokril seraf netom na
 Ukazo mi se samotnom.

Этотъ переводъ вышелъ также въ Пушкинской антологіи «Матицы Хорватской», но въ нѣсколько измѣненномъ видѣ.

И въ изданіи стиховъ Владиміра Іовановича «Лепе туѣинке» (см. выше № 7) напечатанъ на стр. 127 «Пророкъ». Въ подлинникѣ ямбы съ римою *ababccddcseffe* и т. д., въ переводѣ чередованіе ритмическое согласно (съ небольшими отступленіями) съ подлинникомъ: *ababccddeeffgfg*, только римы исключительно женскія. Стихъ перевода десятисложный съ цезурою по серединѣ:

Духовно жедан једва сам иш'о
 Пустињом мрачном, слаб и бесилан,
 Али је у том на ме напиш'о
 Серафим сјајан и шестокрилан.
 Зевица мојих косну се таки,
 Прсти му беху као сан лаки —
 Рашири поглед моје зенице
 К'о преплашене тице орлице.

36.

II. 5 (1826 года). *Зимняя дорога. Сквозь волнистые туманы.*
 Переводъ этого стихотворенія вышелъ въ Пушкинской антологіи, изданной «Матицею Хорватской» въ Загребѣ, переводчикъ — Јован Храниловић (Јован Hranilović). Начало перевода слѣдующее:

Kroz valovlje magluštine
 Luna se probija,
 Ljetni siev joj bezkrajnima
 Poljanama sija.

37.

II. 9 (1827 года). *Ангелъ. Въ дверяхъ эдема ангелъ нѣжный.*
 Эти стихи переведены Иваномъ Трнскимъ въ журналѣ «Neven» за 1854 (III-й) годъ, № 41, стр. 655, подъ заглавіемъ «Andjeo». Вотъ начало, по которому видно, что ямбы подлинника не соблюдены:

Andjeo nježni s rajskih vratah
 Poniknutom glavom sjao,
 A vrag mračni sin prevrata
 Nad paklenim bezdnom stao.

Кромѣ того переведенъ «Анђео» въ журналѣ «Јавор» за

1889 годъ, № 30, на стр. 471, переводчикомъ значится М. Јовановић. Начало перевода слѣдующее:

Крај двери рајских, снужден и миран
 Анђео нежни сјајем сијаше,
 А демон мрачан, клет и немиран,
 Над прном адском бездном леђаше.

Третій переводъ, вошедшій въ Пушкинскую антологию, которую недавно издала «Matica hrvatska» въ Загребѣ, сдѣланъ Јованомъ Храниловичемъ. По сообщенію проф. Шрепеля, начало перевода слѣдующее:

Na Edema vratima angjeo nježni
 S poniklom glavom je sjao,
 Nad bezdanom adskim sumorni demon
 Nemirno, tužno je stao.

38.

II. 9 (1827 года). *Талисманъ. Тамъ идъ море вѣчно плещетъ.* Ivan Trnски перевелъ это стихотвореніе въ журналѣ «Neven» за 1854, III-й годъ, № 6, стр. 81, подъ заглавіемъ «Zapis». Начало слѣдующее:

Gdje od vieka more pljeska
 O pećinu lomeć moć
 I mjesec se divno ljeska
 Kroz maglenu toplu noć,
 Po haremu gdje se mami
 I uživa Turčin raj,
 Tamo mila milo dâ mi
 Grleći me zapis taj.

Этотъ переводъ перепечатанъ въ Пушкинской антологіи, изданной «Матицею» въ Загребѣ.

Еще раньше вошли эти стихи въ изданіе пѣсенъ графа М. Пущича «Talianke» od Orsata Počića (см. выше подъ № 15) въ Загребѣ 1849 года, на стр. 26—27, подъ заглавіемъ «Talisman»:

Tam gdje more vječno bije
 Pustošine i pećine,
 I gdje luna sja toplije
 U čas mili noćne tmine,
 Po haremh gdje se gubi
 U nasladah Musulman,
 Ljepotica me zaljubi
 I poda mi talisman.

Въ «Narodne Novine» за 1859 годъ, № 58, вышелъ переводъ того же стихотворенія подъ заглавіемъ «Talisman», переводчикомъ былъ Е. Asanger (Asan-aga):

Gdje od vjeka more bije
 Puste o hridi i pećine,
 I gdje mjesec sja toplije
 U čas mili noćne tmine...

Наконецъ въ журналѣ издаваемомъ до сихъ поръ въ Сараевѣ подъ названіемъ «Босанска Вила», за XIV годъ (1899), на стр. 160, представленъ переводъ того же стихотворенія, подъ турецкимъ заглавіемъ «Амајлија». Переводчикъ — Д. Ј. Димитријевић. Начало перевода слѣдующее:

Тамо гдје се море нија,
 Вјечно стјење запљускује,
 Гдје топлије мјесец сја,
 Гдје се Турчин наслађује
 У харему дивних вила —
 Тамо ми је једног дана
 Амајлију поклонила
 Врачарица непознана.

39.

II. 16 (1827 года). *Три ключа. Въ степи мірской, печальной и безбрежной.* Это стихотвореніе перевелъ Hugo Badalić для Пушкинской антологіи, которую «Matica hrvatska» недавно издала въ Загребѣ. По сообщенію проф. М. Шрепеля начало перевода слѣдующее:

U svjetskoj stepi pečalnoj, bez kraja,
 Otajstvena su tri vam izvora:
 Tu mladosti je izvor bistra sjaja,
 Sve vri i teče s puno žubora...

40.

II. 28 (1827 года). *Золото и булатъ. Все мое, сказало злато.* Это четырехстишіе переведено Станкомъ Вразомъ въ его собранныхъ сочиненіяхъ, гдѣ оно напечатано два раза, въ «Děla», III, 171, подъ заглавіемъ «Zlato i mač» и въ IV, 106, подъ заглавіемъ «Epiigram»; переводъ одинъ и тотъ же. Въ «Narodne Novine» 1859 г., № 11, имѣется переводъ «Sl. Voltave» (см. выше подъ № 17), т. е. Эдварда Асангера, подъ заглавіемъ «Zlato i nado». Вл. Јовановић въ «Депе туђинке», 2-е изданіе, на стр. 133, перевелъ то же самое подъ заглавіемъ «Злато и челик».

Sve je moje, reče zlato;	Све је моје — хвалило се злато;
Sve je moje, kaže mač:	Све је моје — челик проговори:
Sve kupujem, rekne zlato;	Све купујем — хвалило се злато,
Sve otimam, kaže mač.	Све отимам — челик одговори
(Vraz).	(В. Јовановић).

Еще раньше Јовановића перевелъ это четырехстишіе Владиславъ въ новосадскомъ журналѣ «Србскій Лѣтописъ» за 1862 годъ часть I-я (кн. 105), на стр. 140, подъ заглавіемъ «Све є мое»:

Све є мое! вели злато,
 Све є мое! челикъ претп,
 Све ћу купит' — збори злато,
 Челикъ вели: све огети.

41.

II. 35 (1828-го года): *Цвѣтокъ. Цвѣтокъ засохшій, безуханный*. Это стихотвореніе перевелъ Змай Іовановичъ, сначала оно напечатано было въ журналѣ «Матица» за I (1866) годъ, на стр. 59—60, подъ заглавіемъ «Увелакъ», потомъ текстъ его вошелъ въ изданіе собранныхъ стихотвореній поэта «Певанија» (см. подъ № 16) на стр. 38. Вторично сдѣланъ переводъ того же стихотворенія въ «Стражилово» за 1894-й (VII-й) годъ, № 13, стр. 194, подъ заглавіемъ «Цветакъ», переводчикъ подписался «Борисъ». Въ подлинникѣ ямбы, 9- и 8-сложные стихи съ рифмою абаб. Переводчики отнеслись къ размѣру подлинника различно:

Преврћуни прашну књигу паћох	У књизи видим безмирисан
Сух увелак, заборављен ту,	Заборављен и увео цвет,
И гле, чудна, необична машта	И чудном неком маштом ево
Испуни ми душу моју сву.	Мој дух је силно обузет.
Где је, кад је, колико је цвао?	Где цваше? кад? којега дана?
Ког пролећа?—гдѣ је онај врт?	Да л' дуго? ко му учини крај?
Је-л' га страна ил' позната рука	Да л' знапа рука ил' незнана?
Узабрала?—шта му значи смрт?	И зашто ј' амо метнут цвет тај?
(Змај).	(Борис).

42.

II. 38 (1828 года): *Ты и вы. Пустое вы сердечнымъ ты*. Это восьмистишіе, написанное въ 8- и 9-сложныхъ ямбическихъ стихахъ, вышло въ переводѣ Владиміра Іовановича въ книжкѣ «Лепе туђинкс» (см. выше № 7. 35. 39) на стр. 131, подъ заглавіемъ: «Ти и ви». Переводъ не сохранилъ подлиннаго размѣра:

Она једном у говору своме	Стојим пред њом а не владам собом,
Ви случајно са ти заменила,	С ње очију не могу да скинем,
Те у души и у срцу моме	Гласно зборим: ја за вама гинем!
Све слађане спове пробудила.	А у себи: погубох за тобом.

43.

II. 38 (1828 года): 26 мая 1828. *Даръ напрасный, даръ случайный*. Переводъ этихъ стиховъ за подписью Бориса напечатанъ въ «Стражилово» за 1894 годъ, № 19, стр. 290, съ соблюденіемъ размѣра подлинника:

Жиће, чудни ти поклоне,
Зашто си ми, рашта дан?
Што те јад и беда гоне
Те си тако несретан?

Второй переводъ для Пушкинской антологіи Матицы Хорватской перевелъ скончавшійся недавно хорватскій поэтъ Hugo Badalić. Его начало слѣдующее:

Zaludan si dar slučajni,
Moj živote — čemu ti?
Zašto li te usud tajni
Smrtnoj kazni dosudi?

44.

II. 39 (1828 года): *Шотландская пѣсня. Воронъ къ ворону летитъ*. Ivan Trnski перевелъ это стихотвореніе въ журналѣ «Neven» за 1852 годъ, № 31, подъ заглавіемъ: «Dva gavrana». Потомъ Змай Іовановичъ въ журналѣ «Јавор» за 1862 годъ, оттуда оно вошло въ его «Певанија» на стр. 153, тоже подъ заглавіемъ «Два гаврана».

Vran gavrana muči glad,	Мртав гладан гавран лети,
Drugu svomu grakće mlad:	Не мож' више глад поднети,
Mrki družе, vran gavrane,	Већ умоли друга свога:
Gdje li ćemo naći hrane?	Казуј хране, тако т' бога.
(Trnski).	Знам ја хране, друг му вели,
	Колико ти срце жели,
	Под планином крвав, бледан,
	Мртав лежи коњик један —
	(Змај).

45.

II. 40 (1828 года): *Я думалъ сердце позабыло.* Эти стихи (двѣ строфы) переведены у Влад. Іовановича, въ его второмъ изданіи «Лепе туђинке» (сл. № 7. 35. 39. 42), на стр. 130—1, размѣръ ямбическій не соблюденъ, рѣзъ только женскія пяти-стопнаго трохаическаго стиха:

Срце ми је већ заборавило,	Љубавне се муке утишале,
Мислио сам, да пати и страда,	Смириле се сањарије моје,
Па говорих: «што је негда било,	Ал'ето су опет устрептале —
То се више не врати никада!»	Пробуди их моћ лепоте твоје.

46.

II. 43 (1828 года): *Анчаръ. Въ пустынь чахлой и скутой.* Это стихотвореніе переведено недавно въ V томѣ (за 1899 годъ) журнала «Бранково коло», № 20, стр. 617—8, переводчикъ подписался Д. Ј. Димитријевић (изъ Бѣлграда). Ямбическій стихъ подлинника замѣненъ трохаическимъ шестистопнымъ:

У пустыњи голој, у сред песка врела
Као стражар грозни Анчар дрво стоји,
Васељена мртва око њега цела,
Он сам жедан земљу ту отровом поји.

По письменному сообщенію Ив. Трнскаго существуетъ также его переводъ этого стихотворенія подъ заглавіемъ «Jadika», но я не могъ отыскать, гдѣ онъ напечатанъ.

47.

II. 45 (1828 года). *Утопленникъ. Прибѣжали въ избу дѣти.* Это стихотвореніе переведено подъ заглавіемъ «Utopljenik» для Пушкинской антологіи, изданной Матицею Хорватскою въ Загребѣ; переводчикъ — А. Нагамбашић. Начало перевода слѣдующее:

Kući djeca dotrčala,
Zovu oca u sav glas:
«Tato, tato, u mrežu nam
Pade mrtvac ovaj čas»!

48.

II. 56 (1828 года): *Любопытный. Что жъ новаго. «Ей богу ничего».* Это восьмистишие вышло въ переводѣ Станка Вразъ въ его «Děla» Кн. III, стр. 169, подъ заглавіемъ: «Stara povina». Ямбическіе десяти- и одиннадцатисложные стихи передены такъ:

Što ima novog? «Dragi brate, niš»! —
Što tako jagmiš: nješta znaš zaista.
Nije l'sramota te ti sve tajiš
Od prijatelja, kô od vragov trista!

Тѣ же стихи перевелъ А. Нарамбашиѣ подъ заглавіемъ: «Sproznanje» для изданія Матицы Хорватской. Начало перевода слѣдующее:

«Što ima novo? Dragi brate ništa!
«Ne tražim mnogo, kaži mi bar slovo»!

49.

II. 63 (1829 года): *Въ Альбомѣ. Что въ имени тебѣ моемъ?* Это стихотвореніе перевелъ Стоянъ Новаковичъ въ 1865 году и напечаталъ въ журналѣ «Вила», который въ томъ же году началъ въ Бѣлградѣ выходить подъ его редакцію, на стр. 392. Въ переводѣ сдѣлана попытка сохранить ямбическій размѣръ:

Што тако мариш ти за име мое?
Їбега ће нестат као пушке сетне,
Кад талас груне о обалу хладну
Ил' кроз ноћ тихи гласак тихо летне.

У споменици остаће му трага
 Те ко' кад дођеш врх гроба некога
 Па на камену чудне речи пишу,
 Нит' језик знадеш нити слова кога.

50.

II. 77 (1829 года): *Стансы. Брожу ли я вдоль улиц шумных*. Эти стансы вышли въ переводѣ профессора Т. Маретича въ 1874 году въ журналѣ «Vienac», VI годъ, № 3, стр. 38—9 подъ заглавіемъ: «Nagovieštanje smrti». Въ переводѣ соблюденъ размѣръ подлинника:

Niz ulice li šumne šećem,
 U napunjen li stupam hram,
 U društvu li se mladom krećem,
 Vieki misli mozgu mislit dam.

Тѣ же стихи переведены также въ бѣлградскомъ иллюстрированномъ журналѣ «Искра» за 1898 годъ (I годъ изданія, подъ редакціею Андр. Гавриловића) на стр. 316, безъ заглавія, вмѣсто его три звѣздочки **, переводчикомъ подписался D. J. D. (Димитријевић). Этотъ переводъ не стремился подражать размѣру русскихъ стиховъ:

Кад усамѣн ходамъ ја уликомъ шумномъ,
 Иг' у храмъ улазимъ пун побожногъ света,
 Или седнемъ кадгодъ међ децомъ безумномъ,
 Врхъ небеса плавихъ мисао моја лета.

51.

II. 95 (1830-го года): *Поэту. Поэтъ не дорожи любовію народной*. Этотъ сонетъ переведенъ въ 1897 году, III-емъ изданіи боснійскаго иллюстрированнаго журнала «Nada», № 1, стр. 11, подъ заглавіемъ: «Pjesniku»; переводчикъ подписался

Stj. Španić. Подъ тѣмъ же заглавіемъ вышелъ въ журналѣ «Vienac», 1899 (XXX-й) годъ, № 9, стр. 138, переводъ И. Трнскаго. Приведемъ для сравненія первое четверостишіе:

Oj pjesniče, ne c'jeni ljubav roda svoga,
Jer ushitnih mu hvala progje brzo jek,
I sm'jeh ćeš čuti rulje, sud glupaka mnoga,
Al ti da tvrd si, hladan i spokojan viek. (Španić).

Ne gramzi, pjesniče, za pažnjom roda!
Zanosljiva ti hvala za tren mine,
Glupakov čuvši sud i rûg množine
Nek nemiru se duša ti ne poda. (Trnski).

Переводъ Трнскаго вошелъ въ Пушкинскую антологию Матицы Хорватской.

52.

II. 97 (1830 года): *Цыганы. Надъ лѣсистыми берегами.* Эту пѣсенку перевелъ А. Нагамбашић для Пушкинской антологіи Матицы Хорватской, подъ тѣмъ же заглавіемъ «Cigani». По сообщенію М. Шрепеля начало слѣдующее (на стр. 34):

Nad brčnim je obalama,
Kad se k zemlji spusti mrak,
Šum i pjesma pod čergama,
I svud plamti ognja trak.

53.

II. 99 (1830 года): *Бѣсы. Мчатся тучи, вьются тучи.* Переводъ этого стихотворенія вышелъ въ 1899 году въ журналѣ «Nada», издаваемомъ въ Сараевѣ, V годъ, № 14, на стр. 218—9, перевелъ его Josip Milaković, подъ заглавіемъ «Bjesi», подражая размѣру подлинника:

Lete mraci, gusti, tušti,
 A ne vidim lune trak,
 Osvjetljuje sn'jeg letušti
 Mutno nebo, noćni mrak.

Второй переводъ появился въ 1900 году, въ 201-й книжкѣ новосадскаго журнала «Летопис Матице српске», переводчикомъ подписался извѣстный «Змајова», т. е. Змај Јованъ Јовановичъ. Подъ заглавіемъ «Беси» начало сербскихъ стиховъ слѣдующее:

Колутају маглуштине,	Саонице стѣпом клизе,
Месец губи своју моћ,	Звонце звони цин-цилин,
Снег се витла са висине,—	На том путу моро би се
Мутно небо, мутна ноћ.	Ужаснути сваки цин.

54.

II. 117 (1830 года): Безъ особеннаго заглавія стихотвореніе въ пяти строфахъ слѣдующаго начала: *Я здѣсь, Инезиля, стою подъ окномъ*, переведено на сербскій языкъ подъ заглавіемъ «Романца» въ мостарскомъ переодическомъ изданіи «Зора» за 1896 годъ, въ ноябрьской книжкѣ на стр. 291. Переводчикомъ подписался J. A. Дучић (см. № 6). Начало слѣдующее:

Обдје Инезиля
 Стојим под окном!
 Загрѣна Севиля
 Мраком и сном!

55.

II. 128 (1831 года): *Эхо. Реветъ ли зетръ въ лѣсу густомъ*. Переводъ подъ заглавіемъ «Эхо» вышелъ въ мостарскомъ журналѣ «Зора» за 1896 годъ, ноябр. кн. на стр. 292 (см. предыдущій нумеръ). Переводчикъ тотъ же J. A. Дучић. Начало перевода:

Риче ли звијер сред шуме глухе,
Труби ли рог или грми гром,
Ил пјева дјева у миљу свом
Кроз густи луг...

56.

II. 129 (1831 года): *Клеветникамъ Россіи. О чемъ шумите вы, народныя витіи?* Этому стихотворенію посчастливилось быть переведену четыре раза. Старшій переводъ принадлежитъ илирскому поэту Станку Вразу, онъ напечатанъ въ «Děla», кн. IV, на стр. 82—83: «Klevetnikom Ruske». Раньше еще появился въ печати, но не раньше сочиненъ переводъ Меда Пуцича (или М. Бана?) во второй книжкѣ альманаха, изданнаго въ 1851 году въ Загребѣ, подъ заглавіемъ «Dubrovnik. Cviyet narodnog književstva. Svezak drugi za god. 1850». М. Банъ былъ редакторомъ, М. Пуцичъ (Русіѣ или Рушіѣ, раньше Рошіѣ — итальянская форма графской фамилии Pozza) главнымъ сотрудникомъ этого изданія, одному изъ нихъ, вѣроятно второму, принадлежитъ переводъ русскаго стихотворенія, подъ заглавіемъ: «Klevetnicima Rusije 1831 od Puškina» на стр. 252—254. Въ «Narodne Novine», за 1862 годъ, № 44, вышелъ переводъ того же стихотворенія подъ заглавіемъ: «Klevetnikom Rusije», переводчикомъ былъ Edo Josipović Asanger. Наконецъ въ № 5, 1893 года, въ журналѣ «Prosvjeta» (въ Загребѣ) перевелъ St. Španić тѣ же стихи подъ тѣмъ же заглавіемъ «Klevetnikom Rusije». Приведемъ образцы:

Zašto vičete vi narodah govordžije?
Zašto anathemu bacate prot Rusije?
Šta vas razdraži — šta? Litvanske li bune stek?
Prodjte se! to je prepир Slavjanah medju sobom,
Domaći star prepир, rodjeni davnom dobom,
Pitanje, koje vi nećete riešit viek. (Vraz).

Što bučite pučki govorači?
 Šta li kletvam prietite Rusiji?
 Šta vas muti? bune se Poljaci? —
 Man'te se! to' e svadja med sobom Slavjana,
 Domaća i stara sudbini poznana,
 To j' upitaj, kojeg ne riešite vi. (Ban-Pucić).

O, čemu buka sad, vi svieta nemirnjaci?
 Na Rusiju nam zar prokletstvo da se baci?
 Što bunj opet vas? U Litvi nemir, kret?
 Ostavte razdor taj medjusobni Slavena,
 Domaći to je spor, iz davnih još vremena;
 Tog pitanja ni vi, ni sav ne rieši svet.
 (Stjepan Španić).

Стихи Ст. Врза перепечатаны въ антологіи Пушкинской,
 изданіи Матицы Хорватской, въ исправленномъ видѣ.

57.

II. 131—3 (1831 года): *Бородинская годовщина. Великій день Бородина*. Переводъ этого стихотворенія сдѣланъ Станкомъ Вразомъ, неизвѣстно когда, напечатанъ же въ его «Děla», кн. IV, стр. 78—81. Вразъ оставилъ даже заглавіе непереведеннымъ: «Borodinska godovština».

Na Borodinski velji god
 Zadušje bratsko služec redom,
 Kazasmo: Nie li svak narod
 Navalio, Ruskoj grozeć biedom?

58.

II. 151 (1833 года): *Воевода. Поздно ночью изъ похода*. Эту балладу перевелъ съ русскаго извѣстный иллирскій поэтъ Др. Д. Деметеръ въ литературномъ приложеніи къ «Narodnim

Novinam»: «Danica ilirska» за 1846 годъ (XII-й), № 33, стр. 131, подъ заглавіемъ: «Vojvoda». Кромѣ того вышелъ переводъ того же стихотворенія въ журналѣ, который выходилъ въ шестидесятыхъ годахъ въ Загребѣ подъ заглавіемъ: «Naše gore list», въ 1863 году (III-мъ), № 21. Переводчикомъ былъ Е. Josipović Asanger.

59.

II. 153 (1833 года): *Будрысъ и его сыновья. Три у Будрысы сына, какъ и онъ три литвина*. Кажется, что и эти стихи переведены упомянутымъ подъ № 58, Деметеромъ, хотя въ литературномъ приложеніи «Danica ilirska», XI (1845), № 36, стр. 145, переводчикъ отмѣченъ буквами М. D. Заглавіе перевода: «Budris i njegova tri sina». Второй переводъ тѣхъ же стиховъ, тоже по русскому тексту, сдѣланъ Асангеромъ въ «Narodne Novine», за 1859 годъ, № 52, подъ заглавіемъ: «Budris i njegovi sinovi», переводчикъ подписалъ здѣсь свою фамилію: Slavoljub Asan-aga. (См. выше подъ № 10. 14. 17. 22. 26. 28. 38. 40. 56. 58).

60.

II. 166 (1834 года): *Мишкевичъ. Онъ между нами жилъ*. Переводъ этого стихотворенія сдѣлалъ Hugo Badalić для Пушкинской антологіи, изданной Матицею Хорватской въ Загребѣ, на стр. 43. Начало перевода слѣдующее:

Medju nama življaše on,
Sred plemena mu tudjeg; zlobe na nas
U duši nije gojio; i mi
Ljubljasmu njega. Miran, dobrostiv . . .

61.

II. 178 (1835 года): *Туча. Послѣдняя туча разсѣянной бури*. Переводъ этихъ стиховъ вышелъ въ Бѣлградскомъ жур-

нагѣ «Отаѣбина» въ XXXI томѣ, выпускѣ 121-омъ, за 1892 годъ, на стр. 98, подъ заглавіемъ: «Облак», переводчикъ — Р. J. Одавичъ.

Последњи ти си ког остави бура,
Усамљен пловиш сред чиста лазура,
С тебе још само сѣн унила пада
Те радост дана помрачује сада.

62.

II. 178 (1835 года): *Пиръ Петра Великаго. Надъ Невомъ рѣво ѿются*. Переводъ Ивана Тринскаго вышелъ въ 1853 году, въ II томѣ журнала «Neven», № 28, стр. 433, подъ заглавіемъ: «Čast Petra Prvogа». Въ подлинникѣ размѣръ трохантескій, но восьми- и семисложные стихи измѣняются вмѣстѣ съ женской и мужской римой: *abab*. Въ переводѣ рима *abab* только женская и стихи восьмисложный:

Barjaci se Nevom krile,
Pomamno ih vëtar baca,
Razlëžu se pësme mile,
Iz čamacah od vozacah.

63.

II. 189 (1836 года): *Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный*. Это стихотвореніе подъ заглавіемъ «Spomenik» переведено въ журналѣ «Vienac» за 1876 годъ (VIII), № 3, стр. 37. Переводчикомъ подписался Bogomir Brleković. Въ переводѣ отчасти только остался размѣръ оригинала съ ямбами:

Spomenik digoh si, ne stvorila ga рука,
Put narodu mi do njeg zatrti se несе;
Uzvinuo se nepokornom glavom веце
Od Bonapartina slavoluka.

Ne umrieh posve, ne, uz zavjetnu mi liru
 Vjekovat će prah mi propasti bez hude.
 I slava će me stizat, dok na tom na svemiru
 Živovat barem jedan pjesnik bude.

Переводъ этотъ, съ поправками, вошелъ въ Пушкинскую антологию «Матицы Хорватской», на стр. 44.

64.

? Въ Берлинскомъ изданіи (2-мъ) 1870 года, на стр. 57—8, безъ обозначенія года, приводятся стихи, начинающіеся такъ: *Я жизнь любилъ, когда полна*. Переводъ этихъ стиховъ вошелъ изъ «Стражилова», гдѣ онъ впервые напечатанъ въ 1885 году, № 44, стр. 1389—90, въ отдѣльное изданіе переводовъ Вл. Јовановића «Лепе туђинке», на стр. 129, подъ заглавіемъ, взятымъ изъ перваго стиха: «Волео сам живот». . . Въ подлинникѣ ямбы, восьми- и девятисложные стихи, съ римами мужскими и женскими; въ переводѣ шестистопные трохайческіе стихи:

Волео сам живот, пун несташних снова,
 Кад, обасјан надом, познаваше сласти;
 Волео сам живот сладак, без отрова,
 Докле нису муке огъевитих страсти. . .

65.

? Въ Берлинскомъ изданіи 1870 года напечатано, безъ обозначенія года, четырехстишіе, начинающееся стихомъ: *Она тогда ко мнѣ придетъ*. И это четырехстишіе переведено у Вл. Јовановића въ «Лепе туђинке», на стр. 130, подъ заглавіемъ «Посета»: «Она мени само онда дође». . .

66.

? Въ томъ же заграничномъ изданіи напечатано на стр. 123 четырехстишіе *Граф. А. А. Орловой-Чесменской*, первый стихъ

начинается такъ: *«Благочестивая жена»*; подражая ему Влад. Јовановичъ въ *«Лепе туѣинке»* сочинилъ подъ заглавіемъ *«Благочестива хришћанка»* слѣдующую эпиграмму:

Смирена је жена удовица Ана,
Свом је својом душом госпѣду предана,
Па и самим својим лепим телом
Заступнику б — јем, п — Аћиму Белом.

67.

? Въ журналѣ *«Vienas»* за 1874 (VI) годъ, № 5, напечатано 12 строфъ, въ шесть стиховъ каждая, подъ заглавіемъ *«Za zimске dokolice»* (*«Зимній досугъ»*), переводчикомъ которыхъ изъ Пушкина названъ Милivoј (сл. выше подъ № 29). Въ сочиненіяхъ А. С. Пушкина мнѣ не удалось отыскать источникъ или образецъ этихъ стиховъ. Приведу первую, пятую и двѣнадцатую строфы «перевода»:

1. Turobno je nebo sinje,	5. Ma se ne da dugo vezat
Rieke tomi led,	Mladjani moj duh,
Po drvetu visi inje;	Ne pusti si polet stezat,
Prirodom se svuda vani	Nego kleta puto krši,
Ciča zima sada bani,	Sjetu, nužnost vedar prši,
Smeo joj se slied.	Kao magle čuh...

12. Ja uz vaše mile pjesni
Rado vijem vjek;
Da mi mlade grudi tiesni
Tuga, sjeta, vi ne date,
Nit da duši pokoj krate,
Lagodan ste liek.

По сообщенію профессора Шрепеля упоминаемый Милivoй — нынѣшній профессоръ *Т. Маретичъ*, который сочинилъ стихи на

тому «Зимній досугъ» совсѣмъ независимо отъ Пушкина, хотя можно бы сослаться на нѣкоторыя параллели въ четвертой главѣ «Онѣгина», строфы 40—43. Маретичъ былъ тогда студентомъ—клирикомъ, поэтому не смѣлъ подписывать своего имени подъ стихами, редакторъ-же журнала А. Шеноа прибавилъ отъ себя, что стихи — подражаніе Пушкину.

68.

? Змай Јованъ Јовановичъ напечатагъ недавно въ изданіи Общества Бѣлградскаго «Српска Књижевна Задруга» какъ книжку 30-ую, свои стихотворенія, оригинальныя и переводныя, подъ заглавіемъ: «Друга певанија», свеска друга. На стр. 265 этой книжки напечатано стихотвореніе подъ заглавіемъ: «Слика садашњега друштва» («Картина нынѣшняго общества»), съ прибавкою «Од Пушкина». И для этихъ стиховъ мнѣ не удалось отыскать источника въ стихотвореніяхъ Пушкина. Я обратился къ самому поэту, проживающему нынѣ въ Загребѣ, съ просьбою объяснить мнѣ, какъ этотъ переводъ попалъ въ число его стихотвореній. Вотъ что онъ мнѣ отвѣтилъ: «Загреб 14/X в. п. 1899. Многоуважени господине! Неће Вас задовољити овај мој одговор на Ваше питање преко г. д-ра Медаковића. Пре 6—7 година дође ми покојни г. Васа Пелагић и рече ми да у некомѣ новинарском чланку хоће да цитира неке стихове Пушкинове, за које он вељаше да су Пушкинови; донео ми их је својом руком написане на руском језику и молио ме је да их преведем на српски. То сам учинио, и после сам видео, да је тај чланак негде изишао, а у њему и ти стихови. Кад се редиговала 30-а књига «Срп. Књиж. Задруге», редактор је желео да и ти стихови у ту збирку уђу. А наслов је ставио или он сам или у споразуму са мнош. Не знам. Ја држим да је то уломак какве веће песме. А да ли је писац баш Пушкин, то са друге стране не знам, већ само што сам чуо од Пелагића. То Вам знадох казати о тој песми, и ништа више».

Начало перевода слѣдующее:

По свету пуном луда и суклата,
Где правде немаш, ако немаш злата,
Где се вроче мајмунска господа,
Изрод и одмет човечјега рода —

69.

II. 197—275 (1817—1820). *Русланъ и Людмила*. Это сочиненіе вышло въ хорватскомъ переводѣ Спира Димитровича въ 1859 году въ фельетонѣ официальной политической газеты «Narodne Novine» въ №№ 244—259. О достоинствахъ этого перевода см. ниже отдѣльную статью подъ IV.

70.

II. 276—301 (1821 года). *Кавказскій плыникъ*. Въ сербско-хорватской литературѣ существуютъ, сколько мнѣ извѣстно, три различныхъ перевода этой романтической повѣсти. Въ 1853 г. вышелъ въ журналѣ «Neven» (годъ II) №№ 30—32, на стр. 465—6, 481—3, 507—10 переводъ въ стихахъ подъ заглавіемъ «Kavkaski zagobljenik»; въ переводѣ господствуетъ восьмисложный трохаическій стихъ съ женскою риемой. Этотъ переводъ принадлежитъ И. Тринскому, онъ же вновь перепечатанъ въ антологіи Матицы Хорватской, на стр. 51—72. Въ 1863 году вышелъ отдѣльной книжкой въ Бѣлградѣ переводъ Стояна Новаковича: «Kavkasки роб. Спјев Александра Пушкина, превео с руског Стојан Новаковић. У Београду 1863». 12°, 35. Въ 1870 году напечатанъ въ Новосадскомъ журналѣ «Даница» третій переводъ того же сочиненія, сдѣланный П. Деспотовичемъ: «Kavkasки роб, од П. Деспотовића». «Даница», XI. 1870. 324—6, 337—9, 353—7. Сравнительный разборъ этихъ трехъ переводовъ помѣщенъ ниже.

71.

II. 302—309 (1821 года). *Братья разбойники*. Переводъ этого стихотворенія вышелъ въ 1860 году въ Загребѣ; первоначально Спиро Димитровичъ (Spiro Dimitrović) помѣстилъ свой трудъ въ «Narodne Novine» за 1860 годъ, потомъ же онъ вышелъ въ одной книжкѣ съ переводомъ «Полтавы», подъ заглавiемъ «Poltava, Dva brata razbojnika i Cigani, od Alexandra Puškina. Preveo iz ruskoga Špiro Dimitrović Kotaranin». U Zagrebu 1860. «Bratja razbojníci» напечатаны здѣсь на стр. 56—63.

72.

II. 322—337 (1822 года). *Бахчисарайскій фонтанъ*. Переводъ этого стихотворенія, сдѣланный поэтомъ Станкомъ Вразомъ († 1851), напечатанъ въ его «Děla» IV, стр. 84—106, подъ заглавiемъ: «Česma Bačisarajska. Poviest Alexandra Puškina». Переводъ въ четырехстопныхъ трохеяхъ съ женской римой *абаб*, въ подлинникѣ восьми- и девятисложные ямбическіе стихи. Иванъ Трнски перевелъ то-же стихотвореніе въ 1854 году (III) изданія «Neven» №№ 2 и 3, на стр. 24—27, 36—40, подъ заглавiемъ «Bačisarajski vodomat. Preveo iz Puškina I. Trnski». И его переводъ—трохейскій. Приведемъ для сравненія образцы того и другого перевода.

Namršteno kan sjedjaše,
Med ustnama čibuk dimni,
Do njeg robski age i paše
Pazeć njegov pogled zimni.
Svatko muči vas u strahu
Čitajući mračne pruge
Kruta gnjeva, tajne tuge
Na kanovu licu plahu.
Gle oholi vladar stane,
Zapovjednom rukom mahne,
I svi odoše, rieč ne sborè.

Oborena Girej oka
Sjedi dimeć iz jantara,
A dvorani bok do boka
Kutrec paze gospodara.
Tiho sve je u tom dvorcu
A na licu pomrknutu
Gnjev i pečal vidiš ljutu,
Riju obraz ratoboreu.
Tadaj silnik svladnu mûkom,
Neustrpnom manu rûkom,
Pokloniv se dvorba bjega.

Evo ti ga sama u dvore!	Eto sada sama njega!
Sad slobodnie grud mu diše,	Prost se uzdah otiskuje,
Živie mu se strast žestoka	Življe čelo namršteno
Na strogome licu piše,	Bolu srca pokazuje.
Kao oblaci, gradi i kiše	Tako oblak zamjenjuje
U zrcalo od potoka.	Ogledalo to vodeno.
(Vraz).	(Trnski).

Переводъ Вряза вошелъ въ Пушкинскую антологию «Матицы Хорватской», на стр. 73—91, но напечатанъ съ поправками въ текстѣ.

Существуетъ еще и третій переводъ, напечатанный въ журналѣ «Летопис Матице српске» за 1900 годъ, кн. 201, стр. 3—20, подъ заглавіемъ «Бахчисарајски шедрван», перевелъ Јованъ А. Дучичъ, начало слѣдующее :

Сједи Хиреј мутан, мрачан,
 Јантар пуши, брижан љуто,
 Око њега све је сјетно,
 Све је н'јемо, забринуто.
 Све у дворцу бјеше тихо,
 Сви читају више дана
 Страшне знаке гъева, јада
 На сумрачном лицу кана.
 Ал' господар кад им горди
 Нестрпљивом мане руком,
 Све се пред њим ропски клања,
 Све полази мучећ мѣком...

73.

II. 347—364 (1824 года). *Цыганы. Цыганы шумною толпой*. Это стихотвореніе переведено въ 1860 году Спириомъ Димитровичемъ въ «Nagodne Novine», отдѣльно же оно вышло вмѣстѣ съ переводомъ «Полтавы» и «Братьевъ разбойниковъ» въ книжкѣ указанной выше подъ № 71, на стр. 64—83. Переводъ

чикъ употребилъ и здѣсь, какъ во всѣхъ своихъ переводахъ, размѣръ эпическій — пятистопный трохаическій стихъ безъ риѣмы. Второй переводъ, сдѣланный Р. Ж. Одавичемъ, вышелъ въ журналѣ «Босанска Вила» за 1893 годъ (VIII), №№ 1 и 2. Этотъ переводъ составленъ въ четырехстопныхъ трохаическихъ стихахъ съ риѣмой:

Koliko je duga i široka	Цигани у руља бучној
Besarabja ruska pokrajina,	Бесарапску прочергаре;
Gomilami cigani se skitju.	Сад су близу реци хучној,
Oni sada kraj studene rieke	А над њима черге старе.
Po razdèrtim šatorima noće.	На ноћништу пир се чини,
Kò sloboda mile su im noći	Миран сан им увек хити —
I sni mirni pod vedrome nebu.	(Одавић).

(Dimitrović).

74.

II. 350 (1824). Въ стихотвореніе «Цыганы» включенъ романсъ о птичкѣ, начинающійся такъ: *Птичка божія не знаетъ*. Этотъ романсъ переведенъ уже Станкомъ Вразомъ какъ отдѣльная пѣсня подъ заглавіемъ «Ртицак», напечатанъ же въ «Děla» IV, 75. Въ Новосадской «Даницѣ» за 1866 годъ (VII), на стр. 471, помѣщенъ опять новый переводъ «Типа од П. Деспотовића». Вотъ начало того и другого перевода:

Ptić, stvorenje nerazumno,	Ни работе нити труда
Ne zna, šta su brige, umor;	Типа млада нема;
On ne gradi trudno i šumno	Вече дође, она мирно
Dugovječna gniezda dvor.	У свом гнезду дрема.

(Vraz). (Деспотовић).

75.

III. 1—78 (1825 года). *Борисъ Годуновъ*. Переводъ этой трагедіи вышелъ въ журналѣ «Стражилово», VII годъ (1894),

№№ 20—25, переводъ полный, на стр. 305—308, 322—327, 338—342, 354—360, 369—373, 387—390. Переводчикомъ указанъ А. Писаревичъ: «Борис Годунов. Драма у пет чиновъ, написао А. С. Пушкин, с руског превео А. Писаревичъ». Объ этомъ переводѣ говорится ниже въ отдѣльной статьѣ. Вторымъ переводомъ этой драмы мы обязаны хорватскому поэту, который подписывается Isa Velikanović. Полный переводъ вышелъ въ началѣ 1900 года въ одной «Памяти Пушкина», посвященной антологіи изъ сочиненій русскаго поэта въ хорватскихъ переводахъ, въ числѣ новѣйшихъ изданій хорватскаго литературнаго общества «Matica Hrvatska», на стр. 145—239. Какъ образецъ этого перевода вышла одна сцена въ № 23 хорватскаго литературнаго журнала «Vienac» за 1899 годъ, стр. 372—374, подъ заглавіемъ «Prizor iz Borisa Godunova». См. въ отдѣльной статьѣ ниже.

76.

III. 103—106 (1826 года). *Сцена изъ Фауста*. Подъ заглавіемъ «Prizor iz Fausta» переведена эта сцена недавно въ № 11 журнала «Vienac» за нынѣшній (XXX-й) 1899 годъ, на стр. 166—167. Переводчикомъ подписался А. Radić. Переводъ стремился подражать размѣру подлинника, но отъ этого онъ вышелъ не лучше, хотя переводчикъ успѣшно боролся съ трудностями перевода въ ямбахъ. Для примѣра приведу одно мѣсто, гдѣ, мнѣ кажется, переводчикъ не понялъ смысла русской фразы:

Но помнится, тогда со скуки,	Та znaš, baš tad na poklik tvoj
Какъ арлекина, изъ огня	Od dosade ti pakla sin
Ты вызвалъ наконецъ меня.	Ja dodjoh kao arlekin.
Я мелкимъ бѣсомъ извивался,	I stvorih ti se vražić mali
Развеселить тебя старался,	Veselju tvom i tvojoj šali.
Возилъ и къ вѣдьмамъ и къ духамъ	I k vješticama i k dusim put
И что-же? все по пустякамъ.	Ja prodjoh s tobom — uzalud!

Переводчикъ перевелъ русскій оборотъ «мелкимъ бѣсомъ извиваться» буквально.

77.

III. 107—152 (1828 года). *Полтава*. Это эпическое стихотворение переведено въ 1860 году Спиромъ Димитровичемъ и напечатано въ газетѣ «Narodne Novine» въ фельетонѣ. Въ томъ же году переводъ вышелъ отдѣльной книжкою (см. выше подъ № 71). Отрывокъ изъ того же сочиненія перевелъ также Змай Јовановичъ, сначала для Новосадскаго журнала «Матица» 1867 г., на стр. 583, потомъ же этотъ переводъ вошелъ въ «Певанија» изд. 1882 года, на стр. 157—160. Наконецъ явился еще одинъ полный переводъ того же сочиненія въ «Čitanka iz slavenske i mađarske književnosti. U Zagrebu 1896», на стр. 481—522. Переводчикъ — профессоръ Tomislav Maretić. Этотъ переводъ вошелъ также въ Пушкинскую автологію «Матицы Хорватской». Сравнительную оцѣнку этихъ трехъ переводовъ см. ниже въ отдѣльной статьѣ. Замѣтимъ еще, что предисловіе и посвященіе не переведены ни у Спира Димитровича, ни у Маретича. Пѣсню гонца въ сочиненіи «Полтава» (III, 118—119) перевелъ также князь Черногорскій Николай I, въ изданіи его стихотвореній: Скупљене пјесме од Николе I. Цетиње 1894, подъ заглавіемъ «Гласоноша». Стихи перепечатаны въ юбилейномъ сборникѣ Пл. Кулаковскаго «Стихотворенія А. С. Пушкина въ славянскихъ переводахъ». Варшава, 1899, стр. 31—33. Говорятъ, что вышла Полтава еще въ переводѣ Даниіла Медича, но я не могъ провѣрить этого указанія.

78.

III. 184—194 (1830 года). *Моцартъ и Сальери*. Въ «Бранково Коло» I, за 1895 годъ, № 23, стр. 710—716, вышелъ сербскій переводъ этого стихотворенія, подъ заглавіемъ «Моцарт и Сальери», перевелъ Драгутин Ј. Илијћ. Переводъ удался даровитому поэту какъ нельзя лучше, но употребленіе ямбическихъ стиховъ не вездѣ послѣдовательно проведено. Начало слѣдующее:

Сви кажу: нема правде на земљи,
 Ал' ни на небу није. За ме је
 Прејасно ово као јасни дан.
 Вештину љубљах од свог рођења —

79.

III. 195—224 (1830 года). *Каменный гость*. Говорять, что это сочинение вышло въ сербскомъ переводѣ въ газетѣ «Звезда, дневно-забавни листъ» за 1894 годъ. Ничего болѣе подробнаго я не могъ узнать.

80.

III. 234—405 (1822—1831). *Евгеній Онгинъ*. Романъ въ стихахъ. Первый переводъ этого романа сдѣланъ Спиромъ Димитровичемъ въ 1860 году, изданъ отдѣльной книжкой подъ заглавіемъ: «Eugenio Onjegin od Aleksandra Puškina. Preveo iz Ruskoga Špiro Dimitrović Kotaranin. U Zagrebu 1860. 8°. 187». Переводъ посвященъ «Visokorodjenoj Klotildi Baronici Hellenbach de Rasolaj, rodjenoj Jelačić Bužimskoj» (со стихами). Въ концѣ изданія (на стр. 185—187) прибавленъ «Riečnikъ» (т. е. словарь нѣсколькихъ менѣе употребительныхъ или-же переводчикомъ сочиненныхъ словъ). Первая глава романа вышла въ переводѣ Ивана Трнскаго въ журналѣ «Glasopoša» (выходилъ въ теченіе четырехъ лѣтъ въ Карловцѣ — Karlstadt, пятый — въ Вѣнѣ), за 1862 годъ (II томъ), №№ 25—27, 29—30, 32, 33—35, подъ заглавіемъ: «Eugenij Onjegin Roman u stihovih. Prev. I. T.» Полный переводъ того-же сочиненія, сдѣланный тѣмъ-же авторомъ, издало общество «Matica Hrvatska» въ 1881 году отдѣльной книжкой, подъ заглавіемъ: «Zabavna Knjižnica Matice Hrvatske. Svezak XLVIII—L. Puškin. Evgenij Onjegin. Zagreb 1881». 8° (такъ на оберткѣ, на заглавномъ листѣ внутри книги: Aleksander S. Puškin. Evgenij Onjegin. Roman u stihovih. Preveo i vjeko-pisom popratio Ivan Trnski. Zagreb. Naklada «Matice Hrvatske»

1881). 8°. XXXII. 176. Въ 1885—1886 годахъ вышелъ новый переводъ первыхъ двухъ главъ «Онѣгина», переводчикомъ подписался Јован Симеоновић Чокић. Первую главу онъ напечаталъ въ журналѣ «Јавор» въ Новомъ Садѣ за 1885 годъ, №№ 1—8; вторую въ «Стражилово» за 1886 годъ, №№ 16—17. Послѣдній по времени полный переводъ «Евгенія Онѣгина» принадлежитъ Р. Ј. Одавичу. И этотъ переводъ первоначально выходилъ въ бѣградскомъ журналѣ «Отаѣбина» (въ выпускахъ 121 по 129), потомъ же вышелъ отдѣльной книжкой, подъ заглавіемъ: А. С. Пушкин. Јевђеније Оњегин. Роман у стиховима. Превео Р. Ј. Одавић. Београд 1893. 16°. 248. VI. Всѣ эти переводы разобраны ниже въ отдѣльной статьѣ.

81.

III. 300—1. Въ третьей главѣ «Евгенія Онѣгина» поэтъ вставилъ «Пѣсню дѣвушекъ». Эта пѣсня переведена отдѣльно въ журналѣ «Vienac» за 1886 годъ, № 33, переводъ сдѣлалъ Milivoj Štrepel подъ заглавіемъ «Pjesma djevojačka». Вотъ эта пѣсня:

Djevojčice krasne,	Spazimo s daleka,
Druge milovane,	Razbježite se, mile!
Poigrajte, dieve,	Na-nj čemu se bacat
Razgal'te se, mile!	Malinom i trešnjom,
Zapjevajte pjesmu,	Groždjićem rumenim.
Pjesmu zavjetnicu,	Nemoj pisluškivat
U to naše kolo	Zavjetne nam pjesme,
Domamite momče.	Nemoj nam uhodit
Kad smamimo momče,	Igre djevojačke.

82.

III. 457—479 (1832 года). *Русалка*. Переводъ вышелъ въ журналѣ «Босанска Вила» за 1897 годъ отъ Драгутина Илиѣча подъ заглавіемъ «Русалка. Воденичарева кћи» превео и

довршио Драгутин Илић. Объ этомъ переводѣ см. ниже въ отдельной статьѣ.

83.

III. 509—514 (1833 года). *Сказка о рыбахъ и рыбѣ*. Сказка эта нѣсколько разъ переводилась на сербско-хорватскій языкъ. Въ «*Narodne Novine*» за 1859 годъ, № 23, вышелъ переводъ Асангера подъ заглавіемъ «*Ribar i riba*» preveo Asan-aga (см. выше подъ № 10. 14. 17. 22. 26. 28. 38. 40. 56. 58. 59). Начало перевода слѣдующее:

Živio je starac sa staricom svojom
Valovitog kraj sinjega mora.

Лучше переводъ, напечатанный первоначально въ журналѣ «*Vienas*» за 2-й годъ (1870), № 53, на стр. 838—840, подъ заглавіемъ «*O ribaru i ribi*», за подписью переводчика О. И. О., т. е. Ognjeslav Utješenović Ostrožinski. Дѣйствительно переводъ этотъ вошелъ потомъ во второе, въ Вѣнѣ въ 1871 году напечатанное изданіе стихотвореній Утѣшеновича: «*Вила острожинска. Ситне пјесме и основа естетике. Извео Огњеслав Утјешеновић-Острожински. Друго знатно повећано издање. У Бечу 1871*». 8° IV. 324, на стр. 203—209. И этотъ переводъ сдѣланъ въ бѣлыхъ стихахъ простонароднаго сербскаго, десятисложнаго размѣра:

Живио је старац са старицом
Покрај сињег широкога мора,
Живијаху у својој земљанки
Пуне триест и три годинице и т. д.

Третій переводъ, сдѣланный А. Ткальевичемъ (Adolfo Tkalčević, собственно А. Veber), попалъ въ учебную хрестоматию: «*Čitanka za I razred gimnazijski*», Zagreb 1875, на стр. 113—118, потомъ въ новое подъ редакцію Дивковича напечатанное изданіе 1898 года (здѣсь онъ напечатанъ кирилловскимъ шриф-

томъ). Но здѣсь напечатано только начало сказки, т. е. первыхъ 27 стиховъ. Начало слѣдующее:

Na obali jednoj sinjeg mora
 Živio je starac sa staricom,
 Živio je u kolibi staroj
 Jur trideset i tri godinice;
 Starac mrežom lovio je ribu,
 Starica je mrežam prela predju.

Этотъ переводъ вошелъ въ полномъ объемѣ въ Пушкинскую антологию «Матицы Хорватской». Нѣсколько различныхъ переводъ той же сказки попалъ въ учебникъ для четвертаго класса народныхъ училищъ: «Čitanka za četvrti razred općih pučkih škola». U Zagrebu 1896. На стр. 338 здѣсь напечатана «Priča o ribaru i ribi». Начало слѣдующее:

Živio ti starac sa staricom
 Pokraj mora sinjeg širokoga,
 Živjeli ti u staroj zemljanci
 Ravno triest i tri godinice.
 Starac mrežom lovio je ribu
 A starica prela predju svoju.

Послѣдній, какъ кажется, по времени переводъ этой сказки принадлежитъ поэту Змаю Јовановићу. Онъ написалъ сказку, какъ самъ говоритъ, въ свободномъ переводѣ, — свободно переведено, — сначала для своего собственнаго, юношеству посвященнаго журнала «Невен» (за 1890 годъ), потомъ же переводъ вошелъ въ «Друга певанија Змаја Ј. Јовановића. Свеска прва. У Београду 1895» (вышло какъ № 23 изданій общества «Српска Књижевна Задруга»), на стр. 181—186, подъ заглавіемъ: «Прича о рибару и о рибици» (од Пушкина). Переводъ этотъ дѣйствительно нѣсколько сокращенъ, онъ не настаиваетъ на буквальной передачѣ подлинника, но зато рассказъ написанъ великогласнымъ языкомъ и очень благозвучными стихами. Переводчикъ чувство-

валъ, что разнообразію простонароднаго русскаго размѣра — не сербскаго, какъ сказано Морозовымъ въ изданіи А. С. Пушкина III томъ, въ примѣчаніи на стр. 514 — плохо соотвѣтствовалъ бы сербскій пятистопный троханческій стихъ, поэтому онъ выбралъ особый стихъ изъ тринадцати слоговъ, состоящій изъ двухъ половинъ, первая заключаетъ въ себѣ четыре троханческія стопы (восемь слоговъ), послѣ цезуры слѣдуетъ еще пять слоговъ, представляющихъ то схему - - - - , то - - - - . Послѣднее окончаніе стиха мнѣ сдается особенно эффектнымъ. Приводимъ нѣсколько стиховъ:

Живео је рибар стари с женом старицом,
Украј оног мирног мора, сиње пучине,
У зеленој кровињари живели су ту
Тридест пуних годиница и још на то три,
Хранили се риболовом по сиротињски.
Наврши се тридест лета и још на то три,
Спрема старац мрежу своју, опет ће на лов.

84.

III. 514—529 (1833 года). *Сказка о мртвој царевнѣ и о семи богатыряхъ*. Эту сказку перевелъ М. С. Ђуричић для фельетона газеты «Дневни лист» 1895 года, подъ заглавіемъ: «Скаска о мртвој кћери и седам витезова». Болѣе подробнаго указанія я не могъ достать.

85.

III. 539—547 (1829—1833 года). *Галубъ*, Нач. *Не для бестѣ и микованій*. Переводъ вышелъ въ Новосадскомъ журналѣ «Летопис матице српске» за 1900 годъ, кн. 201, стр. 21—30, подъ заглавіемъ: Галуб. Переводчикъ — Јован Дучић. Начало слѣдующее:

Не због пира и радости
Ни због бојног збора свога,

Ни другарског световања
 Ни весеља хајдучкога
 Што падоше, одјахаше
 Данас нагло, ненадано,
 На Галуба старог дворе
 Сви адехи тако рано:
 У сукобу, из потаје,
 Убијен је син Галуба
 Мрском руком завидљивца
 Крај рујина Татартуба

86.

III. 558—572 (1833 года). *Мѣднѣй осадникъ*. Эту повѣсть перевелъ Богомиръ Брлековичъ (Brleković) въ 1875 году для журнала «Hrvatska lipa, časopis zabavi i pouci» I. №№ 35—37 (стр. 283, 291, 299), подъ заглавіемъ: «Mjedni konjik. Petrogradska povjest od A. Puškina preveo Bogomir Brleković». Начало слѣдующее, изъ котораго видно стремленіе подражать раз-мѣру оригинала:

Na žalu puste uz talase
 Stajaše, velih mislij pun,
 Daljinom zrijuć. Širila se
 Deruća pred njim ricka; čun
 Plovljaše biedan samo njom.

87.

III. 575—594 (1833 года). *Анджело*. Переводъ этого стихитворенія, сдѣланный Іованомъ Дучићемъ (Јован А. Дучић) вышелъ въ Мостарскомъ журналѣ «Зора» за 1898 годъ, въ майской книжкѣ, на стр. 185 и слѣд., подъ тѣмъ же заглавіемъ. Начало перевода:

У једном граду Италије срећне
 Дужд добри и стари некад мирно влада,
 Свог народа бјеше отац чедолубив
 А друг мира, знања и праведног рада.

88.

IV. 35—45 (1830 года). Изъ «Повѣстей Ивана Петровича Бѣлкина» первая *Вистрѣлз* переведена нѣсколько разъ. Подъ заглавіемъ «Нитас» перевелъ ее нѣкто Val. Janežić въ журналѣ «Neven» I (1852), № 30. Подъ тѣмъ же заглавіемъ вышелъ второй переводъ въ журналѣ «Vienac» за 1876 годъ (VIII), № 34, стр. 560, 562—566, переводчикомъ подписался J. Gostiša suplenat gimn. zagreb. Та-же повѣсть переведена для журнала, который издавался въ 1875—1876 годахъ въ Вѣнѣ подъ заглавіемъ «Србадија» (редакторомъ состоялъ Стев. Ћурчин). Переводъ вышелъ подъ заглавіемъ «Куршум», въ II (за 1876 годъ) томѣ, на стр. 84. Еще приводится перепечатка этого (или новый переводъ) въ журналѣ того-же названія «Србадија», но послѣдній выходилъ въ Бѣлградѣ, за 1881 годъ, на стр. 112. Этой цитаты я не могъ провѣрить. Переводчикомъ, говорятъ, былъ Риста Михайловичъ; въ такомъ случаѣ это новый, четвертый, переводъ.

89.

IV. 46—56 (1830 года). Вторая повѣсть озаглавлена *Метель*. Первый переводъ этой повѣсти подъ заглавіемъ «Vijavica» напечатанъ въ альманахѣ «Iskra», изданномъ въ Загребѣ, за 1844 годъ, подъ редакцію И. Гавличека (Ivan Haviček), переводчикомъ былъ dr. Дим. Деметеръ, на стр. 91—108: *Vijavica Pověst polag P. iz papirah pokojnoga Bielkina. Slobodno od dra Dim. Demetra*. Свободное отношеніе переводчика къ подлиннику высказалось въ томъ, что онъ перенесъ ситуацію въ Хорватію, въ Срѣмъ, съ измѣненіемъ годовъ. Нѣкоторыя черты разсказа,

какъ напр. о русскихъ женщинахъ, должны были быть вычеркнуты, какъ не подходящія къ измѣненному положенію. Второй переводъ вышелъ въ журналѣ, выходившемъ въ Пожегѣ въ Славоніи, подъ названіемъ «Slavonas», II годъ, 1864, №№ 34 и 35, на стр. 536—538, 548—551. Имя переводчика не указано. Третій переводъ той-же повѣсти напечатанъ въ бѣлградскомъ журналѣ «Вила» за 1865 годъ (I томъ), №№ 34 и 35, на стр. 787—792, 823—828, подъ заглавіемъ «Меѣава», перевелъ Ђура Јанковић. Еще приводится переводъ С. Петровића, который, говорятъ, напечатанъ въ журналѣ «Српско коло» за 1883 годъ, №№ 11—12. Не знаю, тотъ-же-ли или другой переводъ напечатанъ въ «Заставѣ» за 1887 годъ, № 176. Если Богдан Стојковић былъ переводчикомъ, такъ это особый, пятый переводъ! Наконецъ шестой (или по крайней мѣрѣ пятый) переводъ вышелъ въ журналѣ «Dom i svijet», VI годъ (1893), № 24 (стр. 373), подъ заглавіемъ «Вуга»; переводъ этотъ сдѣлалъ М. Стрквенас. Нѣтъ сомнѣнія, что большинство ихъ ничего не знали о своихъ предшествовавшихъ сотрудникахъ по тому же дѣлу!

90.

IV. 57—63 (1830 года). Третья повѣсть носитъ заглавіе *Гробовицкиъ*. Подъ заглавіемъ «Škrinjar» вышелъ переводъ этой повѣсти въ «Narodne Novine» за 1858 годъ, №№ 49 и 51, переводчикъ подписался J. A. K. Въ 1883 году напечаталъ переводъ той-же повѣсти Бранко В. Константиновић въ журналѣ «Јавор», на стр. 1481—4, 1513—8, подъ заглавіемъ «Сахрањивач». Подъ заглавіемъ «Човек што људе сарањује» напечатанъ опять переводъ той же повѣсти въ газетѣ «Застава» 1887 № 84, переводчикомъ значится Станко Ил. Этого указанія я не могъ провѣрить. Четвертый переводъ напечатанъ въ газетѣ «Hrvatska» за 1890 годъ, № 26, подъ заглавіемъ «Grobac», переводчикомъ подписался рl. Магековић. Наконецъ подъ тѣмъ-же заглавіемъ вышелъ переводъ той-же повѣсти въ журналѣ «Бранково Коло»

за 1898 годъ, № 21, на стр. 649—654: «Гробаръ». Переводчикъ подписался Е. Д.

91.

IV. 64—74 (1830 года). Четвертая повѣсть у Пушкина озаглавлена *Станціонный смотритель*. Эту повѣсть перевелъ упомянутый подъ № 90 М. pl. Mareković подъ заглавіемъ «Poštari» въ газетѣ «Hrvatska» за 1890 годъ, №№ 91—93. Въ то-же время вышелъ еще другой переводъ подъ тѣмъ-же заглавіемъ «Поштаръ» въ журналѣ «Босанска Вила» за 1890 годъ № 2 и 3, переводчикъ подписался Јован П. Јовановић. Раньше этихъ двухъ переводовъ вышелъ еще въ «Заставѣ» за 1887 годъ, № 191, за подписью Б. С. особый переводъ, котораго я не могъ достать.

92.

IV. 75—92 (1830). Пятая повѣсть имѣетъ заглавіе *Барышня-крестьянка*. И она вышла на сербско-хорватскомъ языкѣ въ нѣсколькихъ переводахъ. Въ журналѣ загребскомъ «Neven», V томъ, за 1856 годъ, напечатанъ переводъ I. Т. (должно быть Ивана Трнскаго) подъ заглавіемъ «Gospodična kao seljanka» на стр. 98—104. Въ томъ-же году та-же повѣсть напечатана въ журналѣ «Седмица», пятый годъ котораго тогда выходилъ въ Новомъ Садѣ, подъ заглавіемъ «Госпођица као паоркиња» (изъ А. Пушкина), №№ 6, 7, 8, на стр. 42—44, 50—52, 58—62. Имя переводчика не упомянуто. Подъ заглавіемъ «Plemkinja-seljanka» попалъ одинъ переводъ, не показано чей, въ «Narodne Novine» за 1870 годъ № 292, 294, 295, 296, 297. Но опять въ тѣ-же «Narodne Novine» за 1893 годъ, №№ 157—162, помѣстилъ нѣкто Т—у переводъ той-же повѣсти подъ заглавіемъ «Gospodjica seljanka». Одинъ изъ этихъ переводовъ, не могу точно сказать который изъ нихъ, перепечатанъ въ «Народна библиотека браће Јовановића», свеска 42, на стр. 39—63. Судя по заглавію «Госпођица

као сеѣанка», это могъ бы быть исправленный переводъ изъ «Седмицы». Милорадъ Поповичъ Шапчанинъ передѣлалъ эту повѣсть въ пьесу драматическую, о чемъ см. въ «Отаѣбинѣ», вып. 71, на стр. 518—524 неодобрительный отзывъ Д-ра Илиѣна.

93.

IV. 120—181 (1832 года). *Дубровский*. Эту повѣсть сообщили загребскій журналъ «Neven», II томъ 1853 года, на стр. 578—586, 593—601, 609—617, 630—636, 647—654, №№ 37—41. Имя переводчика не упомянуто. Проф. Шрепель говорить, что переводчикомъ былъ Иванъ Трски, но въ одномъ письмѣ отъ 21/10, 1899 г. Трски отрицаетъ свое участіе въ этомъ переводѣ; онъ пишетъ мнѣ: «Я вновь прочелъ нѣсколько строкъ перевода, *rak se mogu zakleti, da to nije moj slog*». Новый переводъ появился въ политической газетѣ «Hrvatska» за 1886 г., №№ 106—134. Переводчикомъ подписанъ нѣкто Т. (но и это не былъ Трски, кромѣ того переводы различные). Въ журналѣ сараевскомъ «Босанска Вила» за 1894 годъ (IX томъ) опять вышелъ тотъ-же рассказъ подъ заглавіемъ «Дубровски. Новела А. С. Пушкина, превео Јован П. Јовановић», на стр. 4, 21, 36, 51, 67, 83, 101, 117, 133, 150, 165, 195, 213, 246. Наконецъ сербская библиографія Стояна Новаковича указываетъ подъ № 2722 отдѣльное изданіе этой повѣсти въ сербскомъ переводѣ Милутина Стокића подъ заглавіемъ: «Дубровскій. Исторично-романтичскій догађај. Сь рускогъ языка превео М. Ст. ѣакоуъ саборне београдске цркве. У Београду 1864. 8°. 69». См. отзывъ Ст. Новаковича объ этомъ переводѣ въ Новосадской «Даницѣ» за 1864 годъ, на стр. 446.

94.

IV. 182—284 (1833 года). *Капитанская дочка*. Уже въ 1849 году вышелъ, говорятъ, одинъ переводъ этого историче-

скаго романа въ Бѣлградѣ (сл. въ библиографіи Ст. Новаковича № 3277), но изданіе считается большою библиографическою рѣдкостью; Ст. Новаковичъ не видалъ его. Въ журналѣ Загребскомъ «*Viepas*», VII томъ, за 1875 годъ, помѣщенъ переводъ М. (Маретича) подъ заглавіемъ «*Karpetanova kći*», №№ 1—13, стр. 8—10, 24—27, 41—43, 55—57, 70—72, 86—89, 103—105, 120—122, 137—138, 150—154, 166—168, 183—185, 199—204. Въ 1896 году вышелъ отдѣльной книжкой въ Мостарѣ (въ Герцеговинѣ) переводъ того-же романа, сдѣланный Д. Радовичемъ подъ заглавіемъ «*Kapetanova kћerka*», припо-виѣтка Александра С. Пушкина. Превео с рускаго и предговор написао Душан М. Радовић. Мостар (издање и штампа прве српске књиѣаре и штампарије Владимира М. Радовића). Годъ изданія на книгѣ не указанъ, но «предговор» (предисловіе) помѣченъ годомъ 1896. Новѣйшій переводъ этого романа вышелъ въ Пушкинской антологіи, изданной въ Загребѣ «*Матицей Хорватској*», 1899, на стр. 243—389, переводчикомъ названъ Ант. Радичъ (*Antun Radić*).

95.

IV. 285—307 (1834 года). *Пиковая дама*. Самый ранній переводъ этой новеллы вышелъ въ 1842 году въ повременномъ загребскомъ изданіи «*Kolo. Članci za literatura, umětnost i narodni život*». U Zagrebu 1842. Кн. II, на стр. 18—46, подъ заглавіемъ «*Pik-dama*». Переводчикомъ въ моемъ экземплярѣ отмѣченъ Miloš Porović, должно быть по давнимъ указаніямъ, которыя я въ настоящее время не въ состояніи провѣрить. Новый переводъ, сдѣланный повидимому не съ русскаго оригинала, напечатанъ въ иллюстрированномъ сербскомъ ежемѣсячникѣ «*Србадија*» за 1875 годъ №№ 10 и 11, на стр. 218—221, 241—243, подъ заглавіемъ «*Pique-Dame*». Имя переводчика не указано.

96.

IV. 387—398 (1835 года). *Египетскія ночи*. Переводъ этой недоконченной повѣсти напечатанъ въ 1899 году, въ № 23 хорватскаго журнала «*Vienas*», на стр. 367—371, подъ заглавіемъ: «*Egipatske noći*». Переводъ сдѣлалъ профессоръ Milivoj Štrepel; импровизація у Пушкина въ стихахъ, здѣсь въ прозѣ.

IV.

О ПЕРЕВОДѢ

РУСЛАНА И ЛЮДМИЛЫ.

Переводъ «Руслана и Людмилы» вышелъ въ 1859 году въ Загребѣ, какъ отдѣльный оттискъ изъ фейлетона хорватской официальной газеты «Narodne Novine»¹⁾. Переводчикомъ былъ отставной капитанъ австрійской арміи *Спиро* (Спиридіонъ) *Димитровичъ* (Spiro Dimitrović) — происхожденіемъ далматинецъ. Въ тѣ годы онъ состоялъ сотрудникомъ при упомянутой газетѣ преимущественно по литературной части. Когда и гдѣ онъ выучился русскому языку, сказать не могу; познанія его не были основательны, по крайней мѣрѣ въ то время, когда онъ взялся за переводъ «Руслана и Людмилы». Редакція газеты, рекомендуя переводчика вниманію публики, отзывалась, правда, о переводѣ его очень сочувственно, она выставила въ особенности изумительную точность и близость перевода по отношенію къ русскому подлиннику; но какъ мы увидимъ ниже, переводъ не заслуживалъ такой безусловной похвалы. Стремленіе переводчика сохранять слова подлинника, превращается у него въ пристрастіе, мѣшающее точности смысла и удобопонятности перевода. Сколько разъ созвучіе не совпадаетъ съ идентичностью значенія! Переводчикъ не обратилъ на это должнаго вниманія. Хотя онъ вообще владѣлъ довольно правильнымъ сербско-хорватскимъ языкомъ и стихомъ, все-же въ переводѣ его попадаютъ многія слова, употребленныя имъ въ значеніи не сербскомъ, а русскомъ. Переводъ сдѣланъ стихами, но въ простонародномъ размѣрѣ сербскомъ (десятисло-

1) Въ газетѣ «Narodne Novine» напечатанъ переводъ 1859, №№ 244, 245, 247, 248, 250, 252, 254, 255, 258.

говоромъ) безъ риѣмы, чѣмъ, конечно, значительно облегчилась задача переводчика, но фizioномія подлинника отъ этого пострадала. При этой льготѣ можно было по крайней мѣрѣ ожидать вѣрную передачу всѣхъ тонкостей изящнаго подлинника. Но на это не хватало у переводчика ни пониманія подлинника, ни вкуса, ни подобающаго запаса словъ переводнаго языка. Какъ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ авторъ дорожилъ и здѣсь подражаніемъ сербской народной поэзіи въ подборѣ словъ и оборотовъ; для этой-же цѣли онъ не стѣснялся иногда пропустить то или другое выраженіе подлинника и взамѣнъ его поставить не вполне соотвѣтствующую значеніемъ простонародную фразу. Вообще въ переводѣ не замѣтно стремленія къ буквальной передачѣ подлинника. Какъ скоро переводчикъ наткнулся на то или другое мѣсто изобилующее выраженіями тонкаго психическаго анализа, онъ позволялъ себѣ произвольныя отступленія отъ русскаго текста. Поэтому и число стиховъ не вездѣ выдержано. Есть даже пропуски цѣлыхъ стиховъ, которые я долженъ отнести на счетъ небрежности то самого переводчика, то изданія, богатаго опечатками. Оно напечатано въ очень скромномъ видѣ, подъ заглавіемъ: *Ruslan i Ljudmila. Narodna basna u 6 pjesamah od Aleksandra Puškina. Preveo iz ruskoga Spiro Dimitrović (Pretiskano iz Narodnih Novinah). U Zagrebu. Tiskom d-ra Ljudevita Gaja. 1859. 16°, 101.* Въ приводимыхъ ниже цитатахъ правописаніе перевода оставлено въ неизмѣненномъ видѣ изданія. Русскій текстъ приводится по изданію литературнаго фонда, съ прибавкою числа стиха, къ сожалѣнію не выставленнаго въ этомъ изданіи.

Прологъ. Менѣ всего удался переводчику блестящій сводъ русскихъ сказокъ въ одну картину, онъ не понялъ его и не сумѣлъ вѣрно передать. Укажу напр. на ст. 30 «тамъ Русью пахнетъ», въ переводѣ: «tu Rusiju kade» (Россію окуриваютъ!); или на неудачный переводъ въ ст. 28: царь *Кощей*: «саг tvèrdi!» Конечно и въ стихѣ 18: «и съ ними дядька ихъ морской» не такъ переведено, какъ слѣдовало: «Š njima ide i died im od moga». Здѣсь переводчикъ смѣшалъ дядьку съ дѣдомъ.

Письмъ первая. Ст. 10—11: «не скоро *двишались* кругомъ ковши» переведено: «nit su paglo *dizali* stolovah» (не скоро вставали изъ-за столовъ). Переводчикъ хотѣлъ отождествить глаголь «двигались» съ сербскимъ *dizali*, но последнее слово значительно разнится значеніемъ отъ глагола русскаго. — Ст. 25. Совсѣмъ некстати переводчикъ замѣнилъ русскаго Леля (*Лелемъ* свитый имъ вѣнецъ) названіемъ богини Лады (*i vije nas od Lade im savi*). Какъ извѣстно, Леля считали Аморомъ, а Ладу — Венерою! — Ст. 44—45. Невѣрно переведена характеристика Рогдая: *britkim* маѣмъ *porobi* prediele! Не объ опустошеніи предѣловъ (областей) рѣчь идетъ, а о героѣ, который «мечемъ раздвинулъ предѣлы» (маѣмъ *gazmaѣ granice*). — См. 79 «и прерывающійся ропотъ» переведено неточно: «*niežni bez prestanka* žamog»; тамъ прерывающійся, а здѣсь безперерывный! — Ст. 144: для краснаго словца замѣненъ стихъ «Летятъ въ клубящейся пыли» переводомъ «*lete oni kao sokolovi!*» — Ст. 152 не совсѣмъ угаданъ смыслъ выраженія «черезъ плечо глядя», оно переведено такъ: «*preko njega niz to polje gleda*», а въ ст. 155—156: «насилу я на *вою* вырвался», кажущійся очень близкимъ переводъ «*i na silu i na dobru volju*» выражаетъ вовсе не то, что хотѣлъ сказать Пушкинъ. — Въмѣсто перевода стиховъ 168—170, рисующихъ хазарскаго хана на лошади, переводчикъ заставляетъ его показывать мастерство въ бросаніи булавы и вызывать врага на поединокъ:

То дразнить бѣгуна лихого,	Težki topuz pod nebesa hita
Кружить, подѣмлетъ на дыбы,	I u desnu dočekuje ruku,
Иль дерзко мчитъ на холмы снова.	Na boj zove zlobna otmičara.

Тутъ между подлинникомъ и переводомъ нѣтъ ничего общаго. — Ст. 217: «Твой твердый духъ *теряетъ* силы» — въ напечатанномъ переводѣ: «*tvèrda tvoja duša silu goni*» я могъ бы предположить опечатку, что вмѣсто *gubi* наборщикъ поставилъ *goni*, а корректоръ проглядѣлъ ошибку, но кажется проще будетъ сказать, что переводчикъ отождествилъ глаголь *терять* съ *tjerati*. —

Стиха 218 «но зла промчится быстрый мигъ» переводчикъ видимому не понялъ; его слова «zlo je hitri promašio trenakъ» значили бы: «зло промахнулся въ быстромъ мгновении», тогда какъ слѣдовало перевести: «trenutakъ zla hitro će proći». И въ стихѣ 219: «На время рокъ тебя постигъ» авторъ не съумѣлъ точно перевести фразу «на время»; его текстъ «za rama te nevolja doštiže» не соответствуетъ смыслу, надо было перевести: «za kratko vrijeme stiže te nesreća» или «ne na dugo». — Ст. 272: «судьбы наперсникъ» невѣрно переведено: «zaštitniče sudbe», если слову zaštitnikъ придать обыкновенное значеніе «покровитель», слѣдовало сказать «štitćenikъ» или «ljubimacъ». — Ст. 368: «Я помню горестъ и порой... слеза тяжелая катится» не значить: «Spominjem se tuge i vremena»; переводчикъ не отнесъ «порой» куда слѣдуетъ, т. е. «порой катится: «časomice (или kadikad) teška mi se suza valja». — Ст. 388: «Любовь волшебствами зажечь», въ переводѣ «Žar ljubavi gatnjom zapaliti» не хорошо выбрано выраженіе gatnja (гаданіе) вм. čaranje. — Ст. 400 и 440 фраза «въ самомъ дѣлѣ» переведена буквально, но не хорошо: «u stvoru» вм. doista, zaista, u istinu. — Ст. 424 отнесенъ переводчикомъ къ Нанинѣ: «da si svijetom ti se razstavila», между тѣмъ какъ въ подлинникѣ сказано: «Разстался я съ душой и милой». — Ст. 435: «немножко, можетъ быть, горбата» и переводъ «ali nisam odviše gèrbava» не выражаютъ одно и то-же, надо было сказать «može biti malo gèrbava». — Ст. 444 и 445: переводчикъ не угадалъ смысла:

Но вотъ ужасно: колдовство Ali jao, užasno čaranje
Вполнѣ свершилось, по несчастью. Na nesreću sve je okrenulo.

Вмѣсто перевода «ужасное колдовство все повернуло на несчастье», надо было перевести: «ali jao, gle strašno: čaranje na nesreću sve se ispunilo». — Ст. 482: «съ разочарованной душой» и «razčaranom dušomъ» не одно и то-же. Вполнѣ соответствующаго выраженія въ сербско-хорватскомъ языкѣ нѣтъ, обыкновенно переводятъ на русскій ладъ «razočaranъ». — Ст. 491 — 493

въ переводѣ сокращены въ два стиха пропускомъ въ переводѣ словъ «зло любя», но и слова «возненавидитъ и тебя» не значать «zavidna je i tebi postala», надо было сказать: «zamrziti će i tebe».

Пѣснь вторая. Ст. 13: «*бранитесь*, только осторожно», не то, что переводчикъ внесъ въ свой текстъ: «*branite se, ali blagom čudi*», глаголъ «*braniti se*» не значить «браниться», его значеніе «защищаться». — Еще разъ переводчикъ повторилъ такую-же ошибку, вызванную желаніемъ оставить въ переводѣ слово подлинника: въ пѣсни VI, ст. 53: (героя моего) *бранимъ* отъ скуки молчаливо» переведено такъ: «(мога junaka) do nemile dosade *branio*!» — Ст. 66: «бразды стальные закусилъ» въ переводѣ пропущенъ. — Въ ст. 68: «*робкій* всадникъ» нельзя переводить этимологически близкимъ, но по значенію отступающимъ «*robski jezdник*». — Ст. 112: «Ты, право, будешь самъ не радъ», переводъ — «je li pravo, samom neugodni» доказываетъ, что переводчикъ не зналъ настоящаго значенія слова «право», какъ вставки въ другое предложеніе; надо было передать «*doista*» или «*zasiјelo*», или «*bogati*» и т. д. — Ст. 118: «Отъ насъ Людмила не уйдетъ» не хорошо сказано «*jer Ljudmila kod nas će ostati*», вм. чтобы перевести: «*jer Ljudmila uteći nam neće*». — Ст. 168—169 не были переводчику понятны, онъ не зналъ, къ кому относятся слова:

Моей причудливой мечты
Наперсникъ иногда нескромный
Я разсказалъ,

Онъ перевелъ совѣтъ невпопадъ:

U meštanju mome pričudljivom,
Nesmirenom kad i kad ljubimcu
Kazivaše —

Замѣтьте при этомъ, что слово «причудливый» оставлено безъ перевода; въ сербскомъ текстѣ никто не пойметъ, что значить «*meštanje pričudljivo*», можно было сказать «чудновата машта» или «својевољна машта», или «машта врагоѡаста» и т. д.

Въ ст. 227—228 рассказывается о томъ, что раньше поэта уже въ «Шехерезадѣ» описанъ волшебный домъ. Переводчикъ вывернулся изъ затрудненія ссылкой на «слѣпного пѣвца» (pievajuci slierac)! — Ст. 263—264: въ переводѣ здѣсь внесены слезы, о которыхъ въ подлинникѣ помину нѣтъ:

Потупя неподвижный взглядъ Tužno gleda, grozne suze lije,
Она молчитъ, она тоскуетъ. Mukom muči i ljuto trepetje.

Ст. 272: «то грустно ей ужъ не на шутку» — въ переводѣ лишняя прибавка «odma misle», не о томъ говорится, что женщины думаютъ, а только о томъ, что недвусмысленный признакъ ихъ грусти. — Ст. 317: послѣ словъ «и, мнится, живы» пропущены въ переводѣ $4\frac{1}{2}$ стиха (317—321), должно быть по недосмотру, содержаніе не представляетъ никакихъ трудностей для переводчика. — И въ стихѣ 343—344 въ переводѣ пропущены слова: «умыселъ ужасный рождался», вслѣдствіе чего получился невѣрный смыслъ: «кажется, что страшный путь отверстъ», тогда какъ только объ умыслѣ могла быть рѣчь какъ о кажущемся, т. е. казалось, какъ будто она хотѣла сдѣлать покушеніе на жизнь самоубійствомъ. — Ст. 348: «она подходитъ» и «poda — nj stupi» не вполне совпадаютъ; «подойти къ мосту» еще не значитъ «подойти подъ мостъ». — Ст. 352: «однако въ воды не прыгнула» опять ошибочно переведено глаголомъ, совпадающимъ съ русскимъ текстомъ по нѣкоторому не вполне оправданному созвучію: «al' se pjojzi nije prignula»: прыгнуть и прыгнуть два различныхъ глагола. — Ст. 356: «устала», не то что въ переводѣ «malo stala». — Ст. 359: въ напечатанномъ текстѣ перевода пропущено по недосмотру слово se: pad njome se siena čadorova. — Ст. 370: «меня терзаетъ и легѣтъ» въ переводѣ не выдержанъ контрастъ обоихъ глаголовъ, передано тремя глаголами приблизительно того-же значенія: «mene muče, pečale i gnietu». — Ст. 387: «И тихо на холмахъ почила» остался совсѣмъ безъ перевода. — Ст. 429: «попарно, чинно сколь возможно» нельзя переводить «po jupačku kolik samo mogu», тутъ никакого героизма

не было, а была чопорная торжественность. — Ст. 442: «дрожащій занесла кулакъ» не значить: «*trepetjuća ote mi ga šaka*», по смыслу не выходитъ, чтобы Людмила что либо отнимала, она только «*s trepetom je podigla pesnicu*». — Ст. 453: «Хватаютъ колдуна въ охапку» не то, что въ переводѣ сказано: «*za rukave uhvati ratuljka*», надо было передать: «*te na ruke uhvati ratuljka*». — Стихи 458 и 459, гдѣ поэтъ иронически вызываетъ Орловскаго, были очевидно переводчику непонятны, онъ написалъ на удачу: «*uzimljite bërzo lasno përo, opišite poć i boj junački*». Не сказано, кто долженъ это сдѣлать. — Ст. 504: народное повѣрье, что призракъ огромный «пугалъ пустынныхъ рыбаковъ» не можетъ быть переведено однократнымъ глаголомъ «*i uplašì pustinjom ribare*».

Письмъ третья. Ст. 18: «Но ты поймешь меня Климена» переведена: «*ali ti ćeš me uloviti Klimeno*». Переводчикъ не сумѣлъ различить оба глагола понять и поймать! — Ст. 26: «Амуръ съ Досадою своенравной вступили въ смѣлый заговоръ» не значить «*Bog ljubavi, jogunica Lado već pristade na smielu urotu*». Видно и здѣсь переводчикъ не понялъ русскаго текста, ему надо было передать приблизительно такъ: «*Amor i zlovoljna Dosada sklopriše smjelu zavjegu*». — Ст. 29: «готовъ ужъ мстительный уборъ», переводъ сдѣланъ такъ, что безъ подлинника трудно понять, въ чемъ дѣло: «*gotov ures da ti se osveti*», лучше было бы: «*prigotovljen nakit već na ruglo*». — Ст. 34: «въ утреннемъ халатѣ» и въ переводѣ «*bez... jutèrnje odieće*» противорѣчатъ другъ другу. — Ст. 46: «чешуя» не можетъ быть переводима словомъ «*čeljust*». — Ст. 49: «предъ изумленною толпою»: «*i pred hègrom vele izumljepom*», прилагательнаго *izumljen* сербскій языкъ не знаетъ; нашему переводчику не удалось водворить это выраженіе въ сербско-хорватскую литературу, хотя онъ употребилъ его нѣсколько разъ. — Ст. 115: «и взоръ невольный обратила»: «*i nevoljno pogled obratjala*» не выражаютъ одно и тоже, потому что «*nevoljni pogled*» по сербски значить: бѣдственный взоръ. — Ст. 122: «вечаянно» нельзя передавать словомъ «*nedvojbeno*», лучше «*iznenada*».

Ст. 122: «вздохнувъ одѣлась и съ досады» въ переводѣ пропущено. — Ст. 132. Непонятно, почему переводчикъ вмѣсто «семнадцатъ лѣтъ» перевелъ: *od šestnaest lietah?*! — Ст. 136: «На брови, прямо, на бекрень»: «*na obèrve, uprav, lievo, desno*» — оба послѣднія слова не такъ выразительны, какъ если бы употребить соотвѣтствующее русскому «на бекрень» выраженіе «*na ego*» (на него). — Ст. 148—149: въ переводѣ совсѣмъ неумѣстно сказано, что Людмила шапку «*od radosti mlada celivala*», въ подлинникѣ говорится только: «отъ радости краснѣя». — Ст. 175: «долину смерти *озаряетъ*»: «*tu dolinu smèrti ožarije*», и здѣсь видна неудачная попытка сближенія русскаго слова съ сербскимъ, но озарять можетъ быть переведено только глаголомъ *obasjavati*, а *ožariti* значило бы поджарить или обжечь! — Ст. 186—187 остались непереведенными, точно такъ ст. 211. — Въ ст. 241 переведенъ глаголъ «развѣваясь» (рѣчь идетъ о перьяхъ) словомъ «*gazvijati se*», но и это этимологическое сопоставленіе не удачно. — Ст. 243: «надъ мрачной степью»: «*nad mračnoj* (sic! *вм. mračnom*) *pustoši*» — не совпадаетъ. Но еще менѣе можно согласиться въ ст. 248 на то, что слово «недоумѣніе» переведено «*smionstvo*»! — Ст. 250: въ печатномъ текстѣ опечатка *dio* *вм. divo*, видно, что и наборщикъ или корректоръ не знали, что дѣлать съ непонятнымъ для нихъ словомъ *divo*, которое переводчикъ нашелъ въ русскомъ подлинникѣ. — Въ картинѣ чиханія головы, въ ст. 256 (*podize se vihar, polje tresnu*) прибавлено противъ подлинника лишнее и неумѣстное «*ljuti plamen iz pozdra zaraħa*», въ подлинникѣ сказано только въ ст. 257: *взвилася пыль*, т. е. по сербски «*uzvitla se prašina*» или «*uzvije se prašina*». — Въ ст. 266 вѣроятно опечатка въ текстѣ «*bezstidno te progutati neħu*», *вм. hoħu*. Въ подлинникѣ сказано «какъ разъ нахала погложу»; какъ видно, слово *нахалъ* относится къ Руслану, поэтому должно было перевести «*bestidnika*» или «*bezobraznika*», напр. *progutat ėu te bezobraznika*. — Ст. 275: русское «прощай» не можетъ быть переведимо слишкомъ узкимъ глаголомъ «*oprosti mi*» (т. е. извини!), лучше: *zbogom, zdrav bio* и т. д. — Уже въ предыдущемъ стихѣ

274 переводчикъ не понялъ «теперь», употребивъ совсѣмъ не-кстати *tekar*: «теперь ужъ ночь» не значить: *sad je tekar smèrklo* (только что потемнѣло), а просто: «*sad je već noć*». — Ст. 305—306: «и меня порадуѣ хоть однимъ ударомъ» невѣрно отнесено въ переводѣ не къ тому лицу, которое говоритъ: *da te, robro, vamo jednom lupnem!* Какъ будто бы голова хотѣла наѣздника прибить! Надо было перевести: *počasti bar jednijem udarom*. — Ст. 309—310: «она героя *дразнила* страшнымъ языкомъ» никакъ не можетъ быть передано: «она је јунака *rodugačkim lisala jezikom!*» — Ст. 321: «въ спокойномъ духѣ *горячась*»: «и *šmirenom duhu gorućetu*» — не совпадаютъ, переводчикъ не угадалъ значенія глагола «горячиться»: *žestiti se*. — Ст. 323: «плохой питомецъ» и «*петагні mežimac*» плохо соотвѣтствуютъ другъ другу. — Ст. 356: сообразно словамъ подлинника «въ душѣ *мольбѣмъ усмиренной*» надо въ печатномъ текстѣ перевода «и *dušici umirenom* проѣиѣ» исправить въ *umirenoj*. — Ст. 357: «па долинѣ» — переводчикъ вздумалъ исправить текстъ подлинника, переводя: *ledovi se po gorama tope!* — Ст. 359: «ты вразумилъ меня герой» не то, что въ переводѣ: «*oj junače, ti mene razumi!*», надо было перевести: «*oj junače te mene umudri!*». — Ст. 365: «жребіѣ» не то, что *žertva*, впрочемъ въ текстѣ «*dostojna se plaće*» должно быть опечатка вмѣсто *dostojna je plaća* (*sudba moja*). — Ст. 440: «смекая: обману его» совсѣмъ невѣрно переведено: «не *misleći na njegovu himbu*», наоборотъ: «*umijući: prevarit ga hoću*». — Ст. 455: «гдѣ вѣчно долженъ былъ стеречь»: «*gdie viečito moradoh ležati*», неточный переводъ, вмѣсто «*ležati*» лучше «*stražiti*». — Ст. 457 (о витязѣ, ты хранимъ судьбою) въ переводѣ пропущенъ.

Пѣснь четвертая. Ст. 11: «очи голубыя»: «*oči golubije*» — очень близко, но невѣрно, не говоря о томъ, что въ сербскомъ языкѣ необыкновенна форма «голубиѣ». — Ст. 14: «подражая мнѣ»: «*мене su one podražile*» — опять на видъ очень близко, но невѣрно. — Ст. 17: «позѣи чудесный геніѣ»: «о *pievanja čudnovita vilo*» — совсѣмъ не подходитъ, переводчикъ не догадался, что

здѣсь рѣчь о Жуковскомъ. О немъ же сказано въ ст. 19, что онъ пѣвецъ «любви, мечтаній и чертей»: переводчикъ не понялъ послѣдняго слова и вмѣсто «чертей» перевелъ «slave»! — Въ ст. 22: «наперсникъ, пѣстунъ и хранитель»: «mezimice mili hranitelju» — не совпадаетъ, переводчикъ не угадалъ, что и это благодарственный отзывъ Пушкина о старшемъ собратѣ и покровителѣ. — Ст. 26 и 27: «и лиру музы своенравной во лжи прелестной обличу», переводъ совсѣмъ не удался: «i javorove gusle mudropojstva da oblaćim u laž raznovèrstnu». Во-первыхъ о «гусляхъ яворовыхъ» рѣчи нѣтъ, во-вторыхъ забавна путаница, вызванная и здѣсь желаніемъ подыскать соотвѣтствіе слову «обличить», которое переводчикъ такъ и отыскалъ въ глаголѣ «oblaćim»!! — Въ слѣдующихъ стихахъ, 28—43, намечается на содержаніе «двѣнадцати спящихъ дѣвъ», но переводчикъ не замѣтилъ намековъ, поэтому его переводъ сдѣланъ на угадъ, съ множествомъ ошибокъ или неточностей, отчасти быть можетъ опечатокъ. Опечатками можно бы считать во-первыхъ реčali вм. в реčali или od rečali; во-вторыхъ duši вм. duše. Но «kšerì svoje» не простая опечатка, а ошибка переводчика, незамѣтившаго, что дочерей было двѣнадцать; въ ст. 32: «щедрымъ подаваніемъ» значить больше чѣмъ «šednot milostinjom», т. е. bogatim prilozima или zadužbinama. — Ст. 50 «инокинь святыхъ»: «kaludjere svete» — невѣрно, здѣсь говорится о «kalugjericama». — Пѣснь «дѣвы» (ст. 76—95) переведена съ прямой, поэтому болѣе свободное обращеніе съ текстомъ подлинника здѣсь скорѣе простительно, напр. въ подлинникѣ сказано: «отъ волнъ поднялся вѣтеръ хладный», въ переводѣ же говорится не о вѣтрѣ, а о темнотѣ: «vèrh talasah mrak se stiće» (ст. 77 и 93). — Ст. 137: «онъ таетъ сердцемъ», переведено будто бы точно и буквально, на дѣлѣ же невѣрно: «sèrcein taji», переводчикъ спуталъ два различныхъ глагола. — Ст. 146—147: поэтъ указываетъ на своего любимого автора Парни: «милѣ по слѣдамъ Парни», которому приписываетъ «лиру небрежную»: переводчикъ сдѣлалъ изъ этого, безъ малѣйшей причины: «kano naši sliepci» и, конечно, присвоилъ имъ

«*agusle javogove*». Но такъ не переводится! — Ст. 172: «и жаркій пухъ чело объемлетъ» совсѣмъ не то, что переводчикъ изъ этого текста сдѣлалъ: «*mio vietrić po čelu zaduha*», вм. «*ugrijani jastuk*» или «*topla perina*», čelo mi pokriva. — Ст. 214: «Окружены сѣдымъ туманомъ» относится въ подлинникѣ къ русалкамъ, переводчикъ же соединилъ въ переводѣ съ Русланомъ: «*njega čudna zakružila magla*». — Некстати въ слѣдующемъ стихѣ (215) русалка названа въ множественномъ числѣ «*gorske vile*». — Ст. 225—226: «отъ нападеній — хранима» невѣрно «ро парадки — čuvana» вм. «od parada — čuvana». — Ст. 248 представляетъ опять доказательство, что буквальные переводы не всегда хороши: «Людмила ими забавлялась» совсѣмъ не то, что «*Ljudmila se š njima zabavljala*», по сербски или хорватски надо было сказать: «*Ljudmila se njima podsmievala*». — Ст. 261: «на лугъ измятый» совсѣмъ различно отъ «*na sgnetene lugove*», русское слово «лугъ» значить livada, luka. — Ст. 265—266: «она минутнаго искала сна» переведено вяло и невыразительно: «*i na njima sanak bogavila*», о настоящемъ снѣ не было рѣчи, поэтъ заставляетъ Людмилу, изъ опасенія быть застигнутой въ распахъ, страдать безсонницею. — Ст. 298: «Киприды нѣжныя затѣи»: «*Kipridovo niežno parutjenje*» — видно, переводчикъ не угадалъ, о комъ тутъ рѣчь идетъ, отъ Киприды у него вышелъ мужчина!

Пѣснь пята. Ст. 11—14 въ переводѣ пропущены. — Ст. 65: «я силѣ русской изумясь» переведено совсѣмъ некстати (или развѣ по соображеніямъ политическимъ?!): «*i slavenska sila iznemogne*»!! вм. «*diveći se ruskoj sili*» или «*čudeći se ruskoj snazi*». — Ст. 67: «коварно» не «*tnudro*», а «*hitro*», «*lukavo*» или «*zlobno*». — Ст. 68: «тебѣ *oredit* я перестану» нельзя переводить буквально: «*uvriedit te nikad više neću*», этимъ подражаніемъ русскому глаголу не получается настоящій смыслъ. — Ст. 93 не переведенъ. — Ст. 118—119 въ переводѣ нѣсколько сокращены, не обращено вниманіе на «какъ призраки» и на «скрылись». — Ст. 137: «минута... волны», послѣднее слово въ переводѣ замѣнено неподходящимъ сюда «*grožnja*» (угрозы). — Ст. 164: «прощаль-

ный даръ»: «darak oproštenja» лучше «darak oproštajni». — Ст. 214: «по доламъ, по горамъ» оставлено въ переводѣ безъ измѣненія: «po dolam, po goram», но только последнее выраженіе возможно, вм. po dolam надо было сказать хоть бы «po dolim». — Ст. 218—224, выражающіе неподражаемой игривостью нескромную любознательность: «но юный князь — блаженство находилъ» переведены не совсѣмъ удачно, въ особенности стихъ «nemilom se mukom vitez muči» не соответствуетъ ситуаци. — Ст. 232—233: «сонъ — не походилъ на ваши сны» переводъ этихъ словъ ошибоченъ: «san — u sanku se vama nesvratio», переводчикъ не понялъ значенія слова «не походилъ»! — Ст. 244: «но полно»: «ali mlogo» — не вѣрно, вм. «ali dosta». — Ст. 271: «наказанъ твой измѣнникъ»: «evo ti dušmana» — не вполне выражено. — Ст. 301—302: «на склонѣ темныхъ береговъ какой-то рѣчки»: «na stèrmini tamnijeh briegovah», лучше было бы «na obgonku» или «u podnožju». — Ст. 329: слова подлинника «къ лѣсистымъ берегамъ» доказываютъ, что въ изданіи опечатка «dobrovitom», надо исправить «dubrovitom». — Послѣ стиха 356: «и обнялъ князь молодого хана» (Ruslan gèrli mladoga Ratmira) переводчикъ прибавилъ еще одинъ стихъ отъ себя: «i u cèrne obraze ga ljubi!» — Ст. 387: безъ причины замѣнено число «двѣнадцать дѣвъ» въ переводѣ въ «deset dievah». — Ст. 418: «моей непостоянной лирѣ», въ переводѣ: «mojoj mukloj javogovoj gusli» — ничѣмъ не оправданное отступленіе. — Ст. 422: самъ Пушкинъ называетъ себя «печальной истины поэтъ», въ переводѣ этотъ эпитетъ затерянъ въ неудачной передѣлкѣ: «rečalnom ću istinom pievati». — Ст. 427: «охоту къ славѣ потерявъ»: «izgubivši hotjenstvo i slavu», переводъ невѣрный и неясный. Что значить «hotjenstvo»? не «охота», а «сила воли», выходитъ, стало быть такой смыслъ перевода: «потерявъ силу воли и славу»! — Ст. 509: «кругомъ кургана» не слѣдовало переводить: «u krugu mogile», что не даетъ хорошаго значенія, лучше: «okolo mogile».

Письмъ шестая. Ст. 2: «на лирѣ легкой и небрежной» переведено опять совсѣмъ невпопадъ: «na muklim guslam javogovim». —

Ст. 5: «часы безцѣннаго досуга» очень нехорошо выражено въ переводѣ: «prazno vrieme moга plاندوانja». — Ст. 7: «пессорясь съ вѣтренной молвой»: «boreći se vietrenim viestima» — не точно и не выразительно. — Ст. 13: «дышу тобой» — не «s tobom dišem», а «tobom dišem». — Ст. 15: «тайный геній», въ переводѣ: «tajne vile» — смыслъ испорченъ, и «меня покинулъ» не значитъ «mene su lišile», а «ostaviv me» или «iznevjeriv mi se». — Ст. 20: «разсказы прежніе моя» очень неудачно переведено: «načisana moja kazivanja!» — Ст. 30: «влюбленный говорунъ», эпитетъ поэта, имъ самымъ выбранный, переведенъ такъ: «mila šaptalico!» Переводчикъ имѣлъ въ виду «подругу». — Ст. 75: «влача въ душѣ печали бремя» не переведено. — Ст. 88: «въ лицѣ печальномъ измѣнясь»: «rečalno se lice razvedrilo», совсѣмъ не то, скорѣе «probljedjev u rečalnom licu» или «od žalosti lice mu se mienja». — Ст. 175: «чета духовъ» гораздо больше чѣмъ «do dva duha». — Ст. 210: «завѣтное кольцо» и «zavietne vitice» не одно и то же. Вм. vitice надо было употребить обыкновенное слово prsten, а завѣтный всего лучше перевести словомъ «skrovan». — Ст. 231: «какой позоръ» гораздо сильнѣе, чѣмъ «kakav prizor», «позоръ» и «prizor» не одно и то же. — Ст. 253: «почуя смерть» не значитъ: «smèrt: se siplje!» — Ст. 261 не переведенъ. — Ст. 282: «я просыпались небеса», гораздо лучше, нагляднѣе, чѣмъ: «i modro se nebo razvedrilo». — Ст. 302: «я съ воплемъ строй на строй валится» — непереведено, точно такъ пропущенъ въ переводѣ стихъ 317: «обречены на жертву аду». — Ст. 336: «чуждаясь славы» въ переводѣ по догадкѣ, въ смыслѣ глагола «чудити се» (удивляться): «čudeći se slavi!» Напротивъ, слѣдовало сказать: «kloneći se slave». — Въ стихахъ 351 и 353 переводчикъ неудачно перевелъ «казалось» фразой: «kažu ljudi!»

Эпилогъ. Ст. 2: «на лопѣ праздной тишины»: «na praznom krilu od tišine» — переводъ неуклюжій. — Ст. 12: русское слово «туча» не имѣетъ того же значенія, какъ сербское tuča, и русское слово «гроза» не то, что сербское «groza»; такимъ образомъ кажущаяся съ виду удивительная точность на дѣлѣ выходитъ со-

всѣмъ не такою же; русскій текстъ: «и между тѣмъ грозы незримой собиралась туча надо мной», въ вѣрномъ сербскомъ переводѣ можно бы передать такъ: «medju tijem nepadne oluje skupljahu se nada mnom oblaci». — Ст. 15: «о дружба» не значить: *družinico*, переводчикъ не понялъ смысла подлинника, въ которомъ поэтъ вспоминаетъ свою дружбу съ Жуковскимъ и должно быть покровительство Карамзина. — Ст. 17: «ты умолила *непогуду*» и «*smilovala ti si nepogodu*» опять не имѣютъ ничего общаго; я и не понимаю въ точности, что хотѣлъ переводчикъ сказать. — Ст. 23: переводчикъ и здѣсь «теперь» сблизилъ съ сербскимъ «*tekar*», такимъ образомъ его переводъ «*tekar sada vidim*» не значить «теперь я вижу», а «нынѣ только я вижу», что для даннаго случая не годится.

Этотъ длинный, можетъ быть, черезчуръ длинный перечень самыхъ главныхъ недосмотровъ, неточностей и ошибокъ перевода «Руслана и Людмилы» свидѣтельствуегь наглядно, что замѣтка редакціи въ 1859 году не основывалась на хорошемъ сравненіи перевода съ подлинникомъ, не вытекала изъ знакомства съ предметомъ. Переводъ Спира Димитровича нельзя хвалить, онъ не удовлетворяетъ ни содержаніемъ, слишкомъ часто отступающимъ отъ подлинника, ни формою, т. е. языкомъ и стихомъ. Въ томъ и другомъ отношеніи этотъ, насколько я знаю пока единственный переводъ, далеко отстаетъ отъ изящнаго подлинника.

V.

ПОЛТАВА

ВЪ ДВУХЪ ХОРВАТСКИХЪ ПЕРЕВОДАХЪ ПО ИЗДАНИЯМЪ
1860 И 1896 ГОДОВЪ.

Вскорѣ послѣ «Руслана и Людмилы» явилась въ переводѣ того же Спира Димитровича также *Полтава*. Переводъ, помѣщенный сначала въ «Narodne Novine» 1860 года, вышелъ отдѣльнымъ изданіемъ въ томъ же 1860 году подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Poltava, Dva brata razbojnika i Cigani». Preveo iz ruskoga Špiro Dimitrović Kotaranin (Pretiskano iz Narodnih Novinah). U Zagrebu. Nakladom Leopolda Hartmána, 1860. 8°, 84. Второй полный переводъ того же сочиненія сдѣланъ 36 лѣтъ спустя послѣ перваго, профессоромъ Загребскаго университета Томой Маретичемъ (Тома Maretić). Этотъ второй переводъ напечатанъ въ изданіи правительственномъ, предназначенномъ для средне-учебныхъ заведеній въ родѣ историко-литературной хрестоматіи, подъ общимъ заглавіемъ: «Svjetska književnost u prijevodima. Svezak treći: Slavenska i mađžarska književnost. Отдѣльное же заглавіе этого 3-го тома гласитъ такъ: «Čitanka iz slavenske i mađžarske književnosti. Složio i uredio dr. T. Maretić, kr. sveuč. profesor. U Zagrebu. Naklada kr. hrv. slav. dalm. zemaljske vlade. 1896». Скажемъ нѣсколько словъ объ этихъ двухъ переводахъ, обративъ при этомъ вниманіе еще на отрывокъ изъ «Полтавы», переведенный извѣстнымъ сербскимъ поэтомъ Змаемъ Јованомъ Јовановичемъ въ 1867 г., въ сербскомъ еженедѣльникѣ «Матица» (на стр. 583—586), откуда онъ внесенъ въ собранныя сочиненія этого поэта, вышедшія въ 1882 году въ Новомъ Садѣ подъ заглавіемъ «Певанија Змај-Јована-Јовановића. Одабране целокупне умотворише у песми и прози», на стр. 157—160.

Другія попытки перевода этого сочиненія русскаго поэта на сербско-хорватскомъ языкѣ нѣ неизвѣстны.

Пушкинъ написалъ свой романтическій разсказъ въ стихахъ восьмисложныхъ, съ мужской риемой, измѣняющихся поочередно девятисложными стихами съ женской риемой. Мужскія и женскія риемы обыкновенно чередуются въ перемежку, такъ что первый и третій, второй и четвертый стихъ ритмически соотвѣствуютъ другъ другу. Но бываетъ и такъ, что первый и четвертый, а второй и третій риемуютъ. Вообще относительно числа стиховъ одной строфы и распоряженія риемъ господствуетъ въ этомъ сочиненіи большое разнообразіе, какъ видно изъ слѣдующихъ схемъ: *ababcdccdededaa*, *ababcdccdeefgghiihklklmm*, *aabb*, *abbacdcddeeff*, *abab*, *acbccbdeed*, *fggf*, *aabcbcddeffe*, *aabbcc*, *ababcc* и т. д. Спиро Димитровичъ соблюдалъ и здѣсь въ своемъ переводѣ правило писать бѣлыми десятисложными стихами, значить обыкновеннымъ сербскимъ простонароднымъ эпическимъ размѣромъ. Маретичъ для своего перевода предпочелъ восьмисложный, конечно трохаяческій, стихъ, риему же оставилъ только женскую, такъ что только второй и четвертый стихъ риемически соотвѣствуютъ другъ другу, въ стихахъ же обнаруживающихъ въ подлинникѣ мужскую риему, т. е. въ первомъ и третьемъ стихѣ, риемы нѣтъ. Бываетъ и такъ, что первый и третій стихи стоятъ въ риемическомъ согласіи, тогда второй и четвертый оставлены бѣлыми. Такимъ образомъ у него постоянно повторяется схема *xbxb* или *axax*, если буквой *x* обозначить нериемованные стихи. У Змая Јовановича число бѣлыхъ, т. е. нериемованныхъ стиховъ очень ограничено, напр. первые 19 стиховъ представляютъ слѣдующую схему: *abaccb* и *ddefef*; въ слѣдующей группѣ 59 стиховъ имѣется только 6 нериемованныхъ стиховъ, даже только четыре, если признать риему грма — српа. Выходитъ, что Змай Јовановичъ возложилъ на себя цѣпи соблюденіемъ риемическаго согласія стиховъ, какихъ у Димитровича вовсе нѣтъ, у Маретича же гораздо меньше.

Переводъ «Полтавы», сдѣланный Димитровичемъ, равняется

всѣми своими достоинствами и недостатками переводу «Руслана и Людмилы». Прежде всего замѣтно стремленіе буквальной точности съ соблюденіемъ даже русскихъ выраженій, не употребляемыхъ въ сербско-хорватскомъ языкѣ, какъ напр. I. 27: «какъ *тучи* локоны чернѣютъ»: «*kako tući vlasi joj se cèrne*». I. 500: «порой какъ *туча* затмеваетъ»: «*kadikada kako tuća smrkne*». III. 235: «тяжкой *тучей* отряды конницы летучей...»: «*težkom tućom* po гавини *tama...*», но сербское «туча» и русское «туча» не совпадаютъ вполне значеніемъ, обыкновенное значеніе сербскаго слова «туча» — это «градъ». — I. 40: «за ней самъ гетманъ *сватого* шлетъ»: «*isti hetman za njom svate šalje*» — опять не совсѣмъ точно, потому что русское слово свать не обозначаетъ сербскаго «свата», а только «просца». — I. 98: «влагаютъ страстныя *мечты*»: «*kad u strastnom meštanju su svome*». — II. 81: «твой мечтатель»: «*tvoje mešlec*». — I. 104: «молву не смѣютъ *понимать*»: «*viest nesmiju ponimati hudu*». — I. 159: «мужъ рока свой *понятный* шагъ»: «*kadno sebe s napetnim silama muž sudbine...*» — выраженіе «понятный» переводчикъ не понялъ, но и его «*napetnim silama*» никто не поймѣтъ, повидимому онъ хотѣлъ сказать «съ напряженіемъ силъ», чего «*попытный шагъ*», конечно, не значить! — I. 207: «кто проникнетъ бездну роковую думы *коварной*»: «*umom dostignuti zlobne duše udesno kovarstvo*» — слова «коварство» въ сербскомъ языкѣ вовсе нѣтъ. — I. 214: «тѣмъ съ *виду* онъ неосторожнѣй»: «*kad na vidu* онъ је неопрезан» — снова «*na vidu*» не передаютъ русской фразы «съ виду», сл. I. 9: «и на виду»: «*i na vidu*». — I. 231: «радъ... *средитъ* онъ недругамъ своимъ»: «*protivnika svoga uvriedjuje*», по сербски глаголъ не значитъ «вредить», а только «оскорблять». — I. 391: «стращаютъ буйную *ватагу*»: «*čvrlo straše hrabrenu vatagu*». — I. 435: «не онъ-ли *наушеньямъ* хана... былъ глухъ»: «*ta nije li za nauke hana... gluh on bio*» — переводчикъ какъ видно прочелъ наученьямъ вм. наущеньямъ! — II. 53: «и женъ *притворствомъ* искушать»: «*i pritvorom iskušati žene*» — въ переводѣ непонятно, «*pritvor*» совсѣмъ не то, что «притворство». —

II. 135: «заутра казнѣ»: «sutra j' *kazna*», но «казна» выражаетъ только «наказаніе». — II. 221: «повремени» не значить «vrieme dodje». — II. 266: «кому судьбою волненія жизни суждены»: «komu je sudbina *volnujući život odsudila*». — II. 30: «душу пылку твою волнуютъ... страсти»: «*volnujuće osliepljuju strasti*». — III. 224: «необычайное волненіе»: «neobično i smielo *volnenje*». — III. 247: «среди тревоги и волненія»: «u sred buke i *strašna volnenja*». — III. 398: «голова моя полна волненія пу-стого»: «ја vidju, da je moja glava puna pustih, nemilih *volnenja*». Во всѣхъ этихъ примѣрахъ слово русское не имѣетъ мѣста въ сербско-хорватскомъ переводѣ. — II. 445—446: «и на телѣгу поднимали два казака дубовый гробъ»: «а на kola dizali su gore dva kazaka u *dubovi grobu*» — совсѣмъ невѣрно переведено, во-первыхъ «гробъ» не значить сербское гроб (могила, яма), во-вторыхъ «два казака» въ изреченіи не относится къ положеннымъ въ гробъ (какъ понялъ переводчикъ), а къ поднимавшимъ гробъ на телѣгу. — III. 24: «среди старыхъ вражескихъ могилъ»: «i sred starih *vraževnih mogila*» — переводное выраженіе «vraževni» совсѣмъ непонятно. — III. 239: «бросая груди тѣлѣ на груду»: «skaču *grudi* na junačke *grudi*», переводъ обманчивый, въ подлинникѣ рѣчь идетъ о дѣйстви «шаровъ чугунныхъ», а переводчикъ рисуетъ картину героевъ бросающихся другъ на друга полной грудью! — III. 296: «еще напоръ—и врагъ бѣжитъ»: «jedan *napor*—i dušmani bieže» — и здѣсь обманчивое созвучіе. — III. 391: «праздникъ шумный»: «*prazne gostbe*» — не одно и тоже.

И здѣсь Димитровичъ любилъ вставлять цѣлыя фразы изъ народной поэзіи сербской, не имѣющія основанія въ русскомъ подлинникѣ, въ родѣ слѣдующихъ: I. 82—83: «цѣлые два дня то молча плача, то стѣня Марія не пила не ѣла» — изъ этого переводчикъ сдѣлалъ: «dva čitava i *debela* dana *grozno cvili* i *nemilo stenje*» — это преувеличеніе вовсе не соответствуетъ ситуации! — I. 294: «а между тѣмъ орлинымъ взоромъ въ кругу домашнемъ ищетъ себѣ товарищей...»: «medju time *kano gladan viče* po domaćoj gleda okolici, ne bi l' našo *viernih prijateljah*» —

но «голодный волкъ» не подходит! — II. 70: послѣ словъ «oba kralja meni su na volju», передающихъ не вполне подлинникъ «въ переговорахъ со мною оба короля», прибавлено переводчикомъ: «ako bog da i zgreša junaska»!! — III. 34—36: «теперь онъ, бодрый, предъ полками сверкаетъ гордыми очами, и саблей машетъ и къ Деснѣ проворно мчится на конѣ» — эти сжатые слова у переводчика расплылись такъ: «sad je starac opet pomladio, jer on vidje svoju silnu vojsku, nije šala kozak do kozaka, gordo gleda, čordom zapovieda, Desni rieki svoga konja goni a za njime pukovi u redu». — III. 103: о Карлѣ рѣчь идетъ: «но не ему вести борьбу» никакъ нельзя переводить фразою: «nije diete do sablje doraslo!» — III. 132—133: послѣ словъ «кипѣли съ ними рѣчи наши» (š njima rieči kipile su naše) прибавлено безъ мажѣйшей надобности: «kad je bilo noći o pol noći». — III. 142—143: «обо мнѣ воспоминанье хранить онъ будетъ до конца, Петру я посланъ въ наказанье» — переводчикъ съ прикрасою: «mene će se spominjati care, dokle bude sunca i mjeseca, moja majka rodila je mene da ja budem na ukoru Petru». И въ слѣдующемъ III. 144: «я тернъ въ листахъ его вѣнца»: «da mi budem u zeleni viencu oštra drača na visoki čelu». — III. 200: «на холмахъ пушки присмирѣвъ прервали свой голодный ревъ»: «ro goriscam diljke ne gruvaju, junackog su najele se meza» — опять лишняя прибавка, кромѣ того переводчикъ не обратилъ вниманія на разницу въ значеніи между русской «пушкой» и сербской «пушкой». — III. 244—246: изъ трехъ русскихъ стиховъ переводчикъ сдѣлалъ своихъ шесть:

Бой барабанный, клики, скрежетъ,
 Громъ пушекъ, топотъ, ржанье, стонъ,
 И смерть и адъ со всѣхъ сторонъ.
 Tu je klika slavnih pukovodjah,
 Tu je zvuka trubljah i bubanjah,
 Tu je ogled silenih junakah,
 Tu je gèrmnja gladnijeh diljakah,

Tu je jauk ranjenih bojnikah,
 Tu je žalost na sve četir strane...

Есть и другія неточности въ переводѣ, происходящія отъ невнимательнаго отношенія переводчика къ русскому подлиннику. Напр. I 59: «одна въ *сѣняхъ* невѣста бродить»: «ро *baščini* neviesta se šeće», но «башчина» (огородъ) не — сѣнь. — I. 115: «зачѣмъ такъ тихо за столомъ она лишь гетману *отмала*»: «i zašto je tiho iza stola o jedinom šaptala hetmanu» — не вѣрно. — I. 313: «*срага* паденье рѣшено»: «*izdajica* da će izgubiti» — но Мазепа былъ только ненавистный противникъ, врагъ, Кочубея, не — измѣнникъ. — I. 316: «*доносъ* положить» нельзя перевести «*da dokaže*», доносъ — не доказательство, поэтому и I. 415: «*доносъ* оставя безъ вниманья» не хорошо переведено: «*dokasim* se nije zanimaо», или II. 254: «*доносчикъ*» не — *dopisnik*! — I. 352: «ни при опасной переправѣ» — у переводчика вм. перевода этихъ словъ придумано: «*nit u kèrci nit u stanu boju*!» Итакъ опасная переправа черезъ рѣку замѣнена остановкою въ — кабакѣ! — I. 410: «въ Полтавѣ писанный доносъ» переведенъ ошибочно: «u Poltavu dokučili knjigu». — I. 477: «соблазномъ постланное: ложе ты отчей *сѣни* предпочла»: «i primamu razstèrte postelje više nego otca si sienila» — пропускъ въ переводѣ слова «сѣнь» нарушаетъ смыслъ. — II. 48: «искать *надменнаго приѣзда*» не точно въ переводѣ отнесено къ ухаживающему любовнику: «da ja dvorim roposnom udvorom». — II. 95: «а если плаха» спрашиваетъ Мазепа, но это не значить: «А! на рапю?», не говоря уже о томъ, что рапъ не довольно выразительный переводъ для «плахи»; лучше у Маретича «klada». — II. 148, 395, 422 «топоръ», а II. 261 «сѣкира» совсѣмъ некстати переведены словомъ «*sablja*». — II. 214: «старикъ оставъ пустыя бредни» — перевелъ Дмитровичъ фразой мнѣ незнакомой: «*pusti starče ne nabijaj kabla*». — II. 424: «все поле *ожило*» никакъ не значить «*sve je polje tihom zatihnnulo*», напротивъ! — II. 434: «народъ... про свои работы вѣчны уже толкуетъ межъ собой» не слѣдовало

переводить: «и viešnome svome zabavljenju medju sobom slučaj tumačio», народъ разговаривалъ не о только что совершившемся, а о своихъ дѣлахъ. — II. 454. Мазена спрашиваетъ словами «что Марія» не ее, а людей окружившихъ его, поэтому невѣрно переведено: «gdie si mi Marijo? al' se njemu ona neodgovljuje», въ подлинникѣ сказано «отвѣты робкіе, глухіе...», но это отвѣты прислуги, дворни. — III. 22 очень не кстати «Москва» переведена описательно «Petrova stolica», это былъ бы Петербургъ! — III. 38—40: рассказъ о кардиналѣ внезапно выздоровѣвшемъ, когда его избрали папою (Сикстомъ V) замѣненъ у переводчика чѣмъ-то непонятнымъ: «na isti mu način je pomoćnik, poginutim po bolesti teškoj, preko noći ozdravio čilo!» — III. 343: «виномъ разгоряченный» — не совпадаетъ съ переводомъ «vinom rasvedreni».

По недосмотру нѣсколько стиховъ въ переводѣ пропущено. I. 24: «то лани быстрыя стремленья» — не переведено. I. 173: «храня суровость обычайну» — пропущено. — I. 300: «уже донось онъ грозный копытъ» — въ переводѣ нѣтъ. — I. 330: «не докучалъ онъ ей мольбой» — безъ перевода. — II. 219: характерное восклицаніе «злой холопъ» — не переведено. — II. 421: «какъ будто въ гробѣ — тьмы людей молчатъ» — эти слова пропущены. — III. 357: «въ немъ мрачный духъ не зналъ покоя», и этотъ стихъ пропущенъ.

Переводъ Маретича можно назвать выдающимся, образцовымъ по точности въ передачѣ всѣхъ подробностей подлинника и по правильности какъ стиха, такъ и языка. Переводчикъ вездѣ вникъ въ смыслъ русскаго текста и сумѣлъ перевести его просто и отчетливо, безъ пропусковъ, а также безъ поэтическихъ прибавокъ или прикрасъ. Онъ обошелся также безъ лишнихъ русицизмовъ, я наткнулся только на одно русское выраженіе «još kovarna ne drijema njemu duša». Только на двухъ-трехъ мѣстахъ можно бы желать маленькаго измѣненія. I. 118: кажется въ печатномъ текстѣ осталась ошибка корректора: «Tad se istom prestupnice mlade duše poznat dade», надо исправить, полагаю,

въ *duša*. — I. 165: «чтобы гетманъ *узы изъ расторгъ*» — переводъ «*kad li će ih hetman sprasti*» кажется мнѣ слишкомъ блѣднымъ. — I. 188: «тогда-бъ въ снѣгахъ *чужбины* дальней»: «*u dalekom sad snijegu*» — мнѣ хотѣлось бы въ переводѣ найти еще отраженіе многознаменательнаго здѣсь слова «чужбина». — I. 367 и 410 проф. Маретичъ перевелъ «доносъ» словомъ «*grijav-nica*» (это собственно — «повѣстка»), я бы желалъ выраженія покрѣпче, быть можетъ «*protvoga*» или «*rodvala*» было бы лучше; для «доносчика» существуетъ еще старое слово «сок». — II. 145: передача русскаго неопредѣленнаго «царемъ быть отдану во власть врагу царя» такимъ же неопредѣленнымъ «*саг и šake na rug njega dušmaninu predat svome*» кажется мнѣ нежелательнымъ, даже синтактически невозможнымъ оборотомъ. Въ сербскомъ, какъ и въ русскомъ языкѣ такіе обороты удобны только въ предложеніяхъ безъ подлежащаго. Такъ и здѣсь безъ имени-тельного «саг» было бы легко сказать: «*na rug njega dušmaninu predat*». — III. 61: «въ Украину ѣдетъ въ царскій *станъ*»: «*u Ukrajinu u dvor carski*» — это не точно, «станъ» не есть «*dvor*» (дворецъ). — III. 214—215 стихи относящіеся къ князю Меншикову «и счастья баловень безродный полудержавный властелинъ» выдвинуты въ переводѣ изъ своего мѣста и отнесены къ — Шереметеву, что, конечно, невѣрно. Наконецъ укажу въ II. 64—65 на перестановку стиховъ въ переводѣ, вслѣдствіе которой выходитъ анахронизмъ, какъ будто бы Украина раньше была подъ Москвою, чѣмъ подъ Польшею: «*Sad pod Moskvom samovladnom, pod zakriljem sad Varšave*».

Все это мелочи, если хотите щепетильныя придирки, не уменьшающія нисколько хорошаго впечатлѣнія, которое производитъ на читателя этотъ отличный переводъ — дѣйствительное обогащеніе сербско-хорватской переводной литературы. Маретичъ, правда, не поэтъ въ смыслѣ самостоятельнаго творчества, но какъ умѣлый переводчикъ имѣетъ свои безспорныя заслуги.

Въ отрывкѣ (первыхъ 190 стиховъ I пѣсни), переведенномъ Змай-Јовановичемъ, сразу замѣтна сила творческая сербскаго

поэта. Онъ не въ состояніи переводить, онъ сразу пересоздаетъ, соперничая блескомъ стиховъ и удачными оборотами съ русскимъ подлинникомъ. Жаль, что Змай перевелъ только отрывокъ. Жаль, что онъ вообще такъ мало переводилъ изъ Пушкина. Его участіе въ этомъ дѣлѣ сразу подняло бы значеніе Пушкинской поэзіи для сербско-хорватской литературы; прелесть стиховъ русскаго поэта отразилась бы въ полной мѣрѣ въ мастерской передачѣ Змай-Јовановича, чего конечно отъ большинства прочихъ переводчиковъ ни ожидать, ни требовать нельзя.

VI.

РУСАЛКА.

ВЪ СЕРБСКОМЪ ПЕРЕВОДЪ.

Драгутина Илича.

Драгутинъ Иліичъ принадлежитъ къ даровитѣйшимъ сербскимъ поэтамъ молодого, нынѣ дѣйствующаго поколѣнія. Его переводы отличаются, при всей ихъ точности въ передачѣ подлинника, легкостью и естественной простотой сербскаго стиля. Нигдѣ не замѣчаешь стѣснительныхъ узъ подлинника. Подобнаго рода впечатлѣніе производитъ также его переводъ «Русалки». Онъ вышелъ въ 1896 году въ сербскомъ литературномъ изданіи «Босанска Вила» (въ Сараевѣ). Къ сожалѣнію и этотъ переводъ такъ и остается мало извѣстенъ и мало доступенъ, потому что отдѣльными оттисками не пущенъ въ свѣтъ. Въ переводѣ соблюденъ размѣръ подлинника — ямбы, только десятисложные стихи не смѣняются одиннадцатисложными, какъ у Пушкина. Но ямбическій размѣръ не свойственъ сербскому языку, отказавшемуся уже давно отъ ударенія на послѣднемъ слогѣ. Поэтому и у Иліича довольно часто только въ одной, много-ли въ двухъ стопахъ удареніе обнаруживаетъ ямбическій характеръ стиха. Рѣдко съ самаго начала, съ первой стопы, разберешь размѣръ стиха. Для этого хочется непременно, чтобы стихъ начинался словомъ односложнымъ. И у Иліича такихъ стиховъ очень много, почти на половину. Но и этого условія еще мало. Необходимо, чтобы слѣдующее слово не переносило своего ударенія въ качествѣ энклитики на предыдущее моносиллабическое начало стиха. Такъ напр. нельзя назвать ямбическимъ размѣромъ слѣдующія начала: што се никада, за њега неће, да су најтеже, зар се не стидиш, да се не срдиш и т. д. Еще менѣе выдержанъ ямбическій размѣръ въ

концѣ стиховъ. Какъ можно назвать ямбами стихи со слѣдующими окончаніями: слободан, жељама, ставити, поклаѣам, оставиш, бринутѣ, тужитѣ, пустила и т. д., и т. д.? Сказать, что здѣсь первый, ударяемый, слогъ этого дактиля съ предыдущимъ слогомъ въ стихѣ образуетъ ямбъ — такое извиненіе я назвалъ бы самообманомъ. Кто, напр., согласится назвать ямбами слѣдующіе стихи:

Кнежеви нису тако слободни,
Осталих људи туђим жељама,
Копитом коња свога згазно,
Златом и свилом оденућу те и т. д.?

Съ внѣшнею стороною я, стало быть, несогласенъ. Дайте намъ или ямбы настоящіе или лучше совсѣмъ безъ нихъ. Не хорошими, но все же сносными ямбическими стихами я могъ бы назвать лишь немногіе изъ представленныхъ въ переводѣ Илинча, напр.:

Ох све сте такве ви девојнице,
Ма какав поклон, корист за себе,
Па све сте луде, чежња вам је сва, и т. д.

Переводъ сдѣланъ съ русскаго подлинника, который переводчикомъ не всегда правильно понять. Напр. стихъ

Порою исподволь *обинякомъ*
переведенъ:

У *загрљају* кришом који пут,

здѣсь, какъ мнѣ сдается, «обинякомъ» понято въ смыслѣ «объятіе»! Или же стихъ:

Глядь и пропагъ и слѣдъ *простылаз*,

въ переводѣ сказано:

Тек оком тренеш већ *охладио*; —

видно, переводчикъ понялъ «простымъ» въ значеніи охлажденія любви!

Если дочь отцу говоритъ «скажи, *родимый*», то нельзя въ переводѣ сказать: «скажи *роѣни*», надо было по крайней мѣрѣ передать словомъ «родителю».

Въ сценѣ второй переводчикъ совсѣмъ не понялъ хоровой пѣсни дѣвушекъ: «Сватушка, сватушка, безтолковый сватушка». Это переведено совсѣмъ невѣрно: «Сватови, сватови, небројени сватови». Нѣсколько слѣдующихъ стиховъ оставлено даже безъ перевода, вѣроятно потому что символизмъ обрядовой пѣсни сбилъ переводчика съ толку. И слово «дружко» осталось не переведеннымъ, какъ будто это имя личное, а не названіе одного изъ членовъ свадьбы. Точно такъ нельзя одобрить переводъ буквальный «повез» для русскаго головного убора «повязка». Въ сценѣ третьей переводчикъ повидимому не понялъ самаго обыкновеннаго выраженія «сокровище», или же я не понимаю его буквальнаго перевода:

«Е да ли може још у којој он
Како у теби наћи *скривнице*».

Что значить «скривнице»? Не знаю, но по догадкѣ сказалъ бы, что переводчикъ хотѣлъ выразить этимъ неологизмомъ «убѣжище, пріютъ».

Въ четвертой сценѣ слова подлинника

«Онѣ въ песку Днѣпра-рѣки зарыты,
Ихъ рыбка одноглазка сторожитъ»,

какъ видно изъ текста, относятся къ упоминаемымъ въ предыдущемъ «денежкамъ». Но переводчикъ ошибся, полагая, что рѣчь идетъ о русалкахъ. Поэтому его переводъ, въ особенности второго стиха, вышелъ совсѣмъ неудачно:

«У песку Днѣпра сакривене су,
Њих једноока риба се жару».

Я и здѣсь опять не знаю, что собственно переводчикъ хотѣлъ сказать глаголомъ «се жарю». Значить-ли это: одноглазая рыба сверкаетъ, пылаетъ?

Въ пятой сценѣ переводчику не захотѣлось взглянуть въ словарь, чтобы узнать значеніе слова «раковина»: «пригоршню раковинокъ самоцвѣтныхъ». Онъ предпочелъ, по примѣру другихъ славянскихъ переводчиковъ, гадать и вымышлять:

«Па му изнесох прегрш *цвѣта*,
Воденог била — —

Итакъ раковины превратились въ цвѣты, въ водяное растеніе!

Кромѣ этихъ болѣе крупныхъ недосмотровъ встрѣчаются еще другія менѣе важныя неточности, вызванныя стремленіемъ переводчика, гдѣ представлялись маленькія затрудненія, отдѣляться пропусками или же общими, не вполне соответствующими выраженіями. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Въ самомъ началѣ первой сцены, въ стихѣ

Исполнять *даромъ* прихоти его,

пропущено въ переводѣ слово *даромъ*, имѣющее здѣсь главное значеніе. Отецъ былъ недоволенъ дочкою именно потому, что она не сумѣла извлечь изъ любви князя выгоды для себя и для отца. Въ переводѣ же сказано вяло:

Нѣговој ѹди да сте верни роб.

Подсмѣиваясь надъ занятіемъ князей, отецъ говоритъ, что они упражняются въ томъ, какъ бы

.... травить лисицъ и зайцевъ
Да пировать, да обдирать сосѣдей.

Въ переводѣ же сказано, будто бы князья обираютъ сосѣдей для того, чтобы могли пировать:

.... бити зечеве
Да се веселе, краду суседе!

Отецъ, мельникъ, человѣкъ простой, но большой скряга, выходитъ князю на встрѣчу словами: «давно, давно — твоихъ очей мы свѣтлыхъ не видали». Переводчикъ впалъ въ лишнее лирическое настроеніе, передавъ эти слова въ своемъ переводѣ такъ: «већ нас одавна твој светли поглед пије *жејао*». Къ чему это?

Дочь, чтобы объяснить долгое отсутствіе любовника-князя, воображаетъ себѣ разныя опасности, между прочимъ:

«.... что медвѣдь
Тебя въ лѣсу дремучемъ одолѣлъ».

Въ переводѣ же прибавлено: «ил' те *уморна* у шуми дивљи медвед свладао». Откуда взялъ переводчикъ, что князь въ лѣсу *усталъ*? Не произошло-ли это отъ того, что онъ не понялъ дремучаго лѣса? Не представилъ ли онъ себѣ князя уставшимъ и *вздремнувшимъ*?

Въ подлинникѣ сказано:

.... двѣ волчихи
Не водятся въ одномъ оврагѣ.

Это гораздо естественнѣе, чѣмъ въ переводѣ:

.... та две вучице
За једнимъ вуком нису ходиле.

Слова Пушкина

.... Въ прокъ тебѣ пойдетъ
Моя погибель....

которыми несчастная дочь обращается укоризненно къ отцу, потеряли въ переводѣ не подходящемъ всю силу:

Ах, та ти си крив несрећи мојој!

Во второй сценѣ народный обрядъ русскій требуетъ осыпанія молодыхъ хмѣлемъ; не вижу причины замѣнить это слово въ переводѣ простымъ «жито» (хлѣбъ, просо).

Дружко извиняетъ дѣвушекъ, пригѣвшихъ не свадебную пѣсню, а полную намековъ на прежнюю любовную связь князя, обыкновеннымъ проказничаніемъ:

«Никакъ нельзя имъ
Не попроказить»

въ переводѣ не слышится эта добродушная снисходительность, тамъ сказано:

«Зар се никада
Освестит' неће»,

стало быть, новый упрекъ.

Въ четвертой сценѣ старикъ говоритъ князю:

.... да за мною
Присматривать не худо: старъ я сталъ
И шаловливъ

Переводъ этихъ стиховъ не удался:

Ах, да, чувају!
Остарю сам и врло сам слаб.

Не слѣдовало также слова «а потомъ меня пожалуй удавишь *ожереьемъ*» переводить «па тек *конопцемъ* да ме удавишь»; сербское конопац значитъ простую веревку, у Пушкина же старикъ намекаетъ на подарокъ, сдѣланный княземъ его дочери. Неточность также въ томъ, что въ пятой сценѣ слова подлинника «безумный *скряга*» переведены «безумни *старацъ*», гдѣ слѣдовало сказать «безумни *скутари*».

Вотъ и всѣ мои возраженія, ихъ не много и въ противовѣсъ имъ я могъ бы указать на много очень удачно переведенныхъ мѣстъ этой романтической повѣсти. Ограничусь для образца однимъ примѣромъ, пѣсенькою русалокъ въ четвертой сценѣ. Она переведена у Иліича очень мило:

У веселом јату,
Са дубока дна,
Ми пловимо ноћу,
А месец нам сја.
У поноћи остављамо
Влажан станак, мрачно дно,
И плећима просецамо
То површје сјајано.
Разлежу се наши гласи,
Јасно звони тамна ноћ,
И зелене влажне власи
Растресамо по сву ноћ.

VII.

КАВКАЗСКІЙ ПЛѢННИКЪ.

ВЪ ТРЕХЪ СЕРБСКО-ХОРВАТСКИХЪ ПЕРЕВОДАХЪ,
1853, 1863 И 1870 ГОДОВЪ.

Это блестящее стихотвореніе, плодъ глубокаго впечатлѣнія величественной природы Кавказа, отразившагося на пылкой душѣ молодого поэта, и въ то же время внимательнаго присматриванія къ самобытной жизни дикихъ сыновъ страны — нашло въ сербско-хорватской литературѣ трехъ переводчиковъ: въ 1853 году перевелъ его *Иванъ Трнски* для загребскаго журнала «*Neven*»; лѣтъ десять спустя вышелъ въ Бѣлградѣ (въ 1863 году) отдѣльной книжечкой переводъ *Стояна Новаковича*; въ 1870 году появился еще третій переводъ въ новосадской «*Даницѣ*», № 21—23, сдѣланный *Петромъ Деспотовичемъ*. Я считаю не лишнимъ представить здѣсь разборъ этихъ трехъ переводовъ, сравнивая ихъ между собою и разбирая каждый въ отдѣльности. Отмѣчу только, что переводъ *Ив. Трнскаго* въ нѣсколько исправленномъ видѣ вошелъ въ Пушкинскую антологию *Матицы Хорватской*, изданной въ началѣ 1900 года въ Загребѣ. Благодаря любезности профессора *Шрепеля*, я имѣлъ возможность взглянуть въ это изданіе еще до его выхода въ свѣтъ.

Первый переводчикъ, *Иванъ Трнски*, выбралъ четырехстопный трохайческій стихъ съ римой *abba* или *abab*, для передачи русскаго стихотворенія, согласно съ оригиналомъ. Ему подражалъ, сознательно или безсознательно, *Петръ Деспотовичъ*, остановившись на томъ же стихѣ съ такой же римой. Разница между обоими переводами все-таки въ томъ, что *Трнски* старался не увеличивать числа стиховъ въ сравненіи съ русскимъ оригиналомъ, тогда какъ *П. Деспотовичъ* на это не обращалъ вниманія.

Вслѣдствіе того въ переводѣ Трискаго рѣшмы чередуются въ томъ же порядкѣ, какъ въ подлинникѣ, у Деспотовича же надо было иногда отступать отъ русскаго оригинала и для добавочныхъ стиховъ вносить другія рѣшмы сообразно съ окружающими стихами. Совсѣмъ иначе поступилъ второй переводчикъ, Стоянъ Новаковичъ. Онъ выбралъ простонародный эпическій размѣръ, десять слоговъ въ каждомъ стихѣ съ цезурою послѣ четвертаго, а отъ рѣшмы совсѣмъ отказался. Конечно на число стиховъ русскаго оригинала ни онъ не обращалъ никакого вниманія. Вслѣдствіе различія взглядовъ на задачу переводчика, разнится трудъ Ст. Новаковича гораздо значительнѣе отъ прочихъ двухъ переводовъ, чѣмъ оба эти между собою. Новаковичъ, не чувствуясь стѣсненнымъ ни рѣшмой, ни определеннымъ числомъ стиховъ, могъ сосредоточить все вниманіе на томъ, чтобы въ переводѣ его ни одна мысль русскаго оригинала, ни одинъ оборотъ, ни одно выраженіе не было опущено, хотъ бы для достиженія этой цѣли текстъ его нуждался въ очень обширныхъ описательныхъ выраженіяхъ, хотъ бы онъ такимъ образомъ выходилъ гораздо растянутѣе русскаго подлинника. Дѣйствительно переводъ Ст. Новаковича производитъ на читателя впечатлѣніе эпическаго разсказа въ родѣ сербскихъ народныхъ пѣсень. Блескъ подлинника расплылся, сжатость выраженій русскаго текста утрачена. Переводъ Ст. Новаковича, строго говоря, не переводъ поэтическій, а парафраза подлинника на ладъ сербской эпики. Отъ переводовъ подобнаго рода получается одна несомнѣнная выгода: они читаются легко, становятся удобопонятными для широкой публики, стало быть содѣйствуютъ не мало къ популяризаціи сочиненій, прокладывая имъ дорогу къ широкимъ слоямъ общества. Но такія сочиненія не могутъ быть названы дѣломъ поэтическаго искусства, они не обогащаютъ литературы произведеніями переводческаго художества; языкъ переводный отъ трудовъ подобнаго рода не выигрываетъ новыхъ пріобрѣтеній въ области выраженій, оборотовъ, фразеологіи. Все движется по избитымъ дорогамъ.

Такимъ дѣйствительно вышелъ переводъ «Кавказскаго плѣнника» въ трудѣ Стояна Новаковича. Укажемъ нѣсколько примѣровъ, приводя параллельно русскій и сербскій текстъ:

I Ст. 3—4 говорятъ «о бранныхъ гибельныхъ тревогахъ»,

I » 6 «О наслажденiяхъ дикой нѣгѣ»:

«Ту се збори о бојевимъ љутимъ,
«Милотама живота дивьѣга».

I » 11 «И мѣткость неизбѣжныхъ стрѣлъ»:

«А стріјела што не промашују»

I » 31—32 «Ужъ полдень надъ его главой

Пылагъ въ сiянiи веселомъ»:

А веселимъ радоснимъ сијањемъ
Сунце сјајно у по јарка дана
Љутимъ огњемъ у чело упрло

I » 62—64 гдѣ пламенную младость

Онъ гордо началъ, безъ заботъ,

Гдѣ первую позналъ онъ радость:

Ће пламен млађани
Ће слађани први вијекъ букну
Замирисан радостима самимъ,
Ће се нема бриге и невоље....

I » 73—74 Въ сердцахъ друзей нашедъ измѣну,

Въ мечтахъ любви безумный сонъ:

У друштва је мекано срдашце
И оно се на жалост мијења,
Љубав леће свакијемъ маштама,
Ал су маште сањање безумно.

I » 91—92 «Цѣлью упованья

Не зритъ онъ въ міръ ничего»:

12*

Већ овог свијета
 Ништа више спазит' не могаше
 Да б' рећ' мога': овоме се надам!

I Ст. 102 Сверкая свѣтлыми косами:

А на витким косама се зраци
 Одсјајују сунца вечерњега.

I » 126—128 Онъ ловить жадною душой
 Пріятной рѣчи звукъ волшебный
 И взоры дѣвы молодой:

Жудном душом млађн јунак слуша
 Ће га свака њена ријеч чара,
 Жудном душом сваки поглед мотри,
 Што га млада погледује њиме.

I » 156—159 Черкешенка тропой тѣнистой
 Приноситъ плѣннику вино,
 Кумысъ и ульевъ сотъ душистый,
 И бѣлосѣжное пшено:

Ево њему черкескиње младе,
 Ће се краде сјенком по стазама,
 Ће му носи вина и кумиса
 И носи му бијеле шенице,
 Носи меда и другог јестива.

I » 226—227 Межъ горцевъ плѣнникъ наблюдагъ
 Ихъ вѣру, нравы, воспитанье:

Гледао је пламена горштака
 Како љуби, како ђецу гаји,
 Гледао га на прагу кутњему;

I » 228—231 Любилъ ихъ жизни простоту,
 Гостепріимство, жажду брани,

Движеній вольныхъ быстроту,
И легкость ногъ и силу длани:

Љубно му просто живовање,
Како госта као очи чува,
Како жуди боја крвавога,
Како с' миче лако и окретно,
Ја како је снажан у рукама;

I Ст. 266—267 Все путь ему — болото, боръ,
Кусты, утесы и овраги:

Он не тражи стазе, ни богаза,
Блато, шуме, лијене шумарке,
И кршеве и провале страшне
Пролијеће као муња плаха;

I » 302—304 Простите, вольныя станицы,
И домъ отцовъ и тихій Донъ,
Война и красныя дѣвицы!

С Богом села слободе лијене,
С Богом остај ти кућо очинска,
С Богом остај Доне водо тиха,
С Богом рате и лијене моме!

II » 44—45 Забудь меня: твоей любви,
Твоихъ восторговъ я не стою:

Остави ме, заборав' ме душо,
Ја нијесам што је љубав твоја,
Ја нијесам за радости њене.

II » 50—53 Онъ будетъ вѣренъ, онъ оцѣнитъ
Твою красу, твой милый взглядъ,
И жаръ младенческихъ лобзаній
И нѣжность пламенныхъ рѣчей:

Да ти буде и мио и вјеран,
 Да зна љубит' ту љепоту твоју,
 Да зна љубит' те погледе дивне,
 И жив огањ твојих пољубаца
 И ту њежност пламених ријечи;

II Ст. 114—117 Не долго на груди твоей
 Въ забвеньи дѣва отдыхала,
 Немного радостныхъ ночей
 Судьба на долю ей послала!

Забравив и свијет и људе
 За мало ти одисах на груд'ма,
 За мало ми, на жалост и тугу,
 Миле ноћи за мало трајаше!

II » 136 Уста безъ словъ роптали пени:

Ни ријечи више не збораше,
 Само с' груди напрезаху силно.

Изъ сопоставленія этихъ примѣровъ легко убѣдиться въ значительной разницѣ изложенія между русскимъ оригиналомъ и сербскимъ пересказомъ. Въ послѣднемъ движеніе гораздо медленнѣе чѣмъ въ первомъ, оно напоминаетъ обычныя въ сербскомъ эпосѣ повторенія, которыхъ русскій текстъ не знаетъ. Я сомнѣваюсь, можно-ли одобрить внесеніе этой эпической палилогіи въ живой романтической ходъ разсказа Пушкинскаго. Онъ придаетъ сочиненію особый характеръ, котораго въ подлинникѣ вовсе нѣтъ. Приведу еще нѣсколько примѣровъ этой фигуры риторическаго повторенія въ переводѣ, которую русскій оригиналъ избѣгалъ:

I Ст. 3 Сыны Кавказа *говорятъ* (только разъ):

Ту се збори — —

: Ту се збори — —

I Ст. 14 Текуть бесѣды въ тишинѣ:

Све је тихо, ту се збори зборе —

I » 20 *Аулъ* на крикъ его сбѣжался (только разъ):

А све село као огањ живи

Све се село око роба слеће

I » 75 Наскучивъ *жертвой* быть (только разъ):

Робовати згаженој таптини

Робовати простом опадању

I » 111 Но *кто* въ сіяніи луны

Среди глубокой тишины

Идетъ?

Али *ко то* сред тишине мукле

Мјесечином *ко то* тајом ступа?

I » 126 Онъ ловить жадною *душой* (только разъ):

Жудном душою млађан јунак слуша,

Жудном душою сваки поглед мотри

I » 138 Отягощенною *мавой* (только разъ):

Ал' на ново наслонно *маву*

Тешку *маву* на камење хладно

I » 298 *Воспоминаешъ* прежни битвы (только разъ):

Да л' се *сјећаш* старијех бојева

Ил' се *сјећаш* домовине драге?

» 347 *Любилъ* онъ прежде игры славы (только разъ):

Било ј' доба кад је *миловао*

Бужну славу — —

Миловао, жуђео их млађан;

Било ј' доба — —

I Ст. 357 *Жалѣзъ* ли онъ о дняхъ минувшихъ (только разъ):

Ал' да г' *жали* јунак,
Да ли *жали* те минуле дане

I » 368 Черкесы грозные *дишались* (только разъ):

Бјеше чудо черкезима пустим
Бјеше чудо та слобода дивна —

II » 12 Свободу, родину *забудь*:

Заборави слободу лијепу
Заборави домовину драгу —

Это не всѣ примѣры, повтореній подобнаго рода еще много.

Несмотря на свободное движеніе текста при увеличенномъ размѣрѣ стиховъ и устраненной приемъ переводъ иногда ушелъ слишкомъ далеко въ сторону въ сравненіи съ оригиналомъ. Есть даже случаи невѣрной, ошибочной передачи оригинала.

I. 34. «Невнятный *стонъ* въ устахъ раздался», переводчикъ прочелъ по недосмотру *сонъ*, поэтому его переводъ говоритъ: «На устима *санци* (!*vis*) с' разлијећу».

I. 121. «Съ улыбкой *жалости* отрадной»: «И осмијак сла-
ђане *жалости*» — невѣрно, потому что и здѣсь, какъ мы уже столько разъ встрѣтили, русское значеніе слова съ сербскимъ не совпадаетъ.

I. 186. «Тоску неволи, жаръ мятежный въ душѣ глубоко онъ скрывалъ»: и здѣсь переводъ пострадалъ отъ того, что переводчикъ русское значеніе слова «неволя» смѣшалъ съ сербскимъ «невоља»: «И душа му скриваше дубоко тугу што је *бијед*а љеваше»; «жаръ мятежный» переведено удачно, хотя цѣлымъ стихомъ: «огањ силни душе уздрмане».

I. 250—252. «Все тотъ же онъ, тотъ же видъ непобѣдимый, непреклонный, *гроза безпечныхъ* козаковъ» — въ переводѣ безъ причины послѣдній стихъ передѣланъ: «Све га видиш ђе тај не

уступа, ђе га нико савладат не море, *нејма ништа да га бриом*
мори ван коњица убојита своја! Откуда взялъ переводчикъ под-
черкнутыя слова, неизвѣстно.

I. 276—7. «Но мощный конь его стрѣлой на берегъ плѣнистый
выносимъ», значить бывшаго въ опасности жизни плѣнника конь
вынесъ изъ рѣки, хотя онъ уже захлебывался; переводчикъ не
понялъ русскаго текста, переводъ его говоритъ только о лошади
такъ: «Ал' конь силан ка' стріјела иста запјѣнене обале *се хвата*»,
т. е. въ переводѣ не сказано, что случилось съ плѣнникомъ.

I. 291. «Вдоль *береговъ* уединенныхъ»: «проноси га мимо *брда*
пуста», лучше было бы употребить слово «обала»: «проноси га
крај обала пустихъ».

I. 313. «И спрянувъ съ *спрнато* коня — къ нему войдетъ
пришлецъ *усталый*»: «С кошемъ стане *испред* *колимбице* те уѣззе»,
въ переводѣ прибавлены слова ненужныя, зато пропущены дру-
гія, что служить для поэтическаго украшенія. Такъ и въ слѣ-
дующихъ стихахъ: «Тогда хозяинъ *блаюсклонный* съ привѣтомъ
ласково встаетъ», — эти слова подлинника не нашли себѣ болѣе
точного выраженія, какъ въ слѣдующей общезвѣстной просто-
народной фразѣ: «Брже скочи (не сказано даже, кто) те се с њиме
пита, сусрета га ка' брата рођена». Наконецъ въ ст. I. 323—4:
«И утромъ оставляетъ онъ ночлега кровъ гостепріимный» пере-
водъ отбросилъ безъ надобности слова подлинника, замѣнивъ ихъ
такъ: «А кад сутра зора се покаже, иде даѣе стазамъ *врлетнијемъ*»!

I. 337—344. Стихи подлинника, рассказывающіе о жесто-
костяхъ бѣшенной молодости, когда черкесы въ военныхъ играхъ
рубилъ головы рабовъ, въ переводѣ не соблюдены. Переводчикъ,
не обративъ вниманія на упоминаніе рабовъ, понялъ цѣлый раз-
сказъ такъ, какъ будто бы драка происходила между самими
черкесами. Вообще переводъ слишкомъ удаленъ отъ подлин-
ника: «И часто игры воли праздною игрою жестокой смущены»;
«Кол'ко л' пута жеље се крваве испред тога зађену веселя»;
«Нерѣдко пашки грозно блещутъ въ безумной рѣзвости пировъ,
и въ прахъ летятъ главы *рабовъ*»: «Па тек часомъ заблестају

пале (о пирахъ переводъ молчить), мртве главе полете с рамена». О рабахъ не сказано въ переводѣ ничего.

II. 26—27. «Но умолю отца и брата, не то — найду кинжалъ иль ядъ» — переводу данъ другой смыслъ, въ подлинникѣ черкешенка готова на самоубійство только на тотъ, конечно очень возможный, случай, если ей не удастся умолить отца и брата, переводчикъ же заставляетъ ее отвергнуть всякое снисхожденіе: «Хоћу г' оца молит', робе драги, хоћу г' молит' брата рођенога? *Нећу* никак — моји прии јади (лишняя прибавка) прије ће се ножом саломити».

II. 58. — «Но пожалѣй о скорбной участи моей», въ переводѣ наоборотъ сказано: «Ма знај, до вијека да ми те је жао и прежао».

II. 72. «Измучась ревностью напрасной»: «А кад снага изне- вјери пуста» — это не переводъ.

II. 80. «Снѣдая слезы въ тишинѣ» не точно переведено: «А ја *сузе роним* у тишини», лучше было бы: «А ја *сузе цутам* у тишини».

II. 100. «Пройдетъ любовь, настанетъ скука»: «Преминуће, све ће да се згуби» — вялый, невыразительный переводъ.

II. 102. «Раскрывъ уста, безъ слезъ рыдая»: «Она сједи па гледа у њега» — и здѣсь въ переводѣ слишкомъ мало сказано.

II. 149. «На костяхъ моихъ изгнанныхъ заржавить тягостная цѣпь» — совсѣмъ невпопадъ сказано въ переводѣ: «Над костима мојим потуреним још ће и ту *завзектати* ланци». Какъ это возможно?

II. 172. «Однажды слышитъ русскій плѣнникъ»: въ переводѣ одно слово лишнее: «Некад *опет* роб зачује тужни» — прибавка слова «опетъ» (опять) здѣсь не у мѣста. Въ стихѣ 174-мъ не переведенъ кличъ: «въ табунъ, въ табунъ», слова «истом јекне клика убојита» не выражаютъ опредѣленно того, что сказано въ подлинникѣ.

II. 191. Хорошій стихъ «И старцевъ сердце молодѣть» оставленъ, такъ сказать, безъ перевода, потому что слова «Му-

ком муче ником ни ријечи» вовсе не соотвѣтствуютъ смыслу подлинника.

II. 240—242. Стихи рисуютъ сцену, какъ черкешенка пилою пропилила оковы плѣнника. Переводчикъ, не знаю почему, передѣлалъ пилу въ ключъ, которымъ она отомкнула желѣзы: «Пилу дрожащей взявъ рукой»: «Па дохвати оне *клуче* клетѣ» (гдѣ же она взяла ключи?); «Визжитъ желѣзо подъ пилою», совсѣмъ не то въ переводѣ: «Те отпуча оне ланце љутѣ».

II. 286. «Прощальнымъ взоромъ объемлетъ онъ въ послѣдній разъ пустой аулъ» — не вполне удачно выбрано выраженіе: «Пошѣдѣнъ пут *сиче*, *сиче* с богомъ селу пустошномѣ» — о громкомъ прощаніи не было рѣчи.

Другого характера переводы *Трискаго* и *Деспотовича*. Тутъ видно желаніе авторовъ подняться по возможности въ уровень подлинника, въ особенности это касается труда перваго переводчика, который, какъ сказано выше, желалъ сохранить даже число стиховъ русскаго текста. Но придерживаясь этой стороны подлинника, а также возлагая на себя цѣпи рѣшмы, переводчикъ поневолѣ долженъ былъ кой въ чемъ другомъ отступить отъ русскаго текста, т. е. буквальной точности нельзя было отъ него ожидать, достаточно и того, что поэтическое воспроизведеніе довольно близко подходитъ къ русскому тексту въ отраженіи главныхъ мыслей его. Это удавалось автору лучше въ разныхъ мѣстахъ описательнаго содержанія, гдѣ рисуются картины природы, чѣмъ тамъ, гдѣ анализируются проявленія души и сердца. Какъ образецъ перваго случая приводимъ стихи I. 209—217:

Орлы съ утесовъ подымались
И въ небесахъ перекликались,
Шумъ табуновъ, мычанье стадъ
Ужъ гласомъ бури заглушались...
И вдругъ на доли дождь и градъ
Изъ тучъ сквозь молній извергались;

Волнами роя крутизны,
Сдвигая камни вѣковые
Текли потоки дождевые.

Orô plaho krila stresa,
Klikti s rta u nebesa,
Tutanj konjâ, rika stada
Bure buku svu zaglušî;
Škronu kiša, eto grada,
S oblaka se naglo ruši,
Sila suklja u ponore,
Dižuć kamen starovjeki,
Teče kiša već u rieki...

Но если въ I. 200, гдѣ говорится о бѣлизнѣ Эльборуса на небѣ голубомъ, переводчикъ передѣлалъ это такъ: «Jelbgrus (наоборотъ здѣсь непременно Elbgrus, такъ исправлено для новаго изданія) *golub běli* na nebesih» — то это невѣрно и не въ духѣ автора сказано, который врядъ-ли захотѣлъ бы огромнаго колосса сравнивать съ голубемъ! Въ переводѣ стиховъ I. 287—290 не выдержаны штрихи картины русскаго подлинника: «за нимъ *бро-сается* неутомимый и безмолвный. Глухая ночь. Рѣка *реветъ*, могучій токъ его несетъ» — это переведено такъ: «*prak se spuští tiho niz ranj dèržeć ragu, samo rěka tiho šuští*» — въ подлинникѣ не говорится ни о *тихомъ* спускѣ въ рѣку, ни о *тихомъ* теченіи ея. Или ст. I. 222—223 «И бури немощному вою съ какой-то радостью внимагъ» переведено не хорошо: «*prak se — bure buci i strahoti sit u sèrcu naveseli*», а ст. 254 «Питомецъ горскихъ табуновъ» въ переводѣ не вполне понятно: «*naslédnik je divjoj sili*»!

Есть и другіе примѣры, ихъ не мало, гдѣ переводчикъ слишкомъ удалился отъ русскаго текста, пожертвовавъ въ передачѣ его многими характерными чертами или же замѣнивъ ихъ другими, которыхъ въ оригиналѣ нѣтъ. Напр. въ самомъ началѣ перевода читаемъ: «Do šatora šator stoji, Do Čerkeza Čerkez

zěda, Rak si družba pripověda» — въ подлинникѣ рѣчь идетъ о аулѣ, состоящемъ изъ саклей, маленькихъ хижинъ: «Въ аулѣ на своихъ порогахъ черкесы праздные сидятъ», стало быть переводчикъ внесъ отъ себя въ картину кочевой бытъ, говоря о шатрахъ! Такъ и въ II. 216 въ подлинникѣ говорится «по бѣлымъ хижинамъ», въ переводѣ же сказано «a po bělih šatorovih». Въ подлинникѣ очень реально: «вспомнилъ юноша свой плѣнъ» (I. 42), переводчикъ предпочелъ мало выразительную, но зато общезвѣстную простонародную фразу: «*Tad se junak jadu sěti*». Въ подлинникѣ: «Черкесы въ полѣ, нѣтъ надзора, въ пустомъ аулѣ все молчитъ» (I. 51—2), въ переводѣ это передѣлано такъ: «*nigdě straže cělim poljem, pusto selo mukom muči*», но въ полѣ, гдѣ черкесы работали, никто и не ожидалъ стражи!

Стихи I. 75 — 82, рисующіе порывы души Русскаго, пока онъ еще былъ у себя, утратили много въ переводѣ, напр. быть жертвой «непріязни двуязычной и простодушной клеветы» переведено такъ: «*dušmansko dvostručenje i kleveta bezobrazna*», выраженія эти гораздо сильнѣе словъ оригинала; въ ст. 81 «и въ край далекій полетѣлъ» опредѣленіе, чѣмъ въ переводѣ: «*rak poteče svud slobodno*».

Ст. I. 118—119: «И мыслить: это лживый сонъ, усталыхъ чувствъ игра пустая» въ переводѣ сказано: «*misli da ju vidi na snu, da ju spomen na san dade*» — два раза «*san*» (сонъ), а объ «усталыхъ чувствахъ» ничего.

Ст. I. 184—185: «Казалось, плѣнникъ безнадежный къ унылой жизни привыкалъ» — эти простыя слова передаются натянутыми, едва понятными выраженіями: «*Rus nam s tanka ropanja nevoljničtvu priviko je*», здѣсь даже невѣрно сказано, будто бы плѣнный уже привыкъ!

Ст. I. 260—261: «Въ одно мгновенье вѣрный бой рѣшить ударъ его могучій» — совсѣмъ не то, что въ переводѣ сказано: «*I od straha tudjin tērne, oči Čerkez zakèrvari*»!

II. 20—21: «Слышу я дѣвою жестокой, неумолимой красотой» — вм. близкаго оригиналу перевода, который не представ-

лягъ никакихъ затрудненій, сказано: «*sakrila sam plam žestoki nepristupnoj u hladnoći*»!

II. 40—41: «Лежала въ сердцѣ какъ свинецъ тоска любви безъ упованья» — въ переводѣ ничего не сказано о безнадежной любви: «*Kapo zèrno ubojito u sèrcu ga žasnu bēda*» выражаетъ не продолжительное состояніе, а внезапный мгновенный ударъ, чего въ подлинникѣ нѣтъ.

II. 72—75: «Измучась ревностью напрасной, уснувъ безчувственной душой», переведено такъ: «*izmući me odpor vèrli, duša česne za zna duga*» — это совсѣмъ не то, что сказано въ подлинникѣ. А ст. 76—77 «когда такъ медленно, такъ нѣжно ты пьешь лобзанія мои» въ переводѣ передѣлано: «*a kad tebi med sèlovan organj sèrsa pježno gasi*», въ оригиналѣ ничего не говорится объ «огнѣ сердца», тушимомъ медомъ лобзаній!

II. 80—81: «Снѣдая слезы въ тишинѣ» нельзя переводить «*vuze goni u tišini*»; поэтъ не даромъ употребилъ выразительный глаголъ: «снѣдаты»; я указалъ выше на подходящий сюда глаголъ *гутати*.

II. 96: «Ты сердца слышала признание» относится къ только что сдѣланному объясненію плѣннаго, нельзя-же переводить такъ: «*ljubila s' me, prosti muku*» (впрочемъ это мѣсто въ новомъ изданіи, въ Пушкинской антологіи, исправлено: «*Sve ti rekoh: Prosti muku*»).

II. 104—105: «Туманный неподвижный взоръ безмолвный выражалъ укоръ» — эти изящныя выраженія переведены очень неизящнымъ словомъ: «*piždri* и *njeg sva bez kèrvi, pogledom mu sèrce mèrvi*»! Въ новомъ изданіи исправлено: «*gleda* и *njeg...*».

II. 145—146: «И гасну я какъ пламень дымный, забытый средь пустыхъ долинъ»: въ переводѣ главное пропущено: «*i ko plame dim utuši, tako sa svog ginem jada*» (въ новомъ изданіи: «*I kô dim što plam utuši, Tako ginem sa svog jada*»).

II. 169: «Лишь волны плещутся бушующь» — это совсѣмъ не то, что сказано въ переводѣ: «*glas se njegov odjekuje*».

II. 211: «Мечтаетъ русскій о побѣгѣ» — не такъ въ пере-

водѣ сказано: «а Rus bĕgat naušmije», онъ не порѣшилъ, а только мечталъ о побѣгѣ!

II. 232—233 въ переводѣ послѣ стиха 231-го внесены слова: «il' se boji mĕstu tĕšnomъ», которымъ нигдѣ въ оригиналѣ нѣтъ ни малѣйшаго повода.

II. 246—247: «Но взглядъ ея безумный любви порывъ изобразилъ» — все это утрачено въ переводѣ: «al joj teška muka po obrazu bĕlom rije».

II. 278: «Брега ясніли и опѣшенные бѣгли»: «brĕg se svĕti i roĕje je svud vidĕti» — въ оригиналѣ не о *полѣ* говорится, а только о берегахъ рѣки, забрызганныхъ пѣной.

II. 285: «Струистый исчезаетъ кругъ» — какъ мѣтко выражено здѣсь исчезновеніе круговъ волны, а какъ невыразительно сказано въ переводѣ: «Krugovi se rĕkom kruže» — будто бы отъ вѣтра.

Наконецъ есть недосмотры въ переводѣ, происходящіе или отъ разсѣянности, или отъ неточнаго пониманія словъ подлинника, въ родѣ слѣдующихъ:

I. 121: «Съ улыбкой *жалости* отрадной»: «а na lici *žalost* pusta». Переводъ невѣрный потому, что русское значеніе слова «жалость» переведено, какъ уже выше отмѣчено, не совпадающимъ сербско-хорватскимъ *žalost*.

I. 186: «Тоску неволи»: «teške muke», по той-же причинѣ нехорошо: русская «неволя» не соответствуетъ сербско-хорватскому «nevolja», или-же замѣнить его «мука».

II. 26—27: «Но умолю отца и брата, не то, найду кинжалъ или ядъ» — переводчикъ не замѣтилъ высказанной въ русскомъ текстѣ альтернативы, поэтому онъ перевелъ прямо: «а ja ću si — smĕrt zadati»!

II. 58—59: «Оставь меня, но пожалѣй о скорбной участи моей» — въ переводѣ сказано: «ostavi me, а znaj toli *da* me s tebe *sĕrce boli*» — а «пожалѣй» не переведено.

II. 62: «какъ *отрипъ* я надеждѣ» не значитъ «kad *razumĕh* želje tije».

П. 95: «ихъ раздѣлить не можешь ты» — невѣрно: «*razpèrsiti ih nešeš moći*», переводчикъ имѣлъ въ виду обыкновенное значеніе сербско-хорватскаго глагола «*razdijeliti*».

П. 102: «*Раскрыѡ* уста безъ слезъ рыдая», неудачное подражаніе русскому глаголу вызвало слѣдующій негѣпый переводъ: «*raaskrivi se i leleknu*!» (въ новомъ изданіи немного лучше: «*raztuži se i leleknu*»).

П. 130: «ты любишь Русскій? Ты любимъ?» — вторая половина стиха переведена невѣрно: «*Ljubiš Rusu? ljubim i ja?*» Не о ея любви тутъ рѣчь, а о томъ, взаимная-ли любовь у него!

П. 148: «мнѣ будетъ гробомъ эта *стѣнь*»: «*grob mi bit će ova tvèrdja*!» Но стѣнь не крѣпость (*tvèrdja*)!

П. 182: «сбирать насильственные *дани*» — по странному недоразумѣнію сдѣланъ слѣдующій совсѣмъ невѣрный переводъ: «*zroten meću silnih današ*» (въ новомъ изданіи: «*meću zroten silnih današ*»), значитъ, переводчикъ понялъ *дань* въ смыслѣ сербскаго *дан* т. е. *день*!

П. 210: «*спѡз* на брегѣ»: и здѣсь переводчикъ не угадалъ значенія причастія «*сѣвъ*», онъ перевелъ: «*seév se vije*!» Причастіе *спѡз* смѣшано съ именемъ существительнымъ: *носпѡз*! (въ новомъ изданіи не лучше: *Sunce vije*)!

* * *

Третій переводъ, сдѣланный Петромъ *Деснотовичемъ*, занимаетъ между попыткой Ст. Новаковича и Ив. Трнскаго — среднее мѣсто. Онъ обходится съ оригиналомъ въ передачѣ его гораздо свободнѣе, чѣмъ переводъ Трнскаго, но все-таки въ отступленіяхъ на столько сдержанъ, что старался подражать подлиннику сохраненіемъ рими. Общее впечатлѣніе этого перевода довольно пріятное, мѣстами изложеніе проще и естественнѣе чѣмъ у Трнскаго, иногда соблюденъ даже смыслъ вѣрнѣе, но все-таки съ точки зрѣнія переводческаго искусства я не могъ бы этому труду дать предпочтеніе передъ переводомъ Трнскаго. Докажемъ это примѣрами.

I. 7—8: «вспоминають прежнихъ дней неотразимые набѣги» переведено совсѣмъ не такъ, какъ ожидалось бы по словамъ подлинника: «О прошлости пуној злата, што не дође у тал нама». Гдѣ нашелъ переводчикъ въ подлинникѣ нѣчто подобное его переводу?

I. 17: «онъ быстро на арканѣ младого плѣнника влачилъ» — этой наглядной картины и слѣда не осталось въ переводѣ: «Черкез један роба тера, роб је везан у ланцима». Это даже неправда, плѣнникъ сначала вовсе не былъ окованъ въ желѣзахъ! Въ слѣдующемъ стихѣ поэтъ довольствуется восклицаніемъ: «Вотъ Русскій», переводчикъ же прибавилъ еще: «Ево Руса, ево звера», между тѣмъ какъ въ оригиналѣ черкезъ названъ «хищникомъ».

I. 22—24: положеніе плѣннаго обрисовано словами: «Но плѣнникъ хладный и нѣмой, съ обезображенной главой, какъ трупъ недвижимъ оставался» — съ какой стати въ переводѣ кое-что прибавлено, и даже безъ соображенія съ естественнымъ положеніемъ: «А роб смуѣн саго *маву*, *чело* му је замишљено, *прна коса* расчупана, а *халмина* подерана»? Переводчикъ не замѣтилъ, что плѣнный не могъ даже стоять на ногахъ, что онъ былъ въ «забвеніи тяжеломъ»? Конечно и хорошее двухстишіе «надъ нимъ летаетъ смертный сонъ и холодомъ тлетворнымъ дышетъ» переведено совсѣмъ не вѣрно: «као у сну он се нија, леден зној га свог пробија». Не обративъ вниманія на обморокъ плѣннаго, переводчикъ не могъ точно передать стихъ 36: «Несчастный тихо приподнялся, онъ предпочелъ пропустить этотъ стихъ».

I. 42: «вспомнилъ юноша свой плѣтъ» нельзя сказать: «забравъѣа своје стаѣе» — въ оригиналѣ какъ разъ наоборотъ!

I. 51: «Черкесы въ полѣ» не переведено, а къ переводу словъ «нѣтъ надзора»: «стоји роб мој без надзора» прибавлено противъ подлинника: «с порушеном својом надом»!

I. 62—63: «гдѣ пламенную радость онъ гордо началъ» переведено сносно: «где ј' пламену он провео младост», но какъ неумѣстно было послѣ этого стиха прибавить еще: «и где но га

мила мајка родѣ». Какая логика послѣ «проведенной младости» говорить о томъ, гдѣ мать его родила?!

I. 74—75: О Русскомъ плѣнникѣ во время его молодости сказано: онъ нашелъ «въ мечтахъ любви безумный сонъ», въ переводѣ же: «Једну машту што имаде и сан преварљиви». Переводъ этотъ не даетъ никакого смысла. — И въ слѣдующихъ стихахъ попытка перевода вышла вполне неудачной: въ подлинникѣ говорится «наскучивъ жертвой быть», въ переводѣ же ничего не сказано о томъ, что надоѣло ему, а прямо приписывается ему: «Он се нијо у наручју давно презрене сујете, па поштење је клевете бац'о у свом двојезичју» — видно, переводчикъ не понималъ здѣсь русскаго текста.

I. 96—99: Эти стихи сокращены и переделаны въ переводѣ до неузнаваемости. «Онъ ждетъ, чтобъ съ сумрачной зарей погасъ печальной жизни пламень, и жаждаль сѣни гробовой»: «Тепшка глава измучена малаксава, а срце му бије груди, смео роб за гробом жуди»!

I. 107—108: «вдали сверкаетъ горный ключъ сбѣгая съ каменной стремнины» — переводъ этихъ двухъ стиховъ нѣсколько расширенъ: «Са брда се поток слива па се сјаје па прелива, један талас други вија». За-то остались непереведенными оба слѣдующіе: «Одѣлись пеленою тучъ Кавказа спящія вершины». Ст. 114: «Очнулся Русскій» получилъ въ переводѣ совсѣмъ другое значеніе: «И у лице моме младе Рус умильним гледну окомъ», это собственно передача стиховъ 117—118, такъ что для ст. 114, 115, 116 никакого перевода нѣтъ. И стихъ 119: «усталыхъ чувствъ игра пустая» въ переводѣ пропущенъ.

I. 127: «Пріятной рѣчи звукъ волшебный» переведенъ слишкомъ просто: «што му мома та беседа», за-то для слѣдующаго стиха: «и взоры дѣвы молодой» употреблены не менѣе какъ три стиха: «и како јој изилази зрак за зраком из очіју, што у срце момка бију»!

I. 135: «Привсталъ и чашей благотворной томленье жажды утолилъ» — отчасти не переведено, отчасти сказано иначе: «па у

грло све источи што пружаше руке миле». Въ стихахъ 141—142 сказано только: «И долго, долго передъ нимъ она задумчива сидѣла», переводчикъ сдѣлалъ изъ этого: «што ј' дрктала предъ њимъ као сламка мала» (это совсѣмъ произвольно прибавлено, а потомъ): «и дуго је још стајала замишљена, невесела» — —

I. 157—159 содержатъ все, что черкешенка приноситъ плѣнному, въ переводѣ послѣдняго изъ этихъ стиховъ: «и бѣло-снѣжное пшено» вовсе нѣтъ, сказано только «носеи кумис, мед и вино», зато прибавленъ лишній стихъ: «ком је онда дан засији'о».

I. 162 въ подлинникѣ сказано «съ неясной рѣчью» — въ переводѣ замѣнено словами: «нико речи не беседи», что невѣрно. Далѣе въ ст. 163 говорится о томъ, что былъ «очей и знаковъ разговоръ», въ переводѣ же сказано только: «зборили су са погледу».

I. 170—173. Противоположность между плѣнникомъ и черкешенкой въ состояніи ихъ сердецъ великогѣпно обрисованы у русскаго поэта стихами: «Но русскій жизни молодой давно утратилъ сладострастье, не могъ онъ сердцемъ отвѣчать любви младенческой открытой» — въ переводѣ большая часть этихъ мѣткихъ выраженій утрачена или замѣнена другими слишкомъ пустыми словами: «Ал' кад Руса тог већ није, она сретна, пајсретнија, а у Руса срце бије (sic!) што не може да с' одзове звању млада срца њена». Къ этому прибавлены въ переводѣ слѣдующіе два стиха безъ причины: «код њега је сарањена свака искра љубве ове» — эти слова просто безъ смысла.

I. 176—183, стихи, выражающіе невозвратность первой любви, противопоставляютъ ей другія чувства; въ переводѣ и эта противоположность уничтожена, вм. русскихъ оборотовъ: «не вдругъ», «не вдругъ» — «но» въ переводѣ сказано «часто бива и не знамо како», т. е. незамѣтно уходитъ молодость, но не объ этомъ рѣчь въ подлинникѣ, что она незамѣтно уходитъ, а о томъ, что не уходитъ вдругъ, скоро, что признаки ея существованія могутъ повторяться — всего этого въ переводѣ нѣтъ!

«Често бива и не знамо,
 Када прође наша младост;
 Често кад се не надамо
 Засијне нам веља радост;
 Само прва љубав мила
 Живот млади кад позлати,
 Је г' нас једном оставила,
 Никада се не поврати!

I. 195—196: «Очамъ казались ихъ вершины недвижной
 нѣпью облаковъ» — слова эти не переведены, а замѣнены со-
 всѣмъ различнымъ изреченіемъ: «Кроз векове већ толике отуд
 никад што не бега», — изреченіе довольно пошлое.

I. 199: «Эльбрусъ» названъ поэтомъ — двуглавымъ коло-
 сомъ, переводчикъ различаетъ двуглаваго колоса отъ Эльбруса!

I. 204 и слѣд. рассказываютъ о плѣнникѣ, выносящемъ, сидя
 неподвижно на горѣ, всѣ ужасы грозъ — переводчикъ застав-
 ляетъ его сидѣть «под кровом тих клисура», что невѣрно, а пока
 въ подлинникѣ сказано только «у ногъ его дымились тучи, въ
 степи взвивался прахъ летучій», переводчикъ прибавилъ къ пере-
 воду второго изъ этихъ стиховъ (первый совсѣмъ пропущенъ):
 «у пустыни вихор хуји» слѣдующую картину отъ себя: «под
 ногама поток струји, што се пени сав од буре!» — въ подлин-
 никѣ о пѣнящемся ручьѣ и помину нѣтъ.

I. 232 и слѣд. рассказъ о томъ, чѣмъ плѣнникъ любовался,
 въ переводѣ же внесенъ одинъ совсѣмъ лишній стихъ: «како стада
 своја пасе», но это ужъ никакъ не могло удивлять плѣннаго! Да
 и вм. стиховъ «какъ иногда черкесъ проворный, широкой степью,
 по горамъ, въ косматой шапкѣ, въ буркѣ черной, къ лукѣ
 склонясь, на стремена ногою стройной опираясь, леталъ по волѣ
 скакуна» — вм. этихъ стиховъ, полныхъ жизненной правды, вотъ
 что написалъ переводчикъ: «како их се много, много, по пустыни
 и по гори ратовању вештом уче: ен' онај се тамо бори, а у нишан
 онај туче».

I. 276—277 въ переводѣ переданы такъ, какъ будто бы плѣнникъ, котораго черкекъ тащилъ на арканѣ за собой, погибъ въ ручьѣ, что невѣрно: «јахача је прен'о веће, али бедни путник омише путовати мида неће», въ подлинникѣ нарочно сказано, что мощный конь вынесъ его на берегъ.

I. 285. Перечисляются подробно всѣ части боевыхъ доспѣховъ черкеса, которыя онъ снимаетъ съ себя; переводчикъ замѣнилъ это общимъ выраженіемъ: «он *панцире* (sic!) с' себе скине и оруже скупочено», зато прибавилъ отъ себя слѣдующіе два стиха: «па да дело умишљено извршити боље може». Въ подлинникѣ не сказано довольно отчетливо, какія части оружья черкекъ бросилъ передъ собою въ воду, но изъ стиховъ 295—296: «и мимо ихъ во мглѣ чернѣя плыветъ оружіе злодѣя» видно, что нѣкоторыя частиплыли рѣкою, по крайней мѣрѣ упомянутые въ ст. 286: «колчанъ и лукъ». Всѣми этими вопросами переводчикъ не задавался, у него все это сглажено.

I. 307—308: «и падаетъ казакъ съ окровавленнаго кургана» переведено съ лишнею вольностью такъ: «А козак је очи свео, душе нема већ у телу»!

I. 312: «и тлѣють угли въ пепелищѣ» — этотъ стихъ не переведенъ, зато выраженіе подлинника «ненастно порой» (311) растянута въ два-три стиха: «не можеш се никуд маћи, јер на полу ветар шушти а из неба киша плушти».

I. 320: переводчикъ не довольствовался переводомъ предложеннаго гостю «чихиря», онъ считалъ своимъ долгомъ еще прибавить: «и шта нађе још у кујни», а въ стихѣ 324 вм. «утромъ» (какъ въ подлинникѣ) переведено «поэтичнѣе» (!): «славуј кад запоје»!

I. 344: «и въ радости младенцы плещутъ» — этотъ знаменательный стихъ, рисующій дикость нравовъ, поддерживаемую съ юнаго возраста, у переводчика совсѣмъ устраненъ блѣднымъ стихомъ: «и ту шалу черкез љуби».

I. ст. 357 и слѣд. поэтъ не рѣшаетъ вопроса, жалѣлъ-ли плѣнный въ тихой задумчивости свою прежнюю дружбу или-же

сосредоточилъ свои наблюденія надъ образомъ жизни черкесовъ; переводчикъ, отбросивъ эту альтернативу, навязываетъ плѣннику воспоминанія прежней жизни и прибавляетъ отъ себя: «но где су ти лепи дани, где другари раздрагани? Ох, све га је оставило, све је њега преварило». Ничего подобнаго нѣтъ въ русскомъ текстѣ.

II. 1—8. Въ описаніе любовныхъ свиданій плѣнника съ черкешенкой переводчикъ внесъ черты, которыхъ въ подлинникѣ нѣтъ и не могло быть, напр. слова: «ти му дркѣш на прсима, он ти стиск'о руке вите», или ст. 11: «склонись главой ко мѣ на грудь» въ переводѣ: «нагни главу ту на грудь» съ слѣдующей прибавкою: «с мојимъ срцемъ да говориш; ах, разведри невесело, тужно мутно твоје чело»!

II. 43: «*наконецъ* онъ изліялъ свои страданья» не хорошо переведено: «сад *наново* пође јадат своја страдања». Въ словахъ плѣнника, отнимающихъ черкешенкѣ всякую надежду любви, переводчикъ опять прибавилъ кое-что неумѣстное отъ себя, напр.: «Твоје усне замедъане нека другог момка рѣне слатком рѣномъ рајска миља»; въ концѣ монолога ст. 66—67 вм. словъ «твой другъ отвыкъ отъ сладострастья, для нѣжныхъ чувствъ окаменѣлъ», сказано нѣчто совсѣмъ особое: «У пустыни нигде нећешъ наћи цвећа. О, а ја самъ каменъ сињи, који ништа не осећа»!

II. 71—72. Стихи эти совсѣмъ пропущены, а ст. 79—81 передѣланы неудачно: «шта те увек тако смете?» (этого совсѣмъ нѣтъ), «ал' на лицу ѡезиноме расејаностъ видимъ гнилу» (послѣ стиха 81), выраженія «разсѣянный, унылый» въ подлинникѣ присвоены плѣннику. Вообще несогласіе между воспоминаніемъ и реальнымъ положеніемъ въ переводѣ совсѣмъ испорчено.

II. 116. Въ подлинникѣ нарочно сказано «немного радостныхъ ночей» — а переводчикъ преувеличилъ и здѣсь: «па кол'ко самъ слаткихъ ноћи ја провела у радости»!

II. 136: «Уста безъ словъ роптали пени» въ переводѣ пропущено, такъ и ст. 170—171 остались непереверденными.

II. 181—182: «и скачуть по брегамъ Кубани собирать насильственные дань» переведено неточно, съ ненужными прибавками: «да араче, отимају, жаре, пале, убијају».

II. 187—188: «Ихъ прадеды въ кругу сидятъ, изъ трубокъ дымъ вѣясь синѣетъ» — этой наглядной картинкѣ нѣтъ слѣда въ переводѣ: «А прадеди сви у колу задовољно само гледи на унучад своју голу».

Въ черкесской пѣснѣ безъ причины «Чеченецъ» замѣненъ названіемъ «Черкез». Во второй строфѣ этой пѣсни пропущены въ переводѣ «влача по дну рѣчному сѣти» и «какъ тонуть маленькія дѣти купаясь жаркою порой».

II. 210—213: стихи потеряли много въ переводѣ, плѣнный могъ мечтать о побѣгѣ, но «цѣпь невольника тяжка, быстра глубокая рѣка», вотъ что останавливало его мечты, въ переводѣ же сказано, что онъ искалъ тропинки, гдѣ-бы могъ незамѣтно убѣжать: «а мисли су роба текле по брегови, тражеи мале, неприступне какве стазе, кад побегне, да га не опазе; мишице му задрктали: скочи, плови!» — Все это — мечты переводчика! или какъ онъ самъ заканчиваетъ эту вставку: «али то су празни снови», только не «снови» (мечты) русскаго поэта, а смѣлаго переводчика, замѣнившаго этими стихами и еще послѣдующими за ними слова подлинника въ ст. 213—221. Между оригиналомъ и переводомъ нѣтъ почти ничего общаго. Словамъ, рисующимъ ночной мракъ степи, нѣтъ никакого соотвѣтствія, о блѣдномъ свѣтѣ луны тоже ни слова, о степяхъ ничего, только стиху 219: «умолкнулъ поздній крикъ орловъ» сохранился не вполне точный откликъ въ переводѣ «тек се само из даѣина тавни кликот орла чује», а вм. топота табуновъ (ст. 220—221) сказано: «и таласи реке струје».

II. 235 и слѣд. у переводчика многоглаголивѣе, чѣмъ въ подлинникѣ: «бѣги... нигдѣ черкесъ тебя не встрѣтитъ», а въ переводѣ: «бежи, бежи, глуво доба, мир је свуд као у сред гроба, миран сада можеш ићи, на черкесе сад наићи нигде нећеш». Въ подлинникѣ сказано «возьми кинжалъ» и только, а въ переводѣ

прибавлено цѣлое объясненіе: «ако би се с киме срео, да ти буде у помоћи». И въ стихѣ 246 ничего не прибавлено къ восклицанію «бѣги», а переводчикъ опять распространился такъ: «за чим твоје срце гори, постиг'о си, па сад бежи, час је згодан, не отежи!» А въ отвѣтѣ плѣннаго опять лишнее многорѣчіе въ сравненіи съ оригиналомъ: «я твой на вѣкъ, я твой до гроба» (251), въ переводѣ: «не... не могу, мила моја, јер ме држи љубав твоја; твој сам, твој сам ја до гроба». Опять такое же расширение подлинника: «найди ее, люби ее» (258): «Зар је љубав тако трула да се тако мењат даде? иди, иди, па ју нађи, с њом уживај час најслађи у љубави, мене овде сад остави». И въ самой сцѣнѣ прощанія есть лишнія прибавки, напр. «и с последњим «збогом, мила» своју љубав»...

Приведенными примѣрами, кажется, вполне оправдано мое мнѣніе, что переводъ Деспотовича не можетъ быть сравниваемъ съ попыткой Трнскаго, хотя отъ послѣдняго можно было ожидать, когда онъ вновь рѣшился включить свой переводъ въ Пушкинскую антологию, что поправки не ограничатся почти только правописаніемъ или перестановкою словъ.

VIII.

ЕВГЕНІЙ ОНЪГИНЪ.

ВЪ ТРЕХЪ СЕРБСКО-ХОРВАТСКИХЪ ПОЛНЫХЪ ПЕРЕВО-
ДАХЪ ПО ИЗДАНИЯМЪ 1860, 1881 И 1893 ГОДОВЪ.

I.

Первыя попытки переводить изъ А. С. Пушкина на сербско-хорватскій языкъ относятся къ началу сороковыхъ годовъ. Но литературная дѣятельность у сербовъ и хорватовъ была тогда еще на столько слаба и ничтожна, что нельзя было тотчасъ же ожидать появленія переводовъ цѣлыхъ сочиненій, надо было довольствоваться отдѣльными стихотвореніями небольшого объема, переводы которыхъ попадали на страницы скромныхъ повременныхъ изданій, въ родѣ маленькихъ еженедѣльныхъ литературныхъ приложеній къ газетамъ. Поэтому и романъ Пушкина «Евгеній Онѣгинъ» не могъ сразу обратить на себя вниманіе домашнихъ поэтовъ. Сколько мнѣ извѣстно, онъ былъ впервые переведенъ на хорватскій языкъ переводчикомъ «Руслана и Людмилы», *Спиросъ Димитровичемъ*. Этотъ переводъ вышелъ въ 1860 году въ Загребѣ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Eugenio Onjegin od Aleksandra Puškina». Preveo iz ruskoga Špiro Dimittrović Kotaranin (prevoditelj Ruslana i Ljudmile, Poltave i Vilima Tella). U Zagrebu. Vlastitost i troškom knjigarnice Lavos. Hartmána 1860. 8°. 187. Въ тѣ же годы сталъ заниматься переводомъ «Евгенія Онѣгина» извѣстный поэтъ иллирскаго возрожденія, нынѣшній Несторъ хорватскихъ писателей, *Иванъ Триски*. Образцы его перевода печатались въ 1862 году въ литературной газетѣ (еженедѣльной), которая издавалась въ Карловцѣ подъ заглавіемъ «Glasnoša» (во II томѣ, №№ 25, 26, 27, 29, 30, 32, 33, 34, 35). Переводъ здѣсь не доведенъ до конца, — напечатана

только первая глава, — и то, что напечатано, не вышло отдѣльнымъ изданіемъ. У меня нѣтъ подъ руками «Glasopoši», поэтому и не могу судить объ этомъ переводѣ. Но въ 1881 году, значить лѣтъ черезъ двадцать, литературное общество «Matica hrvatska» издало отдѣльной книжкой полный переводъ «Евгенія Онѣгина», новый или отчасти вновь переработанный трудъ того же поэта И. Трнскаго: «Aleksander S. Puškin. Evgenij Onjegin. Roman u stihovih». Preveo i vjekopisom popratio Ivan Trnski. Zagreb. Nakladom «Matice hrvatske». 1881. 8°. XXXII. 176. Переводчикъ не упоминаетъ ни слова о своемъ прежнемъ, въ «Гласопошѣ» напечатанномъ трудѣ, къ переводу прибавлены въ видѣ введенія біографія А. С. Пушкина по русскимъ и нѣмецкимъ источникамъ, стихи М. Лермонтова на кончину А. С. Пушкина (въ переводѣ), выдержки изъ письма А. Жуковского къ отцу поэта, отзывъ Боденштедта о Пушкинѣ, и наконецъ выдержки изъ разсужденій Гоголя и Герцена о Пушкинѣ. — Упомянутые два перевода напечатаны латинскимъ шрифтомъ въ Загребѣ, поэтому и считаются, по принятому взгляду на литературу сербовъ и хорватовъ, принадлежностью литературы хорватской, о которой еще и теперь читающая публика сербская такъ же мало заботится и знаетъ, какъ въ свою очередь хорватская публика не обращаетъ вниманія на произведенія литературы сербской, т. е. на изданія печатаемыя кириллицею, въ Бѣлградѣ или Новомъ Садѣ, хотя, какъ теперь уже всѣмъ извѣстно, языкъ всѣхъ этихъ изданій въ сущности одинъ и тотъ же. Но въ 1893 году вышелъ еще и третій переводъ «Евгенія Онѣгина», на этотъ разъ кирилловскимъ шрифтомъ и въ Бѣлградѣ, стало-быть — сербскій, т. е. по выше указаннымъ примѣтамъ несомнѣнно принадлежащій сербской литературѣ. Переводчикомъ значитъ нѣкто *Р. І. Одавичъ*, одинъ изъ представителей молодого поколѣнія сербскихъ поэтовъ. И этотъ переводъ выходилъ сначала въ литературномъ бѣлградскомъ журналѣ «Отацбина» (въ XXXI и XXXII томахъ), отдѣльной же книжкой изданъ въ 1893 году подъ заглавіемъ: «А. С. Пушкин. Јевђеније Оње-

гин. Роман у стиховима». Превео Р. I. Одавић. (Прештампано из Отаџбине). Београд. Штампано у краљевско-српској државној штампарији. 1893. 16°. 248. VI. Изданіе безъ предисловія; прибавленныя въ концѣ примѣчанія заимствованы изъ русскаго текста.

Желая представить сравнительную оцѣнку этихъ трехъ переводовъ, я начну съ общихъ замѣчаній, относящихся ко всѣмъ тремъ. Рѣчь идетъ о внѣшней формѣ и о языкѣ этихъ переводовъ. Первый переводчикъ, Спиро Димитровичъ, придерживался и здѣсь тѣхъ же приѣмовъ, которые намъ уже извѣстны изъ разобраннаго перевода «Руслана и Людмилы» и «Полтавы». «Евгеній Онѣгинъ» переведенъ у него въ стихахъ простонароднаго сербскаго размѣра, т. е. въ пятистопныхъ стихахъ трохаическихъ, безъ рѣзны. Оба послѣдующіе переводчика, Трински и Одавичъ, сдѣлали шагъ дальше, они постарались подойти нѣсколько ближе къ русскому подлиннику по формѣ, т. е. они прибавили рѣзну. Но что касается качества стиха, у нихъ дано предпочтеніе четырехстопному трохаическому размѣру. Такимъ образомъ ихъ переводъ числомъ слоговъ совпадаетъ по крайней мѣрѣ съ частью стиховъ русскаго подлинника, въ которомъ, какъ извѣстно, стихи восьмисложные и девятисложные чередуются въ перемежку. Полнаго равенства съ русскимъ текстомъ, стало быть, еще не достигнуто. Даже между четырехстопными стихами русскими и сербско-хорватскими существуетъ большое рѣзническое различіе въ томъ, что въ текстѣ русскомъ стопы характера ямбическаго, въ сербскомъ же или хорватскомъ онѣ—трохаическія. Разница эта, конечно, обусловлена характерною чертой нынѣшняго сербско-хорватскаго литературнаго языка, въ которомъ нѣтъ ударенія на послѣднемъ слогѣ, стабо-быть нѣтъ ямбовъ, нѣтъ въ рѣзнѣ окончаній мужескихъ, если не создавать ихъ искусственнымъ образомъ, приставками односложныхъ словъ то въ началѣ, то въ концѣ стиха. У Пушкина въ строфѣ четырнадцатистишной, принятой для «Евгенія Онѣгина», чередуются женскія рѣзны девятисложныхъ стиховъ съ муже-

скими восьмисложными въ слѣдующемъ порядкѣ: женская (а), мужская (b), женская (a), мужская (b), женская (c), женская (c), мужская (d), мужская (d), женская (e), мужская (f), мужская (f), женская (e), мужская (g), мужская (g). Въ переводахъ Тринскаго и Одавича, не различающихъ мужскихъ и женскихъ риемъ, соблюденъ все-таки порядокъ чередованія звуковыхъ риемъ: *ababccddeffegg*.

Спиро Димитровичъ, отказавшись отъ риемы, очутился по отношенію къ русскому подлиннику въ довольно выгодномъ положеніи. Онъ могъ этой льготой воспользоваться для усиленія точности въ передачѣ всѣхъ прочихъ тонкостей русскаго подлинника. Нельзя въ самомъ дѣлѣ отрицать, что у него было стремленіе къ вѣрной передачѣ подлинника. Въ этомъ отношеніи переводъ его ближе подходитъ къ словамъ русскаго текста, чѣмъ оба прочіе перевода. Къ сожалѣнію авторъ понялъ точность нѣсколько своеобразно. Онъ дорожилъ буквальною передачею въ томъ смыслѣ, что старался передать русскій текстъ въ переводѣ даже тѣми же или этимологически по крайней мѣрѣ очень близкими выраженіями сербско-хорватскаго языка, не обращая при этомъ должнаго вниманія на смыслъ, который можетъ быть различенъ при внѣшнемъ созвучіи. Одинаковыя слова русскаго и сербско-хорватскаго языковъ очень не рѣдко расходятся въ значеніяхъ. Такимъ образомъ желаемое созвучіе становится лишь внѣшнею оболочкою, прикрывающею совсѣмъ различное внутреннее значеніе. Въ доказательство этого пристрастія переводчика къ созвучію, оказавшему ему часто очень плохія услуги, приведемъ нѣсколько примѣровъ:

«Евгеній Онѣгинъ» I. 11: «*Невольной ласки ожидать*», по переводу Димитровича: «*očekivati nevoljno laskanje*» выходитъ совсѣмъ не то, что хотѣлъ сказать поэтъ. Конечно и прочіе переводы не передаютъ мысли подлинника: «*prak ju slećet da se oda*» (Трински) или «*ласкати joј tad' се стара*» (Одавичъ). Переводъ «*nevoljno laskanje*» значилъ бы по русски: бѣдная или печальная лесть! Въ II. 30 переводчикъ не понялъ фразы «поневогѣ»; «но поне-

еомъ она вздыхала по другомъ» онъ перевелъ: «*ali po nesreći za drugim je uzdisala ona*», и Трнски перевелъ невѣрно: «*zaigučena s mužem bila и no čas и preko volje*», у Одавича: «*али опет по невољи*». Сл. еще IV. 25: «*сладостной невољи*»: «*presladkoj nevolji*».

I. 11 въ концѣ строфы: «И послѣ ей наединѣ *давати уроки* въ тишинѣ» не значить: «а парокон *još ju iskoriti и самои и тишини пиетој*». Переводчикъ не взглянулъ въ словарь, что значить «уроки давати». Лучше у Трнскаго: «*Sgodnije се како моћи нју *saludit* на самои*», подражая ему также Одавичъ: «Да б' у миру мог'о тако *замудити* цуру лако».

I. 15: «Вездѣ послѣтъ *немудрено*» — значеніе слова «немудрено» не понято въ переводѣ: «*prispiet svagdje и *ratetno* и *nije**», прочіе переводы удалились отъ текста русскаго, но смыслъ не нарушенъ.

I. 16: «Его бобровый *воротникъ*» невѣрно: «*dabrovinom odieveni vratar*», переводное слово означаетъ не воротникъ, а — швейцара! Хорошо у Трнскаго: «*S dabrova ти *lavratnika**», подражая ему и Одавичъ: «Са дабровог *овератника*».

I. 16: «и пробка въ *потолокъ*» не значить «*čerovi po *rodi**», пробки не падали внизъ на полъ; хорошо у Трнскаго: «*čer и *tavan**». Одавичъ только въ общихъ словахъ: «шампанъ страда».

I. 18. «Тамъ Озеровъ *неволеми дани*... съ молодой Семеновою дѣлалъ» переведено по вѣшнему созвучію, но совсѣмъ не хорошо: «*Ozerov je тамо и *dni *tužne**...*» Переводчикъ спуталъ русское слово *данъ* и сербско-хорватское *дан* (день)! Трнски и Одавичъ обошли эту фразу другими выраженіями.

I. 28: «*швейцара мимо*» у переводчика: «*ктај *Švicera**», какъ будто бы это было имя собственное. Здѣсь и Трнски не понялъ выраженія: «*из *Švicara* епо *jugi**», но у Одавича правильно: «и пролете крај *чуара*».

I. 35: «Ужъ отворилъ свой *васисдакъ*» — этого изъ французскаго въ русскій языкъ занесеннаго выраженія переводчикъ не понялъ, судя по непереводному слову: «*otvorio svoga *vazis-daka**». И Трнски ошибся, полагая что рѣчь идетъ о нѣмецкомъ

произношеніи словъ, поэтому онъ перевелъ: «*vasagterat* nešto stao» (глаголъ *vasagterat* сдѣланъ изъ фразы «*was sagt* егъ должно быть Трнскимъ). Не хорошо было также *команъ* оставить въ непереводномъ видѣ *kalpak*, лучше Трнски и Одавичъ: «капа».

I. 37: «Но *разлюбилъ* онъ наконецъ и брань, и саблю, и свинецъ», вслѣдствіе невѣрно понятаго глагола «разлюбилъ» въ переводѣ сказано какъ разъ противоположное: «*zato se je ipak zaljubio* и огуѣе, олову і сабљу». Трнски и Одавичъ выразили это другими словами, но смыслъ переданъ вѣрно.

I. 38: «въ *юстинныхъ* появлялся онъ» — переводчикъ, не обративъ вниманія на разницу значеній между «гостинная» и «гостинница», перевелъ невѣрно: «*u toj bi se gostioni javljo*», и у Трнскаго: «*sjetan gostione pužnik*», Одавичъ оригинально по бѣлградскому, но безвкусно: «у *кафана* често оде!»

I. 42: «*Причудницы* большого свѣта», не принявъ въ расчетъ, что слово «причудница» женскаго рода, переводчикъ передаетъ его такъ: «*Čudni ljudi visokoga svijeta*». Лучше Трнски, хотя выборъ слова мнѣ не нравится: «*Smušenice višeg roda*». Одавичъ обошелъ слово. — III. 23 то-же слово «*причудницы* я видалъ» переведено такъ: «*mušičastih' liepot' sam vidjevo*», у Трнскаго натянуто и невѣрно: «*stvor samoživ mnoga stala*», ему же подражалъ и Одавичъ: «*саможива* чудна лика».

I. 48: «лишь ночные перекликались *часовые*», не значить: «*samo poćni svoja doba udarahi sati*», переводчикъ спуталъ «часовые» и «часы». И у Трнскаго нѣтъ причины словамъ: «*Neke case, straža straži oglaš se*».

I. 51: «У каждаго свой *умъ* и *толкъ*» нельзя переводить такъ: «*u svakog je tumačenje umno*»; лучше Трнски: «*Svak je svoje glave, čudi*», Одавичъ пропустилъ цѣлую фразу.

I. 56: «*сличая* здѣсь мои черты» переведено причастіемъ этимологически близкимъ, но въ значеніи отступающимъ: «*ovdje slikauć načertanja moja*» (надо было перевести приблизительно такъ: *poredeti* ovdje crte moje): *сличать* и *slikati* не одно и то же.

I. 60: «*кривые толки, шумъ и брань*» невѣрно передано: «*Viku, sablju (!), tumačenje krivo*», лучше у Трнскаго: «*kriva suda, korbe, vike*», похоже и Одавичъ: «*С крива суда, хуке, краје*».

II. 2: «*вездѣ высокіе поком*» — переводчикъ не понялъ значенія «поком» въ смыслѣ «комнаты», поэтому перевелъ неточно: «*svud tišina stere se i pokoј*», лучше Трнски: «*svaka izba u vis sili*» (хотя слово *izba* не хорошо выбрано), менѣе выразительно у Одавича: «*свака ј' соба спретна била*». — Тамъ же «печи въ пестрыхъ *изразцахъ*» переведено на видъ очень близко: «*na drag naćin izrezane reći*», но на дѣлѣ этотъ переводъ не передаетъ точно подлинника, «пестрые изразцы» надо бы перевести «шарени каљеви» или «шарени пећњаци», какъ дѣйствительно и сказано у Трнскаго: «*i šarenih reć petnjaka*»; не такъ выразительно у Одавича: «*пећ резана светлупа се*». — Тутъ же «въ томъ нужды было очень мало» въ буквальномъ переводѣ «*vele malo ostalo je nužde*» не передаетъ смысла подлинника; фразу «нужды нѣтъ» только изрѣдка можно перевести «*nema nužde*» или «*nije nužde*», какъ это сдѣлано въ VI. 25. Трнски перевелъ свободно, но вѣрно: «*malo što se srdca tiče*», но на второмъ мѣстѣ и у него осталось: «*nije nužde*». Одавичъ неудачно на первомъ мѣстѣ: «*беше тебе врло мало*», на второмъ пропущено.

II. 3: «*нигдѣ ни пятнышка чернилъ*»: «*nigdje jedna ne cerni se riega*». На первый взглядъ переводъ точенъ, но всматриваясь ближе замѣчаемъ, что «чернилъ» слѣдовало перевести буквально. Этой надобности не замѣтили ни Трнски, ни Одавичъ.

II. 8: «*за честь* его принять оковы» нельзя перевести: «*цјети na čast positi okove*», описательно, но вѣрно по смыслу у Трнскаго: «*druzi da su spremni bit mu žrtvom sprasu*», или у Одавича: «*да би мого вај му снимит друг ће на се ланце примит*».

II. 9: «и музъ возвышенныхъ искусства счастливецъ онъ не *постыдилъ*», въ переводѣ вышла ошибка оттого, что не обращено вниманіе на переходящее значеніе глагола: «*mnudropjkaћ previsokih znanjah postidio sreće sin se nije*»; у Трнскаго тоже не совсѣмъ хорошо: «*pjesnik ti je, stid ga nije*», но не о томъ

рѣчь, чтобы *ему* стыдно было быть поэтомъ. Хорошо переведено только у Одавича: «Он са силом свога дара не постиде музе миле» (вм. *постиде* было бы правильнѣе грамматически *постиди*).

II. 11: «*господъ сосѣдственныхъ селеній* ему не нравились пиры»: «*gospodaru ot susiednih selah goštenja se dopadala nisu*». Невѣрно, переводчикъ не замѣтилъ, что *господъ* здѣсь — родительный множ. ч. У Трнскаго и Одавича правильно: «*susjedske mu časti, lovi . . .*», «суседски га пири море».

II. 12: «всѣ дочекъ *прочили* своихъ за *полурусскаго* сосѣда» не значить того, что переводчикъ внесъ въ свой текстъ: «*na gledanje dovode se kćeri tom susiedu od polu Rusije*»!! У Трнскаго тоже переводъ этого мѣста натянуть, у него сказано: «*Običaji da se spase, nema druge, već da hvataš Polurusa, majko, toga*». Въ этомъ переводѣ никто не узнаетъ русскаго подлинника. Не нравится ни то, какъ перевелъ Одавичъ: «обичај је таков био, *противит* се њему не да». О «противленіи» тутъ и рѣчи нѣтъ. Повидимому переводчикъ не взглянулъ въ словарь, чтобы отыскать значеніе глагола «прочить», поэтому онъ перевелъ по догадкѣ!

II. 14: «мы почитаемъ всѣхъ — нулями, а *единицами* — себя» переведено невѣрно: «*mi svakoga dèržimo za ništo, za jedinstvo ili slogu (!) — sebe*». Откуда взялъ переводчикъ «*jedinstvo i slogu*», вм. чтобы перевести «*jedinicom — uvijek sama sebe*». Вѣрно у Трнскаго: «*ništice su drugih dvjesta, a jednote mi smo sami*», еще проще Одавичъ: «друга крстиш тек нулама, *јединицом* — себе сама».

III. 8: «*докучны* ей и звуки ласковыхъ рѣчей» — переводчикъ, считая прилагательное «докучны» въ смыслѣ подходящемъ къ сербскому глаголу «докучити», такъ и перевелъ невѣрно: «*njojzi su razumni sladki zvuci umiljatih rieči*». Вѣрно у Трнскаго: «*zlatjeri se tko . . .*» и у Одавича: «Сад је мори, кад. . .».

III. 22: «внушать любовь» нельзя передать «*zaljubit se*» или же по крайней мѣрѣ вм. «и *njih*» (для нихъ) надо было сказать «*za njih*».

III. 39 въ пѣснѣ дѣвушекъ: «*закладамъ вишенѣмъ*» не значитъ «*kanimo se višanjah*», хорошо у Трнскаго: «*vbacajmo se na pjega*» или у Одавича: «*чађајмо га трешњама*».

V. 4: «*мужевъ военныхъ и походовъ*» не хорошо переведено: «*il' častnika il putovanje*», «походъ» не значитъ путешествіе, и у Трнскаго не точно: «*da je putu sto prilika*», Одавичъ отдѣлялся другими выраженіями.

V. 7: «гадаетъ старость сквозь очки у гробовой своей доски», значеніе фразы не понято, переводъ не вѣренъ: «*očit gata ostariela starost sne po svojim grobovnim daskama*». Не угадалъ смысла ни Трнски: «*na nedalek grob otale*», ни Одавичъ: «на гроб ком се отет не да». Поэтъ не хотѣлъ сказать, что старики смотрять на «свој гробъ», или что они гадаютъ «по гробовой доскѣ»! Онъ говоритъ только, что и старики гадаютъ, несмотря на то, что ихъ кончина близка.

V. 14: «то выронить платокъ» не значитъ: «*rubaci je izgubila sada*», рубашка не платокъ! Точно Трнски: *rubac*, Одавичъ: *махрама*.

V. 16: «тутъ *остовъ* чопорный и гордый» — непонятно, откуда переводчикъ взялъ «*ondje grozna i ropozna jarca*» (јагас значитъ *баранъ*); правильно Трнски: «*klepeću se kostur kreće*», и у Одавича: «костур».

V. 17: «еще страннѣй, еще чуднѣе» точно такъ непонятно, гдѣ переводчикъ нашелъ своего «*ježa*»: «*ondje kretna, odievena ježa*»!! Только Одавичъ просто и естественно: «*јоште горе, још чудније*», Трнски натянуто: «*Strašila se rulja sbija*».

V. 23: «въ придачу *взявъ* еще за нихъ» не значитъ: «*al još jošte za dodatak dade*», онъ не далъ, а — взялъ, въ томъ-то про- нія! Та-же ошибка повторяется у Трнскаго: «*a još prida pjojzi dade*» и у Одавича: «за то приде он им *dade*»!

V. 30: «и *усидѣла* за столѣмъ» нельзя сказать «*i za stol je kao prije ziela*», не о вторичномъ садиться за столъ рѣчь, а о томъ, что она продолжала оставаться сидя. Таковую же ошибку повторилъ Одавичъ: «и поново за стѣ седе», Трнски обошелъ ее фразою: «*tad će šučet tuj sjedeći*».

V. 33: «она пѣвцу *приспѣсть* принуждена», здѣсь буквальный переводъ не годится: «uz pjevača ona *siesti* мога», Трнски тоже не угадалъ: «*sjede do pjeg Тапја dika*», а подражая ему и Одавичъ сдѣлалъ ошибку: «крај њег Тања *seде* тада». Переводчики, видно, не постарались узнать, что значить глаголъ *приспѣсть*, *приспѣдать*, гдѣ о женщинѣ рѣчь.

V. 40: «о ножки, *полно* заблуждаться» — значеніе «полно» въ этой фразѣ не то, что сказано въ переводѣ: «о *požice lasno* se *zabasaћ*! Такъ и Одавичъ: «о ножнице *лако* с' лута». Трнски выразилъ все это описательно.

VI. 1: «да самой *дѣвичьей*» не точно: «*do ložnice dievaћ*», лучше Трнски: «*izim služke*», хотя предлогъ «*izim*» лучше бы замѣнить въ «*sve do*».

VI. 13: «на солнце, на часы смотрѣлъ, *махнулъ рукою напо-слѣдокъ*» — переводчикъ неточно перевелъ «часы» словомъ «*doba*» и напрасно прибавилъ «слугу»: «*prazio је na suncе i doba, slugi rukom iz nepada таћни*». Видно, смыслъ фразы «махнуть рукою» остался ему непонятнымъ. Трнски пропустилъ эти слова. Точный переводъ у Одавича: «већ на сѣт, на сунце гледа, али најзад руком ма'ну».

VI. 46: «не дай *остыть* душѣ поэта» — переводчикъ помыслилъ о стыдѣ, поэтому перевелъ: «*ne daj sramiti pjesnika se duši*», лучше Трнски: «*studjet ne daj moјој duši*», и Одавичъ: «да ми душу *студ* не слета». — Тамъ же: «въ мертвящемъ *упоеньѣ* свѣта» не хорошо сказано: «*mèrtvarećim napitkom od svietа*», упоенье — не напитокъ! Сл. IV. 10: «онъ ихъ искалъ безъ *упоенья*» переведено у Дим.: «*brez željenja tražio је žene*», но и это не точно. Трнски и Одавичъ обошли эту фразу.

VII. 16: «взявъ барышню подъ свой *покровъ*» не значить «*i u svoји kući uvodili*»; переводчикъ понялъ «покровъ» въ значеніи «кровля». Одна ошибка вызываетъ другую. Начало слѣдующей строфы у переводчика совсѣмъ противъ подлинника начинается выдуманными словами: «и *kući је zapitala Тапа*»!

VII. 22: «онъ изъ *опалы* исключилъ» — переводчикъ не взялъ

себѣ труда навести въ словарь справку о значеніи слова «опала», онъ перевелъ по своей догадкѣ: «*Od požara ipak izključio!*» Трнски и Одавичъ обошли слово описательными выраженіями.

VII. 24: «по комъ она вздыхать осуждена судьбою *властной*» не значить: «*onoga je za kime uzdiše odsudila vlastita sudbina*». Во-первыхъ «властный» и «*vlastiti*» не одно и то-же, во-вторыхъ приговоръ судьбы не касается его (Онѣгина), а ея (Татьяны). Лучше Трнски: «*S kog ju sudba stište ljuta*», и Одавичъ: «Тог' што јој га судба даде».

VII. 31: «обозъ обычный» не то, что «*voz obični*» — обозъ и повозка двѣ различныя вещи.

VII. 32: «готовятъ завтракъ *повара*» — не годится переводъ: «*gotov ručak kuharica posi*». Не кухарка готовила въ барскомъ домѣ! И Трнски сдѣлалъ ту же ошибку: «*kuharica ručak daje*».

VII. 34: «благословляя *колеи*»: «*pri toj zgodi kola blagoslivlju*». Но кузнецы русскіе не могли благословлять починаемыхъ ими каретъ европейскаго издѣлія! Колея не значить *kola*! Трнски и Одавичъ не вдаются въ подробности.

VIII. 10: «отъ *частныхъ* и другихъ долговъ»: «*od čestitih i inih dugova*». По недоразумѣнію переводчикъ понялъ «частный» въ смыслѣ слова «честный». Эта ошибка и у Трнскаго: «*nečastnoga, častnog duga*». У Одавича пропущено.

VIII. 12: «сатаническимъ *уродомъ*»: «*paklenim porodom*», но это не одно и то-же. Лучше Трнски: «*sotonskog li nagrđnjaka*».

VIII. 16: «и *врядъ* ли быть ему въ *чести*»: «*zato rado ostala bi u česti*»; «въ *чести*» надо бы перевести «и *časti*» (не «и *česti*»), кромѣ того «врядъ» не значить «*rado*», а «*jedva*», «*teško*». И Трнски сдѣлалъ ошибку, переводя *врядъ* словомъ: и *redke*.

VIII. 38: «признаться: то-то бѣ *одожилъ*»: буквальный переводъ не даетъ смысла: «*priznat valja: da se odužimo!*» Нѣсколько лучше Трнски: «*blago dašto necienjeno*». Переводъ Одавича «*камо среће*» выражаетъ не то, что въ подлинникѣ.

II.

Я могъ бы значительно увеличить число подобныхъ примѣровъ. Параллели, прибавленные изъ обоихъ остальныхъ переводовъ, доказываютъ, что въ точномъ знаніи русскаго языка и Трински, и Одавичъ, ушли не далеко впередъ. Если у нихъ менѣе недоразумѣній, то это отчасти объясняется тѣмъ, что у нихъ не было желанія переводить буквально. Они довольствовались въ большинствѣ случаевъ передачею смысла общими словами, не вдаваясь въ подробности русскихъ выраженій и оборотовъ. Такимъ образомъ переводъ ихъ, хотя онъ не ближе къ русскому тексту, все же выходитъ лучше, поэтичнѣе, читается легче. Этого ихъ достоинства и преимущества передъ трудомъ Димитровича отрицать нельзя. Однако-жъ отъжелаемаго совершенства, которое соотвѣтствовало бы прелести русскаго подлинника, всѣ эти переводы очень, очень далеко. Этимъ и объясняется, что появленіе ихъ въ сербско-хорватской литературѣ прошло незамѣтно, они не произвели большого впечатлѣнія, никто не ссылается и теперь на нихъ, какъ на произведенія, имѣющія выдающее значеніе. Не трудно указать причину этого факта: она въ сущности не столько въ переводчикахъ, сколько въ какомъ-то неопредѣленномъ, шаткомъ состояніи современнаго сербско-хорватскаго литературнаго языка. Не только первому, но и слѣдующимъ переводчикамъ «Евгенія Онѣгина» пришлось бороться съ большими трудностями для того, чтобы совладѣть съ пластичностью Пушкинскаго поэтическаго языка, чтобы удачно передать его тонкій анализъ человѣческаго сердца, всю прелесть его изложенія самыхъ разнообразныхъ психическихъ настроеній. Сербскіе и хорватскіе писатели, все до новѣйшаго времени, слишкомъ мало позаботились объ обогащеніи своего литературнаго языка точной, опредѣленной выразительностью въ широкой области высшихъ идей европейской мысли. Первоклассныхъ сочиненій европейскихъ изящныхъ литературъ переведено до сихъ поръ очень мало, переводы только въ видѣ исключенія попадали

въ руки даровитыхъ писателей, знатоковъ родного языка. Традиція хорошаго переводнаго языка еще не выработалась. Каждый переводить по своему, каждый вносить отъ себя извѣстный запасъ словъ и оборотовъ въ литературный языкъ, не считаясь съ своими предшественниками и не зная того, что въ той же области ранѣе его сдѣлано другими. Все это дѣлается безъ контроля критики, безъ содѣйствія лексикографическаго. Такимъ образомъ удачное и неудачное существуетъ рядомъ, иногда погибаетъ то и другое, иногда же держится то или другое, благодаря какой либо случайности. Никакого почти обмѣна мыслей по поводу этихъ для судьбы литературнаго языка очень важныхъ явленій не видно и не слышно. Лексикальныхъ трудовъ, за исключеніемъ очень медленно продолжающагося словаря академическаго и вновь перепечатаннаго словаря Вука Караджича, нѣтъ никакихъ. Большому количеству словъ, обще употребительныхъ въ нынѣшнемъ литературномъ языкѣ, не говоря уже о единичныхъ хоть бы очень удачныхъ неологизмахъ — нѣтъ пока подтвержденія ни въ одномъ сербско-хорватскомъ словарѣ. Въ такихъ условіяхъ что можетъ поддерживать необходимую преемственность? Ея или вовсе нѣтъ, или же она зависитъ отъ случайностей, отъ хорошихъ качествъ поэта-переводчика, отъ его добросовѣстности въ исполненіи задачи и т. д.

Все здѣсь сказанное выходитъ наружу въ упомянутыхъ трехъ переводахъ одного и того же подлинника. Дѣло это сдѣлано въ теченіе слишкомъ тридцати лѣтъ. Въ этотъ промежутокъ времени литературный языкъ конечно нѣсколько измѣнился, но не существенно, за исключеніемъ развѣ приемовъ орфографическихъ. Наши же переводы отступаютъ другъ отъ друга не только тѣмъ, что у каждаго своя индивидуальная фізіономія, но и цѣлый составъ того высшаго языка, который служитъ выраженіемъ процессовъ психическихъ, анализомъ движеній человѣческаго сердца, у каждаго переводчика свой особенный, между ними очень мало общаго. Общее — отрицательнаго свойства, уклоненіе въ сторону отъ прямыхъ словъ подлинника, чтобы обойти трудъ точ-

наго перевода, хотя это у каждого переводчика входитъ въ первую и ближайшую обязанность. Даже первый изъ трехъ переводчиковъ, придерживаясь вѣрнѣе другихъ словъ подлинника, не выработалъ себѣ опредѣленнаго языка. Онъ испестрилъ свой переводъ большимъ количествомъ словъ русскихъ, т. е. выражений подлинника, оставленныхъ безъ перевода или же чуть-чуть передѣланныхъ на сербскій ладъ, но отъ этого не выигралъ ни трудъ его въ смыслѣ литературнаго достоинства, ни переводный сербско-хорватскій языкъ. Въ этомъ отношеніи онъ не нашелъ и не могъ найти подражателей. Между двумя остальными переводчиками разница въ томъ, что Иванъ Трински пополнилъ свой переводъ множествомъ необыкновенныхъ выражений и оборотовъ, не то имъ слышанныхъ въ языкѣ народа, не то имъ придуманныхъ или созданныхъ. Многіе изъ этихъ неологизмовъ удались ему какъ нельзя лучше, но большое количество ихъ все-же затрудняетъ чтеніе перевода, онъ не производитъ на читателя того впечатлѣнія изящности, которымъ отличается русскій подлинникъ. Переводъ Тринскаго несравненно искусственнѣе, въ разсказѣ сложнѣе, извилистѣе, чѣмъ подлинникъ А. С. Пушкина. Нехорошее впечатлѣніе производитъ также у него преувеличенный пуризмъ языка, несоотвѣтствующій характеру подлинника. Ложный какой-то стыдъ мѣшаетъ этимъ поэтамъ въ родѣ Дмитровича или Тринскаго занести на страницы своихъ сочиненій самыя обыкновенныя, общеупотребительныя иностранныя слова. Они надѣются или воображаютъ себѣ усовершенствовать литературный языкъ, если выгоняя слова чужія замѣнять ихъ никѣмъ не употребляемыми, новосозданными выраженіями. По моему же это значитъ вносить въ литературный языкъ ложную черту, ставить его на какой-то неестественный пьедесталъ. Третій переводчикъ, Р. Одавичъ, не впалъ въ эту ошибку, изложеніе его проще, естественнѣе, стихъ хорошій, гладкій, но трудъ его еще менѣе похожъ на настоящій переводъ, чѣмъ сочиненіе Тринскаго, это скорѣе свободная переработка русскаго текста съ сохраненіемъ главныхъ мыслей подлинника и только. Впрочемъ

оба эти переводчика на каждомъ шагу, въ каждой строчкѣ позволяютъ себѣ то сокращенія разсказа по отношенію къ русскому тексту, то разныя прибавки, рисующія картины новыя, не содержимыя въ подлинникѣ, или же снабжающія ихъ новыми штрихами, чуждыми подлиннику. Я бы никогда не согласился признать, что такія отступленія позволены для образцовыхъ поэтическихъ переводовъ. По моему это значить не переводить, а передѣлывать чужой подлинникъ.

Постараемся оправдать эти замѣчанія примѣрами, заимствованными изъ всѣхъ трехъ переводовъ. Начнемъ съ вліянія русскаго языка на языкъ переводовъ. Русицизмы въ видѣ непереведенныхъ русскихъ словъ попадаютъ, какъ сказано, у Сп. Дмитриевича очень часто. Приведемъ главнѣйшіе примѣры.

Любимое Пушкинское слово *нѣга* оставлено у перваго переводчика почти всегда въ томъ же видѣ. Хотя сербско-хорватскій языкъ знаетъ это слово уже въ среднемъ, далматинско-дубровницкомъ періодѣ, по значеніе его только отчасти соотвѣтствуетъ широкому примѣненію слова у Пушкина. Вотъ примѣры: I. 23: «для роскоши, для *нѣги* модной»: «za gazkoše i ukusne *niege*» Дмитриевичъ, «gazkošju li, *milju* kakomъ» Трнски, «да се држи *луксус* модни» Одавичъ. — I. 31: «взлелѣяны въ восточной *нѣгѣ*»: «uznijaпo (невѣрно отнесено къ «svietje» вм. «uznijaпe», т. е. «пожісе») u istočnoj *niegi*» Дим., «istočnu je mar vas *njeги*» Трнски (очень натянуто), «ви источну знате *негу*» Од. — I. 55: «для сладкой *нѣги* и свободы»: «da slobodu uživam i *niegu*» Дим., у Трнскаго: «ta sloboda sladka, sveta» (выраженія для «нѣги» нѣтъ), «тражим *негу* и слободу» Од. — III. 7: «сгорая *нѣгой* и тоскою»: «čeznutjem i *niegotъ*» Дим., «s *njege* sile i plahoće» Трнски. — III. 14: «я вспомню рѣчи *нѣги* страстной»: «rieči *niege* sietihъ ću se strastne» Дим., «slova *nježne* paljevine» Трнски, Одавичъ обошелъ это изреченіе. — III. 15: «ты *нѣгу* жизни узнаешь»: «za *niegu* ćeš života saznati» Дим., «usvoji si *milakъ* пови» Трнски, «знана ту је жиѣна *нега*» Одав. — IV. 51: «покоится въ сердечной *нѣгѣ*»: «ter počiva u sèrdačnoj *niegi*» Дим., «покојап је u

svom *saži* (!) Трн., «*надом* ко с' одушевљава» Одав. — VII. 52: «какъ *нигой* грудь ея полна»: «*kako niegot rupe su joj grudi*» Дим., «*рупе li joj bjaħu grudi*» (чего? не сказано) Трн., «на тек што је *нежност* њена» Одав.

Часто повторяющееся прилагательное *застѣнный* Димитровичъ оставилъ безъ перевода: I. 34: «въ *застѣнныхъ* иногда мечтахъ»: «па *zavietnom* пекада *miestancu*» Димитр. (даже къ слову «мечта» подогнано по внѣшнему созвучію «*miestance*»!!), Трнски оставилъ этотъ стихъ безъ перевода, или лучше сказать замѣнилъ его въ переводѣ вялою добавкою: «*uzjahat će, vidjeh, ona*», «док још беху снови моји» Одавичъ. — III. 39 (въ пѣснѣ дѣвухекъ): «пѣсенку *застѣнную*» и «пѣсенки *застѣнные*»: «*piesmićicu zavietnu*», «*piesmi našu zavietnu*» Димитр., у Трнскаго этого прилагательнаго нѣтъ, сказано: «*zarjevaјte pjesmicu onu lieru davnashnju*» (не «ветхозавѣтную» ли?!) и «*djevojačke pjesmice*», у Одавича описательно: «запевајте песмицу *srca свoga желицу*» и «девојачко певање». — VI. 36: «и вы *застѣнные* мечтанія»: «*ī vi gdje ste zavietna meštanja*» Димитр., «*gdje li mašto ti si žurna*» Трнск., «где сте маште, заношење» Одав. — VII. 47: «*застѣнный* кладъ и слезъ и счастья»: «*klad zavietni od suzah i sreće*» Димитр., «*kano blago čuvaјući*» Трн. (безъ прилагательнаго), «благо суза, среће, јада» Одав. (тоже безъ прилагательнаго).

Русское значеніе слова *лугъ* не одно и то же съ сербскимъ *луг*. Димитровичъ не обративъ вниманія на эту разницу, оставилъ почти всегда это же слово. I. 31: «какъ на *лугахъ* вашъ легкій слѣдъ»: «*ī po lugu vaših milih sledaħ*» Дим., лучше Трнски: «*kano trag vam po tieh lukaħ*», Одавичъ безъ этого слова: «ко што вама неста трага». — II. 27: «на широкой *лугъ*»: «па *širokom lugu*» Дим., «*pestilja li u lug skupī*» Трн., у Одавича пропущено. — VII. 1: «на потопленные *луга*»: «*potoplјene niz lugove ravne*» Димитр., лучше Трнски: «*livade pam, nјive plavi*», Одавичъ: «и у *влажна поља* пада». — VII. 6: «гдѣ ручеекъ вѣсь бѣжитъ зеленымъ *лугомъ*»: «*gdjeno potok bistri vijuga se po zelenom lugu*» Димитр., у Трнскаго: «*uz lipe se što vijuga*» (слова «лугъ» нѣтъ),

такъ и Одавичъ, подражая Трнскому: «покрај липѣ што вијуга». — VIII. 29: «такъ бури въ болото обращаютъ *луѓѣ*»: «*uprav kapo lugove u blato preobradi u jeseni bura*» Дим., «*što od lije blato stvara*» Трнски (lija = лѣха), «да од *поља* блато ствара» Одав. Ср. еще I. 32: «весной на муравѣ *луговѣ*»: «*o prolietje na busenu lužnom*» Дим., «*kada ljeti travom luta*» Трн., такъ и Одавичъ въ подражаніе Трнскому: «и по *травѣ* када лута». — VII. 29: «съ своими рощами, *луками*»: «*milim svojim lugovim i gajim*» Дим., лучше Трнски «*s livadami, šumicami*».

Слова *умильный*, *умиленье* имѣютъ свои близкіе отголоски въ прилагательномъ «*umiljat*», въ существительныхъ «*umiljatost*», «*umilje*», но съ другими оттѣнками значенія. Димитровиچъ оставилъ слово безъ перевода, въ чемъ отчасти подражалъ ему и Одавичъ. I. 11: «ловить минуту *умиленья*»: «*uloviti čas od umiljenja*» Дим., не такъ Трнски: «*i utvebat čud joj teku*», но Одавичъ: «тражи тренут *умиленья*». — I. 58: «*умильной* лаской наградила»: «*umiljenjet sladkim nagradio*» Дим., у Трнскаго пропущено, у Одавича также. — VI. 14: «онъ смотритъ въ сладкомъ *умиленьи*»: «*on ju sladkim smotri umiljenjet*» Дим., «*radostne joj te milote*» у Трнскаго не точно отнесено не къ чувству влюбленнаго Ленскаго, а къ качествамъ Ольги, лучше у Одавича: «препун слатког *умилѣја*» — VII. 2: «съ какимъ тяжелымъ *умиленьемъ*»: «*sad me teško neko umiljenje*» Дим., Трнски: «*težkim srdcem*», Одав. «како тужно мене греје».

Русской *дружба* лучше всего соотвѣтствуетъ сербско-хорватское «*друговање*». Димитровиچъ должно быть не понялъ настоящаго значенія слова, поэтому перевелъ его «*дружиною*». Напр. I. 37: «друзья и *дружба* надобѣли»: «*družinom mu dodijali друзи*» Дим., Трнски только «*drugovi mu dodijali*», Одавичъ: «сад не воли *друштва* више». — IV. 8: «и *дружба* тяжкая мужей»: «*i družine nemilih muževah*» Дим., «*kom li друзи muža slete*» Трн. (неверно), Одавичъ: «*друштво* с ким се време трати» (нѣтъ существительнаго «мужей», да и «тяжкая дружба» не пустая трата времени!).

Слово *печаль* было въ старину хорошо извѣстно также сербско-хорватскому языку, но теперь оно мало въ употребленіи. Димитровичъ конечно не пожертвовалъ этимъ словомъ, гдѣ онъ нашелъ его въ русскомъ подлинникѣ, но возражать можно противъ негѣпой формы «*печала*», встрѣчающейся у Димитровича нѣсколько разъ. II. 10: «онъ пѣлъ разлуку и *печаль*»: «*razstanke je i pečale pievo*» Дим., Трнски не такъ: «*s razstanka se tužno tuži*», Одав.: «пево ј' боле срца жива». — II. 19: «вражду, любовь, *печаль* и радость»: «*svadnju, ljubav, pečale i radost*» Дим., короче Трнски: «*sve užitke, propatja je*», Одав.: «мржња, љубав, бол и радост». — VI. 44: «позналъ я новую *печаль*»: «*još poznavah i nove pečale*», «а старой мнѣ *печали* жалъ»: «*za pečale žao mi je stare*» Дим., у Трнскаго: «*nove jade jadat uzeš... naviru mi davne suze*», у Одавича, въ подражанье Трнскому: «у нове сам *jade* пао... ал' старих ми *jada* жао». — IV. 23: «*печали* жадной»: «*pečali žednom*» Дим. — VIII. 36: «мечты, желанія, *печали*»: «*mešte, želje, pečali i tuge*» Дим., «*tuga, želja plamenita i mašta*» Трнски, Одавичъ свободно: «за жељом се жеља јати, а по души бол му рије». — Сл. VIII. 5: «съ *печальной* думой»: «*sa pečalnom misli*» Дим., у Трнскаго: «*gospodja je, tužna li je*», Одавичъ: «с тешком *бригом*». — VIII. 32: «*печальной* тайны»: «*od pečalne tajne*» Димитр., у Трнскаго: «*pišuć tajnu svoje sjete*», Одавичъ: «сад ће вама с *тужне* тайне дојадети».

Даже глаголъ *понимать* оставленъ у Димитровича безъ малѣйшей надобности въ этомъ видѣ, хотя въ сербско-хорватскомъ языкѣ имѣются съ соотвѣтствующимъ значеніемъ глаголы «разумјети», «схваћати» или «појмити». II. 16: «хоть ихъ немного *понималъ*»: «*prгда mi ih nije ponimao*» Димитр., «*prgem ne rojmi silu toga*» Трн., «макар да их не *разуме*» Одав. — III. 1: «не могу *понять*»: «*ponimat ne mogu*» Дим., «*ne znam shvatiti*» Трн., у Одавича невѣрно: «немој крити». — III. 31 (въ письмѣ Татьяны): «никто меня не *понимаетъ*»: «*da me nitko neće da ponima*» Димитр., «*nitko ti me živ ne rojmi*» Трн., «никог није да *разуме* мене сада» Одавичъ. — VII. 24: «и начинается поне-

многу моя Татьяна *понимать*: «i malo je pomalo počela sve jasnije *ponimati* Тапа» Димитр., «заће Тања *shvaćat* našeg ćud јупака» Трнски, «я Тања је почињала *разумеват* — боље саде» Одав. — VII. 47: «не *понимае*т ничего»: «ništa ona *ponimala* niје» Дим., у Трнскаго пропушено, у Одавича: «а баш ништа не *разуме*».

Глаголъ *внимать* казался Димитровичу близкимъ глаголу *занимать*, поэтому онъ и перевелъ II. 16: «прилежно юношѣ *внималъ*»: «ipak se je mladcem *zanimaо*», у Трнскаго: «tek *zanitice* slušao га», у Одавича: «слуша с *пажњом*». — III. 9: «съ какимъ она *вниманьемъ* читаетъ»: «kakvim tekar *zanimanjem* сада она *čita*» Димитр., у Трнскаго не переведено, у Одавича: «с *какомъ ооломъ* сада». — VII. 10: «другой увлекъ ея *вниманье*»: «korjenik joj svlada *zanimanje*» Димитр., у Трнскаго свободно: «Drugi srce svojit uze».

Фраза *по крайней мѣрѣ* не можетъ быть буквально переведена, потому что такого перевода никто въ сербско-хорватскомъ языкѣ не пойметъ. Однако-жъ Сп. Димитровичъ рѣшился и на это. I. 25: «по крайней мѣрѣ»: «ро крајној је *mјери*» Дим., лучше Трн. *ропајманје*. — IV. 51: «по крайней мѣрѣ такъ думалъ онъ»: «ро крајној је *mieri to mislio*» Димитр., правильно у Трнскаго: «*baret on se srećna sudi*».

И фраза *въ самомъ дѣлѣ* въ буквальномъ переводѣ выходитъ черезчуръ натянутой. I. 15: «въ самомъ дѣлѣ»: «и *zato stvoru*» Дим., лучше Трнски: «*ta da kako*». — I. 52: «вдругъ получилъ онъ въ самомъ дѣлѣ»: «i и *stvoru* *najednom* је *doglas* *orgavnikom* *dorapuo* *nјети*» Дим., у Трнскаго хорошо: «ро *tom* *svilja*».

Русское слово *разлука* не соотвѣтствуетъ сербско-хорватскому «*razluka*», хотя имѣется глаголъ «*razlučiti*» въ очень близкомъ значеніи, но Димитровичъ все-таки переводитъ II. 20: «Ни долгія лѣта *разлуки*»: «ni godinah dugih *razlućenje*» Дим., Трнски неологизмомъ: «ni dug *razstaj* не *suzbi* га», у Одавича: «ни с *растанка* тешка брига». — III. 14: «*разлуку*, слезы при-

миренья»: «i *razluk*i, suzah primirenje» Дим., у Трнскаго не принято въ переводѣ, у Одавича должно быть опечатка: «на *састанак*, сузе мира», вм. «на *растанак*, сузе мира».

Для обозначенія «горизонта» у Пушкина употреблено нѣсколько разъ слово *небосклонъ*, оно могло бы остаться и въ сербскомъ переводѣ, какъ это сдѣлалъ Димитровичъ: II. 28: «когда на блѣдномъ *небосклонѣ*»: «па *bliedome kad je neboskloni*» Дим., не выразительно Трнски: «*kad na divnom svodu svetu*» (отчего прилагательное «блѣдный» замѣнено пошлымъ «*divni*»?), Одавичъ выразилъ описательно безъ этого слова, но въ слѣдующемъ, гдѣ говорится «и тихо край земли свѣтлѣетъ», онъ перевелъ «на *горизонт* кад засија». — III. 5: «на глупомъ *небосклонѣ*»: «па *glupome neboskloni*» Дим., «в *nebnog svoda blieda lica*» Трн., Одавичъ пропустилъ. — III. 30: «подъ финскимъ *небосклономъ*»: «ро *finskom neboskloni*» Дим., у Трнскаго и Одавича пропущено.

Слово *ничтожность* переводится у Димитровича неологизмомъ *ništoća*: II. 39: «ея (с. жизни) *ничтожность* разумѣю»: «*razumijem njegovu ništoći*» Дим., Трнски употребилъ другой неологизмъ: «*ја ти ništav spoznaħ ga*», у Одавича лучше, т. е. болѣе обыкновенное слово: «*ништавост* му знадем давно». — VIII. 9: «самолюбивую *ничтожность*»: «*ništoći vele samoljubnu*» Дим., у Трнскаго слово мало употребительное: «*štono neopreznu, sebiradu, nikad trieznu nabrčki se podsmievamo*» (*nabrčko* значитъ «баламутъ, ссорщикъ»), Одавичъ: «самоушца *ништавога*». У Трнскаго употреблено VII. 28 слово *ništoća*, гдѣ въ подлинникѣ сказано «шумъ».

Слово *чудакъ* трудно перевести, хотя «настран» отчасти выражаетъ то же самое, Димитровичъ и здѣсь передѣлалъ русское слово, то въ «*čudilo*», то въ «*čudnik*», Одавичъ въ «чудъакъ» VI. 42: «гдѣ этотъ *пасмурный чудакъ*»: «*gdje l' su sledi ludoga čudnika*» Дим., Трнски: «*svedj jednom mrkogledja*» (довольно удачно, только «*jednom*» не годится), Одавичъ отчасти въ подражаніе Трнскому «*злупомеѣ* празнихъ груди» (и здѣсь «празнихъ груди» не соотвѣтствуетъ прилагательному «пасмурный»). Ка-

жется «мркоглећа» выбрано Трнскимъ для прилагательнаго «пасмурный», какъ въ VII. 19. — VIII. 8: «иль корчитъ также *чудака*»: «je li jošte *čudilo nadmeno*» Дим., Трнски по своему: «*smušen li je il nasumit*», Одавичъ: «да л' је онај *чудњак* стари». — VIII. 12: «прослыть *притворнымъ чудакомъ*»: «*glasiti se pritivornim čudakom*» Дим., «*drži drugog za nastranca*» Трнски, «држе кога за *чудњака*» Одав. — VIII. 40: «мой неисправленный *чудахъ*»: «*neizpravní moj dobri vragoljak*» Димитр. (не точно, «*vragoljak*» скорѣе значитъ шалунъ, чѣмъ *чудахъ*), у Трнскаго пропущено, у Одавича: «*чудњак* худи ког већ знате». Слово *чудовище* оставлено безъ перевода у Димитровича и Одавича: V. 16: «за столомъ сидятъ *чудовища* кругомъ»: «*kako krugom čudovišta siede*» Димитр., «око стола *чудовишта* разныхъ има» Одавичъ, Трнски: «*tuj za stolom čudila se nižu kolom*» (последняя форма слова отмѣчена въ словарѣ Вука).

Выраженіе «*уѣздная барышня*», не представляющее ни малѣйшаго затрудненія для знатока русскаго языка, переведено у Димитровича довольно странно: IV. 28: «уѣздною *барышню* альбомъ»: «*spomenike selskih bojarica*» (съ ненужнымъ пуризомъ обойдено слово «альбомъ») Дим., «*zar spomenak ne vidjeste vanske koje gospodjice*» (опять «*spomenak*»!) Трнски, оригинально безвкусно у Одавича: «виђали сте споменице («споменице» могли бы быть и «мемуары») *паланчанке* (!) какве наше!» — VIII. 5: «она въ саду моемъ явилась *барышней* уѣздною»: «и тојој се *bašči javlja kapo seljanska bojarka*» Дим., у Трнскаго пропущено, у Одавича опять безвкусно: «јер ко «*фрајла*» (!) нека дође». Такъ и «*барскій домъ*» VII. 17 нельзя переводить черезчуръ торжественнымъ «*bojarski dvori*» Димитр., естественнѣе у Трнскаго: «*stan gospode*» и у Одавича «двор господа». Конечно и переводъ «*бојаръ*» для обыкновеннаго «баринъ» (VII. 17, 18) не годится; лучше Трнски и Одавичъ «господин».

Слово *мечта* принято переводить стариннымъ выраженіемъ *ташта*, которому слѣдъ сохранился въ черногорскомъ, у Вука отмѣченномъ, *маштаније* (въ соотвѣтствіе формъ «мечтаніе»).

Димитровиѣ и здѣсь не послѣдователенъ, у него попадаетъ то форма соотвѣтствующая звуковымъ законамъ сербско-хорватскаго языка: *mašta*, то оставлена форма русская съ *e*: *mešta*. Напр. VI. 44: «мечты, мечты! гдѣ ваша сладость?»: «*mešte, mešte gdje je vaša sladost*» Дим., Трнски: «*Kud je sna mi mila sladost?*», такъ и Одавичъ: «*снови, снови, где вамъ сладость?*»—IV. 16: «мечтамъ»: *meštam* Дим., Трн. и Одав. употребили слово *сам*.—VII. 47, 53: «мечты, мечтой»: «*mešte, meštom*» Дим., у Трнскаго на первомъ мѣстѣ *mašte*, на другомъ пропущено; Одавичъ перевелъ первое мѣсто словомъ «снови», второе словомъ «машта».—VIII. 21, 41: «мечтой»: «*mešta*», у Трнскаго описательно, у Одавича употреблено слово «мысли».—III. 10: «свои мечты»: «*meštanja svoja*» Дим., Трнски: «*svoje sanke*», Одавичъ: «*силе маште*».—III. 15: «преслѣдуютъ мечты»: «*prigone meštanja*» Дим., Трнски: «*mašte*», Одавичъ: *снови*. Сл. еще VIII. 45.—Въ II. 7, II. 9 и VIII. 36 употребилъ и Димитровиѣ форму *mašta* для «мечты», Трнски на первомъ мѣстѣ *sanak*, на второмъ *mašta*, точно такъ Одавичъ на первомъ мѣстѣ *снови*, на второмъ *машта*.—IV. 16: «мечтами легкія мечты»: «*mašte za maštami*» Димитр., Одавичъ: «*снов'ма старе снове*», Трнски предпочелъ удалиться: «*za draže si drago prvo*».—IV. 27: «безмолвный памятникъ мечтанья»: «*za spomenik bezriečna meštanja*» Дим., Трнски: «*da se pamte sni tu sladki*», у Одавича пропущено.—VI. 36 см. выше подъ «завѣтный».—VI. 42: «въ мечтанье погружась»: «*zadubljena u gaznom meštanju*» Дим., у Трнскаго и Одавича пропущено.—VII. 22: мечтанію преданной безмѣрно: «*neizmierno predanoj meštanju*» Дим., «*ludujući neizmjerно*» Трнски, въ подражаніе ему Одавичъ: «*што лудује* неизмерно».—VIII. 11: мечтанья: *meštanja*, Одавичъ: *сањарије*, Трн.: *mašta*.—III. 24: «я вѣрить избранной мечтѣ»: у Димитр. не переведено, у Трнскаго: «*te se tlapnji predat hoti*» (но въ II. 39 Трнски перевелъ «для призраковъ»: «*spaziv tlapnje*»), у Одавича здѣсь ново-выдуманнѣй глаголѣ «*што маштари*».—IV. 11: «языкъ дѣвическихъ мечтаній»: у Димитровиѣ не переведено, у Трнскаго

сказано странно и для меня непонятно: «što mi pisa *nevještica*», у Одавича: «жена *машта* бега скоби». — VI. 40: «поэтъ задумчивый *мечтатель*»: «*meštatelj i mladog pjesnika*» Дим., у Трнскаго: «*pjesnik rusti maštovanje*» (опять неологизмъ), у Одавича парафраза: «мислен песник, песник *јада*». — III. 9: «все для *мечтательницы* нѣжной»: «*svi za mladu njeznu meštanicu*» (!! Дим., у Одавича пропущено, у Трнскаго описательно: «*Tačja mašti goji taku*». — VII. 5: «*мечтательницы* милой»: «*miloketupnoj sanjalici*» Дим. и у Одавича: *саналица*, у Трнскаго: *snatrilica*.

Слова «*коварный*» и «*коварство*» оставлены у Димитровича въ русской формѣ, хотя перевести ихъ не представляло особенныхъ затрудненій: I. 1: «какое низкое *коварство*»: «*kako podlo kovarstvo je kletu*» Димитр., у Трнскаго и Одавича не переведено. — II. 17: «*коварной* двойкѣ не вѣрять»: «*ne povieru kovarnom igraču*» Дим., «*na djavolski sbornik (sic!) ne da*» Трнски, «*ко на лажног кеца не да*» Одавичъ (но двойка не — кец, т. е. тузъ!). — III. 31 (въ письмѣ Татьяны): «или *коварный* искуситель»: «*il' kovarni hudi izkušatelj*» Дим., «*kušalac li nesmiljeni*» Трнски (но «*nesmiljeni*» значитъ «безжалостный»); у Одавича не переведено.

Разница значенія между «добродѣтельный» и «добротворительный» не выдержана въ переводахъ: III. 31 (въ письмѣ Татьяны): «*добродѣтельная* мать» не значитъ «*dobrotvorna* таяка», какъ Димитровичъ перевелъ, лучше Трнски и Одавичъ: «*dobra mati*» (можно бы сказать также «*kterospna mati*»). — IV. 21: «для *добродѣтельной* жены»: у Димитровича опять «*radi svoje dobrotvorne žene*», у Трнскаго и въ подражанье ему у Одавича здѣсь употреблено для перевода слово «*поштенъ*», и это лучше. «Добродѣтель» хорошо переведено словомъ *kriepost* III. 22 у Димитровича, гдѣ Трнски менѣе удачно употребилъ выраженіе «*dobag čin*»; у Одавича описательно: «добро срце».

Существительное *измѣна* и глаголъ *измѣнить* (кому) имѣютъ свое особое значеніе, котораго переводчики не соблюдали: IV. 10: «*измѣняютъ* (т. е. красавицы) — радъ былъ отдохнуть»: «*a izmiena—*

povod oddahnuti» Димитр., «*izmieniti l' ga, on s' odmara*» Трнски, лучше Одавичъ: «*napusti l' ga — on s' odmara*». — VIII. 11: «что *измѣняли* ей всечасно»: «*da smo svak čas ju izmienili*» (буквально, но неточно) Димитр., лучше Трнски: «*mladosti se dasmo hini*», у Одавича: «*ал' нас она преварила*». — I. 37: «измѣны утомить успѣли»: «*protiene ga umorit uspiese*» Дим., неточно какъ и у Одавича «измене». Ни у Трнскаго не хорошо переведено: «*izgrva mi rokoj mali*». Что значать эти слова?

Русское «*поразить*» употребляется въ болѣе широкомъ, общемъ значеніи, чѣмъ сербско-хорватское *poraziti*. Напр. VI. 13: «своимъ прїѣздомъ *поразить*»: «*dolazkom poraziti svojim*» Димитр., лучше Трнски: «*obeznadit*», Одавичъ: «*zбунѣ се*». — VII. 23: «какою мысляю, замѣчаньемъ бывалъ Онѣгинъ *пораженъ*»: «*kakvom misli, kakvim li motrenjem mladi Onjeg poražen je bio*» (лучше было бы: *iznenadjen, zapažen*) Димитр., у Трнскаго другими словами описано, у Одавича пропущено. — VII. 51: «все чувство *поражаетъ* вдругъ»: «*što po mahom poražuju čuvstva*» Дим., у Трнскаго пропущено, у Одавича: «*пораж.иво срцу пада*». — VIII. 18: «какъ сильно ни была она удивлена, *поражена*»: «*zачудjena, skogo poražena*» Димитр., у Трнскаго очень искусственно: «*premi ju žignu boli rako*», у Одавича тоже описательно: «*потресе је, узбунѣ је*».

Глаголь *замирать* въ точномъ переводѣ соответствуетъ сербско-хорватскому «*обамирати*», но Димитровичъ оставилъ русскій глаголь нетронутымъ: III. 31 (въ письмѣ Татьяны): «стыдомъ и страхомъ *замираю*»: «*zamirem ti od straha i srama*» Димитр., у Трнскаго: «*ot stida se sva već snebih*», у Одавича описательно: «*а од стида бледим, страдам*». — III. 16: «дыханье *замерло* въ устахъ»: «*dihanje je ustijuh zamèrlo*» Димитр., у Трнскаго: «*prestade joj sara hitra*», у Одавича: «*на устима дах јој стао*».

Руссо-филизмъ перваго переводчика распространяется еще на много другихъ выраженій, которыя сербско-хорватскому языку или мало извѣстны, или въ другомъ значеніи, у него же

остались нетронутыми для поддержки будто бы близости обоихъ текстовъ, на дѣлѣ же для облегченія задачи переводчика. Приведемъ ихъ хоть нѣсколько: I. 10 разувѣрить: *razvieriti*, I. 19 разочарованный: *razčaran*, I. 53 заводъ: *zavod* (сербско-хорватское слово *zavod* соответствуетъ русскому «заведеніе»), II. 3 старожилъ: *starožitelj*, II. 6 кудря: *kudri*, II. 7 развратъ: *razvrat*, ласка: *laska*, II. 27 скучный: *skučni*, II. 39 призракъ: *prizrak*, II. 40 благодаренье: *blagodar*, III. 6 догадка: *dogadka*, III. 12 безнадежный: *beznadežan*, III. 13 плѣнительный: *pljenitelj*, III. 17 были-небылицы: *bilosti*, *nebilosti*, III. 20 блѣдныя красы: *robljedjele krasī*, III. 21 бумага: *bumaga*, III. 23 съ изумленіемъ: *s izumljenjem*, III. 24 безъ искусства: *bez iskustva* (не одно и то же), воображенье: *uobražje*, III. 26 не изъяснялась: *izjasnila (se) nije*, III. 31 списокъ: *spisanje*, III. 31 не блестящъ: *ne blieštimo*, въ глуши: *u glušini*, сл. V. 15 глушь: *glušina*, III. 37 сливки: *šljive (!)*, IV. 9 разочаровать: *razčarati*, IV. 17 вокругъ огорода: *okolo ograde*, IV. 19, V. 36 скобка: *skobka*, V. 3 онъ васъ плѣнить: *on vas plienī*, V. 5 примѣтъ: *primietī*, V. 24 зловѣщій: *zloviestni* (хорошо Трнски: *zloslut*), V. 28 изъ посада: *iz posadke* (Одавичъ: из касарне!), V. 34 жалость: *žalost*, V. 45 больше ничего: *bolje neg sve ino*, VI. 11 конечно: *parokon* (не одно и то же), VI. 11, 32 вражда: *vražda*, VI. 12 велегрѣчивый: *veleriečni*, VII. 2 грустно мнѣ: *sgrusti me*, VII. 30 недвижною рѣкою: *nedižne rieke*, VII. 37 недвижимъ юноша: *nedižnoga mladca*, VII. 47 съ прикрасой: *pokrasenjem*, VII. 47 кладъ: *klad* (у Трнскаго и Одавича: благо, VI. 35 и у Дмитровича кладъ: *brieme*), VII. 50 протяжный вой: *protežno vievanje(!)*, VIII. 9 не странна: *ne strana*, VIII. 10 не чуждался: *ne začudi (se)*, хватъ: *hvastac*, VIII. 12 притворнымъ чудачкомъ: *pritvornim ludakom*, VIII. 13 безпокойство: *nepokojstvo*, VIII. 32 притворнымъ хладомъ: *pritvornim hladom*, VIII. 43 какой отвѣтъ: *kakav odviet*, сл. III. 36 отвѣтилъ: *odvietio*, VIII. 39 сурокъ: *surak*.

III.

Съ одной стороны это совсѣмъ ненужное подражаніе русскому подлиннику въ отдѣльныхъ выраженіяхъ, которыхъ нельзя лучше охарактеризовать, какъ лишними руссизмами въ лексиконѣ, непонятными для читателя, знающаго только сербскій языкъ, съ другой же выступаетъ множество ничѣмъ не оправданныхъ отступленій отъ мыслей и словъ русскаго текста, которыя объясняются только небрежнымъ отношеніемъ, чтобы не сказать неуваженіемъ, къ Пушкинскому тексту или же, что еще хуже, непониманіемъ его. Въ этомъ отношеніи у всѣхъ трехъ переводчиковъ много грѣховъ на ихъ совѣсти, но болѣе другихъ виноватъ первый переводчикъ, неточности котораго не могутъ быть извиняемы необходимостью подыскивать рѣшмы и вмѣ въ угоду удаляться отъ русскаго текста. Поэтому я и беру исходною точкою переводъ Спира Димитровича: указывая на его неисправности, недоразумѣнія и ошибки, я буду ссылаться и указывать также на текстъ остальныхъ двухъ переводчиковъ.

I. 3: «не *докучалъ* моралью строгой»: «*čudorednost ne dosižuć strogu*». Переводчикъ полагалъ, что «докучать» значитъ то же самое, что въ сербско-хорватскомъ «докучити», поэтому его переводъ невѣренъ. У Трискаго: «*čud uljudit zabogavi*» выражаетъ мысль, которой въ подлинникѣ нѣтъ, такъ и у Одавича: «ал' предвиде деѣје ѣуди» (вм. «предвиде» вѣроятно хотѣлось написать «превиде»?). — Тутъ же всѣ переводчики пропустили въ переводѣ обратить вниманіе на названіе «Лѣтній садъ»: одного названія «*bašča*» Димитр., «*пазадъ*» Трн. или «парк» Одав. мало.

I. 7: «для *звукѣ* жизни не падить»: «*za rogobor štedit se života*» Дим. — не передаетъ смысла, рѣчь идетъ только о немзыкальности Онѣгина, о тревогѣ жизни здѣсь не говорится. У Трискаго опять сказано больше, чѣмъ въ подлинникѣ: «*ne ljubi mi duša triezna (sic!) strasti ognja pjesničkoga*», такъ перевелъ и Одавичъ: «ал душу му жар не згреја и муза га не запоји».

I. 15: «тамъ будетъ балъ, тамъ дѣтскій праздникъ» — съ какой стати въ переводѣ Димитровича сказано «*na ples knezi, na godovno grofu*», ни о князѣ, ни о графѣ, ни о именинахъ въ подлинникѣ рѣчи нѣтъ! И у Трнскаго неудачно: «*Ples je ili kućni svetac*» (домашній праздникъ), Одавичъ общими словами: «сви балови (читай: балове) разне граде». — Тамъ же «на бульваръ» очень не хорошо переведено у Димитровича и Трнскаго словомъ «*beden*»; видно, переводчики чуждались французскаго слова. Напрасно. Одавичъ поступилъ разумнѣе, переведя «булеваромъ».

I. 17. Первый переводчикъ не понялъ значенія слова «брегетъ» (*Breguet*), даже въ примѣчаніи сказано, что это была — гостиница въ С.-Петербургѣ! Трнски заблагоразсудилъ цѣлый стихъ пропустить. Одавичъ не понялъ значенія слова «звонъ», онъ перевелъ «*али зоно одјекује*». Смѣшно выходитъ, что переводчики боялись чужихъ словъ «котлетъ» и «балетъ». Димитровичъ перевелъ: «*zvinjskoga rebarca*» и «*pleslo*» (отвратительно созданное слово!), Трнски: «*iza mastnih rebaraca*» и «*glumni ples*». Разумнѣе у Одавича по крайней мѣрѣ «балетъ» остался. Трнски заставляетъ цѣлое общество спѣшить въ балетъ: «*ci zaone svak se baca*» — въ подлинникѣ этого нѣтъ. Есть и другія несообразности въ переводѣ этой строфы. Напр. «кулисы» переведены у Димитровича необыкновеннымъ словомъ *tin*, — и Трнски не устоялъ противъ этого соблазна, только въ строфѣ 18-й. — Изъ Моины, женской роли въ Фингалѣ Озерова, сдѣланъ мужчина. Трнски назвалъ Онѣгина «новымъ гостемъ» за кулисою, Мойна же ему актриса! Одавичъ передѣлалъ «обшикать» въ «пѣскалъ», вычеркнулъ Клеопатру, а Мойна у него тоже — мужчина.

I. 22: «и кучера вокругъ огней бранятъ господъ, и бьютъ въ ладони» — этой наглядной картинки не понялъ Димитровичъ, у него лакеи не «у подъѣзда», а «*na dvoru*», а кучера «*slavom kade*» своихъ господъ!! Трнски поправилъ ошибку, которую Одавичъ опять вывелъ въ свѣтъ: «и у шпаге руке крију» значить не «бьютъ въ ладони», а «прячутъ въ карманы»!

I. 23: «кабинетъ» очень не хорошо переводится «*soba-potaj-*

nica» Димитр. (ср. еще VII. 21, VIII. 34) или «izba tajna» Трн. (VII. 21 лучше только «sobica»).

I. 24: «предъ нимъ, краснорѣчивымъ сумасбродомъ» — такъ названъ поэтотъ Руссо, но переводчикъ не понялъ этого названія, поэтому перевелъ нехорошо словомъ средняго рода: «krasno-rіešnim svojim ludovanjet», лучше Трнски: «pred njim smetenjakom», у Одавича пропущено.

I. 26. Димитровичъ и Трнски отнесли упоминаніе «туалета» къ строфѣ предыдущей, а «нарядъ» къ настоящей, это невѣрно. Димитр. перевелъ первое слово совсѣмъ безвкусно «ličenje», а Трнски прибавилъ лишнее словечко «još»: «još opisat i odielo». На дѣлѣ поэтъ «туалетомъ» и «нарядомъ» касается одного и того же, т. е. именно того, о чемъ говорится въ этой строфѣ. Далѣе Димитровичъ перевелъ такъ, будто бы поэтъ могъ обойтись безъ иностранныхъ словъ, если-бъ онъ захотѣлъ хоть иногда заглянуть въ акад. словарь. И это опять невѣрно. Ни одинъ изъ переводчиковъ не назвалъ словаря настоящимъ его именемъ «академическій» словарь.

I. 28. Назвать «героя» романа словомъ «тошакъ» (парень) — крайне неумѣстно (Димитровичъ). Въ концѣ строфы Трнски и Одавичъ, послѣдній подражая первому, заставляютъ шумъ дамскій заглушать музыку. Въ подлинникѣ, какъ разъ, на оборотъ.

I. 36: «и снова до утра жизнь его готова» не вѣрно переведено: «i opeta za život se ne brini do sutra» Димитр., напротивъ можно было сказать: «i opeta novi život počinje do sutra».

I. 42. Конецъ строфы «что видъ ихъ ужъ рождаетъ сплинъ» не значить того, что у Димитровича сказано: «da ih njihov opesviesti vidik», ближе къ смыслу Трнски: «uz njih čovjek brzo zievne». Это по крайней мѣрѣ реальное объясненіе.

I. 44: «читалъ, читалъ, а все безъ толку»: «čita, čita, ali ne razmišlja» Димитр. Неточно. У Трнскаго искусственно и натянуто: «čita čita — nerazborce». Откуда взялъ Димитровичъ «Sve listine u zakutnjak basi» (все грамоты въ уголъ бросилъ)? Трнски

опять блеснулъ неологизмомъ: «*prak si knjižni spretnjak* cio još *srpinom zavjesio*».

I. 45: «неподражательная странность» значить какъ разъ нѣчто противоположное словамъ перевода: «*nenalično na ikakvu stranost*» Дим. Трнски и Одавичъ перевели свободнѣе, но вѣрнѣе.

I. 47: «вспомня прежнихъ лѣтъ *романы*» не то, что въ переводѣ сказано: «*prošlih lietah protuham se sietjauc*», «*protuha*» не романъ, а человѣкъ, не кутежъ, а кутежники, гуляка.

I. 48. Какъ можно поэтический «рожокъ» перевести: «*zvučna trublja*»? Ошибка исправлена у Трнскаго и Одавича.

I. 56: «Всегда я радъ замѣтить разность между Онѣгинымъ и мной» говоритъ поэтъ, а переводчикъ передаетъ такъ, какъ будто бы поэтъ отъ кого-нибудь другого *хотѣлъ узнать* разность между Онѣгинымъ и поэтомъ. Точнѣе это выражено только въ переводѣ Одавича, у Трнскаго не совсѣмъ вѣрно.

I. 57: «всѣ поэты любви мечтательной друзья» — этихъ простыхъ словъ ни одинъ изъ переводчиковъ не сумѣлъ передать какъ слѣдовало. Димитровичъ: «*svi su vam pjesnici čudnovate ljubavi drugovi*» (мечтательная любовь не — удивительная любовь). Одавичъ бросилъ поэтовъ, оттого вышла у него пошлая мысль: «*љубави се песме дају*». Трнски перевелъ очень мудроно: «*svak se pjesnik milkom smuši*»!

I. 58: «любви безумную тревогу я безотрадно испыталъ» — этого для Пушкинской поэзіи очень характернаго признанія нельзя отыскать въ словахъ перевода: «*za stradanje bezumne ljubavi nisam nigda olakšice imo*» Дим., еще менѣе у Одавича: «*Никад ме се тако јаче бог љубави не дотаче, нит' му већа беше сила*». У Трнскаго въ сущности вѣрно: «*kada ljubljah, nisam mogو pjesmu pjevati jadu svomu*».

I. 59: «пишу и сердце *не тоскуетъ*» говоритъ поэтъ, переводчикъ же заставляетъ его сказать на оборотъ: «*pišem, sèrce mi se nakuburi*» (о нехорошемъ выраженіи «*kuburiti*» въ смыслѣ тосковать будетъ еще рѣчь); у Трнскаго не очень удачно: «*pišem, bježi jad moj kleti*» (съ какой стати «проклятая» тоска?). Лучше

во всякомъ случаѣ Одавичъ: «кад пишем срце ј' ти'о». Это по крайней мѣрѣ — реальное поясненіе подлинника.

II. 2: «Царей портреты на стѣнахъ»: «a po stienam obrazi *diedovah*» Дим., отчего не сказать «obrazi *careva*»? Странно, что и Трнски перевелъ: «*tuj je slika predjih svaka*» (т. е. прадѣдовъ).

II. 6: «Съ душою прямо геттингенской» назвалъ поэтъ Ленскаго, желая этимъ обозначить его по нѣмецки сентиментальный, мечтательный характеръ. Переводчикъ сдѣлалъ изъ него пустѣйшаго повѣсу! Онъ перевелъ: «*Iz Getinga gaziblato pustoh*!!» Перевода Трнскаго я даже не понимаю: «*Getingom ti miri jaoh*!» Хорошо у Одавича: «Душом прави геттингенски».

II. 24. Въ этой строфѣ первый переводчикъ (Димитровичъ) позволилъ себѣ нѣсколько стиховъ подлинника передать по своему.

Но съ нимъ, я знаю, не разлучно
Воспоминанье старины
Иль дѣвичей. Мы всѣ должны
Признаться, вкуса очень мало
У насъ и въ нашихъ именахъ

Al' je plemstvu prosto i narodno
I samo ga služkinjama daje,
A za sebe tudje ime prosi.
Valja reći, da se ne pristoji
Imenom se nazivati tudjim.

Трнски исправилъ эту вольность перваго переводчика, но и у него осталось еще нѣсколько лишняго: «*Samo to nam nije dično, što se tako zovu baka služavke nam svakojake*». Одавичъ и здѣсь подражалъ Трнскому: «Знам, оно је неразлучно и корена врло јака код *служавка* и код *бака*».

II. 32: «солила на зиму *грибы*» переведено какъ бы въ шутку «*jezike je solila za zimu*», но грибъ не «*jezik*». И въ слѣдующемъ: «*вела расходы, брила лбы*» сказано: «*i guščije perušala glave*», но крѣпостные, не — гуси! Трнски и Одавичъ исправили эти потѣшныя ошибки перваго переводчика.

II. 33: «и говорила *нараспъвъ*» не хорошо у Димитровича: «učila je; tanko govorila», лучше Трнски: «govoreći pjevala je», такъ и Одавичъ: «*невушећ* је говорила». Странная и смѣшная неточность вкралась въ переводъ Димитровича: «Стишковъ чувствительныхъ тетрадь» у него сказано: «*I Šiškovih pjesama i knjigah*», изъ «стишковъ» вышелъ извѣстный Šiškov (Шипковъ)!! И въ этой строфѣ только Одавичъ рѣшился оставить въ текстѣ слова «корзетъ» и «альбумъ», тогда какъ Димитровичъ сочинилъ «*promenik*» и «*dogamač*», и Трнски «*promenik*» и «*uteg*» — слова, которыхъ изъ тысячи читателей едва одинъ пойметъ въ желаемомъ значеніи. Переводъ двухъ послѣднихъ стиховъ произвольно отстываетъ: «и обновила наконецъ на ватѣ шлафоръ и чепецъ»: «*Narokop je porgravljala sada bielo ruho, vuknjici i kapi*» Димитр., у Трнскаго: «*stargu kapu i haljetak*», Одавичъ и здѣсь ближе къ подлиннику и естественнѣе: «За свой «шлафрокъ», чепецъ стари», но въ сербскомъ языкѣ выраженіе «чепецъ» для русскаго слова «чепецъ» мало употребительно, хотя оно у Вука отмѣчено.

III. 1: «Ужъ эти мнѣ поэты» не просто восклицаніе: «*Moј pjesniče mili*». Особого оттѣнка значенія не угадали ни оба остальные переводчика. «И тебѣ не *трудно*» нельзя переводить «*pije l'ti odurno*»! Ни выраженіе Трнскаго «*mrzko*» не годится, лучше Одавичъ: «зар *досадно* теби није». Въ III. 2 надо исправить опечатку «*do sada*» въ «*dosada*», а въ III. 3: «варенья» не хорошо сказано «*jestvine*» Дим. или «*variva*» Трнски, лучше Одавичъ: «слатко». Въ III. 4 во 2-мъ стихѣ «*zimoš*» надо исправить въ «*domoš*» (домой). Тамъ же въ 7-мъ стихѣ вм. «*pije gavno*» надо поставить запятую «*pije, gavno*».

III. 5: «и молчалива какъ Свѣтлана» — у Димитровича пропущено; ошибка исправлена у Трнскаго и Одавича.

III. 9. Изъ Юліи (Julie) сдѣлалъ переводчикъ мужчину Julio!

III. 11: «Свой слогъ на важный ладъ настрой» переведено безжизненно: «*u divnome opisujuc skladu*» Дим. Трнски передѣлалъ это на свой ладъ: «*drugda važnim desetercem*», но русскій поэтъ не могъ имѣть въ виду «важнаго» десятисложнаго стиха

въ сербскомъ значеніи, а вообще торжественность эпического стиля. Лучше Одавичъ: «Важнимъ слогомъ што му годи».

III. 12: «Британской музы небылицы тревожатъ сонъ *отроконицы*» въ переводѣ Димитровича выходитъ совсѣмъ иначе: «*Britanije jao mudrorojka sanak buni i majci i kćerci*». Кто далъ переводчику право на упоминаніе «матерей» рядомъ съ дочерями, когда въ подлинникѣ этого нѣтъ?

III. 13: «Тогда романъ на старый ладъ *займетъ* веселый мой закатъ»: «*tada roman u starom će skladu promieniti veseli moj zahod*». Совсѣмъ не такъ, не о перемѣнѣ говоритъ поэтъ, а о томъ, что могло бы заинтересовать, занять, его старые дни. Лучше Одавичъ: «у роман ѣу форме старе да уложимъ своје даре».

III. 17: «А нынѣ все мнѣ-темно, Таня: что знала, то забыла. Да, *пришла худая череда!* Зашибло» — эти слова, полныя старческой грусти, переведены впрочемъ вѣрно, только съ нарушающей смыслъ одной прибавкой: «*hvala Bogu*»: «*Al' je sada sve mi tamno, Tano. Što sam znala, sve sam pozabila. Ta su doba, hvala bogu, prošla*». Въ подлинникѣ, напротивъ, сказано: «*пришла*» (не *прошла*) худая череда, и прибавлено еще «зашибло». Трнски и Одавичъ передаютъ только общій смыслъ вѣрно.

III. 18: «недѣли двѣ ходила сваха къ моей роднѣ», не хорошо екзотизировать: «*zaova je rodbinu i mene dvie nedielje oblazila danah*»; во-первыхъ сваха не «заова» (золовка), во-вторыхъ молодой вовсе не спрашивали, поэтому не надобно было прибавить «*i mene*». У Трнскаго не хорошо передѣлано общее значеніе «навѣщать родныхъ» въ спеціальное «*dolazila otca loviti*».

III. 22: «Дивился я ихъ спѣси модной» совсѣмъ не то, какъ въ переводѣ Димитровича: «*ukusnoj sam divio se pošnjji*»; «спѣсь» не «пошнѣя». Но и Трнски не угадалъ: «*žurenju se čudih njinu*», онъ смѣшалъ «спѣсь» и «поспѣшность»; спѣсь можно бы перевести словомъ «ропосъ» или «кичевость».

III. 23: «по крайней мѣрѣ — сожалѣніемъ» — переводчикъ безъ достаточной причины прибавилъ отъ себя: «*jeg sad čeznjom sada sažaljenjem*», слову «*čeznja*» (лучше *čeznja*) нѣтъ повода въ

подлинномъ текстѣ. Ближе Одавичъ: «у крајности сажањемъ», но «у крајности» не годится, не передаетъ подлинника.

III. 25: «Сперва тщеславіе козьнемъ надеждой»: *«seznutjet ću okružiti najprvo i nadaždom»* — не хорошо и даже непонятно. «Тщеславіе» значить *«sujeta»*, и такъ можно было перевести: *«sujetu ću najpre spotaknuti nadom»*. «Кокетке» не могло остаться, въ глазахъ пуристовъ это была бы непростительная вольность; Димитровичъ употребилъ *«proviđuša»*, Трнски *«namiglica»*, Одавичъ народное слово «намигуша».

III. 26: «по-русски» — не слѣдовало передѣлывать въ переводѣ въ «ро *slavjanski*»; «къ почтовой прозѣ» въ буквальномъ переводѣ *«poštarskoj prozi»* остается непонятнымъ. Трнски передѣлалъ «дамскую любовь» въ *«ljubav u boljaga»*, да и растянуто перевелъ: *«dosle ljubav u boljara nije ruski zvala zlato»*. Гораздо лучше Одавичъ: «У љубави до сад није им'о права језик руски», тутъ нѣтъ дамъ, но нѣтъ и «бояръ».

III. 27. И здѣсь напрасно у Димитровича сказано: *«slavjanski»*, вм. «по русски», потомъ въ переводѣ не слѣдовало выраженіе «хотятъ заставить» послаблять въ *«sad se zanimaju»* или какъ у Трнскаго: *«gosproje će učiti ruski, knjizi voliti»*. Русскій поэтъ не раздѣлялъ патріотическаго пафоса противъ французскаго языка, въ преобладаніи его въ устахъ дамскихъ онъ обвинялъ русскую литературу. Этой строфы не перевелъ вѣрно ни одинъ изъ переводчиковъ. Гдѣ напр. въ подлинникѣ найти подтвержденіе слѣдующимъ словамъ Трнскаго: *«Natusa vam svaka nešto, nakaza vam prava to je?»* Поэтъ напротивъ очень снисходительно говоритъ: «его такъ мило искажали». У Одавича «право страхъ» совсѣмъ не впадать сказано «каква дика», и у него повторяется въ подражаніе Трнскому: «док с' наказомъ најзадъ створи».

III. 28: «Съ семинаристомъ въ желтой шапѣ или съ академикомъ въ чепцѣ» переведено безъ вниманія къ словамъ подлинника: *«učitelja u kapici ženskoj pod rubačom il' akademika»*. Какой вздоръ! Исправлено у Трнскаго, которому вообще эта строфа удалась, лучше чѣмъ Одавичу.

III. 30: «тревожить» — совсѣмъ неудачно переведено «uzburkati» Дим. У Трнскаго съ большимъ жеманствомъ сказано: «Ево drug ti vodu grca rak te bogom brati, kumi», вм. простыхъ словъ подлинника: «я сталъ бы просьбою нескромной тебя тревожить», которыя очень хорошо переведены у Одавича: «нескромном би молбом сада тебе, драга, намучио». И слѣдующіе стихи у него проще: «у заносне руске гласе да преведеш туѣ красе» («чтобъ на волшебныя напѣвы переложилъ ты страстной дѣвы иноплеменные слова»), чѣмъ у Трнскаго: «da u liepo naško smilje pretvoriš mu tudje bilje».

III. 31: «кто ей внушалъ умильный вздоръ, безумный сердца разговоръ и увлекательный и вредный» переведено совсѣмъ наобумъ: «tko l' nadahnu milim umiljenjem i dosietne duše uzletjenjem i plamenim žarkog uzhitjenja?» Очень искусственно, и въ то же время невѣрно также у Трнскаго: «tko joj dade last manitat, zamjerom se silno hitat, da se svakog srca prima». Лучше во всякомъ случаѣ Одавичъ: «ко јој даде оне баје, срца страсне изражаје, што подижу, крепе груди». На этомъ одномъ примѣрѣ — а такихъ большое количество — можно изучать, какъ переводчики въ рисункахъ психическихъ настроеній идутъ въ разбродъ, не будучи въ состояніи слѣдить за всѣми нѣжными оттѣнками русскаго подлинника. Пуризмъ Трнскаго въ этой строчкѣ превзошелъ самого себя, онъ не хотѣлъ даже извѣстное названіе оперы «Freischütz» оставить безъ перевода: въ переводѣ его онъ выходитъ «Strielac Vilenjak»!!

Въ письмѣ Татьяны: «Души неопытной волненья смиривъ со временемъ (какъ знать) по сердцу я нашла бы друга» переведено невѣрно, потому что переводчикъ не появлъ вставочныхъ словъ «какъ знать»: «neizkusne duše talašenje kako znati smiriti vremenom? Za sêrdašce našla bi si druga» Димитр. Прочіе переводчики удалились отъ русскаго текста. «Но такъ и быть»: «i tako je». Неточно, лучше: «neka bude». — «Страшно перечестъ» — Димитровичъ не понялъ глагола «перечестъ»: «strašno vele često»! У прочихъ переводчиковъ исправлено.

III. 33: «лице твое какъ маковъ цвѣтъ» нельзя переводить «lice ti je kao sunčanića», потому что у этого растенія цвѣтъ не румяный, а желтый! Хорошо у Трнскаго, лучше чѣмъ у Одавича, замѣнившаго «маковъ цвѣтъ» розою: ружа.

III. 34: «куда мнѣ ихъ и перечесть» совсѣмъ не то, какъ въ переводѣ: «komu valja izgućiti rismo». Видно и здѣсь переводчикъ былъ въ недоумѣніи насчетъ глагола «перечесть». Ошибка исправлена у Трнскаго и Одавича.

III. 36: «да видно, почта задержала»: «prošli su ga zadèržali malo» — очевидно лишь по недосмотру; у прочихъ переводчиковъ вѣрно.

III. 37: «китайскій чайникъ нагрѣвая» относится конечно къ дѣйствию самовара, но Димитровичъ, по всей вѣроятности, этой картины никогда и не видалъ. Онъ перевелъ: «iz Kitaја čajnik zakuhao» (!). Трнски свободно, но въ сущности вѣрно: «rod čajnikom tiho s dola kuljala je topla para». Что Димитровичъ изъ подаваемыхъ «сливокъ» сдѣлалъ «сливы», этому я не удивляюсь, но съ какой стати у Трнскаго прибавлено «i vodu»? Не думалъ ли онъ о стаканахъ воды, подаваемыхъ въ вѣнскихъ кофейняхъ?! Одавичъ превратилъ сливки въ — калачи: «Кад с колач'ма дечко стиже»!

III. 38: «легче тѣни Татьяна прыгъ въ другія сѣни»: «lakše od siene mienja boju na obrazi Тапа». Совсѣмъ не то, рѣчь идетъ о легкости движенія.

III. 39: «Затѣя сельской остроты» не хорошо сказано: «Sbija lice selskih vragolijah» Дим.; и у Одавича не совсѣмъ удачно: «досети се госпа мила» (какая госпожа?); у Трнскаго, который напрасно два раза выставляетъ «рабство (roblje) служанокъ», эта затѣя приписывается крестьянамъ (sudi seljak).

Въ пѣснѣ дѣвушекъ у перваго переводчика невѣрно переведено «разбѣжимтесь»: biežite вѣ. перваго лица множ. числа. Исправлено у Трнскаго и Одавича.

III. 40: «зайчикъ съ озими трепещеть»: «zec u bèrlogu trepti» — неточно, озимъ не берлога. Хорошо у Трнскаго: «iz strni si gleda», у Одавича пропущено.

IV. 7. Содержаніе этой строфы ни у одного переводчика не пересказано вполне удовлетворительно. Димитровичъ сдѣлалъ изъ «разврата» личное названіе «gazvratnika», «хладокровный» переведено *sladoljubni*, что не одно и то же. Переводчикъ не обратилъ вниманія на «науку любовную», въ словахъ «za vieštinom ljubavi» не отзывается наука. Переводъ Трнскаго отступаетъ отъ подлинника до неузнаваемости, искусственный наборъ фразъ кромѣ того мало понятенъ. Въ переводѣ Одавича тоже слишкомъ много мыслей подлинника не нашло отраженія.

IV. 8: «кого не *утомятъ* угрозы»: «koga neće uništiti grožnje», здѣсь переводъ преувеличиваетъ.

IV. 9: «желаніемъ медленно томимъ, томимъ и вѣтраннымъ успѣхомъ», если анализировать эти слова, выходитъ совсѣмъ не то, какъ переведено у Димитровича: «lagano su uspriesi i želje vjetreno mu izmučili sèrce». Нѣсколько вѣрнѣе, хотя не ближе въ выраженіяхъ, у Трнскаго: «spora sreća sad ga iedi, il ga uspjeh brz gazjati»; подражая ему и Одавичъ: «спор напредакъ јед му ствара, ал' и брз му баш драгъ није».

IV. 10: «Въ красавицъ онъ ужъ не влюблялся, а волочился какъ нибудь» не совсѣмъ вѣрно выражено: «niје više ljubio ljepote, okanio jerbo se je strasti» Дим., и у Одавича второй стихъ не удовлетворяетъ: «у његъ не ста за њу мара», нѣсколько лучше Трнски: «pri svakoј ti samo šaga».

IV. 12. Переводъ вообще точный и удовлетворительный, но я не понимаю, какъ могъ Трнски отъ имени Онѣгина сказать: «i izkazat jade svoje», когда въ сердцѣ его никакой печали не было. Такія прибавки нарушаютъ вѣрность подлинника.

IV. 16: «не обновлю души моей» не видно почему въ переводѣ совсѣмъ не такъ; «Što sam rekao, rogeći ne mogu» Дим. У Трнскаго и Одавича исправлено. Тутъ же «съ каждою весною» первый переводчикъ задумалъ исправлять Пушкина: «svaku jesen»!

IV. 17: «онъ подаль руку ей»: «niју za ruku prosi». Совсѣмъ не вѣрно.

IV. 18: «его *честили* такъ и сякъ»: «više manje čest su mu

davali» — не одно и то же. Одавичъ передѣлалъ свободно по смыслу: «Закачку му нађу лако». Трнски удался слишкомъ далеко.

IV. 19: «А что? да такъ» нельзя перевести: «Što sad? tako», скорѣе: *zašto?* или буквально а *što?* Въ 6-мъ стихѣ «obodrena» у Димитровича опечатка вм. «obodrena». «Въ кругу порядочныхъ людей» переведено тяжело: «и okružju redoljubnih ljudi»; «безъ всякой злобы и затѣй» нехорошо: «brez ikakve *mušice* i zlobe». Цѣлая строфа выходитъ въ парафразѣ Трнскаго совсѣмъ не такъ, какъ въ подлинникѣ, гдѣ все гораздо проще и понятнѣе. Нельзя похвалить ни передачи Одавича, ни у него не идетъ рассказъ просто и гладко.

IV. 20: «о Рождествѣ навѣщать» и «rohodit ih na godovno čedno» не одно и то же. Далѣе «или по почтѣ» не то, что «i još poštom», поэтъ не требуетъ того и другого. Одавичъ не согласенъ съ личнымъ визитомъ, слова «ихъ навѣщать» у него переведены: «честитку имъ треба слати» (sic!).

IV. 21: «для добродѣтельной жены» не слѣдовало переводить: «radi svoje dobrotvorne žene», предлогъ «radi» здѣсь нарушаетъ смыслъ. И у Трнскаго невѣрно: «uz to misli muž siroma (sic!) da j' poštenje ženi sveto», въ подлинникѣ же сказано: «мнѣнія супруга... всегда почтенны быть должны». Одавичъ придерживался Трнскаго. Вообще тонкіе намеки этой строфы не удались переводчикамъ!

IV. 24: «Начая важно головою сосѣди шепчуть межъ собою»: первый стихъ не переведенъ и замѣненъ такъ: «da je živa ona ni ne znade», но этихъ лишнихъ словъ нѣтъ въ подлинникѣ. Трнски и Одавичъ исправили эту ошибку.

IV. 25: «въ ея покоѣ»: «и pjezinu dvoru», не лучше ли: «и pjezinoj sobi»? (Трнски своимъ пуризмомъ предпочитаетъ конечно «izbu»). Къ подлинному: «они въ саду, рука съ рукой, гуляютъ» Трнски прибавилъ (для рѣимы?): «ili vrtom il pred dvorom vodaju se ručnom zogom». А Одавичъ, подражая ему, не хотѣлъ отказаться отъ этой непущной прибавки: «и по врту (двор имъ смета) ъихъ се двоје често шета»!!

IV. 26: «И Ленскій пѣшкою ладью беретъ» невѣрно: «*pješcet miče kano sa kraljicom*» Дим., у Трнскаго: «*Lenskomu se... kralj pješakom rače čini*», ему подражалъ и Одавичъ: «на свог *краља*... са *нешаком* своим дигне». На дѣлѣ «ладья» значитъ «*slon*» или «*тор*», «пѣшку» же обыкновенно переводятъ «*томак*».

IV. 28. У Дмитровича и Одавича оставлены французскія слова безъ перевода, какъ и слѣдовало. Трнски перевелъ и это!

IV. 30. Въ концѣ строфы Дмитровичъ и Одавичъ остались вѣрны подлиннику, сохранивъ мадригалы, но Трнски предлагалъ это въ *mile lale!*

IV. 31: «не хладно блещетъ остротой» не значитъ: «*i gogusom dosietnosti sjaje*», поэтъ хотѣлъ сказать, что Ленскій вообще не прибѣгалъ къ остротамъ. У Трнскаго очень искусственно: «*bez obinje, primisalja javnu štono ovrjeco je*». И Одавичъ удался отъ словъ подлинника. «Что ни замѣтитъ, ни услышитъ» не значитъ: «*što nit vidi niti čuje*», какъ у Трнскаго сказано, и въ подражанье ему у Одавича: «чег на Олги баш и *није*». Оба переводчика не поняли значенія русскаго оборота «что ни». Кажется, по той же причинѣ и Дмитровичъ вывернулся ловко изъ затрудненія не переведа этого мѣста.

IV. 32. Смыслъ строфы, имѣющей близкое отношеніе къ тогдашней литературной критикѣ, не легко было передать въ точности. Дмитровичъ поступилъ благоразумно придерживаясь буквального перевода, только «Ничуть. Куда!» переведено не хорошо: «*ništa. Kuda*», вм. «ни по што» или «није тако». Парафраза Трнскаго совсѣмъ отступаетъ отъ подлинника, приписываетъ русскому поэту мысли, имъ невысказанныя. Напр. въ подлинникѣ не говорится о томъ: «*sbrizat će mi pjesmu koju, ubogi mi sgazit vienac!* Гдѣ же въ подлинникѣ «*a već drugi viču svoju*? или «*misli glavica mi mrtva bila, dokle ljubih*?» Одавичъ постарался ближе подойти къ тексту Пушкина, но ни онъ не понялъ всѣхъ тонкостей.

IV. 33. Продолженіе мыслей строфы предыдущей, чего опять переводчики не сумѣли передать какъ слѣдовало. У каждого изъ

нихъ много ошибокъ по непониманію русскаго текста. Напр. «какъ ихъ писали *въ мощны юды*» перевелъ Трнски: «*Za godovno pište čije*» (т. е. пишете оды *для именинъ!!*). Впрочемъ для извиненія переводчиковъ я долженъ примѣтить, что эта строфа нуждается въ самомъ дѣлѣ въ комментаріѣ для всѣхъ не знающихъ литературныхъ стремленій предшествовавшей Пушкину эпохи.

IV. 35: «*бродя надъ озеромъ*» не значитъ «*po zelenom zaveslit jezera*» Дим. или «*gibnjakom se vozat, plovim*» Трнски, или «*по језеру бродим ти'о*» Одавичъ. Переводчики опять не замѣтили разницы значенія между русскимъ «бродить» и сербско-хорватскимъ «*brođiti*».

IV. 42. Приемы «розы» и «морозы» Димитровичъ не выдержалъ, поэтому онъ вм. пропущенныхъ двухъ стиховъ (они въ скобкахъ въ русскомъ текстѣ) растянулъ рассказъ: «опрятнѣй моднаго паркета блистаетъ рѣчка, льдомъ одѣта», въ слѣдующіе четыре стиха: «*bolje nego podovi voštani, izkefani viešto osvjetljani, u ukusnoj ikakvoj dvorani, sjaji rieka ledom odievena*». Такимъ же приемомъ выигралъ и Трнски число стиховъ; только Одавичъ пытался подражать подлиннику, но чтобы получить рѣму на «ружа», онъ внесъ въ первый стихъ глаголъ «ружа».

IV. 49: «сдѣлай одолженъе»: «*odduži se njima*» Димитр. — не идетъ, скорѣе: «*ugodi im*» или «*učini ljubav*».

IV. 51: «какъ *пьямый* путникъ на ночлегѣ»: «*na poćistu kao putnik niežni*», должно быть просто по недосмотру. Ошибка исправлена у Трнскаго и Одавича.

V. 2: «въ красномъ кушакѣ»: «*u ćubari sèrpoj*» Дим., вѣрнѣе у Трнскаго: «*serljani rās*», Одавичъ: «топли (sic!) појас».

V. 3: «*изящнаго* не много тутъ»: «*ništa u njoj zanimivog nema*» Дим., лучше Одавичъ: «*lepote je u njih malo*», но не лучше Трнски: «*umjetnosti baš je malo*».

V. 4: «со всего двора» и «*u svakome dvoru*» не совпадаютъ значеніемъ. У Трнскаго и Одавича пропущено.

V. 8: «*iz zdielice*» въ пятомъ стихѣ несомнѣнно опечатка вм. «*iz zdielice*» (изъ блюда). «Гребуть лопатой серебро» неточно

сказано: «srebro zlato nose na lorati» Дим. Последній стихъ: «мигѣй кошурка сердцу дѣвъ» въ переводѣ Димитровича пропущенъ. Трнски и въ подражаніе ему Одавичъ перевелъ его такъ: «Ljerše j'»: «zove mačak маси»: «лепше j': мачак мапу зове».

V. 13: «въ своей *назмуренной* красѣ»: «u smèrknutoj svojoj su krasoti» — не хорошій выборъ прилагательнаго, лучше было бы: «u potmurnoj krasoti». Трнски и Одавичъ не входятъ въ подробности. Въ перечисленіи деревьевъ нѣтъ въ подлинникѣ «старого дуба» (stara hrasta), не безъ причины; не надо было включать его въ переводъ.

V. 26: «отъ тридцати до двухъ годовъ»: «od trideset i dva lieta niže» — не точно, надо было сказать: «od trideset do dva ljeta na niže». «Въ пуху, въ картузѣ, съ козырькомъ»: «štono frake iz haljine gradi» — бессмысленный переводъ! Не годится, какъ у Трнскаго: «šubari mi obod širok», у Одавича совсѣмъ пропущено.

V. 28: «уѣздныхъ матушекъ отрада» не «zabava», какъ сказано у Димитровича или «slast» какъ у Трнскаго, скорѣе «утѣха» или «радост».

V. 34: «пошли привѣты, поздравленія»: «nazdravljanjem nasta čestitanje» — не совсѣмъ точно, лучше было бы: «počeše joj čestitat, nazdravljat».

V. 35: «однообразная семья, всѣ жадной скуки сыновья»: «roditelji od tih su igarah dugi časi, povčana pohlera» — очень неточный переводъ. Не лучше у обоихъ остальныхъ переводчиковъ.

V. 36: «Люблю я часъ опредѣлять обѣдомъ, чаемъ и ужиномъ» не то значить, что сказано въ переводѣ: «Dragi su mi časi, odlučeni za obied, večeru i čaj» Дим., исправлено у Трнскаго, но не совсѣмъ. Въ словахъ «Želudac je naš sad vele viegan» я вижу опечатку вм. *sat*. Одавичъ не довольствовался одинъ разъ упомянуть о «стомакѣ» или о «желудцѣ», а всего — два раза. Трнски, наоборотъ, перевелъ: «kad je dobnjak zdrav mi tielu», а не сказано, гдѣ этотъ «dobnjak» (пуризмъ за «часы»!), т. е. въ желудкѣ.

V. 37. Въ этой строфѣ не переведенъ стихъ «предъ сонной скукою полей» въ изданіи Димитровича (въ обоихъ слѣдующихъ переводахъ эта строфа пропущена), зато вставленъ лишній стихъ: «al' ti tverdu vieru moju dajem».

V. 40. Въмѣсто «въ родѣ мнѣ Альбана» Димитровичъ вставилъ: «mila bratjo moja», Трнски перевелъ: «u godjaka mog Albana», что не даетъ смысла, вѣдь Альбанъ давно уже не существовалъ, да какой онъ «родня» русскому поэту?! «Въ дѣлахъ и слогахъ поправляться» переведено не вполне: «popravljati stihove i slogove» — гдѣ же дѣла? Трнски перевелъ то и другое: «imnim biti djelom, slogom». Одавичъ отдѣлался парафразою.

V. 43: «такъ и ломаетъ полъ вокругъ» — переводчикъ не понялъ значенія слова «полъ» и перевелъ невѣрно: «do pole je krugom odbranula», значить: каблукъ — «на половину вокругъ отпалъ»!!

V. 44: «пошлый мадригалъ» никакъ нельзя назвать «ugodne miline», у Трнскаго общее выраженіе: «budi kakvo zavodjenje», у Одавича тоже «неку песму».

VI. 4: «глава повѣсь, трибунъ трактирный» — отъ перевода этихъ словъ переводчикъ уклонился общей фразою: «i još svašta što svijet ni ne znade». Трнски: «i gost krčmi noć i dan», Одавичъ: «у кафани вођа пири» — все не то! «Отецъ семейства холостой» не «porodice otac bez poroda», а то, что по смыслу сказано у Одавича: «а сад отац... од ванбрачне деце неке». У Трнскаго это обстоятельство не принято въ переводъ.

VI. 7: «дабы завтракать втроемъ»: «da bi š njima večerao sutra» — для чего такое ненужное отступленіе отъ подлинника? Трнски и здѣсь пожелалъ блеснуть оригинальностью выраженія: «te miròkov gucat s njima», слово «мироков» значить поэтически въ самомъ дѣлѣ «мировой».

VI. 9: «всталъ безъ объясненій» не значить: «brez odvieta staju», встать и стоять не одно и то же.

VI. 10: «и подѣломъ» переведено: «i u stvogu», что у Димитровича обыкновенно служить выраженіемъ фразы «въ самомъ дѣлѣ». Для «мячикомъ предразсужденій» нѣтъ перевода у Димит-

ровича, у Трнскаго, понимавшаго «мячикъ» въ значеніи «мальчика» сказано: «ne bit gorim od dješaka», у Одавича: «не страшљивац који бега», что уже совсѣмъ не годится. Онѣгинъ не былъ трусъ!

VI. 11: «конечно быть должно презрѣнье цѣной его забавныхъ словъ» — этого возраженія, которымъ могъ бы Онѣгинъ оправдаться, если-бъ онъ отклонилъ дуэль, не обнаруживаетъ переводъ: «А парокon moga biti prezgieње nagrada mi u zabavnom krugu», «забавныя слова» не «zabavni krug!» Трнски тоже не вникъ въ сущность подлинника, Одавичъ же подражалъ ему.

VI. 12: «привезъ торжественно отвѣтъ» не хорошо сказано: «donio je odgovor u slavi». Хорошо у Трнскаго: «svečan» или у Одавича: «важно». Слову «ženski svoje uklonio grudi» тоже нѣтъ основанія въ подлинникѣ. Ленскій боялся совсѣмъ не того, чтобы Онѣгинъ струсилъ, а чтобы не отшутился! Лучше переведено это мѣсто у Трнскаго и Одавича.

VI. 14: «онъ почти здоровъ» нельзя переводить: «i zdrav zdravcat», у Трнскаго тоже нехорошо: «sretnik lišen boli, biede», ни у Одавича: «срећан је и пун силе».

VI. 18: «друзей соединила-бъ вновь»: «opet dobra pomirila druga», невѣрно, потому что дѣло касается обоихъ. Или развѣ «dobra druga» Дмитровичъ считалъ двойственнымъ числомъ?! «Но этой страсти и случайно еще не открывалъ» не совсѣмъ вѣрно у Трнскаго: «Ali ljubav tu na znanje tko bi Lenskom priniet mogo» — не о Ленскомъ здѣсь говорится, а о тайномъ вздыханіи Татьяны! Одавичъ и здѣсь подражалъ Трнскому, но не повторилъ его ошибки: «ал' љубав јој ни случајно још открио нико није»!

VI. 23. Словъ «темно и вяло», характерныхъ для романтизма, не слѣдовало измѣнять или послаблять, «žalostno i tužno» нехорошій переводъ, лучше Одавичъ: «туга, тама из свег бије», Трнски перевелъ только «грусть», т. е. «sjetni peru trag se krvce vidi» (какой слѣдъ крови? откуда взялъ это переводчикъ?).

VI. 24: «ужъ солнце катится высоко» никакъ нельзя передавать: «već је skого роcиnulo sunce»!

VI. 25: «халатъ и туфли»: «bielo, čisto dodaje mu ruho» — совсѣмъ не такъ! Димитровичъ не понялъ, что значить «Лепажъ», да и «къ двумъ дубкамъ» не надо было передѣлывать въ ед. число «k debelome dubu». Одавичъ передѣлалъ два дубка въ «березу» (где су оне брезе)!

VI. 30: «еще не цѣля» нельзя сказать: «не risaју jošte» — это было бы еще рано! Хорошо у Трнскаго: «ne naperv cievi ljute».

VI. 33: «оплошнаго врага» не «*licnoga dušmana*» Димитр., лучше «*druga nemarnoga*» (только не «друга») Трнски; у Одавича не удобопонятно: «душманин ти с руге многе».

VI. 39: «стеганный халатъ» не нужно было перемѣнять въ переводѣ въ «*prariše vezene*», лучше Трнски: «*spravaćem si u odielu*»! Одавичъ удался въ своемъ переводѣ отъ всѣхъ подробностей.

VI. 40: «въ волны погружать кувшины» не содержитъ въ себѣ «*ili se kupati*», какъ Димитровичъ перевелъ! А все-таки и Трнски рассказываетъ: «*Žetelica gdje se kupra*», и даже Одавичъ: «Жетелицам купалиште»!! Но по картинѣ Пушкинской жницы приходили туда не чтобы купаться, а только почерпать кувшинами воды!

VI. 43: «тревожатъ сонъ моей души»: «*sanak moje zapanjuju duše*» Дим., лучше было бы «*zabunjuju*».

VII. 4: «На каретахъ тяжело нагруженныхъ, на долгихъ иль на почтовыхъ» — переводъ не полный: «*nakèrcaјte kola i kočije*», а слова «*što možete sve bèrže i bolje*» — лишняя, ничего не значащая прибавка. И у Трнскаго сокращено: «*prtlјaj, prtlјaj, svak se žigi*» или у Одавича: «нек' с' у кола пртѣаг диже». Такими обобщеніями вытираются индивидуальныя черты.

VII. 7: «памятникъ унылый — забытъ»: «*nitko ne dolazi*» — черезчуръ блѣдное отраженіе подлинника. Нѣсколько лучше Трнски: «*zarušten je grob taj veće*» и у Одавича: «заборављен гроб је сада».

VII. 13: «облегченья не находитъ она подавленнымъ сле-

замѣ» — въ переводѣ: «olaksšice ne nahodi nigdje, *vaviek cvili, do boga se čuje*» сказано то, чего нѣтъ въ подлинникѣ, не о громкихъ проявленіяхъ отчаянія говорится, а только о — подавленныхъ слезахъ.

VII. 23: «вездѣ Онѣгина душа себя невольно выражаетъ» — въ переводѣ надо было оставить «душу» подлежащимъ предложенія, не переводить такъ: «svagdje ona (т. е. Татьяна) Onjegovu dušu nehotice sebi izražuje». Хорошо у Трнскаго: «Evgenova duša svagdje nepaumce ođaje se».

VII. 26: «какъ мелкимъ бѣсомъ разсыпался» — смыслъ фразы, судя по переводу, не былъ переводчику извѣстенъ: «čudnim čudom raztrešen je bio» совсѣмъ не то, что хотѣлъ сказать поэтъ, т. е. «*како joj se ulagivaо*». И фразы «зачѣмъ же стало» нельзя передавать: «Što je zato stalo» — слова значатъ: «а što, gdje je stvar zapela» или «а što, zašto da odgadjamo». Невѣрно и у Трнскаго: «bud' nam se je bavit time».

VII. 27: «на судъ взыскательному свѣту»: «*na pogèrdu ukusnome svietu*» — не удовлетворяетъ, во-первыхъ «судъ» не «*rogèrda*», во-вторыхъ «взыскательный» не «*ukusni*». Нѣсколько лучше Одавичъ: «свету што све критикује на очи ће сада поћи», менѣе удачно у Трнскаго: «*tako na sve oči da se prosta Moskvom koči*».

VII. 29. Осенью «природа... какъ жертва пышно убрана»: «*како žèrtva umiljato gizda*» Дим. — не то хотѣлъ сказать поэтъ, лучше у Трнскаго: «*porut žrtve pakícene*» или у Одавича: «ко кићена жртва да је».

VII. 30: «первымъ слѣгомъ съ кровли бани умытъ лицо, плечи и грудь» не вѣрно переведено: «*da se pèrvim u kipeľji sniegom bielo lice opere i grudi*». И у Трнскаго это превратилось въ «*nejde sgrtat snieg lagašan*». Да это не ея дѣло, сгребать снѣгъ! Ошибка исправлена у Одавича.

VII. 31: «ну, много всякаго добра» — значеніе частички «ну» не понято, въ переводѣ не слѣдовало сказать: «*al' i mnogo svakoјaka dobra*», какъ будто бы этими словами прибавлялось еще

что-нибудь новое къ прежде причисляемымъ предметамъ. Въ перечисленіи переводчики очень расходятся, въ доказательство, что въ такихъ подробностяхъ они не придавали значенія точности. Напрасно!

VII. 32: «въ возокъ боярскій ихъ впрягаютъ»: «urpregoše *bojarske vozove*». Съ какой стати въ переводѣ множ. число?

VII. 33: «и заведетъ крещеный міръ на каждой станціи трактиръ» — одинъ переводчикъ нашелъ въ этихъ словахъ, что на каждой станціи будутъ гостиницы полны крестьянскаго народа («*Kršteni će paripjati ljudi gostilnice kod svakog odmoга*». Дим., какъ будто бы это было желательно), другой истолковалъ предсказаніе поэта, что въ каждомъ трактирѣ будетъ шинкаремъ — христьянинъ (стало-быть не жидъ?!): «a još svadje nek se *kršten krčmar* nadje» (Трнски). Лучше всѣхъ Одавичъ: «механе ће хришћан дићи», только и у него выраженіе «хришћан» было бы лучше замѣтить общимъ словомъ «народъ».

VII. 35. Въ переводѣ сравненія «въ глазахъ мелькаютъ какъ *заборъ*»: «*kako vietar pred očima bieži*» потерявъ намекъ. Лучше у Трнскаго: «*stoborjem* se *uz drum čine*», у Одавича неудачно сказано: «мислиш да је *шума* права». Существеннаго объясненія «боясь прогоновъ дорогихъ» нѣтъ въ переводѣ Димитровича.

VII. 45: «все тотъ же другъ, мосѣ Финмушъ, и тотъ же шпицъ и тотъ же мужъ», въ переводѣ сдѣлано нѣсколько произвольныхъ и ненужныхъ измѣненій: «*drug još vierni, finmuš stene staro, isti majmun, isti vaviek vojno*». Почему Финмушъ названъ старой собакой? Почему шпицъ замѣненъ обезьяною? Трнски сдѣлалъ этого друга «королемъ всѣхъ щеголей» (*kralja ljubi svieh kicoša*)!!

VII. 47. Въ переводѣ Димитровича несомнѣнно въ стихѣ 5-омъ: «*za uzdanje*» опечатка вм. «*za uzdarje*».

VII. 48. Первый переводъ буквально безупреченъ, но не читается удобно. У Одавича слова подлинника не уцѣлѣли въ переводѣ, но за-то стихи просты и гладки. У Трнскаго неестественно и очень искусственно.

VII. 49: «Архивны юноши» не отражается въ переводѣ Димитровича «gizdelini mladi», въ переводѣ Трнскаго: «junaci svieh ugeda» выражено слишкомъ неопредѣленно, точно такъ у Одавича: «чиновники многи млади». Выразительное слово «чопорно» понято опять Димитровичемъ въ смыслѣ и значеніи сербско-хорватскаго «ѣорог», т. е. онъ перевелъ «па jagm!» Лучше Трнски: «kicošeć se mjere Tanju» и въ подражанье ему Одавичъ: «мере је са стране сваке». Слова «одинъ какой-то шутъ печальный» переведены у Димитровича совсѣмъ серьезно: «Samò jedan pjome padahnuti, za divotu držaše ju pravu». Такъ и у Трнскаго: «jedan samo među sborom proglasi ju uzor-stvorom». Лучше попалъ въ шуточный тонъ Одавичъ: «неки «вициг» међ' том свитом нађе Таѣу узоритом». Конечъ строфы, гдѣ разсказывается о встрѣчѣ Вяземскаго съ Татьяной, потомъ о старикѣ въ парикѣ, переводъ довольно сбивчивъ.

VII. 50. Стихи «гдѣ машетъ мантией мишурной она предъ хладною толпой» не переведены, какъ слѣдовало бы: «gdje vezeni zlatni plašć se vije, pred studenom gomilom је она» Димитр. Ни у Трнскаго или Одавича не лучше.

VII. 51: «гусары отпускные»: «častnici iz bližnjih». Съ какой стати? Но еще менѣе удачно Трнски: «A konjici vragulini» или Одавичъ: «а хусари са дозволом» (т. е. гусары съ позволенія сказать)!!

VII. 55. Пуризмъ Трнскаго не позволилъ ему оставить даже выраженіе «классицизмъ» нетронутымъ. Въ этой строфѣ поэтъ подсмѣивается надъ классицизмомъ (правда, не совсѣмъ во время, въ самомъ почти концѣ сочиненія), а переводчикъ далъ словамъ «я классицизму отдалъ честь» такой видъ въ переводѣ: «izvrstnosti um rokorih!» Кто пойметъ это?

VIII. 5: «безмятежно» нехорошо: «brez zaprieke» Дим., у Трнскаго не лучше: «bez svieh sproa», у Одавича пропущено. «Пиръ молодыхъ затѣй»: «pir za mlade varke» — не вполне удачно, лучше: «mladih želja» или «mlada pregnuća».

VIII. 6: «явленьемъ медленнымъ гостей»: «pojavljenju tre-

nutnih gostijuh», не вѣрно. Трнски удалился отъ русскаго текста, Одавичъ перевелъ: «гледа госте како хите», т. е. какъ разъ не то, что въ подлинникѣ.

VIII. 7: «такъ, точно онъ»: «svojom li je glavom?» очень неудобный вопросъ!

VIII. 8. Въ переводѣ этой строфы Димитровичъ устранилъ «Мельмота», замѣнивъ его, какъ кажется «bogomoljcem» (неудачно, прибавимъ), но Трнски вычеркнулъ и Гарольда, а также слова космополитъ, патриотъ, квакеръ должны были уступить чистымъ народнымъ, въ слѣдующемъ видѣ: «Il samoživ, il domoljub, danguba li il bogoljub, il zemljotres, svietu prijan, na sito li lis je vijan». Признаться, мнѣ несравненно понятнѣе подлинникъ русскій, чѣмъ подобнаго рода переводъ. Одавичъ облегчилъ себѣ задачу пропусками.

VIII. 9: «что умъ, любя просторъ, тѣснить»: «Zašto razum vaviek progopimo» — совсѣмъ не такъ. Трнски: «rut mi imi stješnjavamo», Одавичъ въ подражанье ему: «Ум полетан степня-вамо» — тоже не вѣрно. Мысль поэта была сказать, что умъ его (т. е. Онѣгина), любя просторъ (развязность въ выраженіяхъ и т. д.) тѣснить (т. е. мѣшаетъ другимъ, вызываетъ съ ихъ стороны возраженія). «Намъ по плечу и не странна»: «nestrana je na gahenu pama» — переводъ безъ смысла! Ближе подошелъ къ подлиннику Трнски: «Položna pam što su djela običajna, omiljela». Одавичъ удалился опять въ область самостоятельнаго разсужденія: «што туђ рачун водит знамо, а на свој и не гледамо»!

VIII. 13: «немногихъ добровольный крестъ»: «što s njim nitko podielio nebi» — совсѣмъ не то! Одавичъ пропустилъ слова «весьма мучительное свойство», его переводъ: «носилаца још је таки' добровольног крста тога» хорошо передаетъ приведенныя слова. Трнски совсѣмъ удалился, измышляя по своему: «kako ne bi jedan strado, kad mi takva groz se svidje»!

VIII. 14: «безъ этихъ маленькихъ ужимокъ, безъ подражательныхъ затѣй»: «brez malenih onih je znakova, i brez svijuh varakah na licu» — не удовлетворяетъ. Трнски по своему: «не

privlačla mehkim mamom nit naumce igdje posta»—но въ этихъ словахъ не узнать русскаго подлинника. Одавичъ: «нит се она ту бенави, нежнога је на њој доста», здѣсь только первый стихъ нѣсколько напоминаетъ русскій подлинникъ.

VIII. 16: «хоть ослѣпительна была»: переводъ «što po sobom sve je zasliepila» не точно отнесенъ къ предыдущему слову «susiedka». Исправлено у Одавича. У Трнскаго послѣдній стихъ строфы относится тоже къ Татьянѣ вм. Невској Клеопатры.

VIII. 18: «и что ей душу не смутило»: «ništa dušu smutilo joј nije» — совсѣмъ наоборотъ. Исправлено у Трнскаго и Одавича. И въ концѣ строфы переводчикъ удался безъ надобности: «въ ней сохранился тотъ же тонъ, былъ такъ же тихъ ея поклонъ»: «istim ga je pozdravila glasom, kô da nigda vidila ga nije!» Трнски хорошо, но очень натянуто: «glasom grla ne sapeta, poklonom ga smjernim sreta». Лучше Одавичъ: «оста израз што је био, поклони се смерно, ти'о».

VIII. 22: «угрюмый, неловкій»: «tvèrdokoran, neprestan i mračan» — здѣсь въ переводѣ первое прилагательное лишнее, оно даже не соответствуетъ обстоятельствамъ, второе — опечатка: «neprestan» нужно исправить въ «nespretan», тогда это слово будетъ равняться русскому «неловкій». Въ слѣдующемъ поэтъ два раза употребилъ прилагательное «упрямый», котораго въ переводѣ нѣтъ ни у Дмитр., ни у Одавича, только Трнски: «i tvrdoglav sam se mori».

VIII. 23. Изящные обороты этой строфы, столь наглядно рисующей непринужденную болтовню высшаго общества, поставили переводчиковъ въ затрудненіе. Дмитровичъ хотѣлъ быть буквально точенъ, но не хватило подходящихъ выраженій. Какъ ему перевести: «легкій вздоръ сверкалъ безъ глупаго жеманства!» Онъ перевелъ это такъ: «mile traske sjajno bliešte brez ikakve resnje» (очень изящно, слова traska и resnja принадлежать къ неупотребительнымъ неологизмамъ). Трнски: «žamor stoji brza, bistra dosjećanja, nema gizde, zamjeraja» (хорошо, но не то). Одавичъ: «Доскочица, шала годи а кнегиња не зама» (еще свобод-

нѣе). Какое песходство, не правда-ли? Только послѣднее слово у Одавича вызвано переводомъ Трнскаго, во всемъ остальномъ расходятся. Еще труднѣе для перевода были слѣдующія слова: «и прерывалъ его межъ тѣмъ разумный толкъ безъ пошлыхъ темъ, безъ вѣчныхъ истинъ, безъ педантства». Димитровичъ перевелъ: «Al' medju tim kadikad i traske razboriti pretèrguje govor, sve na mili i slobodni naćin», Трнски: «А са šalom još se spraja istinica mudra znanja», Одавичъ: «Ту се и чем другом вине те разговор умни сине без педантних оних мера».

VIII. 24. И въ этой превосходной строфѣ переводчики не сумѣли передать всѣ черты, всѣ штрихи подлинника. Напр.: «въ душистыхъ сѣдинахъ старикъ, по-старому шутившій, отмѣнно тонко и умно» переведено у Димитровича такъ: «tu je bio ostarieli starac, koji umne ugodne i mile po starinsku sbijao je šale» (нѣсколько вяло), Трнски: «i sied starac tuda kroći te se šaleć svud graćika, umno, zrelo, bistro, bujno» (слишкомъ искусственно, натянуто), Одавичъ: «неки старац ту ј' међ њима што старачки шале твори, тон подробан из њих веје» (послѣднія слова этого перевода неудачны).

VIII. 25: «на плоскость дамъ» нельзя переводить: «na odupnost ženah», нѣсколько лучше Трнски: «na um ženski suprotivan» (не выразительно). Одавичъ отдѣлался молчаніемъ.

VIII. 26. Первые четыре стиха этой строфы, гдѣ говорится о Сабуровѣ и карриатурахъ на него Француза St.-Priest, переведены у Димитровича совсѣмъ не попадъ: «заслужившій извѣстность низостью души» «rogèrdni i podli, svi ga mèrзе i svi ga prezigu», слова же «pрем do zemlje svaki mu se klanja» лишняя прибавка, ничего подобнаго нѣтъ въ русскомъ текстѣ. О карриатурахъ, припоминаемыхъ въ подлинникѣ, у Димитровича и помину нѣтъ, такимъ образомъ слова «što u svakom roменiku vјаје» остаются безъ русскаго текста непонятными. Трнски ошибся, считая карриатуры дѣломъ Сабурова: «črćkanja mu nadjena su po svih knjigah vromenicaх». Одавичъ перевелъ точнѣе, но и онъ не понялъ смысла: «кој' потроши на албуме, St.-Priest-e,

писаљке ти». — «Румянъ какъ вербный херувимъ»: «ko rak sèrven» — большая разница! — «И путешественникъ залетный, перекрахмаленный нахалъ»: «tu je putnik dèrski, doletjeli, što se diči i parinje važno» — переводъ мало похожъ на подлинникъ. Еще менѣе у Трнскаго: «Tamo putnik vjetren, hitan, pod noge je obraz vtgo». Одавичъ съ пропускомъ: «Ту j' и путникъ неки био, ког су други мерит стали».

VIII. 27: «но неприступною богиней роскошной царственной Невы» переведено свободно: «štoto pred njim sa svim veličanstvom ko boginja nedosižna stáše». У Трнскаго не лучше, а скорѣе хуже: «boginja je nedodirna ponad carskom *zvezda* (sic!) Nevom», выходитъ Татьяна — богиня и звѣзда за одно! Не хорошо и у Одавича: «те богинѣ *дишне*, мамне, што нам Неву собом дичи».

VIII. 28: «объ немъ она—дѣвственно груститъ» — нехорошо сказано въ переводѣ: «za njim rieke prolila je suzah!» Это неправда. И послѣдніе стихи переведены совсѣмъ не такъ, какъ слѣдовало бы. Характернаго стиха «къ лунѣ подьѣмлетъ томны очи» вовсе нѣтъ въ переводѣ. Трнски опять по своему измышленію: «za njm ona ciele noći *gramzila je priraslicom* (для меня непонятное слово!), lomila se bezsanicom, ljubila ga strastnom noći». У Одавича снята почти вся прелесть съ подлинника, переводъ его удался и вышелъ блѣднымъ.

VIII. 30: «или раздвинетъ предъ нею пестрый полкъ ливрей»: «il oko nje kada se saleti dvoriteljah sva šarena četa» — здѣсь въ переводѣ опущенъ глаголъ, выражающій что сдѣлалъ влюбленный Онѣгинъ, т. е. раздвинулъ толпу, но не для того, чтобы разогнавъ ихъ самъ поднѣлъ ей платокъ, какъ у переводчика выходить: «da u jagmi dohvati joj rubac». Такъ понялъ и Трнски: «il kad može brz priteći i *rasturiv čopor cieli*, dohvatit joj rubčić bieli». Ту же ошибку повторилъ и Одавичъ, подражая Трнскому.

Въ письмѣ Онѣгина пропущенъ въ переводѣ Дмитровича стихъ: «Нѣтъ, поминутно видѣть васъ», у Трнскаго онъ переведенъ такъ: «Al vas vidjet svakog trenu».

VIII. 34: «жестокая хандра»: «ljuti od života trudi» — неудачно; нехорошо и у Трнскаго: «obiest razigrana», Одавичь: «кад га оно чама свила». Во всякомъ случаѣ «чама» ближе русской хандрѣ, чѣмъ «obiest» (заносчивость).

VIII. 35. Пуризмъ и здѣсь сослужилъ переводчикамъ нехорошую службу, у нихъ переведены даже названія такихъ изданій, какъ альманахъ и журналъ, утраченъ намекъ на значеніе этихъ словъ въ тогдашней русской литературѣ. Димитровичъ переводить «dnevnikе i lietopise», Трнски «ljetni koji list il dnevni». Только Одавичъ въ этомъ пунктѣ поступилъ благоразумно.

VIII. 36: «ни съ чѣмъ не связанные сны»: «ripoznačni čud-povatі sancі» — въ переводъ внесено гораздо больше, чѣмъ въ подлинникѣ сказано. У Трнскаго по своему: «O snu mutnu, babjih činih». Гораздо лучше Одавичъ: «то су снови искидани». — «Иль длинной сказки вздоръ живой»: «te pričice pametne i smiešne» Димитр. (неудачно), «duge priče sa oblaka» (еще менѣе удачно) Трнски. Въ подражаніе ему Одавичъ: «то су приче, слатке наде».

VIII. 38: «мой безтолковый ученикъ» едва-ли позволено было перевести такъ: «тој valjani i vèrstni učenik» Дим.! У обоихъ слѣдующихъ переводчиковъ пропущено.

VIII. 39: «на... изсѣченныхъ льдахъ»: «ро... razdrobljenom ledu» — невѣрно. У Одавича пропущено, у Трнскаго не сохранена картина подлинника.

VIII. 42: «проходить долгое молчанье»: «vêće dugo prolazi meštanje» — должно быть по недосмотру вм. «молчанье» переводчикъ прочелъ въ русскомъ текстѣ «мечтанье».

VIII. 43: «одну суровость»: «samo ropos» — невѣрно. Трнски и въ этомъ простомъ языкѣ сердца не могъ обойтись безъ причудливыхъ вымысловъ: «al se s leđa vašeg sgražah; za tihu mi ljubav znaste al ju ledom odvracaste!» Итакъ два раза — ледь!

VIII. 44: «соблазнительную честь»: «prazni slavu» — не хорошо, лучше Одавичъ: «име заводника». Трнски: «da uzmožete na glas doći» — но чѣмъ?

VIII. 45: «колючесть вашей брани»: «vaše staro svojstvo» —

переводъ наобумъ! «Какая малость»: «bezstidna uvgieda» — это не переводъ, а передѣлка русскаго текста. Неудачно также у Тринскаго и Одавича.

VIII. 46. Первые стихи этой строфы не поддавались переводу точному, хорошему: «пышность эта, постылой жизни мишура, мой успѣхи въ вихрѣ свѣта, мой модный домъ и вечера — что въ нихъ?» Эти великолѣпныя слова переведены у Дмитровича такъ: «velika je muka za me sjajnost i ličenje viečno, svi uspiewi u vèrtlogu svieta i večere i ukusni dvori» (безъ маглѣйшей изящности), у Тринскаго: «što je meni do te slave, do žamora? do uspiewa polučenih, do posielu, sjajnih dvoga» (очень далеко отъ оригинала), у Одавича (лучше чѣмъ у другихъ): «век је клета лажна сјајност што ме кружи, успеси ми сред тог свѣта, дом узором што ми служи» (последнія слова неудачны). — «За полку книгъ»: «za knjižicu», кажется, что здѣсь «knjižicu» простая опечатка вм. *knjižnici*.

VIII. 48: «она ушла»: «она udje» — не точно, вм.: «она ode» (*уйти* не значить *уйи*, а *отиди*).

VIII. 50: «я даль свободнаго романа я — еще не различалъ»: «а ја spievah slobodnog romana...» не хорошо и не точно. Напротивъ, очень хорошо у Одавича: «ал' даљину тог романа — тад сам само назирао», но «я сквозь магическій кристалъ» осталось у всѣхъ безъ перевода.

VIII. 51: «съ которой образованъ Татьяна милый идеалъ», неточно переведено: «а та što sam nasèrtao š njome Tatjanu uzo-gisu milu», «съ которой» не значить здѣсь «š njome», а «š nje». Хорошо у Одавича: «Ти с које сам препртаво». — «Не дочелъ» не значить «не skonča», а «не dočita».

IV.

По приведеннымъ многочисленнымъ примѣрамъ легко составить себѣ правильное понятіе о сравнительныхъ достоинствахъ трехъ сербско-хорватскихъ переводовъ «Евгенія Онѣгина». Точ-

нѣе другихъ и ближе къ словамъ русскаго подлинника оказывается переводъ Спира Димитровича. Но его стремленіе къ буквальной точности поневолѣ увеличило число случаевъ, гдѣ онъ промахнулся, не угадавъ смысла и значенія русскаго текста. Частію это вызвано недостаточнымъ знаніемъ русскаго языка, частію невозможностью вѣрной передачи всѣхъ тонкостей русскаго подлинника. Дать же переводу изящную форму, чтобы онъ могъ гладкостью стиха и языка соперничать съ подлиннымъ текстомъ — такого желанія у Димитровича вовсе не было, столь высокою цѣлью онъ и не задавался. Напротивъ, стремленіе именно къ этому идеалу замѣтно у второго переводчика, у Ивана Трнскаго. Этотъ поэтъ придавалъ всегда, во всѣхъ своихъ произведеніяхъ, большой вѣсъ — изящной формѣ, онъ всегда дорожилъ красотою языка и стиха, онъ любовался даже болѣе прелестью своихъ стиховъ со внѣшней стороны, чѣмъ богатствомъ содержанія. Иванъ Трнски напоминаетъ мнѣ отчасти Аполлона Майкова. Онъ знаетъ превосходно сербско-хорватскій языкъ, онъ изучилъ его не только по словарю Вука Караджича и другихъ, а также изъ устъ народа, преимущественно въ бывшей хорватской «военной границѣ». Но въ одномъ я не могу похвалить приемовъ маститаго поэта. Трнски слишкомъ увлекается новизной, онъ любитъ слова и фразы новыя, необыкновенныя, при чемъ онъ часто забываетъ, что значительнымъ количествомъ неологизмовъ отягощается разсказъ, затрудняется чтеніе и притупляется вниманіе читателя. Стихъ течетъ плавно, но если спросить, что отдѣльныя слова значатъ, тогда поневолѣ останавливаешься, хочется вторичнаго чтенія и немалыхъ усилій, чтобы разгадать смыслъ сказаннаго. Да не всегда это удается. Когда поэтъ, придерживающійся такихъ приемовъ, взялся за нелегкій переводъ «Евгенія Онѣгина», въ результатѣ получился трудъ, пожалуй, очень почтенный, обнаруживающій доказательства похвальнаго усердія со стороны переводчика, но на дѣлѣ все-же не вполне удачный. Переводъ «Евгенія Онѣгина» въ трудѣ Трнскаго блеситъ дѣйствительно внѣшнею фразеологіею, но у него одинъ большой недостатокъ: у него нѣтъ изящной

простоты и естественности подлинника. Что у русского поэта выходить просто и легко, что у него высказано великолѣпными, но въ то же время общепонятными словами и оборотами, то въ переводѣ нерѣдко выражено натянуто, искусственно, словами или оборотами мало извѣстными вслѣдствіе ихъ неупотребляемости. Разсказъ Пушкина производитъ на читателя впечатлѣніе прекрасной разговорной рѣчи, съ нѣкоторымъ даже оттѣнкомъ модной небрежности въ употребленіи французскихъ словъ или галлицизмовъ, въ переводѣ же Трискаго постоянно слышится неестественная натянутость, вызванная изысканнымъ подборомъ мало употребляемыхъ словъ или оборотовъ. Прибавимъ къ этому еще одно обстоятельство, осложнившее его задачу: необходимость выдержать риему очень часто заставляла переводчика удалиться далеко въ сторону отъ словъ русскаго текста, онъ поневолѣ долженъ былъ прибѣгать къ произвольнымъ прибавкамъ, къ лишнимъ противъ подлинника измѣненіямъ и вымысламъ.

Въ объясненіе этой стороны перевода можно бы указать на множество примѣровъ. Я не желаю останавливаться на всѣхъ. Ограничусь главнѣйшими.

I. 4: «Когда же юности мятежной пришла Евгению пора»: «mlade dobe čim li stežne Evgeniju dodje hora». Подлинникъ я понимаю, но перевода — не понимаю. Что значитъ «mlada doba stežna»?

I. 5. Знаменитыя слова: «Мы всѣ учились понемногу, чему-нибудь и какъ-нибудь» переведены очень вяло: «nauka pam sviem je mala, jedva tko će više znati». Гораздо лучше (потому что проще) Одавичъ: «Сви ми тек по штогод знамо», второй стихъ менѣе удачно: «буди како ма од чега», лучше было бы сказать приблизительно такъ: «ај не питај, што и како».

I. 6: «Латынь изъ моды вышла нынѣ», какъ неестественно сказано: «Rus latinstvo odnemari»!

I. 28: «Музыка ужъ гремѣть устала»: «cilik glasbe vesni pamah» — мало понятный глаголъ «vesnuti se» (не «vesnuti» безъ «se») значитъ «появиться», что не соотвѣтствуетъ русскому

«устала». У Одавича: «а музика занос буди» — тоже не то. По-видимому переводчики воображали себѣ, что русское слово «устала» значить то же что сербское «устала»!

I. 29: «О вы почтенные супруги вамъ предложу свои услуги»: «oj miževi poštenjaci, na krilaša ja se bacih». Какая неумѣстная вставка! Что же значить въ слѣдующемъ стихѣ: «svjetovat vas u tom gresu»? Если «gresu» значить «грязь», хорошо ли Онѣгину говорить: «хочу дать вамъ совѣтъ въ этой грязи»?! Когда поэтъ совѣтуетъ мамашамъ «держатъ прямо свой лорнетъ», то едва ли онъ хотѣлъ этимъ сказать: «па пји ošnik vazda peri», т. е. чтобы мать лорнетомъ всматривалась въ свою дочку! Лучше Одавичъ: «Све лорнетом нек је прати» (т. е. пусть слѣдитъ своимъ лорнетомъ за ея взорами).

I. 32: «она (ножка) пророчествуя взгляду неопѣненную награду»: «izpod skuta biele pone povoljicu snit me gone». Очень искусственно, даже не совсѣмъ умѣстно. Гораздо проще и лучше Одавичъ: «при погледу она ствара у награду занос чара».

I. 34: «онѣ не стоятъ ни страстей, ни пѣсенъ ими вдохновенныхъ»: «jer ne vriede prošla mira, uzleta nam tanke žice». Одавичъ тоже не совсѣмъ хорошо: «а ниједна страшићу није звучне песме сад достојна».

I. 35: «на биржу тянется извозчикъ, съ кувшиномъ охтенка спѣшить»: «vozaг juri (невѣрно, онъ ѣдетъ медленно!), spaša zira poseć mlieko» (тоже невѣрно, охтенка не проливаетъ молока!). Одавичъ не понялъ значенія «биржи» — и Трински пропустилъ эту мелочь — поэтому передѣлалъ извозчика въ купца: «свом дућану газда жури»!

I. 45: «мечтамъ невольная преданность, неподражательная странность, и рѣзкій, охлажденный умъ. Я былъ озлобленъ, онъ угрюмъ»: «i što smušen trabunjaše i što stranput stranaše, umom bio hladan drznik, ja bih zlobnik, a on mrznik». Переводъ этотъ былъ бы хорошъ, хотя онъ свободенъ, если бы слова *drznik*, *zlobnik*, *mrznik* не производили впечатлѣнія неупотребительныхъ неологизмовъ. Поэтому лучше и проще у Одавича: «Заволех му

сетну машту, туђење му од свих људи, оштри разум ал' и дрзак. Ја бех злобан, и он мрзак». Впрочемъ тутъ видно подражаніе Трискому въ выборѣ прилагательныхъ *дрзак, злобан, мрзак*, только что *мрзак* не передаетъ русскаго «угрюмъ».

I. 52: «стремглавъ по почтѣ одскакалъ»: «k rošti pamah odšulja se» — слова перевода значили бы, что онъ тайкомъ подошелъ къ почтѣ!! Также неестественно переведено и продолженіе разсказа: «pak se praštat smrče, stavi, na plač srdce mrtvo navi, novca radi — lelek diže, kan da ctn mu svane petak». Кто могъ бы догадаться, что въ основаніи этихъ словъ лежитъ слѣдующій текстъ: «и ужъ заранѣе зѣвалъ, приготовляясь денегъ ради на вздохи, скуку и обманъ». Не естественнѣ ли и проще у Одавича: «и на пошту хита, жури, ал' у напред већ се дури, спремајућ се ради пара уздасима, плачу, свиме...», хотя и здѣсь вм. «на пошту» было бы лучше сказать «по пошти», а послѣднее слово «свиме» мѣшаетъ своей бессодержательностью.

I. 55. Въ концѣ строфы стихъ: «slavi s' ipak ne domakoh» совсѣмъ лишняя прибавка Трискаго, причины которой нѣтъ въ русскомъ текстѣ.

I. 57: «tako spjevah narav čilu» — и этого въ подлинникѣ нѣтъ.

I. 60: «sumnje smrvih, da sam ja taj junak» — опять лишняя прибавка.

II. 5: «Поступкомъ оскорбясъ такимъ всѣ дружбу прекратили съ нимъ»: «zamjega je, razpadanje, polaznika svak dan manje». Очень сбивчивый переводъ. Лучше и естественнѣе у Одавича: «наљућени врло тиме прекидоше дружбу с њиме».

II. 6: «Привезъ учености плоды: вольнолюбивыя мечты, духъ пылкій и довольно странный»: «dodje... mašte razdražene, rogobatan, smušen, čudan». Переводъ очень мало похожъ на подлинникъ, рисуетъ характеръ Ленскаго совсѣмъ не такъ, какъ у Пушкина. Уже въ I. 10 присвоено переводчикомъ Онѣгину качество «rogobatan», здѣсь опять Ленскій тоже «rogobatan», а настоящаго значенія прилагательнаго «rogobatan» я все еще не знаю!

II. 7: «Отъ хладнаго разврата свѣта еще увянуть не успѣлъ»: «s nevaljalstva i grehota mlad uvehnut ne navali» — послѣдній глаголѣ не удовлетворяетъ, вышло какъ-то натянуто. Лучше Одавичъ: «крај развратних, ниских људи он још млађан није пао». А въ концѣ строфы «надъ ней (т. е. цѣль жизни) онъ голову ломалъ и чудеса подозрѣвалъ» переведено такъ, что вышло общее мѣсто: «više l' mozga, bilo s česa, čudnija ti tiem čudesa!» И Одавичъ подошелъ ближе къ Трнскому чѣмъ къ русскому подлиннику.

II. 8: «что безотрадно изнывая его вседневно ждеть она»: «da ga želi, pazi, sluša neprestance, nigda spora». И этотъ переводъ не отражаетъ собою подлинника. «Душа родная» не могла его «наблюдать» или «прислушиваться» — это не въ духѣ романтики сказано. Лучше Одавичъ: «што му с' нада, што га чека», но не хорошо у него «што његовој (души) блиско стоји», это не переводъ словъ «безотрадно изнывая».

II. 9. Подъ конецъ строфы переводъ опять не удовлетворяетъ: «A zar nije puste sreće (sic!) kad u redke gizdav meće štogodier ti srce grije (гдѣ тутъ «возвышенныя чувства» подлинника?), štogod mašta više smaga (въ подлинникѣ: «порывы душевной мечты»), čim prostota nadima ga» (въ подлинникѣ: «и прелесть важной простоты»). Одавичъ отчасти вяло, отчасти очень хорошо: «песме су му пуне силе, осећаји пуни жара. У њим деѣја мачта оста, и лепота важна проста».

II. 10: «онъ пѣлъ любовь, любви послушный и пѣснь его была ясна какъ...» у Одавича просто: «Љубав пева с пуно силе, песма му је јасна, лака к'о...», а Трнски очень искусственно: «O milki si voljan rjeva, pjesma ti je po jasnoći miso...». Въ слѣдующемъ «луна» названа богинею «тайнъ и вздоховъ нѣжныхъ», Трнски же называетъ «шјесес» «откликомъ» («vesak» значитъ приблизительно откликъ, эхо) вздоховъ нѣжныхъ. Но можно ли луну назвать «откликомъ»?! Превосходную характеристику туманной романтики во второй половинѣ строфы не могъ выдержать въ своемъ переводѣ Трнски, но не удалась она ни Одавичу.

II. 11: «ему не нравились пиры», переводчикъ говоритъ «*do-dijali*», т. е. «наскучили», но пиры не могли Ленскому наскучить, когда онъ въ нихъ не принималъ никакого участія! Кто уполномочилъ Трнскаго къ пирамъ прибавить еще и «охоту» (*lovi*)? Какъ можно простое выраженіе «разговоръ благоразумный» переводить: «*Domjenci razbukani*» (слова «*domjenak*» нѣтъ даже въ академическомъ словарѣ)? О разговорѣ сказано, что онъ «не блисталъ ни чувствомъ, ни поэтическимъ огнемъ, ни острою, ни умомъ, ни общежитіа искусствомъ», а въ переводѣ говорится о томъ же самомъ: «*mrtva srдца struje tamo (куда?) bez sveg ognja pjesničkoga, bez sve misli, oštra sloga* (острота не «острый слогъ!»), *bez sve kušnje* (что такое *kušnja*? переводчикъ понималъ значеніе слова «искусство» въ томъ же смыслѣ, какъ обыкновенно употребляется сербско-хорватское «искусство», т. е. опытъ!) — *trt mrt samo*!»

II. 12. Безъ малѣйшей надобности, все о чемъ говорится въ этой строфѣ относительно Ленскаго, присвоено въ переводѣ — матери, т. е. говорится отъ ея имени! Выходить даже не совсѣмъ прилично, что именно мать намекаетъ гостю на свою — дочку!

II. 13: «сперва взаимной разнотою они другъ другу были скучны»: «*jedan drugom dosadan je te su sboriti tučna oba*» — въ переводѣ не сказано, что они не сошлись сначала вследствие ихъ разности, зато прибавлены лишнія слова второй половины! «Первый каюсь я» относить Пушкинъ къ себѣ, переводчикъ же это передѣлалъ: «*pjesnik sam se tuži*», имѣя въ виду, должно быть, Ленскаго. Впрочемъ и въ II. 23 такое же примѣчаніе отъ своего имени въ 1-мъ лицѣ переводчикомъ перенесено въ 3-е лицо. Въ началѣ 14-ой строфы сказано, что даже и этой дружбы (т. е. о которой говорится въ концѣ предыдущей строфы) «нѣтъ межъ нами», Трнски же начинаетъ очень торжественно общимъ изреченіемъ: «*Pobratimstva pravog nesta*»!

II. 14: «для насъ орудіе одно» не слѣдовало въ переводѣ передѣлывать въ «*orudje mi*» (т. е. Наполеону) *tek bijahu*. «Намъ чувство — дико и смѣшно» не даетъ никакого смысла въ пере-

водѣ: «smiešno — čuvstvo u tom mału». «Сноснѣ многихъ былъ Онѣгинъ»: «snosnijega znam junaka». На что здѣсь герой? «Хотя онъ людей, конечно, зналъ и вообще ихъ презиралъ» переведено очень туманно: «i prem mrči na mpožinu», а стихъ «и вчужѣ чувство уважалъ» значить у Тринскаго: «Drugo srdce voljan čije» — мало понятно. Цѣлая строфа переведена гораздо проще и удобопонятнѣе у Одавича.

II. 15: «поэта пылкій разговоръ» переводится: «kad vilovit taj se lama» — для меня непонятно! «Онѣгину все было ново»: «sve to prilju čudno ječi» — какъ вычурно! Трински вообще въ своемъ переводѣ любить вычурныя слова, въ числѣ ихъ также «milak» вм. любовь и «prilj» вм. prijatelj! Цѣлый стихъ «misli mi se mozgom metu» вставленъ переводчикомъ безъ надобности, а слова «nije s mene vtieme stalo» представляютъ собою очень искусственный переводъ русской фразы «и безъ меня пора придеть». «Пускай покамѣстъ онъ живетъ да вѣрить міра совершенству» переведено опять очень неестественно: «samo izvij vjeka malo, za svršenstvo znat ćeš svietu». Хорошо переведена и эта строфа у Одавича.

II. 16: «я гроба тайны роковыя, судьба и жизнь, въ свою черду — все подвергалось ихъ суду» — у Тринскаго очень мало похоже: «O sudbini, živu glasu, o smrti nam, duše sprasu». Не лучше ли и ближе у Одавича: «я гробова вѣчне тајне, судба, живот и још друго — о чем они зборе дуго?» — «Читалъ отрывки сѣверныхъ поэмъ» — этихъ словъ не узнаешь въ переводѣ: «tudjoj pjesmi stavke sbori», кромѣ того здѣсь не слѣдовало обойти молчаніемъ эпитетъ «сѣверный». Дѣйствительно у Одавича сказано: «из севернихъ спева гдешто».

II. 17. Строфа рассказываетъ о любимой темѣ собесѣдниковъ, о страстяхъ. Переводчикъ и здѣсь употребилъ свое излюбленное выраженіе «milak». Онѣгинъ говорилъ о страстяхъ «съ невольнымъ вздохомъ сожалѣнія», но это не значить: «žali spominjuć ga čase gubit», Онѣгинъ вовсе не жалѣлъ посвящать часы разговорамъ на эту тему, онъ только жалѣлъ въ разговорѣ

тѣхъ, которые когда-нибудь сдѣлались рабами страстей. «Блаженъ кто вѣдалъ ихъ волненія и наконецъ отъ нихъ отсталъ» переведено странно: «Blažen koji umie ljubiti i pregorjet *netar zmiје*!» Что значитъ здѣсь «*netar zmiје*»? «Кто охлаждалъ любовь разлукой, вражду — злословіемъ» въ переводѣ: «il je hladan te ženagom zajam vтаса» для меня непонятно! Какіе это «*ženari*»?

II. 20. Въ этой строфѣ представляется случай указать, какъ переводчикъ, придерживаясь очень некритическаго внушенія южно-славянскихъ стилистовъ, старался передѣлывать существительныя въ глаголы. Въ подлинникѣ читаемъ: «всегда, вездѣ одно *мечтанье*, одно привычное *желанье*, одна привычная *печаль*, ни охлаждающая *дамъ*, ни долгія *мѣта разлуки*» и т. д., переводчикъ передѣлалъ это такъ: «*svagdje, vazda jedno snatri, živ je plamen vječnoj vatri* (этого въ подлинникѣ нѣтъ), *živom željom za njom gine, ne ohladnje s dalečine, ni dug razstaj ne suzbi ga...*». Такихъ примѣровъ въ переводѣ Трнскаго много. Ср. напр. III. 25: «сперва *тицеславіе* колышетъ надеждой, тамъ *недоумнымъ* измучимъ сердце, а потомъ ревнивымъ оживимъ *огнемъ*»: «*malom padom nek se grije, neka dvojbі, gramzit haje, potla jače njeg razžežet*». Или IV. 39: «*прогулки, чтенье, сонъ* глубокой, тѣсная *тѣнь, журчанье* струй... *ночьмуй*», а у Трнскаго: «*šetaj, čitaj, spravaj dosti, hladuj, snatri, žuber slušaj... poljubiti*» — все глаголы. Противъ этой фальшивой теоріи романтической школы, будто бы въ славянскомъ слогѣ долженъ преобладать глаголъ, нужно возстать какъ противъ нехорошаго предубѣжденія. Какъ и въ другихъ языкахъ, такъ должно и въ славянскихъ властвовать — имя существительное! Доказательство на лицо — прекрасный русскій языкъ Пушкина.

II. 22: «*blažili si kтvсу сідни*» должно быть отраженіе русскихъ словъ «тайныхъ мукъ отраду!» а «*svjetlo maglom zamagljeno*» передаетъ «замѣну тусклыхъ фонарей». Значить *svjetlo* передаетъ «фонарь». Безъ русскаго текста я бы не догадался.

II. 25: «ни свѣжестью ея румяной»: «*niti živa nit lagana*» — большое разногласіе! Одавичъ почти буквально: «ни свежином руменила».

II. 29: «отецъ ея былъ добрый малый, въ прошедшемъ вѣкѣ запоздалый», въ переводѣ: «*otac joj je mlak dobrica, prošlog veka sustalica*» попадаютъ два выраженія изъ рѣдкихъ: «*sustalica*» въ словарѣ Вука засвидѣтельствовано, но въ другомъ значеніи, а «*dobrica*» въ академическомъ словарѣ приводится какъ существительное женскаго рода.

II. 32: «служанокъ била осердясь»: «*na sluge se vazda ljuti*» — въ сравненіи съ подлинникомъ мало.

II. 34: «нецеремонные друзья»: переводчикъ употребилъ новое слово «пеѣарсе», отъ глагола «*žarati se*» церемониться. Попытка похвальная, но слово мало извѣстное. А въ II. 37 «*suze triše*» опять какой-то новый глаголъ.

II. 38: «изъ міра»: Трнски прочелъ «изъ мира» и перевелъ «*iz miga*», Одавичъ передѣлалъ это въ «из тишине», такимъ образомъ изъ одного недосмотра вышли двѣ ошибки.

III. 6: «иные даже утверждали»: «*sve bi pričeke drugi digli*» — опять новое слово, значенія его въ словаряхъ не находимъ, кажется «*pričeška*» значить «препятствіе» (такъ по крайней мѣрѣ въ кайкавскомъ нарѣчій).

III. 9: «Всѣ для мечтательницы нѣжной въ единый образъ облеклись, въ одномъ Онегинѣ слились»: «*svi su srдца otmičaru slični Geni, nje junaku, Tanja maštu goji taku*» — довольно далекое разстояніе между подлинникомъ и переводомъ. Ближе Одавичъ: «Све joj ствара, све то буди једну слику пуну чара, Онегина све joj ствара».

III. 10: «я себѣ присвою чужой восторгъ, чужую грусть, въ вавеньи шепчетъ наизусть»: «*te svojata tudju njegu, tudju muku, јада stiku, i toliko zaniela se, da na izust šapće glase*» — въ этомъ переводѣ опять попадаетъ фраза «*јада stiku*», которой значенія я не понимаю. Что значить «*јада stiku*»? опечатка ли это вм. *јада sliku*? Въ подлинникѣ никакого указанія на эти

слова вѣтъ. Очень неудобно сказано тоже въ концѣ строфы: «*nije Grandisonu slična rasa*» (порода)!

III. 13: «*u kom neću groz izpredat krvna djela, dobra strašu*» — опять два неологизма, хотя довольно легкіе, но ненужные; послѣдняго выраженія въ подлинникѣ вѣтъ, тамъ сказано: «не муки тайныя злодѣйствія я грозно въ немъ изображу», о «потерѣ добра» не говорится.

III. 15: слова «вездѣ воображаешь ты приюты счастливыхъ свиданій» переведены такъ, что я перевода не понимаю: «*u gluh mašte mrak trnapi sastanku se radujući*»!

III. 20: «*a mrtvosan sviet obćini*» — слово «*mrtvosan*» опять что-то новое, въ подлинникѣ все просто: «и все дремало въ тишинѣ», такъ и у Одавича: «*a svet спава у тишини*».

III. 21: «въ необдуманномъ письмѣ любовь невинной дѣвы дышетъ» переведено не совсѣмъ отчетливо: «*kroz te crte djevoj-kine nevina joj ljubav diše*» — можно бы думать о чертахъ лица, не о письмѣ, здѣсь же только о письмѣ рѣчь идетъ.

III. 24: «одарена *воображеніемъ мятежнымъ*» никакъ нельзя передавать словами: «*mjegu rupu dobi misli i pojama*». Что же тогда значило бы «мысли и понятія»?

III. 27. Въ строфѣ, толкующей о незнаніи русскаго языка въ дамскомъ обществѣ, прибавленъ въ переводѣ стихъ, преувеличивающій упрекъ дамамъ, котораго въ подлинникѣ нѣтъ: «*do-ćim tudjoj sve su vješte, i sam tudjin da im plješte*»!

III. 28: «робкая любовь» не значитъ «*djubav goba*».

III. 30: пѣвецъ «Пировъ» и *грусти томной*, въ переводѣ къ сожалѣнію послѣднія слова пропущены: «*Baratinski pievče srdca*». Какъ же можно слова «я сталъ бы просьбою нескромной тебя тревожить» переводить: «*Evo drug ti vodu grca rak te bogom brati, kumi*». Что значитъ «*vodu grca*»? Должно быть переводчикъ хотѣлъ сказать: другъ твой въ затрудненіи, поэтому обращается къ тебѣ съ просьбой...

III. 31. О попыткѣ перевода этой строфы упомянуто уже выше на стр. 236, и здѣсь видно стремленіе Тринскаго избѣгать

по возможности существительныя: «кто ей внушалъ и эту *нужность* и словъ любезную *небрежность*?»: «tko joj *milje sladko stvori, prostoumce što ga sbori*». Конечно безъ неологизма не обошлось, «*prostoumce*», кажется, новое издѣлье автора! Въ концѣ строки: «*Početnica tako laka grdi strielca vilenjaka*» — и этихъ словъ я бы не понялъ, если бы не было русскаго подлинника: «или разыгранный Фрейшицъ перстами робкихъ ученицъ». Не проще ли у Одавича: «ко Фрајшиц што те дира, почетница кад га свира», только «почетница» заимствована отъ Трнскаго.

III. 34: «*štoja glava tog ne tovi*» — я не понимаю фразы, вижу только, что она соответствуетъ русскому стиху: «я нынче стала безтолкова».

III. 39: «хранить надежды темный сонъ»: «*čudne nade Tanja hrani*» — не точно.

IV. 10: «спокойно дома засыпаетъ»: «*sladko vraga, prospri svadju*» — послѣднихъ словъ въ подлинникѣ нѣтъ.

IV. 15: «Съ такимъ умомъ ко мнѣ писали»: «*dočim su vam nizom lista um i srdce zablistali*» — переводъ черезъ чуръ сложный.

IV. 16: «*Danu ni snu nema vraće*» — удачный переводъ для «мечтамъ и годамъ нѣтъ возврата», только существительное «данъ» и «санъ» не соответствуютъ. «*To su božje dovoljice*» опять неологизмъ, уже второй въ этой строфѣ! А трудно понять и этотъ стихъ: «*Al vam imot nar ne šeni*» — это долженъ быть переводъ русскихъ словъ: «учитесь властвовать собой»!

IV. 17: «Татьяна молча оперлась»: «*stad se Tanja mrtvih grudi zaobjesi*» — неудачный глаголъ! Очень искусственно переведены также слѣдующіе стихи: «головкой томною склонясь, пошла домой вокругъ огорода»: «*rodje glave ponikle si sagom trave* (по коврику травы!) *iza nj mićeš u dvor roda*». Проще Одавичъ: «већ грудима главу склања, крај оградѣ двору оде...»

IV. 18. Первые стихи, простые по содержанію, переведены опять очень сложно: «Вы согласитесь, мой читатель, что очень мило поступилъ съ печальной Таней нашъ пріятель»: «*taj mi*

postup ni najmanje nemilostan, braćo, nebi osjećanju tužne Tanje!» Менѣ поэтично, можетъ быть, но во всякомъ случаѣ естественнѣе переводъ Одавича: «Читаоче, признај сада, да је добро учинио Јевђеније с Тањом тада». Еще одно мѣсто въ этой строфѣ вышло неудачно у переводчика: «враги его, друзья его (что можетъ быть одно и то же), его честили такъ и сякъ»: «раče zavist druga koga često njega ozloglasi, ko što samo nedrug može. (Hrdja — hrdja)!

IV. 22: «ni dosadit svici dvoга» — это долженъ быть переводъ (для меня непонятный) стиха: «кто не наскутитъ никогда!». Слова же «призрака суетный искатель» отражаются очень блѣдно въ переводѣ: «takov roјav песе k пама». У Одавича по своему, но очень свободно: «зато нек вас понос храни!»

IV. 25: «Владиміръ сладостной неволѣ предался полною душой»: «а он *baħat* bez obzira ljubi dragu bogujuću» — я нахожу вставку прилагательнаго *baħat* (почти что *нахальный*, или по крайней мѣрѣ *снисходительный*) здѣсь совсѣмъ неумѣстной. Какъ можно такъ назвать любовника, о котораго нѣжномъ стыдѣ далѣе рѣчь идетъ?

IV. 27: «мгновенной думы легкій слѣдъ»: «da miloduh miri svieta» — переводъ мало значащій, а глаголь «miri» мало употребительный.

IV. 32. Уже раньше (на стр. 240) сказано, что переводчикъ не угадалъ смысла этой строфы. «Strogi cienac (неологизмъ! вм. критикъ) sbrisat će mi pjesmu koju» не упоминаетъ элегіи, о которой здѣсь рѣчь идетъ. Также слова «pravo tako, trublja trubi, eno kindžal, krinka tami» — переводъ неудовлетворительный. Въ доказательство непониманія русскаго текста можно указать на переводъ словъ: «ничуть! куда!», которымъ выражено отрицаніе, а переводчикъ спрашиваетъ: «nema l' sgode?»!

IV. 33: «припомни что сказалъ сатирикъ» конечно не значить: «gugalac se пама tuga», еще же менѣ «чужого толка хитрый лирикъ»: «tudj da lirik, tudja tuga!» а «унылыхъ нашихъ приемачей» нельзя переводить просто «nego naš nam pjesnik koju».

IV. 34: «поклонникъ славы и свободы» опять безъ существеннаго: «*ljubeć slavu, slast slobode*», точно такъ: «въ волнень бурныхъ думъ своихъ»: «*što ga nika bugna miso*». «*Milje slovi žamogese*» труднѣе понять, чѣмъ «читающій мечты свои». И въ IV. 35: «*milinje mi posestrino*» для меня загадка, кажется это относится къ нянѣ: «подругѣ юности моей», но какъ вычурно все это выражено! Или же это переводъ словъ «гармоническихъ затѣй»? Въ «*silom sletim susjeda zi*» пропущены важныя слова «ко мнѣ забредшаго». Не Пушкинъ разъѣзжалъ по сосѣдямъ!

IV. 45. Въ разсказѣ о шампанскомъ, которымъ Овѣгинъ угощалъ Ленскаго, переводъ не удержалъ всего, что въ подлинникѣ сказано. Гостю и не подавали другихъ винъ, поэтому предлогъ «изъ» (во 2-омъ стихѣ) не нуженъ. Стихъ 4-й «*ne bi l' bile mah mi lieta*» — лишняя прибавка переводчика. «Оно сверкаетъ, оно — меня плѣняло» не значитъ «jedno — drugo», похвала касается вообще шампанскаго. Мало удовлетворяютъ стихи: «*lutaо sam lud osovce i u razkož pustu zašo*», на сколько проще у Пушкина: «Его волшебная струя рождала глупостей не мало»!

IV. 46. Похвала вину бордо не такъ далеко идетъ въ подлинникѣ, какъ въ переводѣ, тамъ оно сравнивается съ другомъ, здѣсь же называется другомъ. Эта перемѣна заставила переводчика говорить о томъ, что бордо «*groznici mi liek i biedi*», но въ подлинникѣ о лихорадкѣ и помину нѣтъ. Есть и другія измѣненія вовсе не желательныя, кромѣ того переводчику представился опять случай блеснуть такими необыкновенными оборотами, какъ «*mla-dilac je svih umrlih*» и «*metilj pravi duga časa*»!!

IV. 47: «Пора межъ волка и собаки» — переводчикъ могъ эту фразу (*entre chien et loup*) точно такъ передать въ буквальномъ переводѣ, какъ это сдѣлалъ Пушкинъ, только не слѣдовало прибавлять неумѣстнаго здѣсь «изъ рiev», эта прибавка нарушаетъ картину. Одавичъ, не зная, должно быть, французскаго происхожденія поговорки, передѣлалъ ее въ «мачка с мишом сложила се», но такъ нельзя поступать!

IV. 48—49. Поэтъ говоритъ о приглашеніи «на той недѣлѣ»,

переводчикъ нехорошо перевелъ «*ргви ови nedjelju*» (ошибку повторилъ Одавичъ), а такъ какъ именины были въ субботу, то онъ долженъ былъ нѣсколько дальше внести въ переводъ слова «*danak prije*», что конечно все не такъ. Приглашеніе гласило на самый день именинъ.

IV. 50: «*viek ženika da je težkih jada slika*» — это невѣрно. Онѣгинъ отзывался скептически не о женихѣ и непродолжительномъ времени, когда еще дѣвица въ невѣстахъ, а о «домашней жизни» супружеской, стало быть слово «*ženik*» не годится.

IV. 51: «кто все предвидить»: «*koj sve scienja*» — не вполне соответствуетъ. Неточно переведены также стихи: «кто всѣ движенья, всѣ слова въ ихъ переводѣ ненавидить»: «*znajuc što je vjera čija, štono li su dvostručenja*».

V. 2: «*konj čavkuni*» — опять необыкновенное слово, даже въ академическомъ словарѣ нѣтъ другого примѣра, только ссылка на словарь Вука Караджича!

V. 3: «*i koljenat imie ašog*» для «прогулки тайныя въ саяхъ» дало переводчику поводъ блеснуть оригинальностью и употребить опять слово хотя и хорошее, но мало извѣстное!

V. 4: «крещенскіе вечера» не слѣдовало въ переводѣ ограничить однимъ днемъ: «*uz bogojav, i kog oči*».

V. 5: въ переводѣ пропущено: «младой двурогій ликъ»: «*uprazi li mjesec liepi*» (ожидаемъ «*mladi*»).

V. 7. Въ концѣ строфы нехорошо переведено: «*mlad i star*», рѣчь идетъ только о старикахъ. Ошибку повторилъ и Одавичъ.

V. 9: Народное повѣрье о лунѣ не совсѣмъ точно переведено, оно не стоитъ въ связи съ слѣдующимъ потомъ повѣрьемъ. «*Zgalom si mjesec hvata*»: «на мѣсяцъ зеркало наводитъ». Это одно и отдѣльно. «*Istom ona tako bila, tužni mjesec uhvatila*» — эти слова не должно было связывать съ «*snieg zaškripi*». Здѣсь начинается новый разсказъ. Слова «*istom ona tako bila*» вообще лишняя прибавка, въ подлинникѣ говорится: «но въ темномъ зеркалѣ одна дрожить печальная луна». Къ типичному вопросу «какъ ваше имя»: «*kako t' ime*» не слѣдовало прибавлять въ пе-

реводѣ «trebam znati». Этихъ словъ нѣтъ въ подлинникѣ, они и теперь не прибавляются къ вопросу.

V. 10: «раздѣлась и въ постель легла»: «svukla s', legla u last loga» — съ какой стати лишняя и неестественная прибавка «last loga»? Не проще ли такъ, какъ въ подлинникѣ?

V. 11: «nema sgođe pridržaju» — лишняя прибавка.

V. 16: «медвѣдя нѣтъ»: «medjed štuce» — опять слово очень рѣдко употребляемое, но Трпски отыскалъ его!

V. 17: «того кто миль и страшенъ ей»: «bojanje si, milovanje» — поэтически, но натянуто!

V. 18: «vrg se proli» въ 10 стихѣ — лишняя прибавка, которой нѣтъ основанія въ подлинномъ текстѣ. Зато нѣтъ слѣда въ переводѣ слову «шайка домовыхъ».

V. 23: «поклоны, шарканье гостей»: «proklanjanju strug se zači» — въ здѣсь требуемомъ значеніи слово «strug» опять неологизмъ.

V. 26. Переводчикъ присвоилъ Скотинину тридцать дѣтей!! «trideset ih živih sienih!» Рѣчь идетъ о возрастѣ дѣтей, начиная со старшаго 30-лѣтняго.

V. 28: «žamor nasta molećih se» — нехорошій переводъ, вызывающій предположеніе, будто бы гости за столомъ громко богу молились!

V. 29: «на мигъ умолкли разговоры» — понятно почему: началась ѣда! Переводчикъ сдѣлалъ изъ этого простого стиха: «Sva se usta šutnjom slave». Слишкомъ торжественно! Нельзя похвалить оригинальную передачу словъ: «Ахъ, Творецъ — наконецъ»: «u jedvine jedva jade».

V. 30: нельзя согласиться съ переводомъ: «prodbio ju noj krvavi!» Это ужъ черезчуръ много для словъ подлинника: «пышетъ бурно въ ней страстный жаръ»!

V. 31: Начало строфы переведено неудачно: «suze slične rosi» для одного русскаго «слезы» сравненіе неумѣстное. А также стихи, въ родѣ слѣдующаго: «но дѣвы томной замѣтя трепетный порывъ» не удались: «ali smotriv bljed na dievi» выражаетъ слишкомъ мало.

V. 34: «онъ молча поклонился ей»: «*muške joj se pogrbio*» — нельзя назвать изящнымъ переводомъ! Не хорошо, думаю, переведено.

V. 35: «сосѣдъ сопить передъ сосѣдомъ»: «*susjed hrče susjedu si*», «сопѣть» здѣсь не значить «храпѣть» какъ во снѣ.

V. 36: «*zaplećem vam rad mi redke, toli često pir i svetke, gazna jela, društvo žedno*» — гораздо понятнѣе для меня текстъ подлинника: «рѣчь веду въ моихъ строфахъ я столь же часто о пирахъ, о разныхъ кушаньяхъ и пробкахъ»...

V. 39: «дѣвицы чинно едва за блюдечки взялись»: «*čajne čaše baš za držke*» — это не то, что въ подлинникѣ, переводчикъ конечно не видалъ русскаго обычая пить чай изъ блюдечекъ. Въ 3-емъ стихѣ слово «*otgržke*» опять — лакомый кусокъ для переводчика, потому что оно очень рѣдко употребляется, собственно «*otgržito*». Не хорошо сказано: «*dieve pustiv gum i čaše*», въ подлинникѣ не дамы или дѣвицы, а мужчины покидаютъ «чашки съ ромомъ».

V. 41: «чета мелькаетъ за четой»: «*uza te li dvoje mine*» — переводъ менѣе понятенъ, чѣмъ русскій текстъ, а что значить въ стихѣ 12-омъ «*porut lonje*», этого уже я совсѣмъ не знаю.

V. 44: «Онѣгинъ съ Ольгою пошелъ»: «*A Onjegin namah hrli pored Olge prolantati*» — этотъ глаголъ мнѣ не нравится; я бы не вводилъ его въ танцевальный залъ! Въ концѣ строфы пропущено въ переводѣ существенное слово — котильонъ!

VI. 1. Хотя въ подлинникѣ просто сказано: «Онѣгинъ мой одинъ уѣхалъ спать домой», переводчикъ пожелалъ и здѣсь блеснуть оригинальной фразой: «*Sam Onjegin, nešto glavat, odveze se kući spravati*»!

VI. 3: «*Šobot strašan zašobota*» — этого стиха въ подлинникѣ нѣтъ, кажется мы имъ обязаны рѣдко употребляемому слову «*šobot*», вытасченному изъ словаря!

VI. 9: «*To ga žasnu zagrižača, ali brzo gnjev nadjača*» — этого въ подлинникѣ нѣтъ, о гнѣвѣ не говорится, сказано только: «съ перваго движенія», стало быть и «*zagrižači*» нѣтъ основанія.

VI. 10: «А во-вторыхъ, пускай поэтъ дурачится, въ осмьнадцатъ лѣтъ оно простительно»: «nije l' grieh to, nazor tiesni, što i pjesnik s vrieda bjesni star osamnajst godinjaka» — въ сравненіи съ простымъ текстомъ подлинника переводъ тяжелъ и непонятенъ.

VI. 27. Онѣгинъ, представляя своего секунданта, не извиняется такъ, какъ сказано въ переводѣ: «drugi su mi odaljeni»! «И пошли за мельницу»: «odigrali za mlin tamo»! Какъ можно для такого серьезнаго шага выбрать слово «odigrati»!?

VI. 32: «и страненъ былъ томный миръ его чела»: «mir s' obrno po tom čelu širit tmignu» — переводъ гораздо сложнѣе чѣмъ слова подлинника. Проще Одавичъ: «на челу му мир се свио» — только слову «страненъ былъ» нѣтъ отголоска въ этомъ переводѣ, но его нѣтъ ни въ переводѣ Трнскаго.

VI. 34. Словечкомъ «что-жъ» вводится новая строфа въ видѣ постепенно увеличивающагося впечатлѣнія, начиная съ «пріятнаго», въ началѣ строфы 33-й, переходя въ «пріятнѣе» въ серединѣ строфы, потомъ же наоборотъ разсказъ рисуется «не пріятное» въ концѣ строфы 33-й и еще болѣе непріятное въ этой, 34-й строфѣ. Въ переводѣ эта постепенность испорчена началомъ строфы «sbilja» (кстати)!

VI. 35. Въ концѣ строфы въ переводѣ опять неологизмъ: «i strelimke odburiše» (полетѣли, т. е. лошади).

VI. 36. Въ переводѣ этой нѣжной строфы не все удалось. Не думаю, что можно о цвѣтѣ молодости сказать: «sviet stao da gene», «стремленіе благородное» не «ромата» (бѣшенство!), а мечтанья уже никакъ не могутъ быть «na zemlji raja slika», онѣ могутъ своей неуловимостью только напоминать жизнь неземную, но не быть «картиною».

VI. 43: «gatan duša obljudi ga, gatan mi se k njemu vra-titi» не то, что сказано въ подлинникѣ: «хотъ я люблю, хотъ возвращусь», поэтъ не *напрасно* полюбилъ своего героя... Слова «лѣта къ суровой прозѣ клонятъ» относятся къ лѣтамъ поэта, въ переводѣ же сказано «viek taj», какъ будто бы о перемѣнѣ современнаго вкуса рѣчь шла, поэтому и прибавлено: «ne mili se

moja, teško mi je njoj se dovit, teško mi je umlje *novit*». Всего этого въ подлинникѣ нѣтъ, не говорится о трудности поэта при-мкнуть къ новому направленію, а напротивъ о нежеланіи его продолжать по прежнему, шалить римой и т. д. Въ связи съ этимъ не все вѣрно сказано въ строфѣ 44-ой. Напр. «*al mi željam pada gine, naviru mi pove suze*», совсѣмъ не то, что сказано поэтомъ: «для *первыхъ* (т. е. юныхъ желаній) нѣтъ мнѣ упо-ваній, а *старой* мнѣ печали жалъ».

VI. 46: «простите-жъ, сѣни, гдѣ дни мои текли въ глуши» нельзя переводить: «*s bogom luzi, gdje u hladu dne sprovođih*» — такой романтики въ жизни поэта почти и не было, менѣ всего можно о годахъ, прожитыхъ на югѣ Россіи, говорить: простите *рощи*! И Одавичъ не понялъ слова «сѣни», но все же лучше «*хлады*» чѣмъ *luzi*.

VII. 2. Прелестные стихи этой строфы переведены не совсѣмъ удачно, напр. «*slabo što mi s' duše dojmi*» совсѣмъ не идетъ сюда. Нехорошо также: «*mrtve mi se duše taći*».

VII. 10: «изнывая не долго плакала она»: «*ne će ona po toj istoј plakat mjeri*» — тяжелый переводъ.

VII. 12: «*tek ih Tanja poizprati*» — здѣсь словечко «*tek*» (только) нарушаетъ смыслъ.

VII. 18: «въ воскресенье» не значить «*na uzkrš*» — этотъ недосмотръ не повторяется у Одавича, нѣтъ его ни у Димитровича.

VII. 38: «*proć je njima kraj Bugara*» — это конечно опечатка вм. «*Buhara*» (бухарцы).

VII. 46: «и что-то блѣдной и худой» (находятъ Татьяну ея подруги и родственницы): «*blieda, suha kao trska*» — черезчуръ много и съ порицаніемъ сказано!

VII. 47: «Потомъ, въ отплату лепетанья, ея сердечнаго признанья умильно требуютъ онѣ» переведено такъ, что я не понимаю всего: «*I da s' uzda, mati za njih, mazile se one Tanji, nek im kaže srdca boli*». Что тутъ мать? Такъ и въ слѣдующей строфѣ (48-ой) непонятны для меня слова: «*um sgramoti majke, otce*» вм. русскаго: «не улыбнется темный умъ».

VIII. 5. Въ переводѣ этой строфы не слѣдовало вычеркнуть музу, провожавшую поэта въ Молдавію и рассказывать все только отъ имени поэта.

VIII. 6: «на прелести ея степныя съ ревнивой робостью гляжу»: «gotovo me ljubav moki, kad joj liepost divlju gledam» — въ переводѣ пропущено главное слово — робость. И въ слѣдующемъ: «kako tuj se svi vrgoše» пропущенъ переводъ слова «мужчины», безъ котораго стихъ «rak su okvir slike raju» остается почти непонятнымъ.

VIII. 7: «red zašiljen» неудачно для «порядокъ стройный», «смѣсь чиновъ и лѣтъ» точнѣе чѣмъ «smjes starjštva vieka stara». «Что — сплинъ или страждущая спѣсь»: «zar je handrast ili tučan?». Что значить «handrast»? Въ академическомъ словарѣ этого слова нѣтъ.

VIII. 11: «что наши лучшія желанья, что наши свѣжія мечтанья истлѣли быстрой чередой: «liepih li nam želja dašto, provodne nam tebe, mašto, u toj nagloj nesta mieni». Не понимаю словъ «provodne nam tebe».

VIII. 13: «kad mi takva groz se svidje» — этихъ словъ въ подлинникѣ нѣтъ, поэтому они для меня непонятны. Не могу также похвалиться, что я понимаю стихъ: «sitan svikom jadi jade» — и этого нѣтъ въ подлинникѣ.

VIII. 14: «она (Татьяна) была не тороплива»: «nagilica brza rieka» (nije bila) — лишнее ли это сравненіе съ рѣкою, котораго въ подлинникѣ нѣтъ или же rieka родит. падежъ существительнаго riek, brza rieka, т. е. быстрой поговорки — не знаю! Вообще цѣлая строфа въ подлинникѣ гораздо проще, чѣмъ въ переводѣ.

VIII. 15: «старушки улыбаются ей»: «starice joj spremne trebat» — не понимаю!

VIII. 16. Поэтъ говоритъ о словѣ (англійскомъ) vulgar, переводчикъ замѣнилъ слово вещью, поэтому вышло странно: «ta prostota men' se mili, premda pravo ne znam šta je (sic!). О томъ же словѣ сказано: «оно-бъ годилось въ эпиграммѣ», пере-

ведено это такъ: «*šuć, mić samo pa tad prosperi*». Это уже — черезчуръ оригинально!

VIII. 19: «не сжала даже губъ она» переведено безпѣтно: «*peta na pjoj poništaja*», гдѣ *poništaj* конечно — неологизмъ. Не хорошо сказано, что у Татьяны не видна «некадашња *sjetna duša*». Кто говорить, что *душа* ея измѣнилась? Измѣнилось только поведеніе.

VIII. 21: «*zna grčina, zna mi milje buni uz noć glavu zneni, dosni*». Едва ли это удачный переводъ, гдѣ слово «*zani*» значить не то сонъ, не то мечта. Слова подлинника: «Въ какомъ онъ страшномъ свѣ! что шевельнулось въ глубинѣ души холодной и лѣнливой» переведены такъ: «*Na što l' mi se duh izprieci? taštost li se kosnu troma?*» Признаться, и здѣсь мнѣ понятнѣе слова подлинника чѣмъ перевода. — Въ слѣдующей строчкѣ, прекрасно рисующей состояніе души Онѣгина, когда онъ очутился наединѣ съ Татьяной, въ переводъ внесены слова совсѣмъ ненужныя: «угрюмый, неловкій онъ едва-едва ей отвѣчаетъ»: «*mrk i leden, neokretan jedva koju odgovori*». «Голова его полна упрямой думой. Упрямо смотритъ онъ»: «*I tvrdoglav sam se mori, smišlja misli, čami sjetan, kradom pazi, vteba na nju*». Какая куча глаголовъ!

VIII. 28: «Объ немъ она во мракѣ ночи, пока Морфей не прилетитъ, бывало дѣвственно груститъ, къ лунѣ подъемлетъ томны очи»: «*Za njim ona ciele noći gramzila je priraslicom, lomila se bezsanicom, ljubila ga strastnom moći*». Въ переводѣ луна пропущена, что едва ли позволительно въ виду бывшаго очень романтическаго настроенія Татьяны—дѣвицы, но зато внесены слова для меня непонятныя: «*gramzila je priraslicom*».

VIII. 29: «Въ дождѣ страстей они (т. е. юныя сердца) свѣжѣютъ, и обновляются и зрѣютъ» — въ переводѣ это сказано: «*Srdce bridi, brekne, buji, napupi se te procvati*». Можно ли это назвать переводомъ?

VIII. 31. Она (т. е. Татьяна) его (т. е. Онѣгина) «свободно дома принимаетъ, въ гостяхъ съ нимъ молвитъ слова три»: «*ni s' na došla osvrtala, jedva koju s njim da slovi*» — переводъ нехо-

рошъ, потому что пропущены существенныя слова «дома» и «въ гостяхъ».

Въ письмѣ Онѣгина, переведенномъ вообще хорошо, попадаютъ нѣкоторыя неточности, какъ напр. «предъ вами въ мукахъ замирать» не значить: «*na oči vam i smrt kušat*», вѣдь это значило бы «покушаться на собственную жизнь!» «Я утромъ долженъ быть увѣренъ, что съ вами днемъ увижусь я: *stoga znati jutros veće, smiem li danas pred vas stupit*» — не точно, потому что «днемъ» не значить «сегодня» (*danas*) и «утромъ» не значить «*jutros*» (т. е. сегодня утромъ, *sie утро*). Не «*mrko gledat*», а «глядѣть на васъ веселымъ взглядомъ» сказано въ русскомъ текстѣ! А «*živim mrtcem tuj se zvati*» переводчикъ прибавилъ отъ себя!

VIII. 33: «какъ удержать негодованье уста упрямья хотятъ»: «*liepe usne grize Tanja, nekom jadu maha ne da*» — переводъ не похожъ на подлинникъ.

VIII. 40: «*k carevu se sanjka gradu*» — непонятно почему такъ сказано въ переводѣ, когда въ подлинникѣ говорится «примчался къ ней». «Письмо какое-то читаетъ и тихо слезы льетъ рѣкой»: «*štila pismo ra ga savi, poliše ju suze bonu*». И здѣсь въ серединѣ лишняя вставка.

VIII. 41: «простая дѣва съ мечтами, сердцемъ прежнихъ дней, теперь опять воскресла въ ней»: «*prosta dieva, na davnoj si srđca znaši, pred oči mi eto lazi*» — переводъ подчеркнутыхъ словъ неудаченъ.

VIII. 44: «*što prostota niesam naška*» — этихъ словъ и этого умствованія нѣтъ въ подлинникѣ. Также нѣтъ: «*i rod mi je dost razgranjen*». Зато остались безъ перевода слова: «мой позоръ теперь бы всѣми былъ замѣченъ».

VIII. 47: «а счастье было такъ возможно, такъ близко»: «*ta je sreća htjela doći, domaće se*» — невѣрно, вслѣдствіе чего переводчикъ долженъ былъ прибавить въ 4-мъ стихѣ уже отъ себя: «*te me sreća ne zapade*». Слова «*možda sgrieših u slaboci*» тоже не передаютъ русскаго текста: «неосторожно, быть можетъ, по-

ступила я»: «Udadoh se za *prvaka*» значило бы «за перваго встрѣчнаго» — чего поэтъ не хотѣлъ сказать. «Въ вашемъ *serdci* есть и гордость и прямая честь»: «U vašoj bo ima *vlasti velik* ponos, dosta *časti*» — не одно и то же.

VIII. 48: «kod kuće nas svojad čeka» — лишняя вставка. «Давно-бъ — пора»: «*davno bilo, već je hoga*» — не совсѣмъ точно.

VIII. 49: «Дай богъ, чтобъ въ этой книжкѣ ты для развлечения, для мечты, для сердца, для журнальных сшибокъ хотя крупницу могъ найти»: «*bog bi dao, duša svaka našla nađi sjajnih* ztaka, *zabavku si povod mio*» — въ переводѣ не все сказано.

VIII. 50: «я съ вами зналъ все, что завидно для поэта»: «*što mi vili zavidjahu vaše slavje*» — не совпадаетъ.

Не всѣ мѣста здѣсь перечислены, гдѣ можно по той или другой причинѣ возражать и не соглашаться съ переводомъ Трнскаго, но уже изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что возраженія здѣсь совсѣмъ другого рода, чѣмъ у Димитровича. У второго переводчика такъ и слышится поэтъ, съ трудомъ обуздываемый чужимъ текстомъ, чужимъ ходомъ мыслей. Ему стоять много усилій повиноваться подлиннику, на каждомъ шагѣ щекочетъ его собственное творчество, онъ хотѣлъ бы прибавить что-нибудь отъ себя, передать то или другое искусственнѣе, поэтичнѣе, чѣмъ у русскаго поэта сказано. Это конечно не хорошо, переводъ Трнскаго перешеголялъ Пушкина, но не въ хорошую, а въ дурную сторону. Жаль, что переводчикъ самъ не замѣтилъ этого недостатка или лучше сказать этого излишества въ своемъ во всякомъ случаѣ очень почтенномъ трудѣ. Справедливость требуетъ при этомъ замѣтить, что многія изъ тѣхъ строкъ подлинника, гдѣ переводчикъ сумѣлъ воздержаться или же гдѣ самъ русскій текстъ не вызывалъ его краснорѣчія, переведены дѣйствительно превосходно. Я могъ бы привести много примѣровъ образцоваго текста въ переводѣ Трнскаго, но я по неволѣ долженъ ограничиться двумя-тремя примѣрами:

- I. 56. Цвѣты, любовь, деревня, праздность
 Поля! я преданъ вамъ душой.
 Всегда я радъ замѣтить разность
 Между Онѣгинымъ и мной,
 Чтобы насмѣшливый читатель,
 Или какой-нибудь издатель
 Замысловатой клеветы,
 Сличая здѣсь мои черты
 Не повторялъ потомъ безбожно,
 Что намаралъ я свой портретъ,
 Какъ Байронъ, гордости поэтъ;
 Какъ будто намъ ужъ невозможно
 Писать поэмы о другомъ
 Какъ только о себѣ самомъ?

Cviece, ljubav, pustoš, selo,
 Polja, lug se mili meni.
 Niesam, niesam ja zacielo,
 Što Onjegin pokunjeni.
 Zato, brate, koj me štiješ,
 Koj me na sviet izdat mniješ,
 Ne vjeruj mi klevetnikom,
 Da sam ja to duhom, likom,
 I ne tvrdi tol bez duše,
 Sam da svoju rišem sliku,
 Sljednik lordu zatočniku,
 Da mi žice ne smognuše
 Stvorit pjesmu o drugome,
 Veće o men' i zlu mome!

- II. 23. Всегда скромна, всегда послушна,
 Всегда какъ утро весела,
 Какъ жизнь поэта простодушна,
 Какъ поцѣлуй любви мила,
 Глаза какъ небо голубые,

Улыбка, локоны льняные,
 Движенья, голосъ, легкій станъ,
 Все въ Ольгѣ... но любой романъ
 Возьмите и найдете вѣрно
 Ея портретъ: онъ очень милъ;
 Я прежде самъ его любилъ;
 Но надоѣлъ онъ мнѣ безмѣрно.
 Позвольте мнѣ, читатель мой,
 Заняться старшею сестрой.

Vazda skromna poslušnica,
 Kano zora vesela je,
 Kano pjesnik — blaženica,
 Kano cjeliv sladka sva je,
 Modre oči — nebo vedro,
 Zlatna kosa, lišce jedro,
 Pokret, posmjeh i glas pitom —
 Sve j' u Olge... eno i tom
 Uzoru vam vierne slike
 U romanu mal ne svakom,
 Za njom gorjah i ja lakom;
 Ali dost je njene dike.
 Pjesnik želi, da izvede
 Kćer stariju na oglede.

III. 16. Тоска любви Татьяну гонить,
 И въ садъ идетъ она грустить,
 И вдругъ недвижны очи клонить
 И лѣнь ей далѣе ступить:
 Приподнялася грудь, ланиты
 Мгновеннымъ пламенемъ покрыты,
 Дыханье замерло въ устахъ,
 И въ слухѣ шумъ, и блескъ въ очахъ...
 Настанетъ ночь; луна обходитъ
 Дозоромъ дальній сводъ небесъ,

И соловей во мглѣ древесъ
 Напѣвы звучные заводитъ.
 Татьяна въ темнотѣ не спитъ
 И тихо съ няней говорить:

Vrtom sama tužno kroči,
 Na srdcu joj težki jadi,
 U jedan put spušti oči,
 Upanji se, obeznadi:
 Grudi htješe da joj puknu,
 Obraz u živ plamen buknu,
 Prestade joj sapa hitra,
 Uho šumi, oko titra...
 Dodje noćca; mjesec lieva
 Svjetlost nebu po okrugu,
 A u tamnom slavuj lugu
 U sjetan si glas popieva.
 Na oči joj san se ne da,
 S dadiljom si rieč zareda:

IV. 14. «Но я не созданъ для блаженства:

Ему чужда душа моя;
 Напрасны ваши совершенства:
 Ихъ вовсе не достоинъ я.
 Повѣрьте (совѣсть въ томъ порукой),
 Супружество намъ будетъ мукой.
 Я сколько ни любилъ бы васъ,
 Привыкнувъ, разлюблю тотчасъ;
 Начнете плакать — ваши слезы
 Не тронуть сердца моего,
 А будутъ лишь бѣсить его.
 Судите жъ вы, какія розы
 Намъ заготовить Гименей
 И, можетъ быть, на много дней!»

Niesam vrstan blažen biti,
 Nemirnu si dušu biedim,
 Sva vam kras me zalud miti,
 Tol' vas vriedne ja ne vriedim.
 Vjerujte mi, sviest mi veli,
 U zô bi se čas uzeli.
 Ljubio b' vas vrieme malo,
 Tada bi mi dodijalo;
 Vaše b' oko zaplakalo,
 A s tih suza ne bi sreće,
 Dost bi ieda bilo veće.
 Sudte, bi l' nam cvieće cvalo
 Na tom putu viek nam cio?
 Predug bi se viek taj vio.

Для сравненія съ русскимъ текстомъ, каждому русскому чита-
 телю легко доступнымъ, приведу еще нѣсколько удачныхъ строкъ:

IV. 19. Kuda šibam neuredce?
 Što da pjesnik smet taj grne?
 Htjedoh reći mimogredce,
 Klevete vam nije crne,
 Koja lažju nij' narasla
 Sa drugova gadna masla.
 Napadaju tebe muče,
 Za tobom da rep se vuče.
 U kolu nam poštenjaka
 Nema krpe, drug što ne bi
 Prišio je drugu tebi
 Nenaumce, sve to slahka...
 Inače te dašto štuje,
 Rado bratom zvat se čuje.

V. 19. Strepi Tanja te se sili
 Pobjeć brže, ne da noga;

Obori se te da cvili,
 Kako b' hćela: nema toga.
 Grunu Evgen tuj na vrata,
 Spazi družba čudnovata,
 Spazi dievu, oči pari,
 Zagrohotat svaki mari.
 Kopita si i zenice
 Kundrav rep i, koji zinu,
 Krvavu si jezičinu
 Rogove si i gubice
 U nju pere, preko broja
 Glas se čuje: moja, moja!

VI. 17. Zamisli se, skunji vrlo,
 S milka Olge sav je šenut,
 Stegnuto mu ne da grlo
 Sinoćnicu ni spomenut;
 Misli: idem spasit dragu,
 Njezinu je ne dam vragu,
 Miljem hvala, uzdisaja
 Da joj srдца vrag opaja —
 Crv joj jada, preziranja
 Struk da lieru toči, suši,
 Savije ga, cviet skrkluši,
 Tek se dostô razcvjetanja.
 To toliko kan da veli,
 Da se skobit s drugom želi.

VII. 1. Sunce grije, bježi zima,
 Snieg se s gora tali, krâvî,
 Mutnim teče potocima,
 Livade nam, njive plavi.
 Radostnime smieškom sreta
 Proljeće si narav sveta;
 Sinje nebo već se blista,

Gorom drvlje veće lista,
 Kroz lišće se zrake kriese,
 A na poljsko pčela cvieće
 Iz truke si marna lieće.
 Nizi suše, šarene se;
 Stada bleje, danak dulji,
 Noćju poju već slavulji.

VII. 23. Rezkog nokta urezaka
 Svaki list joj pokazivo:
 Proukom je takvih znaka
 Bavila se Tanja živo.
 Vidje drkćuć, s koje misli
 Nokti su se u list tisli,
 Zašto sudit ne htie isto,
 Gdje l' uz pisca prilj je pristo.
 Pače njegve olovke se
 Tuj i ondje crtaj nadje,
 Evgenova duša svadje
 Nenaumce odaje se
 Besjedicom, krsta likom,
 Kvakastim li upitnikom.

VII. 51. Na ples još ju vodi sreća,
 Tuj tjeskoba i sparina,
 Žamor glasbe i sjaj svieća,
 Vrtnja, vreva, prah, vručina,
 Bogat nakit gospodjica,
 I šarena mužka lica,
 Zaručnika kolo sjajno,
 Razkošje im srdcu tajno.
 Vrkoče se gizdelini,
 Po bezstidnu običaju
 Očalinom žagrit znaju,
 A konjici vragulini

Dodji, migni, liepu reci,
Srdce rani, pa uteci.

V.

Скажемъ еще нѣсколько словъ отдѣльно о третьемъ, новѣйшемъ переводѣ. Мнѣ приходилось въ предыдущемъ обзорѣ довольно часто ссылаться на переводъ Одавича въ сравненіи съ переводомъ Трнскаго и давать ему предпочтеніе. Было бы однакожъ слишкомъ поспѣшное умозаключеніе, если бы по упомянутымъ примѣрамъ я вздумалъ утверждать, что переводъ Одавича стоитъ безусловно выше труда Трнскаго. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ дѣйствительно переводъ Одавича вышелъ удачнѣе. Такъ напримѣръ онъ сумѣлъ воздержаться отъ лишняго пуризма, отмѣченнаго нами въ предыдущей главѣ относительно перевода Трнскаго. Одавичъ не стѣснялся такими словами иностраннаго происхожденія, какъ: *альбум* (VIII. 26), *алманахъ* (V. 27, VIII. 35), *апетитъ* (VII. 34), *аристократъ* (VIII. 6), *акуратни* (I. 35), *анекдотъ* (I. 6), *аплаудира* (I. 17), *апотека* (VII. 38), *балъ* (I. 27, VIII. 13), *балетъ* (I. 17), *барока* (VII. 49), *боа* (VIII. 30), *бокалъ* (II. 5), *бронза* (I. 24), *ваханткиня* (VIII. 3), *видигъ* (VII. 49), *галантанъ* (I. 4), *граматички* (VIII. 49), *дама* (II. 5), *диванъ* (II. 3), *дипломатъ* (VIII. 6), *докторъ* (VIII. 31), *дуэль* (VI. 9), *дуелиста* (VI. 11), *экономъ* (I. 7), *элегія* (IV. 33), *эпиграмъ* (I. 5, 46, VIII. 16), *-эпиграфъ* (I. 6), *журналъ* (VIII. 35), *закулисни* (I. 17), *интересанъ* (I. 5), *јехтика* (VIII. 31), *кокета* (I. 12, V. 45, VI. 47), *корзетъ* (II. 33), *корпа* (VII. 26), *клика* (VIII. 44), *критизира* (I. 17), *командирчиѣ* (V. 28), *лампа* (VII. 19), *люксусъ* (I. 23), *лоръетъ* (I. 19, 29, VII. 50, VIII. 17), *маневра* (III. 23), *мантиль* (VII. 50), *маскара* (I. 25), *маскарадъ* (VIII. 46), *орманъ* (II. 3), *офицеръ* (VIII. 6), *партеръ* (I. 20, VII. 50), *подагра* (VI. 39), *поезія* (VI. 36), *поета* (V. 39), *пиштоль* (V. 45), *педантъ* (I. 5, VIII. 23), *рамъ* (VIII. 6), *ритамъ* (I. 58, III. 3), *рола* (I. 11), *сала* (II. 2), *секундантъ* (VI. 26), *таленатъ* (I. 5), *трифла* (I. 16), *факля* (IV. 29), *форма*

(I. 60), флаша (I. 24), фагот-флаута (V. 45), форајтер (VII. 32), фрајла (V. 28), пвикер (V. 27), шал (III. 28), шола (V. 39), штала (VII. 43) и мн. др. Я вполне одобряю эту кажущуюся халатность, она отнимает у текста лишнюю торжественность, несвойственную роману по замыслу самого поэта, которая на мой взгляд много повредила переводу Трнскаго. Нельзя однакожь со всѣми выраженіями переводчика согласиться, иногда онъ впадаетъ въ слишкомъ низкій тонъ, употребляя безъ малѣйшей надобности слова вульгарныя, турецкія, замѣняемые уже давно у всѣхъ хорошихъ писателей общеизвѣстными славянскими выраженіями. Я не нахожу подходящими къ характеру романа такія слова, какъ: башкарити се (I. 15, глаголъ мнѣ непонятный), кајшари (I. 51, «кашар» значитъ обманщикъ, въ подлинникѣ же рѣчь о «заимодавцахъ»), комшије (II. 34, вм. соседи, въ русск. сосѣди), комшилукъ (II. 6, сосѣдство), дембел (VIII. 37), дембелан (I. 8, значитъ лѣнивонецъ), беѣар (IV. 50, въ подлинникѣ «враги Гимена»), спахија (II. 6, помѣщикъ). Для «франта» употребляется и у Трнскаго «кицош», и у Одавича, напр. I. 25, II. 30, оттуда и глаголъ «кицошити се» I. 25 (Оѣегин се кичошио), VIII. 10 (у двајестој кичоши се, у Трнскаго «vtagujusi»), но едва ли нужно было идти еще дальше и образовать «кицошлукъ» II. 24 для русскаго выраженія «жеманство», что и не совпадаетъ съ «франтовствомъ», въ VIII. 23 то же слово не вошло въ переводы; въ VII. 46 «жеманный» оставлено безъ перевода, въ V. 5 «жеманный котъ» тоже не переведено у Одавича, а у Трнскаго невѣрно: «šaren mašak». Хорошее слово, но съ отвратительнымъ мадьярскимъ окончаніемъ V. 26 «сплеткарош», лучше у Трнскаго *spletkar*, въ русскомъ подлинникѣ «сплетникъ». Скажу наконецъ, что мнѣ вовсе не нравится слово «цура», постоянно употребляемое Одавичемъ, напр. III. 12, 14, 15, 20, 28, IV. 21, 39, 41, V. 4, 28, 31, 35, 39, VII. 51, 52, VIII. 28, 36, 41. Одавичъ не избѣгалъ даже руссизмовъ, хотя не въ той мѣрѣ, какъ мы видѣли выше у Дмитровича. Такъ напр. онъ оставилъ хероја I. 2, 5, 17, пирогъ IV. 32 (лучше чѣмъ у Трнскаго «tiesto»),

халат VI. 25 (лучше, чѣмъ у Трнскаго «bielo ruho» или «odielo»), порок (III. 12), вред (VII. 42), изъ «играть въ дурачки» сдѣланъ глаголѣ «дурачити» VII. 18; по примѣру русскаго глагола сказано «ал' због тог се сусед дује» (значить «дути се»), въ I. 42 русское «скученъ» переведено сербскимъ «скучен», что не подходитъ; наконецъ я замѣтилъ даже «унылость» IV. 11, гдѣ въ подлинникѣ сказано «видъ унылый» (у Трнскаго: «plašiv gled»); на другомъ мѣстѣ (III. 8) «уныніе» переведено у Одавича «слатке сете», у Трнскаго «sjeta», а IV. 3 переводится «унылый» словомъ «сетан» у Одавича. Въ III. 38 «на душу јој сета пала» соответствуетъ русскому глаголу: «и между тѣмъ душа въ ней *ныла*». Но слова «сета» и «сетан» имѣютъ у Одавича очень широкое употребленіе. Въ I. 4 «сета» значить «грусть» (у Трнскаго «tuga»), въ I. 48 его «сета» соответствуетъ приблизительно существительному «задумчивость»: «Јевђеније препун сете»: «стоялъ задумчиво Евгений», у Трнскаго: «Onjegin upro sjetan», точно такъ IV. 44 «лености се сетној дао»: «вдался въ задумчивую лѣнь», въ подражаніе Трнскому: «Sjeta mah mi ote jaše», и VI. 46 «посред снова душе сетне»: «снова задумчивой души». Въ II. 17 «сета» передаетъ «сожалѣніе»: «са уздахом неке сете»: «съ невольнымъ вздохомъ сожалѣнья». Въ IV. 40 «уз шуштаѣ пуно сете»: «съ печальнымъ шумомъ». Въ VI. 8 сказано у Одавича: «Он Јевђену с пуно сете песниково писмо даде», въ подлинникѣ же стоитъ: «Онѣгину ослабя взоръ вручилъ записку» (и у Трнскаго прибавлено противъ подлинника: «skromno, miše»). Въ VII. 32 у Одавича: «збогом крају тихе сете»: «прости пріютъ уединенный» (у Трнскаго въ подражаніе подлиннику: «vi kuteljci usamljeni»). Въ VI. 3 у Одавича: «Таѣу што је сети склона» — въ подлинникѣ такой прибавки вовсе нѣтъ. Такое же широкое и неопредѣленное употребленіе замѣчается относительно прилагательнаго «сетан»: кромѣ выше упомянутаго «унылый» оно значить въ I. 45: «заволех му сетну машту», въ подражаніе Трнскому: «i što smušen trabunjaše» (въ подлинникѣ нѣтъ прилагательнаго къ слову «мечта»), въ I. 46: «ал' привикох сетном

спору»: «къ его язвительному спору» (точнѣе у Трнскаго: «рес-канѣи ти ивгїедноту»), въ II. 25 опять въ подражаніе Трнскому: «дивъа, тужна, сетна лица»: «stidna, tiha, sjetna lica» (въ подлинникѣ: «дика, печальна, молчалива»), въ III. 4: «што си сетанъ» соотвѣтствуетъ русскимъ словамъ «но скупаешь ты», здѣсь Одавичъ замѣнилъ своимъ словомъ то, что у Трнскаго сказано: «al si *nijan* preko geda», въ VII. 5 у Одавича: «у суседству Таѣе моје, саѣалице сетне моје», опять похоже на переводъ Трнскаго: «miloj mojoj snatrilici, sjetnoj Tanji» (въ подлинникѣ: «Тани молодой, моей мечтательницы милой»), въ VII. 3 у Одавича: «сетна нам се мисо крене», въ подлинникѣ: «сближаемъ думою смущенной» (у Трнскаго: «s tuge duša da ne sići»), тамъ же «сетна машта» соотвѣтствуетъ русскому «поэтический сонъ», у Трнскаго «rjesnički sanak», въ III. 7: «ал' сетне се мисли море» — въ подлинникѣ нѣтъ такого выраженія, точно такъ V. 4: «сетна Таѣа». Но въ III. 12: «унылый романтизмъ» переведенъ у Одавича неудачно: «у пропали романтизамъ», а въ VI. 17: «задумчивый, унылый» у Одавича только однимъ прилагательнымъ: «сав поништенъ», Трнски употребилъ глаголы «zamislise, skupji vtlo»; въ I. 19: «взоръ унылый» въ переводѣ не выраженъ прилагательнымъ ни у Трнскаго, ни у Одавича.

Нельзя Одавича упрекать многочисленностью неологизмовъ, столь навязчивыхъ въ переводѣ Трнскаго, но конечно и у него есть свои стилистическія слабости. Онъ въ противоположность прежнему переводчику, предпочитаетъ разрушить оригинальность русской фразы, чѣмъ попытаться сблизить свой языкъ выразительностью съ подлинникомъ. Оттого его рассказы, правда легче и народнѣе чѣмъ у Трнскаго, но для этого онъ долженъ былъ пожертвовать многими тонкостями русскаго образца. Напр. въ подлинникѣ сказано: «залить горячій жиръ котлетъ» (I. 17), въ переводѣ Одавича: «свак залива јело своје» — просто и удобно. Или «Тамъ Озеровъ невольны дани народныхъ слезъ, рукоплеканій съ молодой Семеновой дѣлилъ», у Одавича: «Ту ј' Озеров негда био, ком је народ хвалу вио, а крај њега Семенова» — это

опять только остовъ подлинника. — Въ I. 20: «въ райкѣ нетерпѣливо плешутъ» — этой наглядной картинкѣ плохое отраженіе въ переводѣ Одавича: «сред жагора и сред граје», лучше во всякомъ случаѣ у Трнскаго, хотя я пуризму его «*nestirno se trietom plješte*» не сочувствую. — Въ I. 22: «еще не перестали топать, сморкаться, кашлять, шикать, хлопать», слова эти относятся конечно къ публикѣ, что внутри въ театрѣ дожидается конца представленія; Одавичъ перенесъ эту картину на улицу или въ подѣздъ, поэтому и перевелъ: «*joш прозебми хукћу, вичу, шмрчу, кашљу, луте с', шичу*»! Значить все это дѣлають «прозябшіе» люди, какъ черезъ нѣсколько стиховъ «прозебми конь»! — Въ I. 36 рисуется жизнь Онѣгина: «Проснется за-полдень и снова до утра жизнь его готова, однообразна и пестра»: у Одавича это въ поблеклыхъ краскахъ гласитъ такъ: «У подне се диже лако, па до зоре опет тако, промене га слабо муче»! Характеристика дамъ высшаго общества (I. 42) переводчику совсѣмъ не удалась; русскій поэтъ говоритъ съ тонкой ироніею: «Къ тому-жъ онѣ такъ непорочны, такъ величавы, такъ умны, такъ благочестія полны, такъ остроумны, такъ точны, такъ неприступны для мужчинъ», переводчикъ же не сумѣлъ выдержать роли: «Крај нежности што је туна још је мила, још је драга, па побожна, добра, блага; душа јој је пажње пуна, ал' од нас се крије, клони». Въ этомъ переводѣ всѣ лестные упреки исчезли! — Въ I. 49 русскій поэтъ мечтаетъ о прогулкахъ съ венеціанкой въ гондолѣ, переводчикъ же сдѣлалъ изъ мечты о будущемъ (какъ мы знаемъ, никогда не сбывшейся) воспоминаніе прошлаго: «С венеѣанком што те згори, што час ћути а час збори, *ја се возжах* у гондоли, а њене ми усне жарке *више* песме из Петrarke»!! — Въ I. 57 въ подлинникѣ просто и отчетливо сказано: «всѣ поэты любви мечтательной друзья», переводчикъ поубавилъ такъ много, что вышелъ переводъ незначительный: «Љубави се песме дају» — и только! — IV. 17 въ подлинникѣ говорится, послѣ рокового разговора Татьяна съ Онѣгинымъ: «Татьяна молча оперлась, головкой томною склонясь, пошла домой вкругъ огорода»: пере-

водчикъ пропустилъ первыя слова, собственно не пропустилъ ихъ, а не понялъ, полагая, что «оперлась» значить воспротивиться, какъ въ сербскомъ языкѣ, поэтому въ его текстѣ сказано: «Не учини исто Таѡа, већ грудима главу склаѡа, крај ограде двору оде...» Выходить совсѣмъ другая картина, чѣмъ по словамъ подлинника. — Въ IV. 42 поэтъ, подсмѣиваясь риѡмъ розы, прибавленной къ морозы, замѣчаетъ: «на вотъ, возьми ее скорѣй», переводчикъ тоже состряпалъ для «ружа» риѡму «пружа», но его замѣтка говорить: «ал' не може ма да ј' воѡа!» Какъ можно сказать «не може», когда риѡма на лицо?! — Въ IV 45 русскій текстъ ничего не рассказываетъ о дѣйстви шампанскаго на фантазію Ленскаго какъ поэта, но уже Трнски въ своемъ переводѣ вставилъ стихъ: «ne bi l' bile mah mu lieta» (т. е. для поддержки его «полета»), а подражая Трнскому написалъ также Одавичъ, только попроще: «Крај ѡих му се маша диже!» — V. 15 въ подлинникѣ медвѣдь (во снѣ Татьяны) принесъ ее, зная хорошо куда: «здѣсь мой кумъ: погрѣйся у него немножко», переводчикъ передѣлалъ это въ вопросъ, поднимаемый медвѣдемъ: «камо кума? да се само згрејем мало!» — Въ VII. 33 рѣчь идетъ о просвѣщеніи, но переводчикъ не понялъ фразы «когда — отодвинемъ болѣе границъ», а то не вышелъ бы переводъ его довольно странный: «kad prosveti... gpanisa pam ne zasmeta!» — Въ VIII. 8 переводчикъ не понялъ русской фразы «или просто будетъ добрый малый», переводя буквально: «ил' је добар дечко мали», лучше Трнски, хотя очень искусственно: «il dobricom da ga slove».

Итакъ на мой взглядъ переводъ Одавича нисколько не лучше труда его предшественника, Трнскаго, онъ уступаетъ ему прежде всего въ вѣрности разсказа, въ соблюденіи всѣхъ тонкостей подлинника. Въ переводѣ Одавича достигнута, правда, нѣкоторая легкость рѣчи, но это могло состояться только въ ущербъ точности по отношенію къ русскому тексту. Переводчикъ рѣшился отбросить множество очень характерныхъ и почти всегда прелестныхъ подробностей, которыми русскій поэтъ сумѣлъ оживлять свой разсказъ, изображая картины полныя жизни. У пере-

водчика выходить все это тусклымъ, безцвѣтнымъ. Но рядомъ съ упрощеніемъ содержанія замѣчается также бѣдность техники стихотворческой. Оба переводчика ведутъ рассказъ романа въ осмисложныхъ стихахъ, въ трохейскихъ стопахъ. Что можетъ быть проще этого стиха? Трнски постарался придать ему нѣкоторое разнообразіе богатствомъ риемъ. У Одавича и этого нѣтъ. Если уже Пушкинъ жаловался на незначительность наглагольныхъ риемъ, то по отношенію къ однообразію риемическаго искусства Одавичъ стоитъ значительно ниже Трнскаго. У Трнскаго все-таки гораздо больше разнообразныхъ риемъ, чѣмъ у Одавича, не говоря уже о томъ, что Одавичъ многія риемы заимствовалъ у Трнскаго, о чемъ рѣчь впереди. Чтобы наглядно представить риемическое однообразіе въ переводѣ Одавича, приведемъ примѣры глагола «вити» — «вијати» и «свити» — «свијати», играющаго въ переводѣ его чуть ли не первенствующую роль какъ средство для сочиненія риемы: наде које *вијем* (кријем) II. 39; олим хвале *вије* (пије) I. 34, о том јој хвалу *вије* (пије) IV. 31, да ми срце песме *вије* (пије) III. 5, преде цура песме *вије* (бије) IV. 45, други лажну љубав *вије* (није) IV. 22, ал му мис'о мис'о *вије* (бије) VI. 20, мазурка се лака *вије* (мучно ти је) I. 28, где се рог и песма *вије* (бије) I. 48, тако глас се *вије* (није) II. 5, јаук ми се тужни *вије* (није) I. 19, платну на ком с' везе, *вије* (није) II. 26, па сегиба па се *вије* (није) I. 20, нит се око својих *вије* (није) II. 25, ветрењача туј се *вије* (бије) V. 17, за паром пар се *вије* (свије) V. 41, а на ком се натпис *вије* (крије) VII. 6, у свем писму што га *вије* (крије) III. 21, жеља што се с душе *вије* (сањарије) VIII. 11; блистају се, трепте, *вију* (лију) VI. 24, у поток се шумни *вију* (лију) VI. 40, и валове како с' *вију* (свију) I. 33; од сад више песме *вити* (бити) III. 13, пушком гађат', мачем *вити* (бити) I. 37, нит му народ хвалу *вити* (бити) VI. 37; којој Назон песме ј' *вио* (соотвѣтствующая риема пропущена!) I. 8, твоје песме што си *вио* (мио) I. 58, горској вили песме *вио* (чио) I. 57, ком је народ хвалу *вио* (био) I. 18, похвале му свет је *вио* (био) VI. 5, по хладу се с њоме *вио* (био)

II. 21, а рој му се мисли *вио* (био) IV. 11, њен се уздах другом *вио* (био) II. 30, над њоме се .Беѡ *вио* (ти'о) V. 10, он се крај ње клиз'о, *вио* (ти'о) V. 44, рани ветрић... да је *вио* (это собствено глаголъ вѣять, но для рѣчмы это безъ различія: био) VII. 7, већ облаке север *вио* (отъ глагола вијати = преслѣдовать: ти'о) VII. 29, нос и плећа ј' у вис *вио* (био) VIII. 15; за чашом је песме *вила* (заносила) VIII. 3, у албуме речи ј' *вила* (говорила) II. 33, што с' лепојци каквој *вила* (свила) I. 37, ту се машта јаче *вила* (мила) I. 55, пена, што с' на њему *вила* (задобила) IV. 45; којима сте песме *мили* (мили) III. 27, и всяце им већ су *мили* (мили) II. 21, којој су се звуци *мили* (мили) I. 57; речи што се туна *виле* (силе) III. 41. Не лишнимъ считаю нарочно упомянуть, что у Тринскаго ни въ одномъ изъ приведенныхъ примѣровъ нѣтъ рѣчмы отъ глагола *вити*.

Еще чаще употребляется переводчикомъ въ рѣчмѣ сложный глаголъ «свити — свијати». Приведемъ и здѣсь почти всѣ примѣры: а да ли га срећа *свија* (добија) I. 36, и на воду кад се *свија* (сија) I. 47, месец светлост на свет *свија* (извија) III. 16, чекам буру да се *свије* (скрије) I. 50, ко не може с њом да *свије* (скрије) I. 58, над подглавник мој се *свије* (није) III. 31 п. Т., кад се поноћ *свије* (Јевђеније) III. 45, кад се ноћца *свије* (није) II. 22, као вихор кад се *свије* (вије) V. 41, неког опет миѣ *свије* (бије) IV. 36, у веке се... друшто *свије* (комшије) II. 34, ал' кад младо срце *свије* (лије) VIII. 29; да с' пред њене ноге *свију* (вију) I. 33; у балове ја сам *свио* (походно) I. 30, кад бих с врста перо *свио* (ти'о) I. 59, а кад вихар што ме *свио* (лио) I. 59, ког би сладак тренут *свио* (био) II. 1, ал' тај што јој срце *свио* (био) III. 10, бол што му је душу *свио* (био) III. 31 п. Т., па у јаду што ме *свио* (ти'о) IV. 35, светила му чар је *свио* (ти'о) V. 9, које од свуд снег је *свио* (снио) V. 11, коњ снег њушка што га *свио* (чио) V. 2, брег и поље снег је *свио* (поравнио) V. 13, селу где га занос *свио* (био) VI. 40, и у том га санак *свио* (ти'о) VI. 23, сред свег кала што нас *свио* (мио) VI. 47, ал' зао се удес *свио* (био) I. 51, а на

душу глас се *сѣмо* (бѣо) III. 31 п. Т., на чело му мир се *сѣмо* (тѣ'о) VI. 32, ах' свачѣј се поглед *сѣмо* (бѣо) V. 32; ту је Дидла слава *сѣмла* (мѣла) I. 18, досада га младог *сѣмла* (вѣла) I. 37, оде тама што ме *сѣмла* (мѣла) I. 59, хладна речца што га *сѣмла* (мѣла) II. 15, слатка мис'о њу је *сѣмла* (заљубила) III. 7, на груди је главу *сѣмла* (удавила) III. 33, збор љубави што их *сѣмла* (мѣла) III. 14, и унијост што је *сѣмла* (мѣла) IV. 11, да л' је кога срећна *сѣмла* (мѣла) IV. 34, (љубав) сад првином срце *сѣмла* (мѣла) III. 24, тој љубави што је *сѣмла* (мѣла) III. 25, више мене нежно *сѣмла* (мѣла) III. 31 п. Т., несвестица тад' је *сѣмла* (прозборила) V. 30, у лепоти што је *сѣмла* (мѣла) VI. 20, што му говор мржња *сѣмла* (мѣла) VI. 34, кад га оно чама *сѣмла* (долазила) VIII. 34; са мртвила што га *сѣмло* (мѣло) IV. 43; кајшари се многи *сѣмили* (залужили) I. 51; обмане јој срце *сѣмле* (мѣле) II. 29, и заблудѣ што га *сѣмле* (сѣле) IV. 9, када би вас муке *сѣмле* (мѣле) IV. 21; слатке сете сад је *сѣмше* (више) III. 8, пламени јој груди *сѣмше* (више) III. 40, друзи што вас *сѣмше* (више) IV. 19, Владимира јаче *сѣмше* (више) IV. 23. Ничего подобнаго у Трнскога нѣтъ, у него глаголѣ «*вити*» понадається вообщѣ очень рѣдко (I. 4: *klanjajuc se liero vije*, IV. 14: *predug bi se viek taj vido*, нѣскольکو разѣ съ предлогами: *dovi, navi, rgovi*). Одавичѣ, напротивѣ, влюбился въ этотѣ глаголѣ настолько, что онѣ употребляетѣ его, хотя изрѣдка, даже не въ рѣмѣ: «а ѣене ми усне жарке *више* песме из Петrarke» I. 49, кад су мѣсли, дела своја скупа *вили* VI. 28, пред ѣом му се *сѣија* глава II. 7, што на очи *сѣија* снове III. 9, да ме *сѣије* мѣс'о стара III. 31 п. Т., те га мѣс'о *сѣије* лако III. 25, тамом *сѣију* пола света II. 28, ноћи што се *сѣију* лако V. 4, сплетке што их *сѣише* лако III. 7, што ме *сѣмле*, што се свете III. 31 п. Т.

Не только въ одномѣ этомѣ повтореніи высказывается бѣдность поэтической рѣчи Одавича, она выходитѣ наружу еще въ другихѣ примѣрахѣ. Мало употребительный глаголѣ *govjeti* (говѣтъ, но въ особенномѣ значеніи) играетѣ у Одавича роль служебную для рѣемы: на да души више *юве* (Торкватове) I. 48,

зевану му равно *юве* (нове) II. 2, њојзи игра та не *юве* (зове) II. 27, то јој *юве* (зове) II. 33, те им радост души *юве* (Духове) II. 35, он ми *юве* (снове) III. 8, што нам *юве* (снове) III. 9, што му *юве* (снове) IV. 34, сјајем да вам *юве* (зове) VII. 4, а старицам тек што *юве* (лове) VIII. 15, колко срцу да *ујове* (изазове) I. 17. — Такују же роль играеть глаголъ *слетати*: и девојче што не *слета* (лета) IV. 8, мис'о што га сиљно *слета* (лета) IV. 27, а што лудост Ленског *слета* (лета) VI. 10, и пред гробом с њега *слета* (прелета) VI. 41, да с громке му лире *слета* (света) VI. 37, да ми душу студ не *слета* (света) VI. 46, и' га можда љубав *слета* (смета) VIII. 21. Разъ *слеће* (неће) III. 24, и *слеће* (цвеће) IV. 14.

Одно изъ самыхъ обыкновенныхъ средствъ для осуществленія рѣимы, представляютъ очень часто такія пошлыя чередованія, какъ *тада*. — *сада*, *када* — *тада*, *када* — *сада*; напр. въ VII. 18 повторяется даже два раза *тада* — *сада*, хотя ни у Пушкина, ни у Трнскаго этой ничтожной рѣимы въ строфѣ нѣтъ. Другое не менѣ блѣдное слово, служащее подспорьемъ для рѣимы, это род. падежъ ед. или множ. числа слова *јада*. Форма *јада* чередуется по большей части въ рѣимѣ съ «*сада*», «*тада*». О вѣрномъ соотвѣтствіи русскому тексту нельзя и говорить, потому что переводчикъ черезчуръ охотно прибѣгалъ къ этому слову для достиженія своей цѣли, т. е. рѣимы, не обращая ни малѣйшаго вниманія на русскій подлинникъ или на требованіе его значенія. Вотъ въ доказательство примѣры, въ скобкахъ же кромѣ рѣимы прибавлены мною также слова русскаго подлинника, отраженіемъ котораго будто бы является неизбѣжное *јада*: мука пуна *јада* I. 8 (рѣима: *млада*, въ подлинникѣ — отрада!), душу пуну *јада* II. 20 (*сада*: безумная душа), с пуно *јада* III. 31 (*сада*: съ тайною тоскою), то же VI. 28 (*сада*: злобно), то же VIII. 40 (*изненада*: съ такой силой), то же VIII. 42 (*сада*: смиренно), препун *јада* VI. 12 (*тада*: враждой нетерпѣливой), пуна *јада* V. 6 (*нада*: предчувствій горестныхъ полна), бремя *јада* I. 45 (*тада*: условій свѣта бремя), нећу муке нити *јада* III. 13 (*сада*:

муки тайныя злодѣйства), творче пира, тешка *јада* III. 30 (*сада*: пѣвецъ пировъ и грусти тайной), песник *јада* VI. 40 (*сада*: поэтъ задумчивый мечтатель), с тешка *јада* VI. 13 (*тада*: смутить), са искрена тешка *јада* VI. 35 (*сада*: въ тоскѣ сердечныхъ угрызений), плачуѣ горко с тешка *јада* VII. 12 (*тада*: слезами горько обливаясь), тешка *јада* VIII. 41 (*сада*: нѣмыхъ ея страданій), ето *јада* IV. 43 (*нада*: того и жди), желуцу ми створи *јада* IV. 46 (*сада*: но измѣняетъ онъ желудку моему), она се боји *јада* V. 24 (*сада*: въ подлинникѣ нѣтъ подходящаго выраженія), напуни се срце *јада* VI. 19 (*тада*: полное тоской), да л' у срцу неста *јада* VI. 42 (*сада*: сердце долго ли страдало), неста туге, неста *јада* VII. 11 (*сада*: не смущается ничѣмъ), неста *јада* VII. 10 (*мада*: изнывая), крај свег *јада* I. 51 (*тада*: въ подлинникѣ нѣтъ подходящаго выраженія), без *јада* VII. 5 (*сада*: неугомонный), сред *јада* VI. 45 (*сада*: за грусть), тужан с *јада* VII. 36 (*нада*: въ горестной разлукѣ), са бола — *јада* VII. 43 (*сада*: больной и ласки и веселье), оставих друштво с *јада* VIII. 4 (*тада*: нѣтъ подходящаго выраженія), и од овог *јада* VII. 42 (*сада*: не только грусть), скрхат *јада* VI. 18 (*сада*: ничего подходящаго нѣтъ), пре тих *јада* VI. 32 (*нада*: ничего подходящаго нѣтъ), дан *јада* VI. 21 (*нада*: день заботъ), свака *јада* VIII. 45 (*сада*: колкость вашей брани) не осетих толко *јада* I. 33 (*никада*: среди пылкихъ дней кипящей младости), благо суза, среѣе, *јада* VII. 47 (*тада*: заветный кладъ и слезъ и счастья), прошлих мисли, срца, *јада* VIII. 41 (*сада*: съ мечтами, сердцемъ прежнихъ дней). Приводимыя въ скобкахъ соотвѣтствующія слова русскаго текста показываютъ, какое разнообразіе подлинника сведено въ переводѣ подъ одно ничтожное выраженіе слова *јад*! Ничѣмъ можетъ быть не засвидѣтельствовано лучше преимущество перевода Тринскаго, какъ тѣмъ многозначительнымъ фактомъ, что въ его трудѣ этого лоскутка для образованія рѣимы на слова «тада», «сада» — вовсе нѣтъ. У Одавича попадаются такіа для поэтическаго языка очень пошлыя словечки, какъ «тада», «сада» въ концѣ стиха, значить для рѣимы, очень часто; я насчиталъ

въ текстѣ этого перевода слишкомъ 150 разъ оба эти слова виѣстѣ, тогда какъ у Трнскаго я отыскалъ 7 примѣровъ для «сада», 1 примѣръ для «тада»! При такой бѣдности переводчика относительно риемического творчества не удивительно, если онъ прибѣгаетъ къ риемамъ въ родѣ *доѣе* — *поѣе* (I. 15, 59, II. 6, 13, 34, IV. 23, 27, 44, V. 44, VII. 3, 4, VIII. 3, 29, 50), *поѣе* — *доѣе* (I. 34, IV. 37, V. 34, VII. 21, VIII. 31), *поѣе* — *проѣе* (I. 21, V. 6, 41, VI. 42, VII. 14), *проѣе* — *поѣе* (I. 25, III. 35, VIII. 6), *доѣе* — *проѣе* (VI. 7, VIII. 23), *проѣе* — *доѣе* (III. 3, VI. 11, 23, VII. 26), *поѣем* — *проѣем* (VII. 16), *доѣу* — *проѣу* (IV. 10, VII. 7), *поѣу* — *проѣу* (VII. 44), *поѣи* — *доѣи* (I. 51, IV. 49, VII. 27), *доѣи* — *поѣи* (III. 28, IV. 50, VIII. 28), *изаѣе* — *наѣе* (V. 45, VII. 23), *заѣе* — *наѣе* (III. 10, VI. 32), *заѣи* — *наѣи* (III. 25), *саѣи* — *наѣи* (I. 19), *прошо* — *дошо* (IV. 35), *дошо* — *пошо* (II. 37); сл. еще *доче* — *поче* (V. 29), *пон'о* — *дон'о* (V. 27). Въ строфѣ VII. 17 попадаютъ риемы *доѣе* — *поѣе*, *проѣе* — *поѣе*; въ VII. 43: *одра мека* — *чека* два раза, въ VI. 45: *тада* — *јада*, *сада* — *сада*, въ VII. 51: *мере* — *мере*, въ VIII. 9: *знамо* — *знамо*, въ III. 25: *юни* — *юни*, и т. д. Все это — доказательства слабой догадливости и плохой находчивости переводчика. Благодаря этимъ качествамъ его встрѣчаются различныя повторенія риемъ, въ родѣ *јури* — *жури* (I. 35, II. 38, V. 2, 35), *јуре* — *журе* (I. 22), — (эта риема и у Трнскаго, напр. VIII. 22 *juri* — *žuri*), — *чиста* — *блиста* (I. 10, 27, III. 11, VII. 52), *чиста* — *заблиста* (V. 6), *блиста* — *чиста* (IV. 29, VI. 31, VII. 1), *грудѣ* — *лудѣ* (I. 44, 45, II. 7, IV. 18, VI. 42), *лудѣ* — *грудѣ* (IV. 19), *дичѣ* — *личѣ* (I. 34, II. 24, VIII. 27), *личѣ* — *дичѣ* (I. 2), *ствара* — *чара* или *чара* — *ствара* (I. 32, 36, 46, 47, II. 22, III. 9 два раза, 10, 11, IV. 9), *сјајна* — *тајна* (II. 37), *сјајне* — *тајне* (V. 18), *сјајни* — *тајни* (IV. 30), *сјајно* — *тајно* (II. 28), *сјајну* — *тајну* (III. 33), *ситно* — *хитно* (I. 16, V. 4), *хити* — *кити* (III. 4, IV. 36), *хите* — *ките* (III. 4, VII. 32, VIII. 6), *зборѣ* — *мори* (I. 42, III. 34, 40, IV. 49, V. 33), *мори* — *зборѣ* (III. 8, 16, IV. 22), *зборѣ* —

јори (V. 5, VII. 14, 28), *јори* — *јори* (III. 32, V. 30), *јори* — *јори* (VI. 3), *бола* — *вола* (IV. 21), *воле* — *боле* (IV. 26, VIII. 9), *боли* — *воли* (III. 19, IV. 7), *преста* — *неста* (VI. 32, 37, 44), *неста* — *преста* (IV. 23) и т. д.

Не только въ приемахъ замѣтно слишкомъ частое повтореніе, происходящее отъ того, что у Одавича число словъ входящихъ въ приемы довольно ограниченное, но и помимо этого условія нѣкоторыя слова у переводчика попадаютъ безъ достаточной причины очень часто. О *ядъ* въ значеніи грусти, горя и т. д. была уже рѣчь. Приведемъ еще *занос* и прилагательное *заносни*. Слово употребляется очень различно, какъ это видно будетъ изъ прилагаемаго соотвѣтствующаго выраженія русскаго: да л' ѣе *занос* на ме саѣи I. 19 (въ русскомъ: полетѣ), ножице имъ — *занос* бајни I. 30 (въ русскомъ нѣтъ подходящаго выраженія), она ствара у награду *занос* чара I. 32 (неопѣвленную награду), а *занос* намъ посве смета II. 18 (иль порывы), да она му *занос* ствара II. 22 (восторговъ, у Трнскаго глаголомъ: запесе га), у грудма ми *занос* створи III. 29 (лишняя прибавка, въ подлинникѣ только «сердечный трепетъ»: те затрепѣе душа моја), па тек душа... *занос* буди IV. 48 (въ русскомъ текстѣ ничего подходящаго нѣтъ, у Трнскаго: tihe ti je, mile ćudi), Оѣегина *занос* мину V. 20 (Онѣгинъ руку замахнулъ!), нада, мржѣа, *занос*, љубав мила VI. 32 (вдохновеніе, вражда, надежда и любовь), где се блажен *занос* скрива VI. 36 (благородное стремленіе), бујни би се *занос* скрио VI. 39 (юношества лѣта), селу где га *занос* свно VI. 40 (питомецъ вдохновенія), скривајући *занос* тада VII. 20 (скрывъ свое волненіе, Трнски: ne ođav svoga ćuta), плод *заноса* песникава V. 22 (сладкихъ вымысловъ поэта), сред *заноса* и сред вада II. 15 (юный жаръ и юный бредъ), у *заносу* срца свога IV. 31 (въ порывахъ сердца своего), у *заносу* неизмерномъ IV. 35 (нѣтъ соотвѣтствующаго выраженія), *заносу* ми душа смета VI. 43 (тревожатъ сонъ моей души). — Въ такомъ же широкому значеніи встрѣчаемъ прилагательное: *заносни* га говор краси II. 6 (восторженную рѣчь), у *заносне* руске гласе III. 30

(на волшебные напѣвы), при *заносној* месечини III. 20 (при вдохновительной лунѣ), *заносне* му крепи груди IV. 50 (его восторговъ ожидали), ни *заносни* земље краси II. 20 (ни чужеземныя красоты!), кад *заносно* о чем збори II. 15 (поэта пылкій разговоръ), *заносна* је, узвишена VII. 52 (нѣтъ подходящаго выраженія въ подлинникѣ). — Любимымъ словомъ переводчика надо считать также *миље*, въ значеніи «прелестъ»: местанце је пуно *миља* II. 1 (прелестный уголокъ), узоръ *миља*, узор части II. 23 (нѣтъ подходящаго выраженія въ подлинникѣ), у којој се *миље* скриво III. 25 (невинной прелести полна), њих загреје *миље* лако II. 35 (они роняли слезки три!), да им дадеш *миља* своја III. 30 (нѣтъ ничего подходящаго въ подлинникѣ), неког опет *миље* свије IV. 36 (кто въ чувствахъ нѣжится печальныхъ), па му *миља* никад не да IV. 51, пуна *миља* земља VII. 1 (улыбкой ясною), пун се *миља* живо вио VII. 19 (взоромъ умиленнымъ), вашим *миљем* срце блажит VIII, писмо Онѣгина (въ подлинникѣ нѣтъ подходящаго слова). См. у Трнскаго: «*proljetna nam dobo milja*» VII. 2 (весна весна пора любви), «*spa mi milje*» VIII. 21 (мечтой прелестной). — Нѣсколько разъ повторяется фраза *с пуно мара*: он се гизда с пуно мара I. 25 (соотвѣтствуетъ русскому стиху «въ своей одеждѣ былъ педантъ»), гладѣи косу с пуно мара I. 28 (въ русскомъ только: «расправилъ волоса рукой»), држе с пуно руска мара II. 35 (въ подлинникѣ подробности, которыхъ въ переводѣ нѣтъ), сл. также «у њег неса за њу мара» IV. 10 (въ подлинникѣ не такъ). Это слово часто попадаетъ въ стихахъ Трнскаго, сл. VI. 39: *Liepe duše mar ohladnje*.

VI.

На вопросъ, воспользовался ли Одавичъ переводомъ Трнскаго, можно отвѣтить утвердительно. Онъ заимствовалъ изъ перевода своего предшественника иногда цѣлые стихи, иногда только отдѣльныя фразы. Приведемъ примѣры:

I. 4.

Evgeniju dodje hora
Hora nade, tuge nježne

Јевђенију дође хора
Хора надѣ, туге, сетe.

I. 6.

Kronološki red i broje
Povjesnici zemlje svoje

Хронолошке луде броје
Историје земље своје.

I. 10.

Jednu ljubi, jednu slavi,
Uz nju sebe zaboravi

Једну воли, једну слави
Па и себе заборави.

I. 19.

Opet li ću čut vam sbore,
Vidjet ruske Terpsihore

Да л' ћу чути ваше хоре,
Видет' руске Терпсихоре.

I. 24.

Branich prava i slobode
Tuj stranputce malo ode

Бранич правде и слободе
Овде с права пута оде.

I. 29.

Pero eto samo piše
A ja grešnik niesam više

То ми само перо пише
Стари грешник нисам више.

I. 44.

Izradjeno bez sve brige

А рађено баш без бриге.

I. 53.

Drži zemlje, šume, vode

Држи земље, воде, шуме.

II. 21.

Kad za ljubav ni zno nije
Zarobi ga Olga krasna

Док за љубав није знао,
Олга га је заробила.

II. 26.

Prstići joj nježni bieli Прстићи јој нежни, мали.

II. 32.

Kojim drugda lieka nema Којим друга лека нема
Na sluge se vazda ljuti На млађе се своје љути.

III. 7.

Tako zrno brzo klija Плодно зрно брзо клија
Proljetno li sunce sija Кад пролетње сунце сја.

III. 22.

Možda i vi pokraj Neve И ви тамо покрај Неве
Baš za takve znate neve Знате можда такве деве.

III. 29.

Kajati se ne znam više Кајати се не знам више
Galicizmi omiliše Галицизми омилише.

III. 31 п. Т.

Ja bih našla druga smjerna, Супруга бих нашла смерна,
Bila bi mu žena vjerna Жена бих му била верна.

IV. 9.

Tako strati osam ljeta Тако страћи осам лета
Mladosti si divna cvieta Свог живота дивна цвета.

IV. 12.

Izpovied li saslušate, Кад исповест саслушате,
Sudite mi kako znate Пресудите како знате.

IV. 28.

Tko te dušo ljubi više, Ко те душо воли више,
Nek si ime niže piše Нек од мене даље пише.

IV. 40.

Po polju se magla hvata	Већ се земље магла хвата
A gusaka divljih jata	А гусака дуга јата.

V. 17.

Tobot konjski, ljudska vika	Људска вика, коњски топот

VI. 39.

Ijo, pio, debljo, spado	Дебљо, спадо, јео, пио.

VII. 19.

Vugonova divna slika	Бајронова дивна слика.

VII. 24.

Tumač li je tudjih ćudi	Или тумач туђих људи (?ћуди?).

Здѣсь пропущены всѣ тѣ стихи, гдѣ русскій текстъ могъ внушить тому и другому переводчику тѣ же слова, такъ что они могли независимо другъ отъ друга сдѣлать одинъ и тотъ же переводъ, тожество словъ могло бы быть тутъ дѣломъ случайнымъ, стало быть не доказывало бы ничего. Гораздо больше такихъ мѣстъ, гдѣ отдѣльныя выраженія, въ особенности же рѣчмы несомнѣнно заимствованы изъ перевода Трнскаго или же гдѣ переводъ Трнскаго указалъ Одавичу путь и направленіе. Для большей убѣдительности я прибавлю въ скобкахъ русскій текстъ, чтобы видно было разстояніе его отъ словъ перевода.

I. 3: *ćud* uljudit zabogavi: ал' предвиде (должно быть: предвиде) деѣје *ћуди* (не докучалъ моралью строгой).

I. 10: *Snebiti se mrgodjeti*: замишљо се *мргодио* (казаться мрачнымъ, изнывать).

I. 11: *Nju zaludit* на замоѣ: *замудити* пуру лако (давать уроки въ тишинѣ).

I. 15: *U tri kuće pozivlju ga*: у три дома *позивљу* га (три дома на вечеръ зовутъ).

I. 16: Odsanjka se... *hitno*... *nasta vika*, *zaljeska se inje sitno* s dabrova mu zavratnika: У саоне седа *хитно*... чује с' *вика*, и сја се *иње ситно* са дабровог овратника (...въ санки садится, раздался крикъ, морозной пылью серебрится его бобровый воротникъ).

I. 20: *Sjajna lahka: sjajna laha* (блистательна полувоздушна).

I. 21: *druge čerpat stane*: а све *чена* (идеть... по ногамъ).

I. 30: *Premnogo li vieka svoga zabavami raznim provih*: Свог живота многе дане у балове ја сам *свои* (увы на разныя забавы я много жизни погубилъ).

I. 32: *Pod stolnjakom kad se skuta*, *kada ljeti travom luta*: кад провири испод *скута* и по трави када *лута* (подъ длинной скатертью столовъ, весной на муравѣ луговъ).

I. 35: А Онѣгин? *San ga svlada*: А Онегин? *сан га свлада* (Что жъ мой Онегинъ? Полусонный).

I. 45: *Utom bio hladan drznik*, *ja bih slobnik*, а он *mrznik*: Оштри разум ал и *дрзак*, ја бех *злобан* а он *мрзак* (И рѣзкій охлажденный умъ, я былъ озлобленъ, онъ угрюмъ). — *S nesreće nam, sa zla svieta*, *kad bijasmo mladih ljeta*: Од Фортуне и од *света* на уранку наших *лета* (Слѣпой Фортуны и людей на самомъ утрѣ нашихъ дней).

I. 47: *Kasno — jasno*: *касно — ясно*.

I. 49: *žarke — Petrarke*: *жарке — Петрарке*.

I. 50: *slobode — sgode*: *слободе — зюде*.

I. 51: *parbe* пеѣе: *процес* неѣе, *оѣвини* — *очевину*, *biede veče* — *беде веѣе*.

I. 53: *ljubitelji svih opiola*: што веѣ гину за *опела*.

I. 54: а *dan treći lug i polje* не биѣ му виѣ s *volje*: али тре-
ћег — за брег, *поље* ниѣ виѣ имо *воље* (на третій, роѣца, холмъ и поле его не занимали боге).

II. 1: По njoj *pase stado bielo*, *strag bjeluca s' epo selo* а *debele nudi hlade*: и виде се куѣе *села* по пољима *стада бела*, гај што *густа хлада нуди* (мелькали села здѣсь и тамъ, стада бродили по лугамъ и сѣни расширялъ густыя).

II. 6: *Dodje mašte razdražene*: и *раздражај маште* живе (вольнoлюбивыя мечты).

II. 7: *Sladkim sankom*: *слатким сновма* (мечтою сладкой).

II. 14: *štuje — čuje*: *штује — чује* (отличалъ — уважалъ).

II. 15: *Smješkajući se Lenskog sluša* — *mlad li umom u vis kuša*: а *осмехом* Ленскаго *слуша* — а ум што тек снагу *куша* (Онъ слушалъ Ленскаго съ улыбкой — и умъ еще въ сужденьяхъ зыбкій).

II. 19: *burno hiti*: *лако хити* (она готова разболтать).

II. 22: *Sbogom igre! On vas pusti te sad voli lug taj gusti i zatoči i tišini*: Збогом игро, савне *пусти*, сад шумарак воли *пусти*, па *тишину* и *самоћу* (простите игры золотыя! онъ роуди полюбилъ густыя, уединенье, тишину).

II. 24: *Što se tako zovu bake služavke* пам *svakoјake*: код *служавки* и код *бака* (воспоминанье старины ихъ дѣвичьей).

II. 25: *sjetna lica — plašljivica*: *сетна лица* — *плашливица* (молчалива — боязлива).

II. 31: *Naviki* пам *bog sam daje*, нека *sreći izmjena* је: *Навику* пам *небо daje*, срећи она *замена* је (Привычка свыше намъ дана, замѣна счастію она).

II. 37: Он *mi Olgu namjenjivo — živo*: Олгу ми је *намыниво — живо* (Онъ Ольгу прочилъ за меня. . .).

II. 40: *Još obnavljat starčev vjeнас*: *старчев* лавор *обновити* (потреплеть лавры старика).

III. 1: *to su dobri, prosti ljudi*: то су, је ли, *добри људи* (простая русская семья).

III. 4: *Pustare mi te je dosta — žena проста*: та глупости већ је *доста* — *жена проста* (какія глупыя мѣста — Ларина проста); *piće — nahudit će*: *пиће* — *нахудиће* (вода — вреда).

III. 6: *sve bi pričekle drugi digli — niesu stigli*: озбиљно се *други дигли* — нису *стили* (иные даже утверждали — не дошли).

III. 7: *živo želi kog ti drago*: те *зажели* *kog* *му драго* (душа ждала кого небудь).

III. 8: *čedu milom — divnom silom*: чеду милом — моѣном
силом (дѣвѣ милоѣ).

III. 18: *Man' se Tanjo: mani Таѣа (и полно).* — *Smakla bi me z toga svieta*: с овог света — смакла (согнала со свѣта).

III. 19: не *obolih* — неком *voli*: Не боли — срце воли
(болѣна — влюблена); *prsti — krsti*: крсти — прсти.

III. 25: *namiglica — ljubi sbilja*: намигуша — сбилски воли
(кокетка — любить не шутя).

III. 27: *nakaza vam prava to je*: док с' наказом најзад створи
(его такъ мило искажали).

III. 31 п. Т.: не *privi se duša toja*: не би хтела душа моја
(не отдала бы сердца я). — *U zni mi se veće javi*: и у сну ми ти
се *javi* (ты въ сновидѣньяхъ мнѣ являлся), — *ti mi svani*: мени
свану (я вмигъ узнала), — *ti me krivi još ukori*: јаох мени, ти
укори (укоромъ).

III. 36: *prođe drugi, nema nema, vas dan dugi*: наста друи,
јоште нема, вас дан дуи (нѣтъ отвѣта, нѣтъ какъ нѣтъ, съ утра
одѣта), — *ljuto kori*: лутѣ кара (злой укоръ).

III. 38: *zači topot: zayu topot* (вдругъ топотъ).

IV. 10: он с' *odmara*: он с' одмара (радъ былъ отдохнуть).

IV. 13: *uz last mogu — koli mogu*: тугу многу — кол'ко
могу (въ залогъ — сколько могъ).

IV. 14: *bi l' nam sviće svalo: cveće* — тада цвало (какія розы
намъ заготовитъ).

IV. 21: *S toga ljubiti: s toi je ljubav* (за то любовь). — *Pri-
rodne li neslobode*: па још уз њу сто слобода (но своенравіе при-
роды), — да j' *poštenje ženi sveto*: да поштење жена храни (всегда
почтенны быть должны).

IV. 26: *porumeni, list prelita*: руменеѣи он премиста (онъ
пропускаетъ покраснѣвъ).

IV. 27: *Goluba li dva svrh lire — krila šire*: баш на лири —
крила шири (на лирѣ голубка перомъ и красками слегка).

IV. 29: *Vojnik — oštri miso*: и војнике — оштре песме (пѣя
армейскій — стишокъ злодѣйскій), — *dosjećanje da l' je plitko*:

досетка — да *л'* је *плитка* или није (остро иль нѣтъ я могъ совратъ).

IV. 30: *mašta čista* — *divna kista*: *машта чиста* — моћна киста (кистью чудотворной).

IV. 34: *na glas čita svomu slatu*: да крај *свога злата* мила песме чита (читатъ въ глаза своимъ любезнымъ).

IV. 46: *liek i biedi* — *koj mi vriedi*: и у *беди* — а то *вреди* (въ бѣдѣ — вездѣ).

IV. 47: *na stolu s' još rumeni*, и *čai se vince pjeni*: на *столу* се *вино пени*, *прелива се и румени* (свѣтлый кубокъ еще шипитъ среди стола).

V. 2: *put si prti* — и *vis vrti*: *пут* — *прти* — ко праху *прти* (обновляетъ путь), — и *zaone dječak stare* — *ruke tare*: уз'о санке *старе* — он их *таре*.

V. 3: *nije stalo* — *baš je malo*, *krasnim slogom* — *višnijm bogom*: није *стало* — у них *мало*, *вишнѣг бога* — *яча слова*.

V. 8: *bogato je naše selo*: богато је моје *село* (тамъ мужички-то всѣ богаты); *neveselo*: *невесело* — *zove mačak* *шаси*: *мачак* *мачку зове* (мигѣй кошурка сердцу дѣвъ).

V. 12: *tuži* — *pruži*: *тужи* — *пружи* (ронщегъ на ручей).

V. 17: *S lubanjom je gušćja šija*: на врху *танке нуиче шие* *лубања*.

V. 18: *Odškrine si vrata malo*: те *отшкрину* *врата мало* (немного растворила дверь).

V. 26: *krupna stasa* — *glasa*: *грозная стаса* — *маса* (дородой — превосходной).

V. 32: *dušo Zizo*, *moja srečo*: *Зизи душо*, *сречо моја* (*Зизи кристалъ души моей*).

V. 33: *Vince buja te se pjeni*: *вино с' пени*, *буја*, *диже* (*вино шипитъ*).

V. 40: *na um pada*: *успомена мени паде*; ја вам *lutaх*: *лако с' лута*.

VI. 2: *spravat ne da te kroz prozor* и *sviet gleda*: *счу се не да те кроз прозор* у *мрак меда* (*не спитъ и въ поле темное глядитъ*).

VI. 17: *sinosnici* ni spomenut: *синофницу* да спомене (вчерашний день).

VI. 18: *robit* за *mrak hladna groba*: потући се за *мрак гроба* (заспорять о могильной сѣни).

VI. 21: *Evo vam ih sačuvanih*: стихови су *сачувани* (стихи сохранились).

VI. 27: *Zarecki slegne pleći*: Зарецки сними *плећи* (Зарѣцкій губу закусилъ). — *Drage volje*: драге воље (начнемъ, пожалуй), — *brže bolje*: брже боље.

VI. 30: *mirna oka*: *мирна ока* (тихо ровно); — *četir kroka*: *четир крока*; *bliže* — *diže*: *ближе* — *дуже*; *Onjegin zape*: *Јевѣн запе*; *čujte jade* — *pade*: *црни jade* — *паде*.

VI. 40: *Gdje* се с *jelom* *srasla* *jela*: ту се *срасла* с *јелом* *јела* (двѣ сосны съ корнями срослись).

VI. 42: *Svedj* *jednom* *mrkogledja*, *što* *nam* *Lenskog mlada ubi*: *зловочеља* празнихъ груди што *песника* *младог* *уби* (гдѣ этотъ пасмурный чудакъ убійца юнаго поэта).

VII. 6: *polukruga* — *vijuga*: *полукруна* — *вијуна* (полукругомъ — лугомъ).

VII. 14: *sjeti* — *odleti*: *сети* — *лети*.

VII. 17: *stan* *gospode* — *ode*: *двор* *госпode* — *ode*. — *Samotovo*: *самово* је (сизживаъ одинъ).

VII. 18: *objedovo* — *njegov ovo*: *обедово* — *његово ово*.

VII. 19: с *lampom* *ugašenom*: са *лампом* *угашеном*, с *krasnim* *sagom*: *скупим* *сагом*.

VII. 22: *vierno* — *neizmjereno*: *верно* — *неизмерно*.

VII. 32: *I* на *vrata* *sviju* *nesta*, с *bogom* *sada* *tiha* *mjesta*: са *двора* га *брзо* *неста*, *збогом* *мирна* *места* (ползеть за ворота, простите мирныя мѣста).

VII. 35: *dosadna* је — *već* *traje*: *досадна* је — *како* *траје*.

VII. 40: у *ulici* *nekoj* *stali*: испред неке *куће* *стали*, *teta* — *ljeta*: *тета* — *лета*.

VII. 44: *pridošlica* из *daleka* — *rod* је *čeka*: *рѣђу* из *далека* — *сусрет* *чека* (издалеча — встрѣча).

VII. 45: *posi svaka* — *od čiraka*: држи свака — од читача (образецъ — чепецъ).

VII. 46: *grle* — *oči pouprle*: *гле* — *глед упрле* (обнимають — озирають).

Въ заключеніе представимъ двѣ строфы въ переводѣ Одавича, сравнительно съ текстомъ Трнскаго; выбираю такія, гдѣ можно дать Одавичу предпочтеніе:

I. 33.

Видех море усред буре
И валове како с' вију,
Како хите, како журе
Да с' пред њене ноге свију.
Желео сам да уз вале
Љубим оне ноге мале.
У младости још никада
Не осетих толко јада,
Не пожелех с више страсти
Љубит' уста мила, нежна,
Ни Армидѣ лица снежна,
Нити груди рајске сласти.
Никад тако страсти више
Душу моју не морише.

Još se sjećam čudne zgođe:
Zateče ju morska plima,
Ja zavidjah valom vode
Dopirućim k listovima.
Napala me želja pusta,
Da mi plinu k nožkam usta!
Pomaman sam često bivo,
Ali nigda toli živo
Ne poželjeh stravljen, smiljen
Poizljubit usta vila,
I rumena lišca mila,
Ili grudih raj zakriljen,
Nigda m' kano u tom mahu
Strasti dušom ne trzahu.

V. 30.

Према њима била Тања
Бледа као месец што је;
А к'о срна сред бежања
Не подиже очи своје.
Страсни жар је силно мори,
Тешко јој је, лице гори.
Не чу поздрав оба госта,

Posade ih prama Tanji,
Od mjeseca štono bledja
Poput srne s' plaši, panji,
Ne smie glednut izpod vedja.
Podbio joj znoj krvavi,
Mučno joj je, strast ju davi,
Preču pozdrav druga dvaju,

Енено око сузно поста.	Na oku joj suze sjaju,
Несвестица тад је свила	Nada joj se obeznanit.
Те јој тешко тешко пада...	Al joj razbor, volja vriedi,
Ал' одржа воља тада:	Te pregori, strah pobiedi,
Две три речи прозборила	Te će s' u glas tih nakanit
Тешком муком, али хтеде;	Dvie tri rieči njima reći,
И поново за сто седе.	Tad će šucet tuj sjedeći.

VI.

Раньше чѣмъ Р. I. Одавичъ напечаталъ свой переводъ «Евгенія Онѣгина», но послѣ труда Ивана Трнскаго, вышли въ сербскомъ переводѣ первыя двѣ главы этого романа. Переводчикомъ былъ нѣкто *Јован Симеоновић-Чокић*, лицо въ сербской литературѣ мало извѣстное. Первая глава его перевода напечатана въ сербскомъ журналѣ «Јавор» за 1885 годъ, вторая въ журналѣ того же характера «Стражилово» за 1886 годъ (ч. 16 и 17, стр. 527—534, 553—562). О продолженіи перевода мнѣ ничего не извѣстно; что помѣшало автору довести дѣло до конца, не знаю. О качествѣ этого перевода я могъ составить себѣ понятіе только по тексту второй главы; «Јавора», гдѣ помѣщенъ переводъ первой главы, у меня не было подъ руками. Переводчикъ отнесся къ своей задачѣ нѣсколько иначе чѣмъ Трнски и Одавичъ, по крайней мѣрѣ относительно внѣшней стороны. Согласно съ ними выбралъ и онъ исключительно четырехстопный трохаическій стихъ для передачи подлинника, но чередованіе риемическое у него не соблюдено. Какъ выше указано, Трнски и Одавичъ сдѣлали только въ томъ отступленіе отъ подлинника, что въ ихъ переводахъ риема мужская замѣнена женской, т. е. внѣшній видъ риемической техники остался нетронутымъ по схемѣ *ababccddeffegg*, только что стихи *bdfg* вмѣсто мужской риемы подлинника представляютъ женскую риему наравнѣ со всѣми прочими стихами строфы. Чокичъ, напротивъ, поступилъ по своему, онъ не замѣнилъ мужскихъ риемъ женскими, не

оставилъ также бѣлыхъ стиховъ въ полномъ количествѣ мужскихъ риемъ, т. е. не всѣ восемь стиховъ, снабженные въ подлинникѣ мужской риемой, остались у него бѣлыми стихами, строфа получаетъ у него слѣдующій видъ: хахахбабсхсddd, выходитъ восемь стиховъ риемованныхъ и шесть бѣлыхъ. Мнѣ кажется, что съ этимъ нарушеніемъ риемическаго чередованія трудно согласиться. Поэтому Одавичъ поступилъ очень разумно, что онъ, не поддавшись вліянію своего непосредственнаго предшественника Чокича, предпочелъ риемы Тринскаго. Впрочемъ я долженъ признать за нимъ большее разнообразіе въ риемической technikѣ, чѣмъ она обнаружилась у Одавича. Такихъ очень незначительныхъ риемъ, какія мы въ множествѣ встрѣчали у Одавича, у Чокича почти нѣтъ. Видно, писать въ стихахъ съ риемами ему удавалось легче, чѣмъ Одавичу. Но вѣрности въ передачѣ подлинника такъ же мало у Чокича, какъ у Одавича. Оба обходились одинаково безцеремонно съ многими подробностями русскаго текста. Есть конечно и прямыя ошибки въ переводѣ, вызванныя непониманіемъ русскаго текста. Укажемъ нѣсколько примѣровъ.

II. 2. Поэтъ описываетъ замокъ Евгенія и говоритъ, что «все это нынѣ обветшало, не знаю право почему, да впрочемъ другу моему въ томъ нужды было очень мало» — Чокичъ перевелъ это такъ: «Све то беше старе моде. Ја се дивљахъ тому сему, но *Јевђена не запитах...*». Но о намѣреніи спрашивать Евгенія не говорится въ русскомъ подлинникѣ.

П. 3: «полъ дубовый» нельзя сказать: «хростов *столаи*» (полъ не стулъ). — Стихъ «въ другомъ наливкохъ цѣлый строй» переведенъ совсѣмъ безъ смысла: «и рачуни бела света», для «тетради расхода» сказано уже въ предыдущемъ стихѣ: «у једноме трошковник је».

II. 4: «другой лукаво улыбулся»: «други опет *ружи, ирди*», здѣсь переводъ преувеличиваетъ, лучше у Одавича: «а други га *смешел* псује».

П. 6: «всегда восторженную рѣчь»: «язык течан, речи
врей» — послѣднія слова (куль словъ) могли бы быть примѣ-

нены къ пустому болтуну, но не къ Ленскому; лучше Одавичъ: «заносни га говор краси».

II. 8. Романтическое настроеніе хорошо обрисовано поэтомъ: «что душа родная соединиться съ нимъ должна», значить о родствѣ и союзѣ душъ мечталъ романтикъ, въ переводѣ же сказано: «верово је од све душе, да ће сродна (кто?) с топлих груди на његове груди пасти»!

II. 9. Конечъ строфы переведенъ не такъ, какъ слѣдовало: «пламенит му жар је прати с *благословом одозоре*» — въ подлинникѣ этого нѣтъ, тамъ сказано «онъ въ пѣсняхъ гордо сохранилъ всегда возвышенныя чувства». Далѣе сказано о поэтѣ романтикѣ, что онъ сохранилъ «порывы дѣвственной мечты и прелесть важной простоты», а въ переводѣ не то: «простотом је мила јасном као *чура душом красном*».

II. 12. Ленскій «вездѣ былъ принятъ какъ женихъ», но это не значить: «*жениће се*, много снива», не онъ вѣдь мечталъ о женитьбѣ! Точно такъ не хорошо сказано «*изводе* му ћерке редомъ» для русскаго глагола «всѣ дочекъ *прочили* своихъ». И здѣсь повторяется ошибка, которую мы отмѣтили у Одавича, что «за полурусскаго сосѣда» переведено: «пѣ Русији он је суседъ». И стихъ «зовуть сосѣда къ *самовару*» не значить: «па га на *чај редом* зову», объ очередныхъ приглашеніяхъ не говорится здѣсь.

II. 13. Постепенное сближеніе Онѣгина съ Ленскимъ передается въ переводѣ довольно тяжело и неестественно, вмѣсто рельефнаго стиха «потомъ понравились, потомъ съѣзжались каждый день верхомъ» сказано въ переводѣ: «али време све то глади те разлика паде свака, краћа викла па навикла». — Вставочныхъ словъ «первый каюсъ я» переводчикъ тоже не понялъ: «знам и *нигда не докајам*».

II. 14. Начало строфы въ переводѣ не вяжется съ послѣдними словами предыдущей строфы. «Намъ чувство дико и смѣшно» въ переводѣ не отражается всей силой: «Срце нам се слабо жаца». Характеристика Онѣгина въ концѣ строфы не уцѣлѣла въ переводѣ.

II. 15: «Простимъ горячкѣ юныхъ лѣтъ» не значитъ: «простъ му жару криве младе», «горячка юныхъ лѣтъ», это фактъ самъ собою, ему же прощается «юный жаръ и юный бредъ», что опять не значитъ «несташлуке тапште наде».

II. 16: «я гроба тайны роковыя»: «тмицу гроба и блаженство» — послѣднее слово въ переводѣ лишняя прибавка.

II. 17. Слова въ концѣ строки: «Наслѣѣне паре списк'о и не на те трице стиск'о» для меня не совсѣмъ понятны.

II. 18. Переводчикъ для пополненія своего нѣсколько сокращеннаго разсказа прибавляетъ въ концѣ отъ себя: «од смеја се старац клати, где жутокълун сламу млати!»

II. 19. Начало строфы переведено неудачно, свойственную молодости болтливость нельзя назвать: «брже боѣе диже вику» (поднимаетъ шумъ). Въ разсказъ влюбленнаго Ленскаго вставлены такія вещи, какъ «ту вам песме, ту вам цвеѣе», о чемъ въ подлинникѣ и рѣчи нѣтъ.

II. 22. Сказать про луну: «ој месече... *негда дражи од сунаица*» нѣтъ основанія въ русскомъ подлинникѣ, точно такъ не слѣдовало назвать ее «а ти си нам феѣер само», потому что въ подлинникѣ сказано, что луна только «замѣна тусклыхъ фонарей».

II. 23. Въ переводѣ пропущены слова: «но любой романъ возьмите и найдете».

II. 24. И въ этой строфѣ придуманы переводчикомъ слова: «е гле јако сад господа све туѣинска зато просе», а безвкусныя имена не могутъ быть названы «имена нам нису чиста». И то, что о просвѣщеніи въ переводѣ сказано, не соотвѣтствуетъ смыслу подлинника.

II. 25. Словамъ «као да је тиште ране» нѣтъ ничего соотвѣтствующаго въ русскомъ текстѣ.

II. 26. Переводчикъ присвоиваетъ Татьянѣ властолюбіе надъ куклой, тогда какъ въ подлинникѣ обращеніе съ куклою считается только признакомъ властолюбія. Не обращено вниманіе на слова: «охоты властвовать примѣта», для которыхъ содержаніе ближайшихъ стиховъ служитъ только объясненіемъ. По-

этому въ начальныхъ словахъ слѣдующей строфы, гдѣ прямо говорится «но куклы — Татьяна въ руки не брала», переводчикъ долженъ былъ отступить отъ русскаго текста, чтобы не вышло противорѣчiе, его переводъ рассказываетъ довольно неопредѣленно: «нигда још за младихъ ѣта не спомену *мужи сјаје*!» И оба слѣдующiе стиха тоже не подходятъ къ смыслу русскаго текста.

II. 30. И въ этой строфѣ переводъ представляетъ лишнiя прибавки: «из *златне* је она Москве неѣакиња њена *слаона*», въ подлинникѣ сказано только: «ея московская кузина». «Вереник јој по невољи само мно» не то, что сказано въ русскомъ текстѣ: «но по неволѣ она вздыхала о другомъ».

II. 32. Что значать слова перевода: «навика јој тугу слади *но сладост је слаба била*»? Въ подлинникѣ сказано не то. И въ концѣ строфы невѣрно переведено: «са мужем и не разговара» вмѣсто русскаго «все это мужа не спросясь», т. е. въ своей энергической дѣятельности она распоряжалась не спрося мужа, но это еще не значитъ, чтобы она и не говорила съ мужемъ.

Судя по этому отрывку можно утверждать, что переводъ Чокича въ осмысленнiи русскаго подлинника посредствомъ сербскихъ стиховъ уступаетъ Одавичу, но въ бойкости стиховъ стоитъ выше его. Нельзя одобрить правописанiя «Аѣегин».

IX.

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ.

**въ двухъ переводахъ: А. Писаревича (1894) и
Ис. Великановича (1899).**

Очень долго приходилось ждать, пока наконец и переводъ «Бориса Годунова» попалъ въ сербско-хорватскую литературу. Это случилось лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ 1894 году вышелъ первый переводъ этой трагедіи въ «Стражилово», т. VII, №№ 20—25. Къ сожалѣнію, сколько мнѣ извѣстно, объ отдѣльномъ оттискѣ никто и не думалъ, когда переводъ печатался, такъ что тѣ, у кого нѣтъ цѣлаго тома «Стражилово» подъ руками, — а такихъ очень много, — не въ состояніи застать переводомъ этого классическаго произведенія русской литературы. Трудъ переводчика, А. Писаревића, появился и уже преданъ забвенію, какъ это обыкновенно бываетъ съ журналами за прошедшіе годы. Однакожъ это жаль. Переводъ А. Писаревића заслужилъ лучшую участь. Авторъ перевода сумѣлъ справиться съ своей задачею. Онъ почти вездѣ вѣрно угадалъ смыслъ подлинника и перевелъ текстъ точно, хорошимъ, отборнымъ сербскимъ языкомъ. Главную часть текста, написанную ямбическимъ размѣромъ (десяти- и одиннадцати-сложными стихами), переводчикъ передалъ десятисложнымъ трохаическимъ или иногда ямбическимъ стихомъ, съ цезурою не послѣ четвертаго, какъ въ эпическомъ размѣрѣ, а послѣ пятаго слога. Конечно есть и исключенія, т. е. такіе стихи, гдѣ первая половина передъ цезурою обнимаетъ шесть слоговъ, въ такомъ случаѣ зависитъ отъ объема второй половины, будетъ ли цѣлый стихъ десяти- или одиннадцатисложный. Обыкновенно онъ выходитъ одиннадцатисложнымъ. Напр. одиннадцатисложными стихами оказываются слѣдующіе: въ I-й сценѣ ст. 11: Најзад ће пристати на то, до прими; во

II-й сценѣ (цифры стиховъ по изданію Поливанова) ст. 2: Бојаре, свеѣенство и патријарха, въ IV. 1: Оче патријарше и сви бојари, IV. 17: Делию послове, а још не бејаж, въ V. 2: и моја хроника биће готова, ib. 5: Није ме бадава избро Господ, ib. 10: Што су га векови нагомилали, ib. 34: И своју хронику брижљиво пише, ib. 59: Пао сам стрмоглав, пробудио се, ib. 68: Час видим пред собом развратне гозбе, ib. 73: Под Шујским литванску војску си туко, ib. 79: Још би ми достало времена да се, ib. 84: Још многим и тешким искушењима, ib. 90: Кад ме у манастир доведе господ, ib. 106: Видео ништавост овога света, ib. 197: Борисе, Борисе, свима си трепет, ib. 201: У тамној ћелији грозну пресуду, VII. 6: Волео бих знати, шта му проричу, VII. 46, IX. 8, 11, 17 и т. д. Стиховъ одинадцати-сложныхъ, какъ видно, соразмѣрно очень немного, ихъ появленіе по большей части обусловлено объемомъ нѣкоторыхъ многосложныхъ выраженій. Очень рѣдко при цезурѣ послѣ шестого слога, вторая половина стиха обнимаетъ только четыре слога, напр. IV. 4: Страхом и смерношћу узео власт, V. 4: Коју ли грешноме зададе Бог, VII. 10: Да сам ја кћерину удовству крив, ib. 45: Смерну монахињу — па све сам ја, IX. 21: Да живи велики государ наш, и т. д.

Переводчикъ не стремился къ соблюденію въ переводѣ такого же числа стиховъ, какъ въ подлинникѣ; въ текстѣ не сплоченномъ римою въ опредѣленныя рамки, отступленіе отъ подлинника во внѣшнемъ объемѣ не имѣетъ никакого значенія. Позволяя себѣ нѣкоторую широту изложенія, авторъ перевода могъ за-то настаивать на вѣрной передачѣ всего, что въ подлинникѣ сказано — и только, т. е. у него замѣтно рядомъ съ точностью также похвальное рѣшеніе не прибавлять, не придумывать кой-какихъ заплатъ для пополненія стиха. Дѣйствительно у этого переводчика можно почти всегда положиться на его слова въ полномъ убѣжденіи, что они если не буквально, хотя въ большинствѣ случаевъ даже и это достигнуто, то по крайней мѣрѣ по смыслу вѣрно передаютъ текстъ подлинника. Въ виду этого

превосходнаго качества перевода «Бориса Годунова» я хочу указать на тѣ мѣста, гдѣ текстъ перевода, на мой взглядъ, требуетъ исправлений, чтобы еще ближе подойти къ своей высокой цѣли — быть вѣрнымъ отраженіемъ русскаго подлинника.

Сц. I, ст. 8—9: «Борисъ еще *поморщится* немного, что пьяница предъ чаркою вина» — эта картинка не вполне точно переведена: «И лице ђе му с' *разведрит'* брзо, кѡ пијаници кад види пехар пун *црвенога* вина пред собом». Пьяница, привыкшій выпивать залпами чарки вина, не всегда самаго лучшаго сорта, легко можетъ поморщиться, видя предстоящую ему обязанность опять выпить — переводчикъ же говоритъ о «сіяющемъ» лицѣ пьяницы при видѣ вина.

Сц. I, ст. 35: «кто *подошлалъ* обоихъ Битяговскихъ съ Качаловымъ»: «ко Биѡговских двоје *поткуни* са Качаловим» — желательно было бы видѣть здѣсь въ переводѣ другой глаголъ, напр. «тајно посла».

Сц. I, ст. 67: «перешагнетъ; Борисъ не такъ-то робокъ!» переведено неудачно: «Па зар на престо хође да седне?! Ал Борис неје тако бојажљив». Съ какой стати въ переводѣ высказано въ первомъ стихѣ будто бы сомнѣніе Шуйскаго, котораго на дѣлѣ не было?

I. 73—74: «Вѣдь Шуйскій, Воротынскій, *легко сказать*, природные князья»: «Шујски, Воротински, *сами се кажу* кнежевског рода». Переводчикъ не понялъ вставочной фразы «легко сказать», которую можно бы перевести «није шала».

I. 80: «давай народъ искусно *волновать*»: «ми ђемо хитро *подићи* народъ» — въ переводѣ сказано слишкомъ много, лучше было бы «бунити».

Сцена вторая (II), гдѣ Щелкановъ говоритъ «съ краснаго крыльца», не слѣдовало переводчику написать: «долази на црвени трг», это была бы «красная площадь».

III. 21: «не намъ чета» не переведено, а замѣнено лишнимъ стихомъ «та нама ништа познато није», вмѣсто того, чтобы приблизительно сказать: «то није наше друштво».

IV. 17: «Когда труды я ваши раздѣлялъ»: «кад сам вам ја делию послове» — невѣрно, переводчикъ не уловилъ смысла фразы «раздѣлять труды», надо было сказать напр. кад сам с вама делию послове.

IV. 29: «*Совѣтую* порой и забывать»: «Ја велим, нек се и заборави» — не совѣтъ точно.

V. 30—31: «и дремотой знать во всю ночь не смыкалъ очей» — въ переводѣ всѣмъ этимъ выраженіямъ единственный откликъ въ глаголѣ «још трено није».

V. 37—38: «О казняхъ ли свирѣпыхъ Іоанна, о бурномъ ли новгородскомъ вѣтѣ»: «ил' о казнима Ивана Грозног, ил о народној бурној скупштини што се *скупн* у Новоме Граду». Во-первыхъ слово «о казняхъ» не переведено довольно выразительно, лучше было бы «о убиствима окрутнимъ»; во-вторыхъ о новгородскомъ вѣтѣ неудобно говорить, будто бы оно только разъ собралось.

V. 99. Его дворецъ «монастыря видъ новыи принимагъ»: «Негов двор — *сад је* прави манастир» — невѣрно, не о нынѣшнемъ видѣ дворца царя Іоанна рѣчь идетъ, а о томъ, что онъ въ свое время затѣвалъ сдѣлать изъ него монастырь.

V. 146: «Ужъ не видать такого намъ царя»: «*још не оидесмо* такого царя» — изреченіе не относится къ прошедшему времени, а къ будущему.

Добавочная сцена «ограда монастырская» внесена здѣсь въ текстъ. Троихаческіе пятнадцати-сложные стихи переведены отчасти такими же, но есть и четырнадцати- и тринадцати-сложные въ переводѣ этой сцены.

Ст. 6: «Радъ, что въ колоколъ ударятъ»: «Зар је радост» — невѣрно, чернецъ, напротивъ, радуется удару колокола, потому что ему не спится.

Ст. 9: «поминай какъ звали»: «Звали су ме» — переводчикъ не угадалъ смысла фразы, слѣдовало перевести: «био пак се помињао».

Ст. 24: «А бояре въ Годуновѣ помнать равнаго себѣ»: «а

наши бојари сматрају га и спомињу к'о себи равнога»—въ переводѣ пропущена существенная часть изреченія, т. е. имя Годунова.

Въ переводѣ сцена 8-я «Корчма на литовской границѣ» заняла мѣсто раньше 7-й сцены — «Царскія палаты». Въ 8-й сценѣ пьянствующихъ монаховъ-бродягъ трудно было перевести разговоръ по складамъ, напр. «Вольному воля — а пьяному (обыкновенно говорится «спасенному») рай» переведено: «Сваки је од своје воље господар — а пијаници је вино господар» — это могло быть выражено лучше и короче. Нѣкоторые изреченія удались въ переводѣ, напр. «ти само пи па пред собом ри». Если «заставы царскія» переводится выраженіемъ «царске пречнице», то «строжевые приставы» нехорошо передается словомъ «стражарска постаја», можно было оставить: «стражарски пристави» или хотъ бы «стражарски људи». Въ словахъ чернеца, присматривающагося къ подозрительному разговору Григорія съ хозяйкой, сказано: «не нужна тебѣ водка, а нужна молодка: дѣло, братъ, дѣло», что въ переводѣ такъ сказано: «теби не треба вотка, већ милојка: *бадава*, брате». Последнее слово надо бы замѣнить лучше подходящимъ, напр. «ваѣа, брате» или «села, брате». — Фраза «дозоромъ идуть» едва ли хорошо переведена «ти иду назорце», понятнѣе было бы здѣсь выраженіе «преметачина». Что первый приставъ вскрикиваетъ на Григорія «врешъ» — этого не слѣдовало переводить словомъ «просто», а скорѣе прямо «лажеш!».

Сл. VII. 13: «сердечный гладъ мгновеннымъ обладаньемъ»: «а кад се у срцу загаси жећ *једним трепуткомъ*» — переводъ не полный, существеннаго слова «обладанье» нѣтъ въ переводѣ.

VII. 18: «предчувствую небесный громъ и горе» — этотъ стихъ въ переводѣ пропущенъ.

Сл. IX. Шуйскій говоритъ слугамъ: «сбирайте со стола» — но это не значитъ «идите од стола», а «распремите стѣ» или «скидајте са стола».

IX. 66: «что на *колу* кровавомъ»: «на губилишту» — не точно, вѣдь казнь «на колацѣ» была хорошо извѣстна и на югѣ.

IX. 89: «въ приказъ холопій»: «пред суд раднички» — переводъ не совсѣмъ вѣрный, «приказъ» гораздо шире значеніемъ, чѣмъ «судъ», можетъ быть «уредъ».

IX. 94: «такъ и пойдетъ потѣха»: «па ѣе све проѣи», неудачно, лучше было бы: «па ѣе бити комендија» или «па ѣе бити пазар».

Сц. X. 13: «дремучіе лѣса»: «ево — древних планина» — не совсѣмъ точно.

X. 45: «Сейчасъ послать за Шуѣскимъ»: «Послаѣу одмах сада по Шуѣског» — лучше было бы: «нека се одмах пошаѣе», чѣмъ первое лицо.

X. 47: «Сношенія съ Литвою» — не то, что въ переводѣ: «Савез са Литвом». Сношенія еще не — союзъ.

X. 50: «уклончивый» я бы не перевелъ «покоран», скорѣе «опрезан».

X. 62: «нѣтъ нужды»: «није ми нужно» — это точный, но не вѣрный переводъ, потому что русская фраза значить не совсѣмъ то; лучше было бы: «не смета».

X. 84: «Димитрія! — Царевичъ удались!». Въ переводѣ не проведена разница между убитымъ Димитріемъ и присутствовавшимъ при разговорѣ Θεодоромъ: «Зар цареви!.. Иди одатле!».

X. 146. Стихъ «но презирать не должно ничего» пропущенъ въ переводѣ.

Сц. XI. 42: «молва объ немъ умолкла»: «од тад слава му преста» — не одно и то же.

XI. 66: «мы изъ Москвы опальные бѣжали»: «из Москве ми смо к теби прибегли» — не переведено важное слово «опальные».

XI. 70: «мужайтесь» не значить точно «држ'те се мушки», скорѣе «уздајте се», «не клон'те духомъ».

XI. 92: «подъ небомъ полунощнымъ»: «под небом ноѣним» — едва ли этотъ переводъ удобопонятенъ, не лучше ли употребить прилагательное «северни»?

Сц. XII. 7. Рузя (переводчикъ шепетъ «Русја!») говоритъ Маринѣ: «когда изволили вы ѣздить во дворецъ», переводчикъ

прибавилъ одно лишнее словечко, оно портитъ смыслъ: «кад сте овамо дошли у дворацъ» — не о здѣшнемъ замкѣ, а о королевскомъ дворцѣ въ подлинникѣ рѣчь идетъ.

XII. 15: «отецъ надѣется на васъ»: «нада се вама данас за цело» — невѣрно, переводчикъ не замѣтилъ различія въ значеніи «надѣяться кому» и «надѣяться на кого».

XII. 23: «въ юстязъ у васъ пируеть онъ»: «него пирује» — въ этомъ переводѣ не все сказано.

XII. 33: «Умомъ — превыше *сы* похвагъ» — переводчикъ отнесъ эту похвалу къ цѣлому роду: «духъ имъ је чувенъ свуд на далеко».

На разницу въ размѣрѣ стиховъ XII-й сцены переводчикъ не обратилъ вниманія, онъ перевелъ по обыкновенію десяти-изрѣдка одиннадцати-сложными стихами, гдѣ въ подлинникѣ тринадцати- и двѣнадцати-сложные стихи, съ примѣсю восьми- и девяти-сложныхъ.

Сл. XIV. 54: «ты медлишь»: «ти, принче, чекашъ» — глаголъ не довольно выразительный, вм. простого «чекашъ» ожидали бы «завлачишъ», «дангубишъ», «одгађашъ» и т. д.

XIV. 98: «монашеской *неволею* скучая»: «калуђерска ме *неволя* нагна» — и здѣсь обмануло переводчика слово «неволя», русское значеніе котораго не соответствуетъ сербскому; надо было выбрать другое выраженіе: «неслобода» или «стега».

XIV. 142—144: «такъ долженъ ужъ — ты *достойнъ* быть успѣха своего»: «моро би ваъда успети у томъ» — не совсѣмъ точно, надо было не обойти въ переводѣ слова «достойнъ».

XIV. 176—178: «игра войны кровавой, судьбы моей обширныя заботы, тоску любви — заглушать» — въ переводѣ изъ двухъ подлежащихъ предложенія сдѣлано одно, другое же переведено какъ предметъ предложенія: «ратна ће игра крвава бурне судбе ми бриге угушитъ с' овомъ мукомъ љубавномъ»; надо было перевести: «ратна ће игра крвава и судбе ми велике бриге угушити ову муку љубавну».

XIV. 200: «и тебя мятежница, повѣрь, молчать заставятъ»:

«а твой ѿ немир морат' престати, веруј ми само» — не совсѣмъ удачно переведено.

Сл. XV. 11: «въ своемъ пиру теперь онъ загуляетъ» (о метѣ рѣчь) — этотъ стихъ въ переводѣ пропущенъ.

Сл. XVI. 1: «разстрига, бѣглый инокъ» надо было въ переводѣ крѣпче выразить, одного выраженія «раскольник» мало.

Сл. XVIII. Одинъ изъ народа спрашиваетъ: «что? ужъ проклинали того?» переводъ не подходитъ: «шта, зар га је *свѣ когод* проклео?» Не о томъ, проклялъ ли кто-либо его, спрашивается, а о торжественномъ проклинаніи въ соборѣ.

Сл. XXI. 95: «какъ твоего благословляли дядю»: «к'о што је *деда* твог *благосиљо*» — ошибка переводчика спутавшаго дядю съ дѣдомъ.

XXI. 129: «цѣлуйте крестъ Θεодору»: «ѡега поштујте» — слишкомъ мало, надо было сказать: «ѡему се закуните» или «присегните».

Сл. XXII. 28: «я самъ скажу»: «сам кажешъ» — по недосмотру первое лицо глагола замѣнено вторымъ.

XXII. 41: «охотно ли *ваши рати* сражались съ нимъ?»: «јесу л' се с вољом борили с њиме» — въ переводѣ пропущено важное обозначеніе подлежащаго.

Въ концѣ сцены: «слышишь? визгъ!»: «Чујеш ли? *метеж!*» не хорошо передается «визгъ» словомъ «метеж», лучше «цвиѣење».

При внимательномъ сличеніи я отыскалъ только это небольшое число маленькихъ недосмотровъ или неточностей. При отдѣльномъ изданіи этой «романтической драмы», какъ самъ Пушкинъ называлъ своего «Бориса Годунова», авторъ могъ бы безъ затрудненія исправить отмѣченныя въ этомъ обзорѣ неточности.

Второй переводъ этой драмы вышелъ въ часто упоминаемой Пушкинской антологіи, которую издала Матица Хорватская, въ Загребѣ 1899 г. На стр. 143—249 напечатанъ въ этой книжкѣ

«Boris Godunov. Preveo Ivo Velikanović». Переводъ отличается, какъ я могъ убѣдиться, изумительной аккуратностью въ передачѣ русскаго оригинала, онъ близокъ подлиннику, доходя часто до буквального совпаденія, и не смотря на все это переводъ читается легко, стихи гладкіе, плавные, безъ малѣйшихъ натяжекъ въ языкѣ или оборотахъ. Правда, слогъ Великановича настолько правиленъ, что вѣсть отъ него даже нѣкоторою сухостью. Въ этомъ отношеніи переводъ Писаревича нѣсколько богаче и разнообразнѣе, но во всемъ остальномъ я не затрудняюсь дать предпочтеніе новѣйшему переводу. Въ доказательство моего мнѣнія я приведу параллель изъ обоихъ переводовъ, выбираю монологъ Пимена:

- Још ова само последња прича,
 И моја хроника биће готова,
 Дужност ћу своју онда испунит',
 Коју ми, грешноме, зададе Бог.
 5 Није ме бадава изабро Господ,
 Да будем сведок многих година,
 И за учење разум ми дао:
 Ма кад ће наћи калуђер вредни
 Рад овај смерни и без имена,
 10 И он ће своју запалит' лампу
 И са хартија прах ће отрести,
 Што су га векови нагомилили,
 Верно ће ове приче преписат,
 Да православни потомци знају
 15 Минулу судбу рођене земље,
 Да се сећају својих царева,
 Њихових дела, славе, добара,
 А за грехове и дела тамна
 Нека се смерно помоле Богу.
 20 У старости ме нов живот буди,
 Пред очима ми сва прошлост лебди —
 Та није давно она кипела

Дорођајима к'о бурно море
 Ал' сад је мирна и тиха сасвим:
 25 Неких се само лица сад сећам,
 Неке сам само речи запамтио —
 А друго све је у забраву...
 Но дан се ближи, свећа се гаси.
 Још само једна, последња прича...
 (Писаревић).

Još samo jedna povjest posljednja
 I ljetopis dovršio sam svoj,
 Odužio sam dug, što mi je grješnom
 Bog zàvještao. Nije Bog me zalud
 5 Svjedokom dugih postavio ljeta,
 I knjižnoj me naučio vještini:
 Jedared koji marljivi će monah
 Moj bezimeni usrdni trud naći,
 Zapalit će kô i ja svjetlo svoje,
 10 Sa hartije će prah vjekova stresti
 I prepisivat istinite priče,
 Nek unuci pravoslavni saznađu
 Sudbinu staru otačbine svoje,
 Nek velikih se sjećaju careva
 15 Za dobro njino, za slavu i za trud, —
 A za grijehe, za zla djela njina
 Nek ponizno se spasitelju mole...
 Oživio sam s nova u starosti,
 Pred očima mi prošlost prolazi...
 20 Odavno li je prolazila burna,
 Talasajuć se kao pusto more.
 A sad je tiha, sad je spokojna:
 Po koje lice um mi je sačuvô,
 Po koja rieč tek dolazi do mene,
 25 A sve je drugo po netragu prošlo!..

No sviće dan i dogara mi svjetlo, —
Još samo jedna povjest posljednja.

(Velikanović).

Въ переводѣ этого монолога у Великановича число стиховъ равное съ оригиналомъ — 27, у Писаревича переводъ двумя стихами длиннѣе — 29. Въ подлинникѣ 9 стиховъ десяти-сложныхъ и 18 одиннадцати-сложныхъ, въ переводѣ Писаревича въ большинствѣ стихи десяти-сложные (всѣ за исключеніемъ 4-хъ), въ переводѣ же Великановича преобладаютъ (за исключеніемъ 5-ти) одиннадцати-сложные стихи.

Въ переводѣ послѣдняго я отмѣтилъ только два-три мѣста, гдѣ нельзя вполне согласиться съ переводчикомъ:

Сц. II. ст. 7: «выходить намъ *сказать* рѣшеніе думы»: «izi-lazi da odluku *pročita*» — въ подлинникѣ не сказано, что дьякъ *прочтетъ* рѣшеніе.

Сц. V, ст. 30: «и *дремой* знать во всю ночь онъ не смыкалъ очей»: «piše i *drjetuska*, zaklarò nije svi poć» — поэтъ не допускаетъ даже того, чтобы Пимень дремалъ.

V. 63: «смирѣй себя молитвой и постомъ»: «*umiri se u molitvi i postu*», лучше было бы: «obuzdavaaj, kroti, smiruj se molitvom i postom».

V. 175: «и въ ужасѣ *подъ топорома* злодѣи покаялись»: «i od straha se rokaaju zločinci... *na samrti*», надо было выразить сильнѣе.

V. 187: «отъ *подомовъ* духовныхъ»: «od svog duhovnog — *pregnuća*», лучше, быть можетъ: «od svojih duhovnih — napre-zanja, vjedžbanja».

Сц. VII, ст. 56: «и все тошнить»: «i sve te mrzi» — выразительнѣе: «sve se grsti».

Сц. VIII. Хозяйка говоритъ: «Только *слава*, что дозоромъ ходятъ, а подавай имъ и вина» и т. д.: «*Tako i jest*, obilaze i pregledavaju, pa im samo daji i vina i sud», я полагаю, что надо было перевести: «kako ide glas da obilaze, daji im» и т. д.

VIII: «не умудрилъ Господь»: «*nije me prosvietlio Gospod*», глаголъ «*umudriti*» существуетъ и въ сербскомъ языкѣ.

VIII: «Ребята»: «*Djeso!*» вѣрно, но здѣсь было бы лучше передѣлать это восклицаніе иначе, напр. словомъ: «*Ljudi!*»

Сл. IX, ст. 49: пропущенъ въ переводѣ цѣлый стихъ: Что жъ говорятъ объ этомъ удалыцѣ.

Сл. XI, ст. 10: вмѣсто союза *dok* для болѣе определенной передачи подлинника я бы предпочелъ *kad*: *kad drugo jače na-dodje vrijeme*.

Сл. XII, въ ст. у Поливанова подъ строкою на стр. 213: *ждутъ казни* — выражаетъ гораздо больше чѣмъ въ переводѣ: *bit će kaeni*. Лучше было бы сказать: *bit će krvi*.

Сл. XII, ст. 14: для *сейчасъ* переводъ: *još čas* даже слишкомъ близокъ!

Сл. XIV, ст. 27: хорошо сказано *заря вечерня гасла*, но едва ли хорошо было оставить тотъ же глаголъ въ переводѣ, гдѣ *заря* замѣнено словомъ *sumrak*. Можно ли сказать, что «сумерки гаснутъ»? Свѣтъ гаснетъ но не тьма. Поэтому стихъ «*Polako mi je sumrak noćni gasô*» слѣдовало бы исправить, напр. «*Polako se je sumrak noćni hvatô*». Или же замѣнить *sumrak* словомъ *zaranči*.

Сл. XVI, ст. 23: «служителей *причетныхъ*» не хорошо сказано «*služitelja preko broja*», хотя по смыслу оно такъ и выходитъ.

Сл. XX, ст. 28: я было *смаз* передовую рать не значить: *ja ono takoñ prednju pažu vojsku*. Не о передовой рати самозванца рѣчь, а о первыхъ пострадавшихъ рядахъ войска Годунова.

Желая сдѣлать переводъ дословнымъ, авторъ оставлялъ инныя русскія слова не переведенными. Инныя изъ нихъ довольно извѣстны въ сербско-хорватскомъ литературномъ языкѣ, напр. *gordi*: *dvor njegov puncat gordiñ ljubimaca* (стр. 159), *gordi* *pan* (стр. 178). Можно предсказать, что и глаголъ *razmjeriti* будетъ понятнымъ: *razmjerio odmah bi ga Boris* (стр. 147), или же

прилагательное *zibak*: *zibko klasje* (стр. 225) и *sladostrastan*: *sladostrastnog muža* (стр. 202). Уже рискованнѣе употребленіе глагола *zatočiti*: *i još bi me zatočili kudagod* (стр. 147) или же словъ *objednja*: *pred objednju i bubnjaju i zvone* (стр. 161), *oblast* въ русскомъ значеніи: *sve ti oblasti — pod tvoju vlast da padnu* (стр. 182), *poriv*: *zabogavljam tvoj poriv bezumni* (стр. 208), *zavjetan* въ сербско-хорватскомъ языкѣ не то что русское *заветный*: *put zavjetni pokazujem dušmanu* (стр. 210) значило бы *путь обѣтованный*! Кто пойметъ «*san netljeni*» (на стр. 214)? Не знаю, въ употребленіи ли хоть въ сербскомъ военномъ языкѣ русское слово отбой: *Udarajte odboj* (стр. 217)? Нельзя одобрить, что переводчикъ замѣнилъ слово *санз* въ переводѣ русскимъ же выраженіемъ *ćin*: *tvoj ćin ti mora draži biti od svih* (стр. 203); когда о самозванцѣ и его царственномъ санѣ рѣчь идетъ, не слѣдовало говорить о чинѣ!

Кромѣ того попадаются въ языкѣ нѣкоторыя областныя выраженія въ родѣ глагола *prenavljati se*, *očikati* и т. д.

Ж.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

О

ТРЕХЪ ПЕРЕВОДАХЪ „КАПИТАНСКОЙ ДОЧКИ“.

Какъ сказано въ библиографическомъ обзорѣ, первый переводъ (мнѣ доступный) «Капитанской дочки» вышелъ въ 1875 г. въ загребскомъ литературномъ органѣ «Vienas». Переводчикомъ былъ нынѣшній профессоръ Т. Маретичъ, подписавшійся тогда только буквой М. Проф. Маретичъ доказалъ потомъ переводомъ «Полтавы», что онъ умѣетъ переводить точно и правильно, хорошимъ, легкимъ языкомъ. Но переводъ «Капитанской дочки» — плодъ его только что начинавшихся занятій русскимъ языкомъ. Поэтому не удивительно, что ему не удалось сразу вникнуть въ смыслъ всякой фразы, поговорки или всѣхъ простонародныхъ оборотовъ русскаго оригинала. А также языкъ переводчика мѣстами не отличается еще изяществомъ хорошей прозы. Я убѣжденъ, если бы проф. Маретичу пришлось теперь переиздавать переводъ, онъ и самъ счелъ бы необходимымъ трудъ свой значительно переработать. Мои замѣчанія относятся не къ нынѣшнему переводчику а къ сочиненію его исполненному четверть вѣка тому назадъ. Второй переводъ вышелъ въ 1896 году, лѣтъ двадцать спустя послѣ перваго, кромѣ того онъ появился въ другой литературной средѣ, подъ вліяніемъ нѣсколькихъ различныхъ пріемовъ и взглядовъ на условія хорошаго перевода. Чтобы однимъ словомъ высказать, переводъ Маретича стоялъ въ свое время подъ вліяніемъ загребской школы, дорожившей пуризмами въ формахъ грамматическихъ и въ выборѣ словъ; переводъ же Радовича, такъ какъ онъ вышелъ въ Герцеговинѣ, въ Мостарѣ, примыкаетъ, за исключеніемъ южнаго нарѣчія, во всемъ осталь-

номъ къ приѣмамъ специально сербскимъ, бѣлградскимъ, не только въ формахъ — въ этомъ отношеніи теперь и въ Загребѣ мало по малу отказываются отъ своихъ прежнихъ особенностей по крайней мѣрѣ выдающіеся писатели — сколько въ фразеологіи, въ выборѣ различныхъ культурныхъ выраженій и наконецъ въ болѣе широкомъ употребленіи иностранныхъ словъ, иногда даже безъ надобности. Укажемъ нѣсколько примѣровъ этой разницы, имѣющей по большей части значеніе до сихъ поръ, хотя въ послѣднее время перекрестное смѣшеніе дѣлаетъ успѣхи, вырабатывается одинъ дѣйствительно единственный литературный сербско-хорватскій языкъ.

а) Различіе въ обыкновенныхъ словахъ: семейство — *obitelj* — породица; согласиться — *složiti se* — сагласити се; съ вниманіемъ — *rozogno* — с пажномъ; предлогъ — *izlika* — предлог (руссицизмъ); любопытство — *radoznalost* — љубопитност; пройти — *minuti* — проћи; чувствительный — *čuvstven* — осѣтливъ; шляпа — *klobuk* — капа; присягнуть — *prisegnuti* — *zakleti se*; окно — *okno* — прозор (нынѣ и на западѣ «прозор»); грязный — *blatan* — каѡав; комната — *odaja* — соба (и на западѣ послѣднее обычиѣ); грибы — *vganji* — печурке; привыкать — *pricuati* — навикавати; убѣжденъ — *osvjedočen* — убијеѡен; ободрять — *obodravati* — потипати; городъ — *grad* — варош; лужа — *mlaka* — локва; извиняться — *ispricuati se* — извинѡавати се; родственникъ — *rodjak* — сродник; воспитывать — *odgajati* — васпитати; воспитаніе — *uzgoj* — васпитаѡе; отечество — *domovina* — оѡаѡбина; полъ — *spol* — полъ; обѣдъ, обѣдать — *objed, objedovati* — ручак, рѡчати; рябой — *kozičav* — оспичав; обольстить — *zavešti* — саблѡзнити; хлѣбъ — *kruh* — хѣбъ; рѣка — *potok* — ријека (*potok* собственно только ручеекъ); вытолкать — *izrivati* — изгѡрати; получать — *dobivati* — примати; грудь — *grad* — прси; чувство — *čuvstvo* — осјеѡаѡ, осјеѡаѡе; почувствовать — *roćutjeti* — осѡетити; поцѣлуй — *sjelov* — пољубаѡ; лѣкар — *liečnik* — ѡекар, письмо — *list* — писмо; непристойный — *neučtiv* — непристоѡан; крыса — *štakor* — пухаѡ (но пухаѡ собственно другой сортъ мыши).

б) Различіе въ культурныхъ выраженіяхъ, на восточной половинѣ здѣсь отчасти слова турецкія, на западной иногда неологизмы: постель — *postelja* — крѣветъ; порохъ — *pušcan prah* — барутъ; паспортъ — *putni list* — пасошъ; серьги — *paunvice* (неологизмъ) — менѣуше; чемоданъ — *torbak* — куферъ; лавка — *štacun* — дуѣан (нынѣ «дуѣан» вездѣ употребительно); платокъ — *rubac* — марама; ночлегъ — *noćište* — хан; станція — *postaja* — станица; столъ — *stol* — трпеза; рота — *satnija* — чета; ротмистръ — *satnik* — капетанъ; офицеръ — *častnik* — офиціеръ; урядникъ — *podčastnik* — наредник (поднаредник); сержантъ — *stražmeštar* — наредникъ; отпускъ — *dopust* — распустъ; дядька — *strika* — дѣдаскал; палачъ — *krvnik* — целатъ; начальникъ — *roglavar* — начелник (старѣшина); диванъ — *mekuša* (неологизмъ) — диванъ; ложка — *ožica (žlica)* — кашика; пуля — *kuglja* — куршумъ; ядро — *kuglja* — ѣуле; залпъ — *rusnjava* — плотунъ; часы — *ure* — сати; пакетъ — *smotak, zamotak* (неологизмъ) — пакетъ; мундиръ — *odoga* — униформа; дипломъ — *rovelja* (собственно: грамота) — диплома; чуланъ — *komoga* — ѣилеръ; трубка — *lula* — чѣбукъ; шпага — *mač* — шпада; бумага — *papir* — артија; географія — *zemljopis* — географіја; географическая карта — *zemljovid* — географска карта; фехтованіе — *mačevanje* — фехтовање; кій — *biljardna palica* — штека; цирюльникъ — *gapaг* — бријач (бербер) и т. д.

Конечно на этомъ не останавливается разница переводовъ Маретича и Радовича (о третьемъ поговору отдѣльно). Языкъ второго переводчика новѣе и ближе къ нынѣ принятому литературному стилю, чѣмъ у Маретича, у котораго замѣчается помѣсъ простонароднаго штоковскаго съ выраженіями загребскаго пуризма, иными словами кайкавскими и даже воспоминаніями литературной фразеологіи предыдущихъ столѣтій. Въ сравненіи съ этой смѣсью языкъ и стиль Радовича гораздо цѣльнѣе. Въ переводѣ его многіе недосмотры перваго переводчика исправлены, мѣстами онъ подходитъ ближе къ оригиналу, восполняетъ пропуски перваго перевода, однимъ словомъ передаетъ русскій

текстъ гораздо добросовѣстнѣе. Но и въ новомъ переводѣ не все такъ, какъ бы мы ожидали отъ вѣрной и точной передачи русскаго подлинника, не говоря уже о томъ, что Радовичъ, не знаю почему, пропустилъ заглавія отдѣльныхъ главъ, всѣ motto въ началѣ каждой главы, а также вставки въ стихахъ въ главахъ 4-ой и 8-ой. Все это имѣется въ переводѣ Маретича сполна.

Укажемъ однако-жъ нѣсколько примѣровъ, гдѣ у Маретича пропуски.

Въ главѣ I-й, стр. 182 (изданія литературнаго фонда) не переведены слова: «и могъ очень здраво судить о свойствахъ борзаго кобеля». У Радовича сказано только: «и могах врло добро распознати, које је ловско псето добро». Въ слѣдующемъ пропущены слова: «вмѣстѣ съ годовымъ запасомъ вина и прованскаго масла», у Радовича: «заједно с извјесном количином вина и зајитина» (не совсѣмъ точно).

I. 183 пропущены слова: «при чемъ учителя обыкновенно и обносили», у Радовича: «уз то обично су учителя пропуштали».

I. 186 пропущены слова: «въ видѣ надгробнаго слова», у Радовича: «у облику надгробне бесједе».

I. 186 пропускъ словъ: «Вѣдь не все же битъ жидовъ», у Радовича: «та увијек не можеш бити чивуте».

I. 186 не переведены слова: «черезъ бортъ», у Радовича: «преко краја од биљарде», тамъ же пропущены слова: «который считалъ богъ вѣдаетъ какъ, часъ отъ часу умножалъ игру — словомъ велъ себя какъ», у Радовича: «који је рачунао Бог би знао како; једнако сам тражио да се у више игра, једном ријечи понашао сам се као дерипште». Послѣднія слова въ переводѣ Маретича: «који se vladaše ko nestašno derište» относятся вслѣдствіе пропуска не къ молодому путешественнику, а къ — маркеру.

I. 187 пропущены въ переводѣ Маретича слова: «а всего бы лучше опохмѣлиться полстаканчикомъ настойки», у Радовича: «а да се мамурност разбије, најбоље би било да попијеш чашицу добре ракије» (только «настойка» не «добра ракија»).

Глава II, стр. 195 пропущены слова: «я стою на твердой

полосѣ, отвѣчалъ дорожный, да что толку?», у Радовича: «ја stojим на тврдомъ земљишту, одговори путник; ама зар то што год значи?».

II. 191: «тогда найдемъ дорогу по звѣздамъ» замѣнено общей фразой: «*tada nećemo zalutati*», у Радовича: «тада ћемо пут наћи по звјездама».

II. 191 пропущены слова: «небось, лошади чужія, хомутъ не свой, погоняй, не стой. Ямщикъ казался мнѣ правъ», у Радовича: «Туђи су коњи, хамови нијесу моји, гони па куд изиђе. Мени се учини да је кочијаш прав».

II. 192 не переведено: «не смотря на всевозможное презрѣніе къ предразсудкамъ», у Радовича: «и ако ми сви презиремо предрасуде».

II. 192: «*умышленнымъ* послушаніемъ» — прилагательное въ переводѣ пропущено, сказано только: «*ne će li to smatrati neposlušnom*», но у Радовича: «е ја нарочито не ћу да се покоравам».

II. 193: «отвѣчалъ *поговоркою*» — послѣднее важное обозначеніе въ переводѣ пропущено: «*i odsječe u kratko*», лучше у Радовича: «и рече ову пословицу». И въ слѣдующемъ (на стр. 194) пропущены слова: «лѣсничій ходитъ», у Радовича: «шумар хода наоколо».

Гл. III, стр. 200. Слова «я смотрѣлъ на нее съ предубѣжденіемъ» не переведены, у Радовича: «ја сам на њу гледао с предрасудом».

Гл. IV, стр. 205: «а и не честенъ, такъ здоровъ», у Маретича не переведено, но у Радовича такъ: «и ако није поштено, али је здраво».

Гл. V, стр. 212: «онъ научилъ тебя тыкаться желѣзными вертелами да притопыватъ, какъ будто тыканьемъ да топаньемъ убережешься отъ злого человѣка» — переведено слишкомъ сокращенно: «*on te je naučio metati se kopljem, a ipak se niesi mogao ugnuti šakam onoga zlikovca*». Лучше у Радовича: «он те научио, да се бодеш гвозденијемъ ражњима и да лупаш ногом, као да се баш бодеш и лупањемъ ногомъ можеш сачувати од непријатеља».

Гл. VI, стр. 219. Слова: «кажется, не должно бы» — не переведены у Маретича, у Радовича: «Рекао бих, није се нашло» — но это невѣрно, надо было сказать: «Чини се, да не би требало да буде».

Гл. VII, стр. 224. Въ переводѣ пропущены слова: «я укрѣпленные частоколомъ», у Радовича: «а људи га утврдили плотомъ». Потомъ нѣтъ въ переводѣ словъ: «Близость опасности одушевляла стараго воина бодростію необыкновенной», у Радовича: «опасность, која је била на прагу, особито је охрабрила старога војника».

Гл. VIII, стр. 231: прибавка «подаренный бродягѣ» къ слову «дѣтскій тулупъ» въ переводѣ пропущена, но у Радовича: «дѣтињи тулуп, који сам даривао прописвијету».

VIII. 231. Въ переводѣ пропущены слѣдующія слова: «за обѣдомъ скушать изволилъ двухъ жареныхъ поросятъ, а парится такъ жарко, что и Тарасъ Курочкинъ не вытерпѣлъ, отдалъ вѣникъ Ѧомкѣ Бикбаеву, да насилу холодной водой откачался... Нечего сказать: всѣ приемы такіе важныя...» Въмѣсто этой обширной характеристики въ переводѣ сказано: «По svemu је vidjeti да је pristao čovjek: kupao se је u hladnoj vodi!! Но у Радовича полный переводъ: «за ручкомъ је изволио да поједе два мала прасета, а у купатилу тако се жестоко парило, да и Тарас Курочкин није могао издржати, него је предао метлицу од лика Томи Бикбаеву, па се онда једва сам хладном водом облио. Мора се признати: све су у њега манире врло знамените ..». И дальше пропущены слова: «величиною съ пятакъ», у Радовича: «велик као пјетакъ» (вм. «пјетакъ» конечно «петакъ»).

Гл. X, стр. 239 пропущены слова: «наполявшіѣ ровъ» и «каменьщики тащили кирпичъ» — у Радовича переведено все: «којимъ бијаше напуѣн каналъ», «зидари су носили опеке и поправляли градски бедемъ».

Сокращенія эти объясняются отчасти недосмотромъ, отчасти нарочнымъ желаніемъ пропустить нѣкоторые мѣста, представлявшія затрудненія для переводчика. Но кромѣ этихъ пропусковъ существуютъ въ переводѣ примѣры невѣрной передачи рус-

скаго подлинника, потому что переводчикъ не вникъ въ смыслъ текста или же русскія слова ввели его въ заблужденіе.

Глава I, стр. 182: «на двѣнадцатомъ году» не значитъ: «do dvanaeste godine», лучше Радовичъ: «у дванаестој својој години».

I. 183: «за свои нѣжности» не совсѣмъ хорошо переведено: «za svoje usluge», лучше оставить «за своје нѣжности», такъ у Радовича.

I. 183: «привыкъ къ русской *настойкѣ*» нельзя сказать: «naučio se ruskoj mjeri».

I. 183: «мы тотчасъ поладили»: «mi se s njim pogodismo» не такъ хорошо, какъ у Радовича: «ја се брзо здружих с њиме».

I. 184: «полно ему бѣгать» неудачно: «Lako je njemu skakati»; хорошо у Радовича: «доста је играо и гонно голубове».

I. 185: «что и было поручено» не слѣдовало здѣсь перевести: «a to ostavih skrb», лучше Радовичъ: «што је било наређено», порученіе вѣдь сдѣлано уже дома родителями молодого путешественника.

Гл. II, стр. 190: «что цѣлые обозы бывали занесены» не хорошо переведено: «da znadu često i kola prevaliti», лучше у Радовича: «да тамошње меѣаве засипају цијела товарна кола».

II. 190: «лошади бѣжали дружно»: «konji bježahu uzagrabce», совсѣмъ не нужно, у Радовича безъ прибавки «коњи потрчаше».

II. 190: «вѣтеръ вылъ съ такой свирѣпой выразительностью, что казался одушевленнымъ» — переводъ выражаетъ очень слабо: «a vjetar urla toli biesno, kao da hoće sve gaskorati», ближе у Радовича: «вјетара је стала хука и бука те је изгледало, као да га је энтузиазам обузео», но и этотъ переводчикъ не сумѣлъ перевести прилагательное «одушевленный», въ настоящемъ его значеніи здѣсь, гдѣ не объ энтузіязмѣ говорится.

II. 191: «его смѣтливость» не значитъ: «njegova orpreznost», лучше у Радовича: «досјетљивост».

II. 193: «погребецъ» не точно «prtljagu», лучше у Радовича: «чајни прибор», хотя и это не совсѣмъ вѣрно, кромѣ того слова «приборъ» въ сербскомъ языкѣ въ этомъ значеніи нѣтъ.

II. 193. У Маретича «вожатый» и «ямщикъ» переведены безъ различія словомъ «коѣшъ», но это не вѣрно, надо было ихъ различать, Радовичъ назвалъ перваго турецкимъ словомъ «калаузъ».

II. 193. Разговоръ молодого путешественника съ вожатымъ, взобравшимся на полати, въ переводѣ вышелъ не соответствующимъ фактическому положенію; переводчикъ не понялъ значенія слова «полати», у него вожатый не находится на полатахъ внутри горницы, а гдѣ-то на дворѣ. Неточность перевода проведена послѣдовательно: «отвѣчалъ мнѣ голосъ *сверху*»: «oglasì se nešto *iz vana*» (у Радовича: «одговори ми глас *одозю*); «я взглянулъ на *полати*»: «zìgneh *vanka*» (у Радовича: «ја погледам на *панте*», слово «панта» не передаетъ вполне значенія «полати»); «я *предложилъ* вожатому чашку чаю; мужикъ *спѣлъ* съ *полатей*»: «*prosvaħ* mužika na čašu čaja, mužik *idje*» (у Радовича: «ја предложилъ нашему калаузу чашу чаја, мужикъ *сиђе* с *паната*); «я воротился на *полати*»: «i izidje na *rolje*» (у Радовича: «врати се на *панте*»).

Гл. III, стр. 197: «кривой старичекъ» не точно: «*grbav* staga», русское значеніе слова «кривой» смѣшано съ сербскимъ «*krivi*», у Радовича употреблено прилагательное «*једнооки*». Такимъ же недосмотромъ на стр. 199: коммандантъ «въ колпакѣ» нехорошо сказано: *kapetan* — «и *kalraku*», лучше у Радовича: «у ноѣној капи».

III. 200: «она мнѣ не очень понравилась» ошибочно сказано: «a veš mi se *vrlo zviknu*», лучше у Радовича: «није ми се свидѣла». — Тамъ же «вѣникъ» переведено «*viēpas*», исправлено у Радовича: «метла».

Гл. IV, стр. 201: «вышедшій въ офицеры изъ солдатскихъ дѣтей», переводчикъ, не зная русской исторіи, перевелъ невѣрно: «*bivši od malih poguh vojnikom postade kašnje častnikom*» — и у Радовича растянута: «син престога војника, и ако је био такође прости војник, постао је официјер».

IV. 207: «ни за что-бъ я не хотѣла, чтобъ и я ему такъ же не нравилась» переведено не точно: «i ni za što ne bi *hćela biti*

mi dragom», лучше у Радовича, хотя нѣсколько передѣлано: «да ми ништа не би теже било него кад му се не бих допадала».

Гл. V, стр. 213: «не почегъ за нужное рапортовать» нѣвно переведено: «не smatraše potrebnim oци doglasiti» — не объ отцѣ, а о генералѣ рѣчь идетъ.

Гл. VI, стр. 219: «человѣкъ самый прямодушный» не слѣдовало перевести словомъ «odgješiti», у Радовича: «искрен и срдчан» (лучше было бы «искрен и правичан»).

Гл. VII, стр. 226: «красный казачкій кафтанъ»: «и *lieri* *kazaškom kaftanu*», здѣсь и у Радовича: «у *lijeu* казачки кафтанъ». Оба переводчика забыли, что «красный» не соответствуетъ сербско-хорватскому «лијени», надо было перевести «у првени казачки кафтанъ». Маретичъ пропустилъ прибавку «обшитый галунами», у Радовича: «извезен на около гайтанима». — Тамъ же на стр. 228 «самозванецъ» не точно переведенъ словомъ «silnik», лучше у Радовича: «лажи-пар».

Гл. XI, стр. 246: «не ровень часъ» не значить: «петаѣ право», хорошо сказано у Радовича поговоркою: «ко зна шта носи дан, шта ли ноћ».

XI. 250: «да ты что за угодникъ»: «gle, gle, kako si ti *pravedan*», у Радовича ближе къ подлиннику: «а какав си ми ти то угодник!».

XI. 253: «они свою шею выкупаютъ моею головою»: «kod prve nesreće mogli bi mi glave doći», точнѣе у Радовича: «при првој погибији они ће откупити своју главу мојом главою».

Такихъ промаховъ можно бы насчитать еще нѣсколько. Они не нарушаютъ общаго впечатлѣнія, хотя лучше было бы безъ нихъ.

Нельзя сказать, чтобы переводъ Радовича обошелся совсѣмъ безъ ошибокъ, хотя вообще онъ гораздо точнѣе и несравненно ближе къ русскому оригиналу, что видно уже изъ приведенныхъ выше примѣровъ. Для полноты оцѣнки укажемъ на нѣсколько случаевъ неточности, лишннихъ добавокъ или пропусковъ также этого второго перевода.

Глава I, стр. 182: «я былъ записанъ въ Семеновскій полкъ» нельзя сказать: «ја сам се као наредника уписао» — вѣдь это состоялось безъ участія мальчика.

I. 187: «нужно было нанимать въ дядьки басурмана» — очень некстати переведено: «и зар је требало њега *ѣаура* узимати за *дидаскала*». Такъ еще въ гл. II, стр. 195: «прошу не умничать, сказагъ я своему дядькѣ», переведено: «не попуј ти ту, молим те, рекнем ја свом *дидаскаму*», и въ гл. IX, стр. 236: «о чемъ дядька мой вздумалъ писать»: «што мој *дидаскало* пише». Такъ же еще на стр. 237, у Радовича на стр. 110. На мой взглядъ переводъ *дидаскало* (или лучше *даскал*) для русскаго *дядьки* ни куда не годится!

Гл. II, стр. 190: «добро бы на свадьбу» переведено: «као да идемо на варен пилаѡ!» Свободный и едва ли изящный переводъ.

Гл. III, стр. 200, къ переводу: «да ме неће за десет година заборавити» (что лѣтъ на десять угомоню) прибавлено безъ причины: «памтиће они мени југовину»!

III. 201: «выстрѣлъ изъ ружья» нехорошо переведено: «пущаѡ из *топа*». Но ружье не пушка!

Гл. V, стр. 214: «дали моей душѣ сильное и благое потрясеніе» переведено: «потресли су ми душу силно и утицали су на њу као *балзам*»!

Гл. VI, стр. 220: «долго оставался безъ дѣйствія»: «није се остварио» — слишкомъ много сказано въ переводѣ, надо было по крайней мѣрѣ прибавить: «*дуо* се није остварио».

VI, 220: «смотри-жъ, Юлай, хорошенько его»: «гледај де, Јулају, *запиј му их*, као што стоји и да му ваѡа» — слишкомъ обстоятельно!

VI, 221: «все были пораженъ»: «сви ником поникосмо и у прну земљу погледаемо» — слишкомъ поэтически!

Гл. VII, стр. 224: «по ихъ рысьимъ шапкамъ и по калчанамъ»: «по капама и торбицама од рисове коже» — невѣрно: «колчанъ» не «торбице» и прилагательное «рысьи» относится не къ колчанамъ, а только къ шапкамъ.

VII. 225: «вотъ я васъ»: «даћу ја вама из пушака врућијех крушака» — лишняя прибаутка!

VII. 225: «она казалась безъ памяти»: «да је изгледала као укочана и да ће скоро пасти у несвијест». Очень растянута!

VII. 226: «бей въ барабанъ»: «засвирајте у трубе» — не совсѣмъ точно.

Гл. VIII, стр. 232: «съ красными рожамъ»: «те се првењаху као кукуријекъ» — лишнее сравненіе.

Эти и еще нѣсколько такихъ ненужныхъ отступленій отъ подлинника не мѣшаютъ назвать переводъ Радовича очень удачнымъ и большой похвалы достойнымъ трудомъ. Переводчикъ постарался для уразумѣнія своихъ предполагаемыхъ читателей, мало подготовленныхъ, указать въ краткомъ введеніи всѣ превосходныя стороны этого романа, при чемъ онъ воспользовался отзывами Ланга, Бѣлинскаго и Скабичевскаго.

Третій, новѣйшій переводъ «Капитанской дочки» — трудъ хорватскаго писателя Антона Радича — задался цѣлью въ точной, чуть ли не буквальной передачѣ русскаго подлинника дойти до возможнаго совершенства. Въ этомъ отношеніи авторъ дѣйствительно достигъ своей цѣли. У него переведенъ не только весь текстъ безъ малѣйшихъ пропусковъ, но не пропущено даже ни одного почти русскаго слова, иные обороты переданы даже настолько близко, что удобопонятность становится сомнительной, напр. на стр. 244: «mi smo živjeli — duša u dušu», стр. 246: «da on ne će zapustiti Petruše svojom milošću», стр. 263: «da te bez počasti ogrlim», ib. «čas od časa sve to teže», стр. 304: «ja sam mislio da sam višes», даже «батюшки мои»: «ački или «aacci тоји»!! Я могу, правда, засвидѣтельствовать, что за очень рѣдкими исключеніями переводчикъ понялъ смыслъ подлинника правильно, такъ что на переводъ его можно положиться, какъ на очень вѣрное отраженіе русскаго текста. Все это такъ. Но стремленіе быть точнымъ должно знать мѣру, не то нарушается простота и изящество. Къ сожалѣнію г. Радичъ не вполне миновалъ эту опасность. Переводъ его, благодаря именно излишней

точности, не только не идетъ въ сравненіе съ Пушкинскимъ простымъ и легкимъ разсказомъ, онъ уступаетъ даже переводу г. Радовича. У послѣдняго на мой взглядъ языкъ проще и правильнѣе, чѣмъ у Радича. Переводъ г. Радича производитъ на меня впечатлѣніе чего-то неизящнаго, сухого, мѣстами даже тяжелаго. Какъ напримѣръ онъ не догадался выбрать для русскаго «дядьки» другое слово вмѣсто неудобнаго *dadilja*? Вѣдь это значить русскую мамку или няню, не дядьку! Какъ безвкусно выходитъ переводъ слова «начальникъ» выраженіемъ *načeonik*, и еще хуже *načeonništvo* для «начальства»! Не изящно сказано: «*ī tako se rušile sve moje zjajne nađe*», проще и лучше у Радовича: «све моје лијепе наде *propadoše*»? Не могу одобрить переводъ «*kolica*» для «кибитки» — съ какой стати здѣсь уменьшительное? Русскій «халатъ» не то, что *halja*, Радовичъ чувствовалъ необходимость прибавить по крайней мѣрѣ «у *noћnoj хаљини*» (= *Schlafröck!*). Какъ не хорошо вышелъ буквальный переводъ такихъ оборотовъ, какъ «*ne izvolievaj se mi uznemirivati*», или «*da se uzalud izvoljevate ljutiti*». Такъ же мало можно одобрить исключительно дубровницкое слово *gospari* для «сударь», какъ *čaća* или *čacko* для очень широкаго употребленія русскаго «батьюшка» или слово *mužić* для «мужичка» (передѣлано должно быть кайкавское «*mužek*» въ «*mužić*»?). Какой странный вкусъ переводить «настойку» словомъ *napojište* (пойло)?! Кто догадается сразу, что «*polovina*» (на стр. 261) значить «полтину» рубля? Не хорошо выходитъ переводъ *soldatić* для русскаго ласкательнаго «солдати́къ». Не могу согласиться съ переводомъ *čuvsten* для «чувствительной» дѣвицы, лучше у Радовича *osjetljiv*. Особое значеніе словечка «такъ» въ фразѣ «она такъ и обмерла» г. Радичъ передаетъ словомъ *samo*, напр. «*ja sam samo obamrla*» (стр. 280, 312), «*ī srce mi samo zamge*» (стр. 300), «*koje su joj samo gorjele*» (стр. 269); мнѣ кажется, что и это провинциализмъ. Такихъ не совсѣмъ удачно подобранныхъ словъ у г. Радича довольно много. Но есть также выраженія, сочиненныя переводчикомъ въ подражаніе русскимъ, напр. стр. 284: «*neka se namisli i rokaје*», сообразно съ рус-

скимъ: «пускай онъ себѣ *надумается* и раскается», или же стр. 333: «*zagovorite* me jadnu», для русскаго: «*заступитесь* за меня бѣдную»; «*zagovoriti*» въ этомъ значеніи провинціализмъ! Не хорошъ переводъ стр. 346: «*ne može se kazati*, dao si se *obutjeti*» (*hast dich fühlen lassen!*), въ русскомъ: «нечего сказать: далъ ты тебя знать»; фраза «нечего сказать» еще разъ на стр. 312 нехорошо переведена (хоть бы и точно): «*ne možeš kazati*». «Ворчанье» жены некрасиво переведено: «*mrtčanjem svoje žene*» (стр. 348), не лучше ли «*mrtmljanjem*», какъ у Радовића, или «*gundjanjem*». Не могу похвалить непоследовательность обнаруженную въ переводѣ съ одной стороны «*u prolivenoj hrišćanskoj krvi*», съ другой «*budi s nama sveti križ*»: кто говоритъ «*križ*», говоритъ также *kršćanski*. Не изящнымъ мнѣ кажется глаголъ *lolati* для русскаго «гулять», не лучше ли «*skitati se*» или «*rijančiti*»? Для русскаго «хрюканья» не употребительно слово «*gundranje*» — выраженіе областное, кайкавское, въ ходу, сколько мнѣ извѣстно, только для людей, напр. для ворчливыхъ бабъ, стариковъ; Радовичъ перевелъ настоящимъ словомъ «роктаве». Едва ли хорошо сказано «*juha će stinuti*», это потому что въ русскомъ «простынуть», но этимологическое родство словъ сюда не идетъ. Фраза «*tko će kraće povući*» напоминаетъ черезчуръ нѣмецкое «*das kürzere ziehen*»; удачнѣе у Радовича: «ко ће извући дебљи крај». Не хорошо сказано: «*da se kanite potući na sablje*», или «*družtvo vrlo je zabavljalo moje pomišlanje*», да «воображеніе» не есть «*pomišlanje*». Ошибочными я считаю слова *majkica* (вм. *majčica*) и *kugla* (вм. *kuglja*); не понимаю также, что заставило переводчика передѣлать «калмыка» въ *kalmuka*! Не по правиламъ литературнаго языка сказано: «*Što bude, bude*» (стр. 313) вм. «*Što će biti, to će biti*» (такъ у Радовича), или «*kako ja ne budem htio služiti, kad moje službe bude trebalo*» (стр. 319), или на стр. 343: «*U jutro me dodjoše pozvati*» (вм. «*dodjoše da me pozovu*»).

Маленькіе пропуски замѣчены мною въ слѣдующемъ: на стр. 267: «*sobica... razdieljena na dvoje*» (пропущено «*pregra-*

dom», у Радовича читается); на стр. 308: «*vješalama na gredi nadje se osakaćeni Baškigac*», пропущено «верхомъ», у Радовича выразительнѣе: «на поперечну греду бѣше *uzjaza* осакаћени Башкир»; на стр. 330: «*da odbijamo artilerijskom silom (ako to bude moguće) u provalnim četama*», въ подлинникѣ сказано: «силой артилеріи и вылазками», такъ и у Радовича: «да одбијамо топовском ватром и ако се могбуде журишима».

Этимъ примѣрами, число которыхъ можно бы еще увеличить, достаточно оправданъ мой взглядъ на этотъ новѣйшій, но не лучший переводъ «Капитанской дочки». Языкъ г. Радовича принадлежитъ къ произведеніямъ такъ называемой загребской школы, въ которой въ новѣйшее время замѣчается, вслѣдствіе несчастныхъ недоразумѣній политическихъ, стремленіе сепаратистическое. Нѣкоторые писатели, преимущественно изъ молодыхъ, стараются всѣми усиліями обособить свой специально «хорватскій» литературный языкъ. Это очень мало обдуманное намѣреніе поддерживается пока разницею орографическою и тенденціозной наклонностью къ областнымъ словамъ. Въмѣсто полного литературнаго объединенія съ сербами, которое намъ представителямъ отживающаго поколѣнія когда-то казалось уже почти достигнутымъ — выступаетъ теперь на сцену партія молодыхъ писателей, проповѣдывающая сближеніе хорватовъ со словѣнцами. Мнѣ же кажется, что совершися полное и надежное, весьма разумное и цѣлесообразное единство сербско-хорватское не только въ литературномъ языкѣ, гдѣ оно дѣйствительно почти существуетъ, но также въ духѣ и направленіи, во взаимной поддержкѣ и распространеніи совокупной дѣятельности литературной по всѣмъ странамъ, гдѣ сербы и хорваты существуютъ, тогда и словѣнцы, при ихъ немногочисленности, стали бы гораздо сильнѣе тяготѣть къ этому единству сербско-хорватскому, чѣмъ они это теперь показываютъ.

XI.

АНДЖЕЛО.

**въ двухъ переводахъ одного и того же пере-
водчика.**

Выше, на стр. 130, подъ № 87, упоминается переводъ Пушкинской поэмы «Анджело», сдѣланный сербскимъ поэтомъ Іованомъ *Дучичемъ* для журнала, издаваемого въ Мостарѣ (въ Герцеговинѣ) подъ заглавіемъ «Зора». Онъ напечатанъ въ 1898 году (третьемъ этого журнала), на стр. 105—9, 143—6, 185—7, 211—3. Недавно тотъ же переводчикъ напечаталъ въ «Летопис Матице српске», въ кн. 207 (въ III выпускѣ за 1901 годъ), вторично свой переводъ той же поэмы въ нѣсколько исправленномъ видѣ. Это второе изданіе обращаетъ на себя вниманіе критики, само собою напрашивается сравненіе, желательнo убѣдиться, насколько въ новомъ изданіи трудъ переводчика вышелъ лучше, исправнѣе. Скажемъ нѣсколько словъ и объ этомъ.

Пушкинъ написалъ своего «Анджело» въ александринскихъ 12-ти- и 13-ти-сложныхъ ямбическихъ стихахъ. Переводчикъ не сумѣлъ въ этомъ размѣрѣ вполнѣ подражать подлиннику. Разнообразіе мужскихъ и женскихъ римовъ у него пропало, мужской римъ у него нѣтъ, всѣ же стихи вышли шестистопными, безъ гиперкаталектического прибавленія. Всѣ стихи заканчиваются ритмомъ трохаическимъ, несмотря на то, что иногда начало стиха обнаруживаетъ стопу ямбическую, въ родѣ слѣдующихъ: «У јѣдномѣ», «А другъ мира», «У прѣсуди», «За лаганѣмъ», «И с тугомъ», «А сѣдъ», «Са снажнимъ», «Путѣвати», «У нади» и т. д. Обыкновенно уже на второй или третьей стопѣ размѣръ ямбическій опрокидывается въ противоположный, трохаическій ритмъ. Напр. въ I. 3 встрѣчаемъ такіе стихи:

Тад Анѣло нѣки бјѣше чѣвјек пѣзнат,
 Са свѣжног искуства и сурове ђуди,
 И Дужд старі вѣга намјесником назва и т. д.

Это нарушение ритмической послѣдовательности, конечно, большая ошибка. Если переводчику не удавалось переводить правильными ямбическими стопами, чему я нисколько не удивляюсь, зная что при рѣшительно трохаическомъ характерѣ сербской рѣчи ямбы обыкновенно выходятъ очень неудовлетворительными — тогда лучше было бы совсѣмъ отказаться отъ ямбовъ и безъ малѣйшихъ уступокъ въ пользу ихъ перевести всю поэму размѣромъ трохаическимъ. Многіе стихи дѣйствительно представляютъ довольно сносныя трохаическія стопы, какъ напр.:

- I. 3: Бјѣше мрѣчног чѣла, вѣље вјѣчно јаке,
 I. 5: О чемъ нѣко нѣкад нѣ слуша у граду,
 I. 8: Њбј ме пѣсла амо вѣн несретни братац
 Несретни а зашто? Шта је с ѡме збори
 I. 11: Размисли на љубав прѣнуће ти срѣде
 I. 11: Зѣкон није дѣ сад ѹмирао нѣкад, и т. д.

Должно быть литературная критика не подняла еще своего голоса противъ такого nepoзвoлитeльнaгo смѣшенія двухъ противоположныхъ ритмическихъ теченій, гдѣ, по выраженію Пушкина, «стихъ то въ ямѣ, то на кочкѣ». Или же она не пользуется достаточнымъ авторитетомъ, чтобы заставить поэтовъ обращать нѣсколько побольше вниманія на важную въ каждой поэзіи ритмическую сторону стиховъ? Какъ бы то ни было, но переводчикъ «Анѣло» не исправилъ этого недостатка во второмъ изданіи своего перевода, въ которомъ, какъ видно изъ приведенныхъ выше примѣровъ, все осталось по прежнему. Стремленія подогнать стихи подъ ямбическія стопы не видно.

Что же касается употребленія рѣмы, и въ этомъ отношеніи переводчикъ далеко отсталъ за своимъ образцомъ. Онъ довольствовался исключительно женскими рѣмами, даже въ тѣхъ слу-

чаяхъ, гдѣ начало стиха отзывается стопою ямбическою. Громадное большинство стиховъ заканчивается у него двусложнымъ словомъ. употреблеііе исключительно женской риѣмы идетъ черезъ стихъ такъ, что риѣмуютъ стихи 2 и 4, стихи же 1 и 3 остаются бѣлыми. У Пушкина мужскія и женскія риѣмы чередуются то перекрестно, то попарно. Мы имѣли случай убѣдиться, что при нѣкоторомъ усиліи переводчики успѣли и въ этомъ отношеніи подойти ближе къ подлиннику, чѣмъ это сдѣлалъ г. Дучичъ. Поэтому мнѣ сдается, что издатель второго изданія (Матица сербская), если онъ уже согласился вторично напечатать переводъ поэмы «Анцело», могъ съ полнымъ правомъ требовать отъ переводчика, чтобы онъ постарался исправить и усовершенствовать свой трудъ также съ виѣшной, технической стороны.

Но и въ передачѣ содержанія трудъ г. Дучича не удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ хорошаго и удачнаго перевода. Онъ слишкомъ удаляется отъ подлинника то пропусками не только отдѣльныхъ выраженій, а цѣлыхъ оборотовъ и изреченій, то ненужными вставками или замѣною мыслей Пушкинскихъ другими, присвоенными ему переводчикомъ. Я знаю, конечно, что отъ переводовъ поэтическихъ нельзя требовать точности буквальной, но искусство переводчика должно именно стремиться къ тому, чтобы трудъ его передавалъ все содержаніе подлинника не только въ красивой формѣ, но также въ возможной полнотѣ. Въ первомъ отношеніи переводъ Дучича довольно хорошъ, но во второмъ онъ вызываетъ постоянныя возраженія. Нельзя даже сказать, чтобы новое изданіе существенно измѣнилось къ лучшему, хотя иныя поправки могутъ быть названы удачными. Въ доказательство справедливости этого моего отзыва я постараюсь привести примѣры.

I стр. 1. Стихъ «Другъ мира, истины, художествъ и наукъ» переведенъ сначала такъ: «А другъ мира, знаѣа и праведногъ рада», во второмъ изданіи слова «а другъ» замѣнены выраженіемъ *стражар*. Едва ли это къ лучшему. Переводчикъ заставляеть стараго Дука быть «сторожемъ» художествъ и наукъ. Да въ переводѣ

его о художествахъ и не говорится. Далѣе стихъ «какъ дряхлый звѣрь, уже къ ловитвѣ неспособный» первоначально былъ растянутъ въ переводѣ въ три стиха:

Што у сјенци тавној др'јема звијер стара
За лаганим скокомъ и за смѣлимъ ловомъ
Немајући више ни воле ни жара —

но потомъ переводчикъ замѣтилъ эту лишнюю растянутость и передѣлалъ стихъ короче и лучше, такъ:

... као стара звијер
Изнурена давно за лов по планини.

Послѣ словъ «Дужъ это чувствовалъ» (въ новомъ переводѣ «и дуждъ и сѣмъ спази») слѣдуютъ въ подлинникѣ важныя выраженія: «въ душѣ своей незлобной и часто сѣтовалъ», въ новомъ переводѣ нѣтъ имъ никакого отраженія, въ первомъ можно было найти по крайней мѣрѣ слова: «И с *тужомъ* и *боломъ* и самъ сазна старацъ». И такъ здѣсь новый переводъ даже менѣе выразителенъ чѣмъ старый. Стихъ «Что хуже дѣдушекъ съ дня на день были внуки» переведенъ сначала совсѣмъ неудачно, такъ: «Унуцима с дједомъ све је већа мука» (какъ будто бы рѣчь шла о вознѣ внуковъ съ дряхлыми дѣдушками!), но въ новой передѣлкѣ то-же безъ малѣйшей причины растянуть стихъ въ два:

«Синови су гори него оци њини,
Унуци су гори него њини дједи».

1. 2. Въ этой строфѣ слова подлинника «тому же особливо, кто первый самъ его потворствомъ одобрялъ» въ переводѣ пропущены въ новомъ изданіи. Зато въ текстъ перевода вставлены лишнія слова: «Ал' све бјеше заманъ — И данъ је за даномъ протигао лако», которыми разсказъ дѣлается расплывчивымъ, не придавая содержанію ничего существеннаго. И здѣсь въ первоначальномъ переводѣ была по крайней мѣрѣ сдѣлана слабая по-

пытка дать отголосокъ приведеннымъ словамъ русскимъ въ такомъ видѣ: «заман гоней бригу, што мир старих дана неспокоюствомъ квари». Конечно это не то, что сказано въ подлинникѣ, очевидно не понятомъ.

I. 3. Слова «са снажног искусства» для передачи «въ искусствѣ властвовать», доказываютъ лишній разъ, что и этотъ переводчикъ не постарался навести справку въ словарѣ, значить ли дѣйствительно русское слово «искусство» то, что въ сербско-хорватскомъ языкѣ «искуство». — Слово «докучнаго вниманья избѣгая» переводчикъ не понялъ, его переводъ «за сву бригу више не хтје ни да мари» значилъ бы, что старый Дукъ отказался отъ всѣхъ заботъ.

I. 4. «Пружины ржавыя опять пришли въ движенье» и «Правосуѣ силно из санка се прену» — изреченія очень не похожія другъ на друга. Точно такъ: «и говоритъ: хе, хе! да этотъ ужъ не тотъ» и: «гдје прозбори закон што ј'одавна ћуто» — это не переводъ, а замѣна мысли подлинника совсѣмъ другой. У Пушкина народъ замѣчаетъ разницу между прежнимъ и нынѣшнимъ владѣтелемъ, у переводчика же выходитъ только новое дѣйствіе законовъ наружу.

I 5. Новый князь отыскалъ старый законъ противъ прелюбодѣевъ и «опять его на свѣтъ пустилъ для исполненія, сурово говоря помощникамъ своимъ». Эти очень простыя слова въ переводѣ замѣнены чѣмъ-то совсѣмъ новымъ: «Али св'јет га ипак испуњават не хтје, нит' без љутог збора пустити га хтјеше». Въ исправленномъ изданіи переводчикъ пошелъ въ своемъ вымыслѣ еще дальше, онъ пишетъ (въ скобкахъ!): «Ко гром овај случај одјекну по граду и гомилом грдње засути га хтјеше»!! Это не значить даже передѣлывать, а просто выдумывать!

Въ той же строфѣ подъ конецъ сказано въ подлинникѣ:

Законъ не долженъ быть пугало изъ тряпицы,
На коемъ наконецъ уже садятся птицы —

Въ первомъ изданіи перевода этому поэтическому сравненію нѣтъ

ни малѣйшаго слѣда, оно пропущено. Во второмъ же пожалуй сдѣлано еще хуже, переводчикъ прибавилъ отъ себя послѣ перевода вышеупомянутыхъ словъ, слѣдующее разсужденіе:

«Ил' је бич судије да грешнике казни,
Свети бедемъ који штити појединце?»

Въ подлинникѣ ничего подобнаго не сказано, нѣтъ рѣчи о законѣ какъ плети въ рукахъ судей для преступниковъ, нѣтъ рѣчи о роли его какъ крепостнаго вала въ защиту одинокихъ!

I. 6. Стихъ рисующій легкомысленность молодежи: «межъ тѣмъ какъ вѣтрено надъ бездною скользила» передѣланъ, должно быть по недоумѣнію переводчика, такъ: «Но узаман подсмѣхъ, и узаман трудъ». Въ новомъ изданіи только союзъ и замѣненъ словечкомъ *сми*. Значить, все прочее оказалось въ порядкѣ?! — Словамъ «вѣи навике своје гонѣи' на тенани» нѣтъ ни малѣйшаго повода въ подлинникѣ, а надежда Клавдія любовницу свою современемъ представить обществу какъ супругу, переведена страннымъ образомъ совсѣмъ невѣрно:

«У нади да блуднимъ савременимъ стањемъ (!!).
Оправда предъ свѣтомъ своје грѣхе љуте».

Въ глазахъ Пушкина выходитъ Клавдіо гораздо менѣе преступнымъ человекомъ, чѣмъ у переводчика, передавшаго стихъ: «Джюльету нѣжную успѣлъ онъ обольстить» такими крѣпкими словами: «*Страшномъ грѣху* нагна на стрмене путе».

I. 7. И здѣсь опять русское «искусство» переведено сербскимъ «искусствомъ», что даже очень некстати сказано: «има много ума и искусства сретна». О какой опытности можетъ говорить братъ относительно молодой сестры монахини?! Точно такъ не слѣдовало «*рыдающая* мадость» переводить: «*младост цѣјетна*»; рыданіе молодой дѣвицы не цвѣты.

I. 8. Ошибку перваго изданья: «побожно тогъ дана *постригла* је косе» переводчикъ успѣлъ исправить во второмъ: «побожно *ће* сутра да постриже косе». Точно такъ «перебирая четки» исправ-

лено въ новомъ изданіи «Бројанице нижуѣ», въ первомъ было ошибочно: «у побожне сате». Далѣе безъ малѣйшей причины вставленъ стихъ: «коју овдје скрива дом свети и стари». Лишней вставкой оказываются также слова: «А да вас не мори љубопитство дуже, нећу да вам дуѣим в'јест с ком сам дош'о». Невѣрно переведены слова: «за то, за что бы я благодарилъ его, красавица моя»: «за ствар, душо, да сам мјесто њега, камо л'јепе среће» (такъ въ обоихъ изданіяхъ). Но Люціо вовсе не завидуетъ своему другу, онъ считаетъ только поведеніе его достойнымъ похвалы. — Въ переводѣ «без чуђења» видно, что переводчикъ не справился насчетъ настоящаго значенія словъ «безъ притворныхъ причудъ». — Нѣтъ причины для замѣны словъ «чиста *душою*» въ «мис'о чиста». — Переводъ перваго изданія: «Празном р'јечју, злошћу св'јет непознат њојзи не смути јој душу» (въ подлинникѣ: «ее смутить не могъ невѣдомый ей міръ своею суетой и праздными рѣчами») подходитъ ближе къ подлиннику, чѣмъ въ новомъ изданіи: «никад поток света непознатог њојзи не помути душу». Слова «што чедношћу (нов. изд. врлином) блиста» — опять лишняя прибавка переводчика; точно такъ и комплиментъ сдѣланный красотѣ ея словами: «своју сестру *пуну чара и милоште*». Эти излишества оставлены въ новомъ изданіи безъ перемѣны! — Стихъ «но сомнѣваюсь; во мнѣ не станетъ силъ» въ переводѣ пропущенъ. Слова «сомнѣнья намъ враги» въ первомъ изданіи передаются неудачно: «о сатаѣе сумѣе», вмѣсто чтобы сказать: «сумѣе су наши противници», въ новомъ изданіи сказано нѣсколько иначе, но не много лучше.

I. 9. Стихи: Простите вновь его, бросайтесь на колѣни
 Хватайтесь за плащъ, рыдайте, слезы, пени,
 Всѣ средства женскаго искусства вы должны
 Теперь употребить

переведены очень вяло:

Молите га опет
 И молбама тихим (нов. изд. дугим) пуним туге, јада,

Тражте милост њему (нов. изд. брату). Плач'те, сузе, *нјене*
И сву мудрост женску употребите саде.

Въ новомъ изданіи ошибка *нјене* (для русскаго *нени*) передѣлана въ *орисак*, поправка нехорошая въ смыслѣ точности, лучше было бы сказать *корбе*. Въ послѣднемъ стихѣ возстановлено слово «и сва средства», только для «женскаго искусства» у переводчика не нашлось другого слова какъ «жене». Сравненіе съ иголкой, не понятое въ первомъ изданіи, исправлено въ новомъ какъ слѣдуетъ, но и здѣсь послѣдніе два стиха подлинника остались безъ перевода.

I. 10. Словами «Хватајуѣ се плашта» внесено здѣсь въ текстъ то, что слѣдовало примѣнить къ извѣстному мѣсту предыдущей строфы, гдѣ дѣйствительно имѣются слова «Хватайтесь за плащъ», но здѣсь въ подлинникѣ этихъ словъ нѣтъ. Также нѣтъ повода прилагательнымъ перевода «уплакана, бл'једа». Странное недомѣніе замѣчается въ слѣдующемъ, гдѣ вм. «ни бархатъ судіи», въ переводѣ сказано: «величаѣа гласи» или въ новомъ изданіи «химна гласи»! Какимъ путемъ переводчикъ дошелъ до этого перевода, это для меня загадка!

I. 11. И въ этой строфѣ попадаютъ мелочи лишнія. Такъ въ самомъ началѣ не нужно было вносить въ стихъ: «Тако Изабела». Вм. «преклинемъ те, иди», въ подлинномъ менѣе торжественно, но естественнѣе сказано: «Оставь меня, иди». Съ какой стати «праведная сила» переведено «страшна сила»? Въ концѣ не нужно было прибавлять «па да видим (прежде «спазимъ») грешна».

I. 12. Въ подлинникѣ сказано «и завтра онъ умретъ», переводчикъ счелъ нужнымъ еще прибавить: «онъ умре сѣутра у освитку бл'једомъ», и въ слѣдующемъ отвѣтѣ Изабеллы еще разъ повторено: «у освитку сутра». Для чего это? «Теперь проснулся онъ» въ первомъ изданіи сказано: «спавао је само и сада се трг'о», во второмъ оставлена первая лишняя половина стиха, вычеркнуто же то, что лучше подходитъ къ русскому подлиннику. — Очень тяжело переданъ стихъ: «Потворствовать грѣху есть тоже

преступленіе: «Преступ власти то је свагда када попуштава гр'јеху», въ первомъ изданіи сказано: «Јер допуст гр'јеха то је преступ власти». Въ томъ и другомъ переводѣ мѣшаетъ прибавка «власти», рѣчь идетъ не о правленіи, это гномическое изреченіе въ родѣ пословицы. — Въ слѣдующемъ: «ужель душа твоя совѣмъ безвинная» переведено лучше въ первомъ изданіи: «яг' зар твоја душа не *поир'јеш* никадъ», чѣмъ во второмъ: «не *пријеш* никадъ». Наконецъ цѣлый послѣдній стихъ: «Ужели и мысли грѣшныя въ ней отроду не тлѣли» остался въ обоихъ изданіяхъ не переведеннымъ.

I. 13. Начальный стихъ «Дубока и силна њега прожма језа» можетъ быть очень хорошъ, но онъ не соотвѣтствуетъ русскимъ словамъ «неволью онъ вздрогнулъ, поникнулъ головой». Стихи:

«Молитвами любви, смиренія и мира,
Молитвами святыхъ, угодныхъ небу дѣвъ,
Въ уединеніи умершихъ ужъ для міра,
Живыхъ для Господа»,

которыми дѣвственная Изабелла готова одарить Анджело, переведены совѣмъ неудачно такъ:

Молитва недужне, дјевојачке душе
Пред судиштемъ страшнимъ куд си најзад тремо
Те молитве давно умрлих за земљу
А живих за небо».

Подчеркнутымъ словамъ второго стиха нѣтъ ни малѣйшаго отголоска въ подлинникѣ.

Въ концѣ строфы тоже цѣлая вереница словъ — прибавка переводчика: «И остави *бл'једу монахињу туде*, Пошав *мутном духу да тражи смиренѧ*». Ничего подобнаго въ русскомъ текстѣ нѣтъ. Тамъ сказано только: «и въ отдаленные покои поспѣшаетъ». Если переводчикъ заставляетъ Анджело еще только искать смиренія, то онъ не обратилъ вниманія на слова Пушкина: «сму-

щенъ и *присмирѣвъ*», т. е. русскій поэтъ представляетъ Анджели уже присмирѣвшимъ, а не ищущимъ только смиренія.

II. 1. И здѣсь кое-что безъ необходимости вставлено, но за-то кое-что и пропущено. Непереведенными оказались слѣдующіе стихи:

Или когда святого уловить
Захочетъ бѣсъ, тогда приманкою святою
И манить онъ на крюкъ.

Зато опять прибавленъ лишній стихъ: «Свуда само видим драгу слику ѱену». Въ подлинникѣ ничего такого нѣтъ. Замѣтимъ кстити, что у Пушкина выступаетъ противоположность между «нескромною красотою» и «чистой дѣвою», въ переводѣ же она не обозначена, сказано только: «За ѱепотом женском» и «дѣвоѳком чедном». Не хорошо также названо глубокое впечатлѣніе, произведенное на Анджело чистой дѣвою, — пониженіемъ! По словамъ русскаго поэта Анджело до сихъ поръ влюбленнаго челоѳка «безумству удивлялся», въ переводѣ же говорится: «Знадох сл'ѣпо тада безумъу ѳубави да се само смеѣем».

II. 2: «Словами онъ *небу* говоритъ» лучше въ первомъ изданіи: «но говорѣи с *небомъ*», чѣмъ въ исправленномъ: «и зборѣи с *Божомъ*». — Совсѣмъ не хорошо вышелъ переводъ слѣдующихъ словъ:

Въ уныньѣ погруженъ,
Устами праздными врацаѣ онъ имя Бога,
А въ сердцѣ грѣхъ кипѣѣ.

Въ переводѣ перваго изданія:

И кад *туте море*
Прели му се душою, онъ бесѳјесно, тихо
Спомиѳаше Бога.

Во второмъ изданіи нѣсколько передѣлано:

И кад *туте море*
Јадну душу *прели*, онъ бесѳјесно, тајно
Дозиваше небо.

Но во-первыхъ въ подлинникѣ не говорится о «морѣ грусти разлившимся на его душу», во-вторыхъ въ переводѣ не выражено, что Анджело только «праздными устами» вращалъ имя Бога. — Простыя слова «Душевная тревога его осилила» переведены въ первомъ изданіи такъ: «Но душевна борба неком тајном силом кр'јепити га заче». Замѣтивъ, должно быть, что онъ не понялъ значенія слова «осилила», переводчикъ передѣлалъ свой переводъ во второмъ изданіи такъ: «Но душевна борба у безумье тихо прелазити заче». Едва ли этотъ переводъ лучше. По смыслу падо было сказать: «Душевени немир њиме облада». — Для словъ «важность мудрую» оказывается лучшимъ переводомъ то, что сказано въ первомъ изданіи: «а озбиљност своју», чѣмъ во второмъ: «сву мудрост своју». Удареніе падаетъ по характеру Анджело не столько на мудрость, сколько на важность его.

II. 3. Въ дальнѣйшемъ разговорѣ Изабелла спрашиваетъ Анджело: «почему же простить нельзя его (т. е. брата)?» Переводчикъ некстати передѣлалъ вопросъ въ просьбу: «Милост не-срећнику који грозно скриви». Прибавка «који грозно скриви» вовсе не идетъ сюда, гдѣ сестра проситъ о помилованіи брата. — «Убийство легче» говоритъ Анджело, подразумѣвая сравненіе съ прелюбодѣляніемъ, переводчикъ перевелъ невнимательно: «Зло је лакше свако!» — Въ предложеіи, которое Анджело дѣлаетъ Изабеллѣ намеками, поэтъ прибавляетъ въ скобкахъ:

«Все это клонится къ тому предположенію

И только есть вопросъ и больше ничего».

Этихъ словъ переводчикъ видно не понялъ, переводъ его въ новомъ изданіи выражаетъ совсѣмъ не то:

«Рад бих прећи на ствар

А ја само питам, брбљам, ништа више».

Въ первомъ изданіи вмѣсто неудачнаго *брбљам* было *и бам*. Но намѣреніемъ поэта было высказать отъ имени Анджело нѣкоторое какъ будто извиненіе, что онъ затрогиваетъ очень щекот-

ливый вопросъ. — Точно такъ переводчикъ не понялъ второго прибавленія, состоящаго опять изъ намековъ:

Наперсникъ суди, иль самъ, по сану властный
Законы толковать, смягчить ихъ смыслъ ужасный.

Слова эти, относимыя Анджело къ самому себѣ, переведены со-
всѣмъ неудачно:

Где воіник законѣ, озбиѣан по чину
Када и сам гр'ѣши — како тражи р'ѣчи,
Законе тумачеѣ и општрину ѡину!

Въ первомъ изданіи нѣсколько иначе, но конечно не лучше:

«И миѣеник реда озбиѣан по чину
Законе тумачеѣ, преступном и жарком
Жеѣом гоѣен теби, сву општрину ѡину,
И ужасну смисѣ умекшат би хтиѣ!»

Продолженіе разсказа тоже переведено совсѣмъ не такъ,
какъ бы ожидалось, судя по тексту. Словамъ его:

Къ тебѣ желаніемъ (sc. если-бъ) былъ преступнымъ воспа-
И требоваѣ, чтоѣ ты казнѣ брата искупила [ленѣ
Своимъ паденіемъ — — —

вовсе не соотвѣтствуетъ слѣдующій переводъ:

«Онаѣ ко би мого да за свагда спасе
Јадног несреѣника — то једина ти си!»

А къ этимъ двумъ стихамъ прибавленъ еще третій, не имѣю-
щій ни малѣйшаго отношенія къ русскому подлиннику:

Ах ја сам занесен, распаѣен, ја гр'ѣшим.

Въ первомъ изданіи этой прибавки нѣтъ. Оно такъ и лучше.
Вмѣсто «лечъ въ грѣбъ *кровавыѣ*» переводчикъ безъ малѣй-

шей надобности перевелъ: «лећи у гроб *свети*», слова же слѣдующаго стиха:

«Без сузе и јада и без раскајања»

представляютъ опять безсмысленную прибавку второго «исправленнаго» изданія, которой въ первомъ еще не было.

Слова Изабеллы: «Онъ лучший путь себѣ конечно избереть», переведены въ первомъ изданіи еще довольно сносно: «Пут ће љепши за се тим најзад да нађе», но во второмъ переводчикъ вздумалъ блеснуть оригинальностью: «Пут смирења с губилишта води!» Стихъ «Братъ лучше умри, чѣмъ гибнуть мнѣ на вѣчно», переведенъ растянuto, и все-таки не точно:

И он када мора губит' ме за навек,
Радије ће једном и у смрт да креће.

Въ первомъ изданіи первый стихъ нѣсколько лучше: «И кад би за нав'јек изгубит ме мор'о». Смыслъ требуетъ такого приблизительно перевода: «Нека радије брат један пут умре, него ли ја да упанем у вјечиту погибию».

Слова «а братній грѣхъ едва-ль не шуткой почитала» переданы совсѣмъ невѣрно: «и грехъ брата свога поштовала скоро», видно переводчикъ не понялъ, что значитъ «почитать шуткой»!

Въ отвѣтѣ Изабеллы переводчикъ неудачно перевелъ слово «невољно» (без воле), «лукавила» не значитъ «гриѣшила». Лишняя прибавка стихъ: «зато нек се почне куд с' одавна циља». Ничего подобнаго нѣтъ въ подлинникѣ.

Стихъ «И полно лицемѣрить, Тебѣ передъ людьми» въ переводѣ пропущенъ. Точно такъ не переведены слова: «Теперь я волю дагъ стремленію страстей», если не считать переводомъ: «Док се закон, правда, освештава мноме», которымъ ничего соответствующаго не находимъ въ русскомъ подлинникѣ, между тѣмъ какъ въ первомъ изданіи хорошо переведено: «но сад пуштам страсти нек царују мноме»!

II. 4. Въ первомъ изданіи переведено какъ слѣдуетъ: «Па у небо диже Пунан молбе поглед и десницу чисту» (поднявшій къ небесамъ молящій, ясный взоръ и чистую десницу), во второмъ же «исправленномъ» осталась только вторая часть: «Па у небо диже чисте руке своје». Послѣднія же слова: «Дверь отворилась ей и братъ ея глазамъ представился» — оставлены совсѣмъ безъ перевода, въ первомъ изданіи уцѣлѣлъ маленькій намекъ: «И с братом се сретет».

II. 5. Въ переводѣ недостаетъ передачи для «въ цѣпяхъ»; «въ унынїи глубокомъ» лучше сказано въ первомъ изданіи: «у дубокој сјети», чѣмъ въ новой передѣлкѣ: «погружен глубоко и суморан тешко». Перевод «пун усхита врела» для «мгновенно оживленъ» страдаетъ нѣкоторымъ преувеличеніемъ.

II. 6. Послѣ словъ Клавдія: «Дакле нема спаса» въ новомъ изданіи прибавлено не на основаніи подлинника: «Збори сестро, збори».

Далѣе въ переводѣ пропущенъ стихъ: «повѣрь, безъ трепета отъ міра отрѣшусь, коль должно умереть».

Восклицаніе Изабеллы: «Вотъ братъ мой! узнаю!» переводчикъ не понялъ, переводъ его: «Ево брате што је» не передаетъ вѣрно смысла, надо было сказать: «То је мој брат, познајем га!» Стихъ «чья избранная рѣчь плетъ отроковъ на казнъ» въ переводѣ пропущенъ. Къ переводу словъ «иль завтра ты умрешь» опять прибавлено: «рано у освитакъ» — прибавка ненужная, какъ и цѣлый предыдущій стихъ: «Не доѣм ли брате, ти ћеш мрети сутра!».

Изабелла говоритъ: «ежели одной моей могилой могла бы я тебя отъ казни искупить, не стала-бъ болѣе иголки дорожить я жизнїю моею» — въ переводѣ прибавлены лишнія прикрасы: «ја бих младост дала и живот, ко пусто ништавило ташто (всего этого въ подлинникѣ нѣтъ), као иглу малу». Гораздо лучше безъ лишнихъ прибавокъ въ первомъ изданіи:

«Бог зна, мојим гробом кад бих могла спасти
Живот свога брата, ни колико иглу
Своју младост тада ја ц'јенила не би».

Какія причины заставили автора замѣнить этотъ сносный и довольно точный переводъ лишними прибавками собственнаго вымысла?

И слѣдующія слова Клавдія нѣсколько лучше переведены въ первомъ изданіи, чѣмъ въ «исправленномъ» второмъ:

«Да, такъ... и страсти въ немъ кипятъ съ такою силой»
въ первомъ изданіи:

«Да!.. Но зар збиља страсти у њем тако кипе?»
во второмъ изданіи:

«Да, сестро... *Но збиља* — зар у њему тако
Лудо страсти кипе...»

Въ подлинникѣ тутъ вообще нѣтъ вопроса, было бы даже неприлично для брата разспрашивать сестру о страстяхъ Анджело. Эти слова, произнесенныя безъ обращенія къ сестрѣ, скорѣе вызываютъ воспоминанія собственной жизни и сближаютъ нѣкоторымъ образомъ Клавдія съ Анджело. Лучше въ первомъ изданіи: «и за тренут један да *погуби* себе» (въ подл. Для мгновенья ужель себя сгубить рѣшился-бъ человекъ), чѣмъ во второмъ: «и за тренут један зар и он *да паче*». Точно такъ: «носиться въ пустотѣ пространствомъ безконечнымъ» лучше въ первомъ изданіи, по крайней мѣрѣ ближе къ подлиннику: «или с вјетромъ наглимъ пустаромъ се вити бесконачнимъ крајемъ», чѣмъ въ новомъ: «ил' *нестат'* под *сивим* пространствомъ *пучине*». Переводчикъ, кажется, думалъ о пространствѣ моря, поэтому выбросилъ изъ своего перевода быстротечный вѣтръ, а глаголъ «носиться» замѣнилъ въ переводѣ словомъ «нестат'» (погибнуть, исчезнуть).

Въ подлинникѣ сказано: «*природа* извинить», въ переводѣ перваго изданія: «опростиће *небо*», во второмъ же: «опростиће *небо* *милосно и вјечно*» — опять лишнія прилагательныя.

Сестра въ отчаяніи говоритъ: «нельзя чтобъ жизнь и свѣтъ моимъ отцомъ тебѣ даны» — въ первомъ изданіи: «не могу да

мислим свѣтъ и живот да је мој ти отац дао», во второмъ: «зар мој отац икад може тебе дати». И здѣсь первый переводъ точнѣе. Неудачно замѣнено «отеческое ложе» въ переводѣ словомъ: «кол'јевка отаца», такъ въ обоихъ изданіяхъ. Въ отвѣтъ брата переводчикъ опять прибавилъ во второмъ изданіи: «прости, ах, прости *несреѣннику мени*». Послѣднихъ словъ нѣтъ въ подлинникѣ, нѣтъ ихъ еще въ первомъ изданіи.

II. 7. Послѣдніе стихи второй части у переводчика безъ причины сокращены: «узникъ молодой» осталось еще въ первомъ переводѣ: «млађани сужаѣ», во второмъ пропущено. Слова «уздрхталом руком» — лишняя прибавка переводчика. Стихъ «Изабелла отъ гнѣва своего насилу охладѣла», во второмъ изданіи пропалъ безслѣдно, въ первомъ сказано довольно блѣдно: «она стаде, смири се».

III. 1. Сравненіе съ Гарунъ-Аль-Рашидомъ въ переводѣ не выдержано. Русскій текстъ говорить:

Воображеніе живое Дукъ имѣлъ,
Романы онъ любилъ и, можетъ быть, хотѣлъ
Халифу подражать Гаруну Аль-Рашиду —

въ переводѣ отъ всего этого осталось только:

«Ко да, волеѣ приче, Харун Ал-Рашиду
Подражават хтједе у мотрењу томе».

Далѣе въ подлинникѣ сказано, что онъ подслушалъ весь разсказъ, въ переводѣ перваго изданія еще такъ себѣ: «дјевојче *чуоши*», во второмъ же: «тим што сад *виђе*». Но что же онъ могъ видѣть? Суть въ томъ, что онъ слышалъ.

Обширное изложеніе:

Въ растроганномъ умѣ рѣшилъ онъ тотъ же часъ
Не только наказать жестокость и обиду,
Но сладить кое-что...

сжато въ переводѣ въ слѣдующія слова:

Бјеше врло дирнут,
И сем љуте казне још се нечег сјети.

III. 2. И здѣсь много мелкихъ неточностей: «*мечальное зеркало*» не «огледало *сјерно*», «*суртовой души*» лучше въ первомъ изданіи: «*суморне душе*», чѣмъ во второмъ: «*грозне душе*». Въ подлинникѣ сказано: «и нѣжной красотѣ понравиться могло», въ переводѣ же: «*једно срце чисто, анђеоско, смерно* (да освоји)»! Эти прилагательныя отнесены въ подлинникѣ къ другому изреченію, приводимому ниже: «былъ любимъ душою нѣжною, печальной и смиренной», гдѣ у переводчика сказано только: «бјеше љублен жарко једном њежном душою» (1-ое изд. «душою благом»). Для стиха «Безъ доказательства насмѣшливо коря» (молва) осталось въ переводѣ только: «*патила је тихо*» (жена). Слова оскорбленнаго нелѣпыми слухами Анджело въ переводѣ совсѣмъ пропущены. А къ словамъ «Объ ней-тѣ вспомнилъ Дукъ», въ переводѣ прибавлено: «и на њу се сјети Дужд у *мрачној кули*».

III. 3. Въ подлинникѣ по затѣѣ стараго Дука отвергнутая жена Анджело должна «наградить его условленной наградой» (вмѣсто Изабеллы). Переводчикъ выразилъ эту сцену такъ: «пуститъ' му се сл'јепо, но загрѣај *клети* кад и задњи мине, да му на растанку шапне само ово», въ новомъ изданіи: «да се сrete с њиме мјесто Изабеле. И загрѣај *клети*» и т. д. Мнѣ кажется, что затѣянной ловушкѣ не соответствуетъ прилагательное «проклятый».

IV. 4. Перемѣны, сдѣланныя въ этой строфѣ, въ переводѣ второго изданія въ сравненіи съ первымъ не могутъ быть названы исправленіемъ. Не сумѣя помѣстить все содержаніе подлинника въ объемъ восьмистишія, переводчикъ былъ принужденъ сокращать. По моему удачнѣе сокращенъ текстъ въ первомъ изданіи, чѣмъ во второмъ. Въ первомъ читаемъ:

«Тад од *старог Дужда* (sic! невѣрно)
 Тамничару стиже глас, у освит зоре,
 Да злочинца сужња казни љутом смрћу
 А његову главу донесе у дворе».

Во второмъ изданіи исправлена, правда, ошадка, будто бы приказъ былъ отъ Дужда, но въ прочемъ сокращеніе менѣе удачно:

«Но с писмом Анцела
 Гле и један вјесник стиже прије зоре!
 Читају. Шта вели? Главу Клавдијеву
 Иште да му одмах донесу у дворе».

III. 5. Простой разсказъ этой строфы у переводчика запутанъ. Стихъ «Када његов гласник пред тамнице паде» (въ нов. изд. «нечекани гласник кад му с писмом паде») не вызванъ русскимъ подлинникомъ, онъ заключаетъ въ себѣ даже невѣрное предположеніе, будто бы старый Дуждъ отправлялъ куда-нибудь своего вѣстника. Въ подлинникѣ только сказано, что онъ былъ принужденъ остановить исполненіе приказа Анджело и съ этой цѣлью самъ представилъ начальнику тюрьмы свой перстень и печать. Поэтому въ переводѣ невѣрно также продолженіе разсказа:

«Он се крену с писмом старом тамничару,
 И с њиме му Дуждев жиг и печат даде».

Ничего подобнаго нѣтъ въ русскомъ подлинникѣ. Приказъ о замѣнѣ головы Клавдія головою морского разбойника вышелъ непосредственно отъ стараго князя, ночевавшаго въ облаченіи монаха въ тюрьмѣ, и когда онъ все устроилъ, тогда «самъ отпавился дабы вельможу злаго... предъ свѣтомъ обличить». Переводчикъ растянулъ конецъ строфы, вмѣсто трехъ стиховъ у него вышло пять, благодаря такимъ вставкамъ: «*да се јави граду и најжешћом казном казни... и покаже свијету*». Гораздо проще и даже нѣсколько ближе къ подлиннику въ первомъ изданіи:

«А он сам се диже и опреми тада
 Да гр'јех казни љуто и држава ц'јела
 Да грјешника позна и гнусна му дјела».

III. 6. «Едва молва успѣла пробѣжать» не значитъ: «тек што мину вијестъ», лучше было бы сказать: «тек што *прође* глас». Неудобный переводъ «Дужде да ходи по граду» исправленъ дѣйствительно во второмъ изданіи такъ: «Дужде да се враћа у град». Нехорошо переданъ дальнѣйшій ходъ разсказа. Послѣ стиха «Пође и Анџело замишљен и мрачан» очень неудобно было сразу продолжать: «Свуда је весело, радосно и живо». Въ подлинникѣ нѣтъ такого скачка, напротивъ смущеніе Анджело рисуется пропущенными въ переводѣ словами: «грызомый совѣстью, предчувствіемъ стѣсненный». Дукъ сначала привѣтствовалъ народъ и потомъ Анджело протягивалъ руку, но не хорошо сказано у переводчика: «Кад Дужде съ Анџелом *прође испод руке*» Нигдѣ не говорится о томъ, что они (Дукъ и Анджело) шли подъ руку! Подъ конецъ строки пропущены въ переводѣ слѣдующія слова подлинника: «наконецъ злодѣйство на землѣ получить воздаянье»; словамъ же «Но обнаружа гнѣвъ и долго скрытое въ душѣ негодованье», имѣется очень слабое отраженіе въ переводѣ: «ал се старац трже».

III. 7. И въ послѣдней строфѣ не все передано такъ, какъ бы мы желали. Въ подлинникѣ обрисована твердость воли Анджело слѣдующими словами: «Безъ словъ и безъ боязни, съ угрюмой твердостью», въ переводѣ только: «а он с тврдим болом рече». Въ подлинникѣ отвѣтъ его ограничивается однимъ роковымъ словомъ: «казни», въ переводѣ же впечатлѣніе ослаблено растянутымъ отвѣтомъ: «нека закон мјесто мене збори». Отчаянная жена Анджело говоритъ между прочимъ Дуку: «не смѣйся надо мною». Слова эти въ переводѣ пропущены. Должно быть вслѣдствіе этого пропущенъ также отвѣтъ Дука: «Не я, но Анджело смѣялся надъ тобою». Пропущены также слова: «Останутся тебѣ его сокровища», далѣе слова: «Мнѣ лучшаго не надо, помилуй,

государь, не будь неумолимъ», и опять слова: «Ужели для того такъ долго я вдовѣла. Онъ человѣчеству свою принесть лишь дань». Всего этого въ переводѣ нѣтъ, зато вставленъ слѣдующій стихъ: («Рука твоја што ме с њимъ споѣла опет) *Нек не буде крива новомъ јаду свему*». Какимъ образомъ могла бы быть рука Дука виновата въ несчастіи жены?

Странное впечатлѣніе производитъ переводъ «Моћни» для русскаго слова «Государь», развѣ не ближе слово «Господарь»?

Еще одно возраженіе: «За меня не осуждай его» переведено: «Не убијај њега нит осуђуј саде». Какая удивительная логика въ этомъ порядкѣ глаголовъ: сначала не убивать, а потомъ осуждать!

Не имѣя ни малѣйшей причины относиться менѣе дружелюбно или менѣе безпристрастно къ труду г. Дучича, чѣмъ ко всѣмъ прочимъ, въ предыдущихъ статьяхъ разобраннѣмъ переводамъ, я хотѣлъ только на этомъ новѣйшемъ образцѣ переводческой дѣятельности сербско-хорватской литературы показать, съ какимъ невниманіемъ, съ какой небрежностью поэты часто относятся къ своей задачѣ, какъ мало дорожатъ пользою приносимой родной литературѣ хорошими переводами, и въ то же время какъ мало заботятся редакторы повременныхъ изданій и журналовъ о достоинствахъ печатаемыхъ ими статейхъ, стихахъ, переводахъ и т. д.

ДОПОЛНЕНИЯ.

На стр. 85, подъ № 12, гдѣ говорится о переводѣ стихотворенія «Русалка», надо прибавить еще слѣдующее:

Въ 1868 году издавался въ Карловцѣ журналъ подъ заглавіемъ «Slavjanski jug», вышли, говорятъ, только четыре выпуска. На стр. 109 помѣщенъ подъ заглавіемъ «Vila» переводъ Пушкинской «Русалки», что отмѣчено уже переводчикомъ: «Iz ruskoga ro Puškinu». Переводчикъ подписался Žarkoljub F-ć (въ обзорѣ-ніи содержанія сказано «Žarkoljub F.....vić», вѣроятно Filipović?). Начало перевода слѣдующее:

Nad jezerom u čarobnom miru
Dubrava se malena prostire;
A u slastih čudotvornom viru
Sve u okol u tami umire.

(Этимъ сообщеніемъ я обязанъ профессору Шрепелю въ Загребѣ).

На стр. 121, подъ № 73, говорится о двухъ переводахъ Пушкинскихъ «Цыганъ». Изъ одной замѣтки въ бѣлградскомъ журналѣ «Коло» за 1901 годъ (свеска 3), на стр. 194 узнаемъ, что молодой сербскій поэтъ Јован Дучић представилъ въ «Матицу Сербскую» свой переводъ этого стихотворенія. Стало быть, это будетъ, если выйдетъ, уже третій переводъ.

На стр. 125, подъ № 79, упоминается только по́ слышкѣ объ одномъ переводѣ «Каменнаго гостя». Выше упомянутая замѣтка въ бѣлградскомъ «Колѣ» рассказываетъ о томъ, что поэтъ Јован Дучић перевелъ также и представилъ «Матицѣ Сербской» «Каменнаго гостя».

На стр. 136, послѣ № 95, надо еще прибавить слѣдующее: IV. 309—314: *Кирджам*. Этотъ рассказъ А. С. Пушкина вышелъ въ сербскомъ переводѣ въ фельетонѣ Загребской политической газеты «Србобран» за 1899 годъ, № 138, подъ заглавіемъ «Кирџалија», превео Рад. М. Вуксан. (Указаніе г-на Драганова).

ХІІ.

А. С. ПУШКИНЪ У СЛОВЪНЦЕВЪ.

НАПИСАЛЪ

Иванъ Пріятель.

У словѣнцевъ, самаго западнаго племени южно-славянскаго, численностью не превышающаго полутора милліона, языкомъ близко подходящаго къ ихъ ближайшимъ сосѣдямъ съ востока, хорватамъ — потребность литературной дѣятельности начала являться не раньше конца XVIII и начала XIX столѣтія. Водникъ былъ ихъ первымъ поэтомъ, который, стоя подъ вліяніемъ романтическаго настроенія своего времени, занимался также собираніемъ словѣнскихъ народныхъ пѣсенъ, заботился о грамматикѣ и о составленіи словаря словѣнскаго языка. Помимо знакомства съ латинскими классиками преобладало конечно исключительное господство и вліяніе нѣмецкаго языка и литературы, но уже довольно рано обстоятельства сложились такъ, что словѣнцы стали интересоваться также русскими, ихъ языкомъ и наконецъ также ихъ литературой.

Начало XIX столѣтія съ своими Наполеоновскими войнами увеличило особенно славу Россіи. Вся Европа вздохнула свободно и съ благодарностью смотрѣла на дальній Востокъ, на могучихъ укротителей того, передъ кѣмъ трепетала цѣлая Европа. Понятно что западнымъ славянамъ было лестно, что у нихъ есть такіе могучіе братья и съ тѣхъ поръ подчеркивали свое родство съ Русскими охотнѣе и чаще. Русское могущество и сила поражали также и словѣнцевъ. Уже въ 1797 году писалъ *Водникъ* въ своихъ «Новицахъ» въ статьѣ: *Povedanje od slovenskiga jezika* слѣдующее: «Кто желалъ бы понять значеніе различныхъ краинскихъ именъ, долженъ знать московитарскій языкъ. Краинскій

языкъ наиболѣе подобенъ московитарскому, болѣе, чѣмъ всѣмъ другимъ славянскимъ нарѣчьямъ. Московитари много словъ сохранили, которыя нами позабыты и вышли изъ употребленія.

Еще большее воодушевленіе охватило Водника, когда онъ видѣлъ походы русскихъ войскъ черезъ Любляну. Въ «Новицахъ» 1799 г. № 26, онъ говоритъ: «Вотъ важная для насъ крайцевъ новость! Русскіе, наши старые братья, пришли къ намъ чтобы не только посѣтить насъ, но и защитить насъ передъ непріятелемъ. Полторы тысячи лѣтъ тому назадъ первые словѣнцы пришли въ наши края. Они были изъ рода Русовъ и другихъ славянъ. Вотъ причина, почему мы такъ легко понимаемъ русскій языкъ; вѣдь они славяне и корень, изъ котораго происходятъ и наши отцы...

Теперь мы видимъ воочию, какихъ могучихъ, великихъ братьевъ мы имѣемъ на свѣтѣ. Они сохранили нашъ языкъ въ совершенной чистотѣ. Къ нимъ мы должны приближаться, когда хотимъ очищать свой языкъ».

Восхищеніе Русскими росло съ ихъ успѣхами. Съ какою радостью привѣтствовали тогда словѣнцы эти успѣхи, доказываетъ письмо священника Матвѣя Шнайдера, одного изъ позднѣйшихъ «Чебеличаревъ» (сотрудниковъ «Пчелы»), который писалъ Урбану Ярнику въ 1813 году слѣдующее: «Опьянило меня веселье, когда изъ газетъ узналъ о мужественномъ и счастливомъ боѣ московитаревъ. Сильный сѣверъ поднялся черезъ западниковъ, въ страшныя сѣти попались они убѣгая, чувствуя вострую кошу сердитаго казака, палача, котораго они заслужили, цѣлыми тысячами поглащаетъ ихъ черная пропасть». («Jezičnik» XV, стр. 3).

Въ томъ же году писалъ Ярникъ Примицу въ Грацъ о французахъ и русскихъ: «Сѣверъ буйствуетъ, югъ трепещетъ и бахвалъ (хвастливый гонитель) бѣжитъ, всѣ войска его разбиты, плѣнные вкушаютъ сладость сѣвернаго неба и въ морозѣ, въ ужасѣ, въ снѣгу заучиваютъ десятую и седмую заповѣдь. Вечеръ покажетъ, каковъ былъ день, говорятъ молодцы, сѣвер-

ные славяне. Намславнѣйшія дѣла будутъ ими совершены. Каждое начало у нихъ съ Богомъ, точно также и конецъ. Благодареніе, слава и хвала возносятся Господу, который по дѣломъ вѣнчаетъ трудъ». (Тамъ-же).

Въ мирное время словѣнцы имѣли сношенія съ русскими въ 1821 году по случаю конгресса монарховъ въ Люблянѣ. *Жупанъ* и *Цилеръ* учились по-русски. Первый даже защищалъ превосходство «краинщины» передъ русскимъ языкомъ въ разговорѣ съ княземъ П. Л. (Ср. его статью: «Vorzug des Krainischen vor dem Russischen und Serbischen von einem Russen und Serben selbst anerkannt». *Illyr. Blatt*, 1831, № 10). Не знаю, правда, убѣдили ли доказательства Жупана русскаго князя, что «краинщина» менѣе испорченное славянское нарѣчье, чѣмъ русскій языкъ. Нынѣ намъ это кажется наивнымъ.

До 30-тыхъ годовъ русскимъ языкомъ занимались у словѣнцевъ исключительно писатели, а даже тѣ лишь настолько, насколько по словамъ Водника «приближались къ нему, когда желали очищать свой языкъ». По этому поводу учился ему также и Жупанъ. Онъ самъ занимался литературою, сочинялъ стихи, хотя сомнѣваюсь, чтобъ со своимъ знаньемъ русскаго языка онъ могъ читать современныхъ русскихъ поэтовъ.

Въ тридцатыхъ годахъ начали изучать славянскіе языки нѣсколько юношей, воодушевленныхъ общеславянской идеей въ эпоху романтизма («иллиризма»). Теперь уже это дѣлалось нѣсколько основательнѣе, хотя также преимущественно по литературнымъ причинамъ. Нужно упомянуть два кружка: въ Грацѣ былъ кружокъ молодыхъ штирійцевъ (Вразъ, Миклошичъ, Трстениякъ...) въ Люблянѣ кружокъ молодыхъ богослововъ, между которыми Антонъ *Жакелъ* (какъ поэтъ Rodoljub Ledinski) зналъ уже на третьемъ курсѣ богословія всѣ славянскіе языки. Между краинскими «иллирцами» занимались русскимъ языкомъ особенно Жакель и Кобъ, которые учились въ карловицкой гимназій. Кобъ описалъ (со словъ какого-то нѣмца) Русскихъ въ «Новицахъ» 1857 года. Здѣсь онъ говоритъ между прочимъ: «Вскорѣ уже

никому не покажется смѣшнымъ, когда будутъ говорить о русской образованности, о русской наукѣ и искусствѣ, о русскомъ языкѣ, точно также какъ теперь французамъ при словѣ «Allemand!» Будемъ учиться по-русски, какъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ по-англійски...».

Во второй половинѣ 30-тыхъ годовъ (въ 1837 году) умеръ Пушкинъ. Когда подумаемъ, какою выдающею поэтическою личностью былъ Пушкинъ уже при жизни и какъ сильно взволновала его неожиданная смерть общественное мнѣніе, то несомнѣнно, что и западъ узналъ о немъ очень рано. Но зналъ ли Прешеренъ, умѣвшій читать современника Пушкина, поляка Мицкевича, въ подлинникъ, что нибудь о Пушкинѣ, неизвѣстно. Со всѣмъ неизвѣстенъ онъ у словѣнцевъ не былъ, такъ какъ *Illyrisches Blatt* уже годъ спустя послѣ его смерти (1838 г. № 43) напечаталъ въ нѣмецкомъ переводѣ «*Deli-Bascha (Aus dem Russischen des A. Puschkin)*» и въ томъ же самомъ году сообщаетъ фельетонистъ газеты, что «полное собраніе сочиненій Пушкина выходитъ въ Петербургѣ въ 7 томахъ; первые три уже поступили въ продажу. Седмой томъ будетъ содержать портретъ автора и его биографію». (*Ill. Blatt*, 1838 г. № 51).

Въ 1843 году Др. Янезь *Блейвейс* началъ издавать въ Люблянѣ словѣнскую газету «*Kmetijske in rokodelske Novice*», въ которой принимали участіе лучшіе словѣнскіе писатели. Черезъ Новице знакомились словѣнцы также съ культурными приобрѣтеніями и съ литературами отдѣльныхъ славянскихъ народовъ. Съ русской поэзіей, а именно съ Пушкинымъ познакомилъ читателей Новицъ вышеупомянутый Родолюбъ Лединскій, который напечаталъ въ 1852 году (№ 42) въ словѣнскомъ переводѣ Е. О. барона Розена «Проклятіе» а въ 1855 году (№ 81) первый словѣнскій переводъ изъ Пушкина, его «Стансы».

Больше Лединскій кажется не переводилъ ничего изъ Пушкина. За нимъ послѣдовалъ десять лѣтъ спустя *Веселъ*, тоже священникъ. Будучи богословомъ онъ былъ членомъ подобнаго же кружка молодыхъ людей, воодушевленныхъ славянствомъ, какимъ

былъ тотъ кружокъ 1841 года, который описываетъ Яковъ Крашна хорвату Вѣкославу Бабукичу въ своемъ письмѣ, напечатанномъ въ программѣ загребской гимназіи 1875 г.

Мало помалу у словѣнцевъ стало увеличиваться число газетъ, въ нихъ же охотно печатались переводы. Переводили изъ различныхъ литературъ, больше всего конечно изъ нѣмецкой. Знаменательно, что уже въ 1855 г. въ Новицахъ нѣкто И. Ш. вызвалъ, «чтобы не переводить только съ нѣмецкаго, такъ какъ словѣнскій языкъ этимъ путемъ никогда не очистится отъ непріятныхъ германизмовъ и несловѣнскихъ оборотовъ, которые пестрятъ переводы какъ куколь рождъ. Лучше было бы, если бы писатели переводили изъ другихъ славянскихъ нарѣчій, которыя болѣе развиты и имѣютъ обильную и прекрасную литературу». Къ этому редакція прибавила сожаленіе, что переводчики буквально берутъ всѣ выраженія подлинника, съ котораго переводятъ, и сочиняютъ свои предложенія такъ, какъ они составлены въ подлинникѣ.

Съ тѣхъ поръ словѣнскіе переводчики стали болѣе обращать вниманіе на славянскія литературы, прежде всего на русскую, а съ 80-тыхъ годовъ особенно много переводить изъ Пушкина, Тургенева и Толстого. Хорошимъ и усерднымъ переводчикомъ Гоголя былъ *Лавославъ Горенецъ-Подгорицанъ*. Но большинство другихъ переводчиковъ не освободилось еще отъ упрековъ, высказанныхъ редакторомъ Блейвейсомъ въ 1855 году. Послѣ этого будетъ понятно, почему Пушкинъ остался у словѣнцевъ совершенно безъ вліянія. Между словѣнскими переводами весьма мало такихъ, которые можно бы читать съ удовольствіемъ и наслажденіемъ. Нынче конечно многіе устарѣли, но даже въ свое время большинство ихъ не стояло на высотѣ современнаго развитія словѣнской литературы. Это происходило во-первыхъ оттого, что переводили въ большинствѣ случаевъ для упражненія. Кому понравился русскій языкъ, тотъ присѣлъ и затвердилъ нѣсколько параграфовъ изъ любой грамматики. Для того-же упражненія въ языкѣ онъ попытался также что нибудь перевести. Такимъ обра-

зомъ возникли между прочимъ переводы Пушкинскихъ новеллъ, которые представляютъ собою только школьныя упражненія.

Если же спросить, почему у словѣнцевъ и послѣ оказалось такъ мало хорошихъ переводчиковъ, то найдемъ и другую причину, почему Пушкинъ не могъ оказать вліянія на словѣнскую литературу. У насъ и понынѣ не понимаютъ значенія переводовъ. Хорошимъ переводчикамъ казалось, что жаль тратить драгоценное время на переводы, назначенные для газетныхъ фельетоновъ, которые забрасываются, когда ихъ прочтутъ. Они знали, что и наилучшія произведенія теряютъ въ фельетонахъ свое значеніе.

Съ тѣхъ поръ какъ Стритаръ исключилъ изъ своего «Звона»¹⁾ всякіе переводы, наше общество потеряло смыслъ для чужихъ произведеній на родномъ языкѣ. Конечно Стритаръ имѣлъ при этомъ самыя лучшія намѣренія, желая чтобъ словѣнцы создали свою собственную литературу, но онъ долженъ былъ знать, что и писателемъ безъ наставниковъ никто не можетъ сдѣлаться. И такъ наши учащіеся писатели, не зная другихъ языковъ такъ основательно какъ нѣмецкій, читали даже славянскія произведенія по большей части въ нѣмецкихъ переводахъ.

А это не принесло пользы нашей литературѣ ни тогда а не приносить ей и теперь.

Первый словѣнскій переводъ изъ Пушкина появился въ 1855 году. Родолюбъ Лединскій перевелъ въ Новицахъ за 1855 г. (№ 81) Пушкинскіе «стансы», назвавъ ихъ по словѣнски: «Misli in želja». Приводимъ для образца первую и последнюю строфу:

Naj hodim že po ul'cah šumnih,
Naj idem v mnogoljudni hram,
Al naj sedim sred družb brezumnih,
Le lastnim mislim se rad vdam,

— — — — —

1) Duplejski Zvon выходилъ подъ редакціею Стритара начиная съ 1860 г., второй годъ изданія былъ 1876, шестой и послѣдній 1880 г.

Jn de kraj groboviga vhoda

Življenje mlado mi igra;

De ravnodušna me priroda

- S cvetenjem svojim osiplja.

По строгому хронологическому порядку надо бы считать переводъ «Кавказа», напечатанный въ маленькомъ словѣнскомъ ежемѣсячникѣ «Slovenski Glasnik» за 1865 годъ (№ 16) вторымъ переводомъ. Переводчикомъ былъ *Иванъ Веселъ*, съ литературнымъ псевдонимомъ *Веснина*. Авторъ скончался въ прошломъ (1900) году. Говорять, что у него кромѣ напечатанныхъ переводовъ изъ Пушкина, о которыхъ рѣчь впереди, еще кое-что осталось въ рукописяхъ. Но по другимъ соображеніямъ позволено утверждать, что раньше Ивана Весела-Веснина, другой словѣнскій писатель и поэтъ обратилъ свои взоры на поэзію Пушкина. Это былъ *Йованъ Веселъ-Косески*, годами гораздо старше упомянутого Весела и давно уже скончавшійся (въ началѣ восьмидесятихъ годовъ). Переводы его изъ Пушкина вышли, правда, только въ 1870 году, въ изданіи собранныхъ его сочиненій, напечатанныхъ на счетъ общества «Matica slovenska» подъ заглавіемъ «Razne dela pesniške in igrkazne Jovana Vesela Koseskiga» (v Ljubljani 1870); но въ рукописи они могли существовать гораздо раньше. Въ изданіи къ сожалѣнію годы не отмѣчены. Переводы Косескаго въ словѣнской литературѣ цѣнятся очень не высоко, автора причисляютъ къ представителямъ старшаго поколѣнія, закончившаго свою дѣятельность уже въ шестидесятихъ годахъ, когда словѣнскій языкъ и маленькая литература только что начали приобрѣтать нѣкоторое общественное значеніе. Косески перевелъ изъ Пушкина слѣдующія стихотворенія, попавшія въ вышеупомянутое изданіе: «Ribič in zlata riba» (Сказка о рыбацкѣ и рыбкѣ) на стр. 125—133, «Kavkazki vjetnik» (Кавказскій плѣнникъ) на стр. 133—152, «Mertva carevna in sedmego vitezo» (Сказка о мертвой царевнѣ и о семи богатыряхъ) на стр. 152—169, «Bakčisarajski vodometa» (Бахчисарай-

скій Фонтанъ) на стр. 169—188, «Car Saltan in knez Gvidon» (О царѣ Салтанѣ) на стр. 188—222.

Противъ этого выбора нельзя возражать. Переводъ сказокъ могъ бы какъ разъ пригодиться для тогдашней читающей публики словѣнской, т. е. преимущественно простого народа. Только у Косескаго не доставало для этого двухъ необходимыхъ условий: достаточнаго пониманія прелестнаго русскаго подлинника и умѣнія передать русскій текстъ удачнымъ, легкимъ словѣнскимъ переводомъ, который напоминалъ бы читателю знакомые ему обороты родныхъ словѣнскихъ пѣсенъ и сказокъ. Въ этомъ отношеніи нельзя, къ сожалѣнію, назвать попытку Косескаго удачной, напротивъ можно и должно жалѣть, что хрупкія и нѣжныя издѣлія русскаго поэта не нашли болѣе умѣлаго переводчика, что они въ переводѣ Косескаго потеряли всю прелесть. Косески не былъ достаточно знакомъ съ словѣнскимъ простонароднымъ языкомъ, онъ не умѣлъ даже правильно выражаться. Переводы его — переводилъ же онъ также изъ Шамиссо и Улянда — выходили всегда очень тяжеловѣсны и растянуты, безъ подлинниковъ иногда даже трудно понимаемы. Вотъ напри- мѣръ слова русскаго поэта:

Восхищенья не снесла
И къ обѣднѣ умерла

растянуты въ переводѣ такъ:

Tak jo to razveseli
De mu koj nasprot hiti.
Pa ta stres je preobilen,
Nepričakan, clo presilen,
Premektá preveč jo vse,
In k obedni mrtva je (стр. 152).

Иногда переводчикъ не довольствовался естественною простотою подлинника, а передалъ слова русскаго поэта искусственнѣе. Такъ напр. Пушкинъ говорить:

Годъ прошелъ какъ сонъ пустой,
Царь женился на другой,

Косески же переводить:

Leto steče, kakor sanj,
Spet ljubezen plane nanj.

Когда переводчикъ изъ 14 стиховъ Пушкина сдѣлалъ въ переводѣ 30, то не удивительно, что цѣлая сказка у него вышла 220 стихами длиннѣе подлинника, въ родѣ слѣдующаго разглагольствованія. У Пушкина:

Бѣлолица, черноброва,
Нрава кроткаго такова;

а у Косескаго:

Po lepoti je slovela,
Po razumu glas imela,
Bivši serca rahla vsa
Pa prevdarka bistriga.
Belolična, černooka,
Krasna hči plemen istoka,
Vsiga znanstva mik in slast,
Tudi možkim — hlopna past.

Отсутствіе вкуса обличаютъ у переводчика слѣдующія слова:

Pred zerkalcem lice lišpa,
Svilne oblačila *krišpa*

или:

Ti si lepa, krasne *baže*...

или:

To trdi le glupi trap,
Potepuh, nemarni car...

Конецъ сказки у Пушкина выраженъ такъ:

Я тамъ былъ, медъ, пиво пилъ,
Да усы лишь обмочилъ.

Словѣнскія сказки любятъ заканчивать такъ: «Tudi jaz sem bil zraven in dobil sem iz prstnika jesti in iz rešeta piti». Но Косески передѣлалъ конецъ по своему, довольно грубо:

«Tudi jaz sem zraven bil,
Mnogo vina u gerlo zлил».

Косески не раздѣлялъ взгляда Пушкина, что стихъ можетъ пріятно дѣйствовать и безъ рѣимы, поэтому онъ затянулъ «Сказку о рыбацѣ и рыбкѣ» въ рѣимы. Этимъ испорчена легкость разсказа, столь естественно подражающая у Пушкина характеру народной сказки.

Несравненно лучше удались переводы изъ Пушкина прежде упомянутому словѣнскому переводчику Веселу-Веснину. Кромѣ «Кавказа» онъ перевелъ и напечаталъ въ изданіи Матицы словѣнской «Letopis» за 1870 годъ слѣдующія пѣсни:

- a) Obrekovalcem Ruske (Клеветникамъ Россіи).
- b) Prerok (Пророкъ).
- c) Morju (Морю).
- d) Gvadalkvivir (Испанскій романсъ).
- e) Gruzinska pesen («Не пой красавица при мнѣ»).
- f) Elegija («Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье»).

Вмѣстѣ съ переводами изъ Лермонтова, Хомякова и князя Вяземскаго это собраніе озаглавлено: Severni svetl.

Нѣсколько лѣтъ спустя онъ же напечаталъ въ журналѣ «Zoga», который издавался въ Марбургѣ (въ Штиріи), за 1873 годъ слѣдующіе переводы изъ Пушкина:

- a) Krokarja («Воронъ къ ворону летитъ»).
- b) Zimski večer (Зимній вечеръ).
- c) Besi (Бѣсы).
- d) Črna megla (Туча?).

Про Весела-Веселина можно безъ преувеличенія сказать, что онъ первый открылъ словѣнцамъ Пушкина. Никто не былъ лучше его подготовленъ для того, чтобы дать имъ въ переводѣ на ихъ языкѣ понятіе о красотѣ Пушкинской поэзіи. Весель выучился въ достаточной мѣрѣ русскому языку; онъ былъ въ состояніи понимать разныя тонкости подлинника, у него былъ порядочный поэтический талантъ и много вкуса. Правда, онъ не располагалъ дарованіемъ самостоятельнаго творчества, но зато сдѣлался переводчикомъ очень счастливымъ и умѣлымъ, котораго до сихъ поръ въ словѣнской литературѣ никто не затмилъ. Въ 1865 году, какъ сказано выше, появился въ печати его переводъ «Кавказа». Стремясь къ очень близкому подражанію подлинника, переводчикъ впалъ въ ошибку, что словѣнская рѣчь его не течетъ еще совершенно гладко; иногда переводъ въ мѣткости выраженія значительно уступаетъ подлиннику, или же гоняясь за буквальной передачей становится неестественнымъ. Напр.:

«Орелъ съ отдаленной поднявшись вершины
Паритъ неподвижно со мной паравнѣ»

переведено слишкомъ буквально такъ:

«Le orel, ki dvignil se z daljne veršine,
Z menoј nepremično paravnost se stavi»;

здѣсь оборотъ «paravnost se stavi» не подходитъ. Замѣтимъ еще, что въ переводѣ не выдержаны рѣзко пушкинскія.

Первое собраніе его переводовъ, изданное въ 1870 году, вполне удовлетворяетъ правильностью языка и легкостью стиховъ. Пѣснь «Клеветникамъ Россіи» удалась переводчику какъ нельзя лучше. Переводъ производитъ вѣрное впечатлѣніе подлинника, несмотря на нѣкоторыя отступленія, какъ напр. «Домашній старый споръ, ужъ взвѣшенный судьбою» — въ переводѣ только: «Domača svaја, ki od starih let ostaja», или:

Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ?
Кичливый ляхъ, иль вѣрный россъ?

Славянскіе-ль ручьи сольются въ русскомъ морѣ?
Оно-ль изсякнетъ? — Вотъ вопросъ!

Въ переводѣ не вполне удовлетворительно:

Kdo zmaga v vednem tem razpori?
Al zvesti Rus? ošabni Leh?
Slovanske reke če zlijo se v ruskem morji,
Mar bo vsahnilo v zdanjih dnéh?

Нѣкоторыя слова поставлены и въ этомъ переводѣ по внѣшнему созвучію, напр. «гроза» переведено «gtoza», хотя значеніе обоихъ словъ не совпадаетъ, или же «мы не признали наглої воли» въ переводѣ: «priznali nismo tak *hiteči*», гдѣ «hiteči» передаетъ не русское, а словѣнское значеніе прилагательнаго «magli».

Какъ образецъ прекрасной передачи подлинника приведемъ эти стихи:

Pustite nas; vi niste brali
Kar divji boji so pisali;
Razumu vašemu odprt
Ni ta mejsobni, strašni črt!
Vam néma Kremelj sta in Praga,
Brezumno zapeljuje vas
Brezupne borbe kri predraga,
In v srcu bije črt do nas».

Переводъ «Пророка» тоже вышелъ очень удачно, иныя мѣста соперничаютъ съ красотой стиховъ русскихъ, хотя то или другое выраженіе надо было передать описательно, напр.

И вырвалъ грѣшный мой языкъ,
И празднословный и лукавый

въ переводѣ сказано:

In grešni jezik mi izdrl,
Ki je govoril tak lokavo.

Или:

И сердце трепетное вынулъ

въ переводѣ:

«Srce jim vzal, ki v njih trepeče».

Начало перевода «Къ морю» вышло прекрасно:

Svobodno morje, bodi zdravo!
Posljednjič pred menoj vališ
Valovje grozno, temnoplavo,
V ponosu krasnem mi bleščiš.

Или:

Kak ljubil tvoje sem odmeve,
Te votle zvuke, brezdna glas,
Prešerne vetriča odpeve,
Tihotni mir v večerni čas!

Но во второй половинѣ переводчикъ опустилъ крылья, напр. стихи

Ты ждалъ, ты звалъ... я былъ окованъ,
Вотще рвалась душа моя.
Могучей страстью очарованъ
У береговъ остался я

переведены очень вяло:

In čakal si... bil sem okóvan,
Moj duh je še drugod *se gna*(!):
Z mogočno strastjo očarovan
Na bregu milem sem ostal.

Предпослѣдняя строфа въ переводѣ пропущена.

Прекрасно переведены также «Испанскій Романсъ» (начало: *Lehak zefir, Pihlja nemir, Šumi, Beži, Guadalkvivir*) и стихи: «Не пой красавица при мнѣ» (у переводчика подъ заглавіемъ: «*Gruzinska pesen*») со слѣдующимъ началомъ:

Ne poj mi, ljuba, oj ne poj
 Gruzinske pesmi tožnožalne:
 Spominja mil napev me tvoj
 Na prejšnji čas in brege daljne.

Во второмъ собраніи переводовъ, изданномъ въ 1873 году, замѣтна одинаковая заботливость и одинаковое умѣніе передать вѣрно прежде всего мысли русскаго поэта, но во внѣшней формѣ, въ пластичности языка, кажется, эти переводы нѣсколько уступаютъ предыдущимъ. Напр. «Два ворона» («Krokarja») не такъ хорошо вышли, какъ «Испанскій романсъ». Въ переводѣ «Зимняго вечера», рядомъ съ легкими, гладкими стихами попадаетъ нѣсколько очень тяжелыхъ. Въ «Бѣсахъ» въ стихѣ третьемъ «тгакъ» должно быть опечатка вм. «sneg», въ стихѣ 24 «ргоралъ» — руссизмъ; выраженію «поневоля» не соответствуетъ слишкомъ близкій переводъ «ne po moji volji».

Вообще должно жалѣть, что переводы Весела, спрятанные въ журналахъ, отчасти теперь уже мало доступныхъ, не вышли отдѣльной книжкой. Маленькая «антологія» переводовъ Весела изъ русскихъ поэтовъ — говорятъ, что у него имѣлось еще въ переводѣ изъ Пушкина: Утопленникъ (Utopljenec), Памятникъ (Spromenik), 26. 3. 1828, Ангелъ (Angelj), Черная шаль (Črna šal), Овидію (Ovidiju), Роза (Roža), Цвѣтокъ (Cvetka) — оказалась бы и теперь еще не малую услугу небогатой хорошими переводами словѣнской литературѣ.

Въ 1870 году, пока еще политическая газета словѣнцевъ «Slovenski narod» выходила въ Марбургѣ (въ Штиріи), въ фельетонѣ ея перевелъ *Ж. Юрчичъ* «Дубровскаго». Переводъ простой, легкій, свободный. Конечно многія тонкости подлинника въ передачѣ на словѣнскій языкъ исчезли безслѣдно, переводчикъ познакомилъ своихъ читателей не столько съ особенностями пушкинскаго изложенія, сколько съ содержаніемъ его повѣсти.

Др. Янезъ *Менцингеръ*, занимавшійся въ молодые годы изученіемъ русскаго языка, пока онъ былъ въ адвокатской канце-

лярин д-ра Разлага, перевелъ нѣсколько пѣсенъ изъ Пушкина. Онѣ попали безъ вѣдома автора въ руки д-ра Разлага, который часть ихъ напечаталъ въ книжкѣ своей «Resmagica» (Любляна. 1873). Лучшимъ переводомъ были стихи «Клеветникамъ Россіи», только текстъ напечатанъ довольно небрежно, не безъ ошибокъ (напр. *plamen* вм. *plemen*, *obal* вм. *skal*), два стиха (13 и 14) пропущены, должно быть по желанію цензуры, испугавшейся словъ поэта: «Славянскіе-ль ручьи сольются въ русскомъ морѣ? Оно-ль всякнетъ? Вотъ вопросъ». Но вѣдь въ 1870 году, въ переводѣ Весела, тѣ же стихи могли явиться въ печати!

Въ сравненіи съ переводомъ Весела эта новая попытка, кажется, уступаетъ первой. Приведемъ въ доказательство маленькую параллель. Стихи Пушкина:

О чемъ шумите вы, народные витіи?
 Зачѣмъ анаемой грозите вы Россіи?
 Что возмутило васъ? Волненія Литвы?
 Оставьте: это споръ славянъ между собою,
 Домашній, старый споръ, ужъ взвѣшенный судьбою;
 Вопросъ, котораго не разрѣшите вы.

переведены у Весела такъ:

Zakaj, govorniki, hrumite in pretite?
 Kaj sveti ruski zemlji zdaj tako grozite?
 Kaj je zmotilo vas? al poljski vpori mar?
 Pustite: to medsobna je slovanska svaja,
 Domača svaja, ki od starih let ostaja;
 Te razprtije ne razrešite nikdar.

а у Менцингера такъ:

Zakaj vi, narodov besedniki, kričite?
 Čemu s prokletjem sveti Rusiji grozite?
 Kaj vas je premotilo? Vstaja Litve mar?
 Mirujte: to domač med Slave je narodi

In star prepir, uže pretehtan po osodi,
Prašanje, ki ga vi ne rešite nikdar.

Въ 1874 г. вышли въ журналѣ «Zoga», въ переводѣ М. Плетериника «Voz življenja» (Телѣга жизни) на стр. 209 и «Pre-rojenje» (Возрожденіе) ib. Последний переводъ лучше перваго. Гоняясь за буквальностью, переводчикъ лишилъ свой словѣнскій языкъ простого движенія.

Въ 1875 году «Slovenski Narod» принесъ переводъ одной изъ повѣстей Бѣлкина, а именно «Gospica kmetica» (Барышня-крестьянка) № 63 и слѣд. Переводчикомъ былъ Ф. М. Штифтаръ. Но та же повѣсть вышла еще разъ въ словѣнскомъ переводѣ отъ И. Пинтаря подъ заглавіемъ «Vojarska hči kot kmetska dekle», въ той же газетѣ за 1883 годъ, №№ 5—9. Первый переводъ, плодъ личныхъ занятій автора изученіемъ русскаго языка, выдаетъ человѣка не освоившагося еще со всѣми особенностями подлиннаго текста. Этимъ объясняется не только буквальность перевода, но также множество русскихъ словъ, оставленныхъ не переведенными.

Гораздо проворнѣе отнесся къ своей задачѣ второй переводчикъ, сдѣлавшій переводъ на скорую руку, въ качествѣ опытнаго журналиста, который не дорожитъ передачею каждаго отдѣльнаго слова, довольствуясь только общимъ впечатлѣніемъ. Легкое отношеніе къ дѣлу, предназначенному для любителей бѣглаго газетнаго чтенія, характеризуетъ этотъ второй переводъ. Въ языкѣ и стилѣ Пинтаря выходитъ наружу казенщина восьмидесятыхъ годовъ. Объяснимъ это примѣрами. Пушкинъ: «Онъ былъ женатъ на бѣдной дворянкѣ, которая умерла въ родахъ въ то время, какъ онъ находился въ отъѣзжемъ полѣ». Штифтаръ перевелъ: «Oženil se je z ubogo plemenitaško, katera mu je na porodu umrla, ko je on bil na oddaljenem polji svojega posestva», Пинтаръ же такъ: «Oženil se je. Njegova soproga je bila plemenitega rodu ali zelo ubožna. Umrla je bila na porodu, ko ravno njenega moža ni bilo doma; odšel je bil na neko oddaljeno pose-

stvo». — Или же другой примѣръ: «со всѣмъ тѣмъ почитался человекомъ неглупымъ, ибо первый изъ помѣщиковъ своей губерніи догадался заложить имѣніе въ опекунскій совѣтъ — обороть, казавшійся въ то время чрезвычайно сложнымъ и смѣлымъ». У Штифтаря это переведено такъ: «Pri vsem tem spoštovali so ga za človeka ne neumnega, kajti on se je prvi odločil založiti svoje imenje v oskrbniški svet — promet, kazajoč se tedaj nepavadno modrega in smelega», у Пинтаря же слѣдующимъ образомъ: «Vendar ga ni imel nikdo za bedaka, kajti bil je prvi pomešek v guberniji, ki je zastavil svoje posestvo pri opекunskem sudu, kar bilo je takrat jako težavno in predrzno».

Пинтарь не заботится много о подборѣ словъ съ точно подходящимъ значеніемъ. Штифтарь же боится малѣйшаго отступленія отъ подлинника, оттого у него много русскихъ словъ: владаніе (posestvo) у него: «vladanje», бѣситься (jeziti se) у него: «besiti se», мѣдникъ (kotlar) у него: «mednik», красавица (lepota или «lepa ženska») у него: «krasavica», достоинство (vrednost, čast) у него: «dostojinstvo», брови (obrvi) у него: «brvi» (но «brv» въ словѣнскомъ значитъ бревно), трудно (težavno) у него: «trudno», встрѣча (srečanje) у него: «vstreča», разсѣянный (razmišljeni, raztreseni) у него: «razsejani». Невѣрно, хотя на видъ очень точно переведенъ огородъ словѣнскимъ «ograd» и т. д. Другія неточности заключаются въ слѣдующихъ переводахъ: разоряться: «napravlјati se» (и у Пинтаря неточно «zarpravlјati»), рѣзвость: «ljubosumnost», нараспѣвъ говорить: «ročasi govoriti» (скорѣе «zategnjeno, pevajoče govoriti»), рисоваться на конѣ: «pretegovati se na konju» и т. д. Пока Штифтарь осторожно, такъ сказать съ оглядкой, примѣряетъ отдѣльныя слова къ подлиннику, Пинтарь беретъ и даетъ однимъ взмахомъ. Пушкинъ пишетъ: «было бы жаль, если бы онъ вмѣсто того, чтобъ рисоваться на конѣ, провелъ свою молодость согнувшись надъ канцелярскими бумагами» — у Пинтаря это сказано: «bilo bi škoda, ako bi mogel (sic!) sedeti mesto na konji pri aktih v pisarnicah». Пушкинъ: «но всѣхъ болѣе занята была имъ дочь англomана моего Лиза», у

Пинтаря: «Rosebno Liza bi ga bila rada poznala». Переводчикъ обходился свободно, чтобы не сказать произвольно, съ подлинникомъ, пропуская иногда даже существенныя части разсказа. Напр. у него пропущенъ разсказъ о томъ, какъ Лиза готовилась, чтобы играть роль деревенской дѣвушки. Всѣ подробности туалета или обѣда у него вычеркнуты. Такимъ образомъ онъ передалъ Пушкина въ извлеченіи, пропустивъ всѣ тѣ мѣста, гдѣ надо было заглядывать въ словарь, чтобы перевести точно.

Пинтаря перевелъ также «Выстрѣлъ»: Strel (Slov. Narod 1883, № 1—4). И здѣсь видны тѣ же приемы легкаго отношенія къ предмету при безспорной талантливости. Что ему казалось не очень важнымъ, онъ не задумывался вычеркивать изъ своего перевода или же передѣлывать на свой ладъ, напр.: «мы собирались другъ у друга, гдѣ кромѣ своихъ мундировъ не видали ничего» переведено такъ: «Tičali smo vedno v svojih stanovanjih — in k nam ni zahajal nikdo brez uniforme!» У Пушкина: «Если бъ онъ вызвался пулей сбить грушу съ фуражки кого бъ то ни было, никто бъ въ нашемъ полку не усомнился подставить ему своей головы», въ переводѣ: «V streljanji bil je tako izurjen, da ti je sbil s kroglo jabolko raz glavo!» У Пушкина разговоръ идетъ «о скорой ваканціи», у переводчика «razgovarjali smo se o tem, kaj se je danes zgodilo». У Пушкина: «побоялся я сдѣлаться пьяницею съ горя, т. е. самымъ горькимъ пьяницею», въ переводѣ: «tudi sem se bal, da bi ne postal pijanec, kakoršnih bilo je mnogo v tem kraju!»

Лучшимъ переводомъ Пинтаря изъ Пушкина можно назвать его, въ 1884 году изъ газеты «Slovenski Narod» за 1883 годъ №№ 250—276 отдѣльнымъ изданіемъ отпечатанный, переводъ «Дубровскаго». Здѣсь замѣтно нѣсколько больше вниманія къ подлиннику, менѣе пропусковъ, хотя безъ нихъ и здѣсь не обошлось. Напр. слова «прикажи государь — съ судомъ мы управимся» въ переводѣ не существуютъ; въ предложеніи «прикажете постлать намъ хоть сѣна въ гостиной» пропущено слово «сѣно». Въ особенности разныя нарѣчія русскаго подлинника въ

переводѣ вычеркиваются безъ милосердія, напр. глаза его *неподвижно* остановились... Дубровскій *сухо* отвѣчалъ... подчеркнутыхъ прилагательныхъ въ переводѣ нѣтъ. На недоразумѣніяхъ, вызванныхъ тожествомъ словъ, словѣнскихъ и русскихъ, при различіи значеній не будемъ останавливаться, скажемъ только, что вообще языкъ этого перевода хорошъ.

Словѣнскій филологъ и поэтъ *Фр. Левстикъ* перевелъ только «Шотландскую пѣсню» въ журналѣ «Ljubljanski Zvon» за 1883 г., стр. 544, подъ заглавіемъ: «Dva vrapa» — переводъ образцовый, заставляющій жалѣть, что переводчикъ ограничился этой одной попыткой. Приведемъ его цѣликомъ:

K vranu črni vran leti,
 Vranu črni vran kriči:
 Vran! Kje najdeva kosilo?
 Kje kosilo in gostilo?
 Vranu odgovarja vran:
 Kosil bodeš ves ta dan;
 V čistem polju pri rakiti
 Gospodar ubit leži ti!
 Kdo ubil, zakaj, kako?
 Sokol njega vé samo,
 Črni konjic vé iz grada,
 Vé gospa njegova mlada.
 Sokol zletel v gaj vesel,
 Konj morilca na se vzел;
 Živega gospa junaka
 Mrtvega doma ne čaka».

«Капитанская дочка» вышла въ словѣнскомъ переводѣ въ 1883 году, въ фельетонѣ газеты «Slovenski Narod» №№ 84—110, переводчикомъ подписался нѣкто — г, но это не Пинтарь. Приемы не тѣ же, нѣтъ той же легкости и того же легкомыслія. Переводчикъ старался быть аккуратенъ, близокъ выраженіями къ подлиннику, иногда даже въ ущербъ смыслу. Напр. слово по-

роша въ изреченіи «вишь какъ онъ (вѣтеръ) сметаеть порошу» переведено неудачно: «glej, kako pometa *prah*», или: «снѣгъ такъ и валилъ»: «sneg se je *tako* valil»; не слѣдовало «мужичка» перевести «*možiček*» (вм. *kmetič*), или «все равно»: «*vse* ravno» (вмѣсто *vendar, vse eno*), «полати» не то, что «*polica*» (русс. полка). Не хорошо сказано «*gobes*» для русскаго слова «хричь», или «прервать»: «*zadreti se*», или «обобрать»: «*odreti*». Совсѣмъ не впопадъ «полно врать» переведено: «*kaj še, vrag?*» Трудно переводимыя русскія поговорки — опущены.

Журналъ «Slovan» рядомъ съ другими переводами изъ славянскихъ литературъ далъ въ 1886 году на стр. 213 «*Resem iz A. S. Puškina (Elegija)*» — переводъ F. G. Неизвѣстный переводчикъ не сумѣлъ передать стихи русскаго подлинника, какъ слѣдовало бы.

«Пиковая дама» переведена по словѣнски два раза. Въ 1888 г. вышелъ переводъ F. H. въ газетѣ «Edinost» №№ 37—47, подъ заглавіемъ «*Pikova dama*»; въ 1891 году перевелъ ее З. Доклеръ (Z. Dokler) въ газетѣ «Slovenski Narod» подъ заглавіемъ «*Pik dama*». Оба переводчика какъ будто изучали тогда только русскій языкъ и въ видѣ практическаго упражненія взялись переводить. Но такія упражненія обыкновенно не годятся для печати! Дѣйствительно эти переводы не стоятъ ни малѣйшей похвалы. Не говоря уже о неточностяхъ въ передачѣ русскаго текста, они изобилуютъ лишними руссизмами какъ въ отдѣльныхъ выраженіяхъ, такъ въ фразеологiи, напр. объясненіе: «*objasnjenje*», неуваженіе: «*neuvazjenje*», удвоить вниманіе: «*udvojiti razljivost*», шалость: «*šalost*», дружба: «*družba*», кстати: «*ekstati*», наглыхъ и холодныхъ невѣстъ: «*naglih in hladnih nevest*», около которыхъ они увивались: «*okolo katerih so se uvijali*» и т. д.! Приводимые примѣры заимствованы изъ перевода F. H., но и второй переводъ нисколько не лучше, если не хуже, напр. «онъ меня увѣрялъ честию» въ переводѣ: «*kaj je on meni često tvrdil!*» или «мы вмѣстѣ были пожалованы въ фрейлины»: «*me dve sve bile zajedno obdarovani (!) od dvornice!*» Въ подлинникѣ рѣчь о

романѣ «гдѣ бы не было утопленныхъ тѣлъ», въ переводѣ сказано: «kjer ne bo govor o *rižancih*!» У Пушкина: «сиди здѣсь, раскрой-ка первый томъ, читай вслухъ», въ переводѣ: «Sedi in čitaj *naslov* knjige!» У Пушкина: «графиня была... женщина избалованная свѣтомъ», въ переводѣ: «Grofica je bila... žena v *prepiru* s svetom». У Пушкина: «потомъ уже никто ею не занимался», въ переводѣ: «potem pa jo nihče ni več zanimal!» Эти цвѣтки убраны на первыхъ страницахъ перевода.

Извѣстный словѣнскій поэтъ *Ашкерцъ* перевелъ и въ популярномъ изданіи «Slovenske večernice» за 1889 годъ (на стр. 66 и слѣд.) напечаталъ «O ribiču in zlati ribici». Переводъ удался словѣнскому поэту очень хорошо. Онъ сумѣлъ попасть въ тонъ подлинника, при томъ стихи его идутъ плавно, отличаются естественною простотою сказки. Ашкерцъ превосходный знатокъ словѣнскаго простонароднаго языка, этимъ онъ и воспользовался въ передачѣ русской сказки по словѣнски. Приведемъ для образца отрывокъ:

Pa gre mož spet k sinjemu morju:
 Glej rahlo valovje se ziblje.
 On začne klicati ribico zlato;
 Priplava mu ribica in ga vpraša:
 «Česa pa rad bi, o starček?»
 Poklanja ji starček se, pravi:
 «Usmili se me, gospa ribka!
 Okregala mene je starka moja,
 Ne daje mi starcu pokoja:
 Korito imeti če novo,
 Ker staro je čisto razklano».
 Odgovarja ribica mu zlata:
 «Ne žaluj, samo hodi mi z Bogom!
 Dobita mi novo korito!»

Хорошо переводить стихи, конечно, задача очень трудная. Многие добросовѣстные переводы, отличающіеся близостью къ

словамъ подлинника, теряютъ на переводномъ языкѣ всю или большую часть той гармоніи, той прелести, которою отличается подлинникъ. Въ такомъ случаѣ цѣль перевода вовсе не достигнута. Главное условіе для удачнаго перевода заключается въ томъ, чтобы переводчикъ чувствовалъ всѣ достоинства подлинника какъ произведенія изящной литературы и проникнувшись ими старался воспроизвести одинаковыя впечатлѣнія своимъ переводомъ.

Ашкерцъ повидимому хорошо сознавалъ это условіе и старался удовлетворить ему. Точно такъ онъ вѣрно поступилъ, препроводя свой переводъ сказки въ общество «Družba sv. Mohorja», задавшееся благородною цѣлью издавать книжки для народа. Такимъ путемъ переводъ Ашкерца нашелъ самое большое число читателей изъ словѣнскаго простонародья, которому, должно быть, трудъ его былъ по вкусу.

Въ 1890 году вышелъ въ часто упоминаемой газетѣ «Slovenski Narod» переводъ «Исторіи Пугачевского бунта» подъ заглавіемъ «Zgodovina Pugačovljevega punta», №№ 33—79. Переводчикъ, нѣкто -о, судя по труду его, принадлежитъ къ очень ограниченному у словѣнцевъ числу хорошихъ знатоковъ русскаго языка и въ то же время онъ мастеръ историческаго изложенія по словѣнски, имѣя этотъ языкъ вполне въ своей власти. Однакожь съ нѣкоторыми оборотами его словѣнской рѣчи можно не соглашаться въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ слишкомъ поддается вліянію русской фразеологіи; но повидимому это сдѣлано имъ нарочно. Дѣйствительно словѣнская фразеологія стояла слишкомъ долго подъ исключительнымъ вліяніемъ нѣмецкимъ; отчего бы не попытаться ввести въ словѣнскій стиль тотъ или другой оборотъ изъ русской рѣчи въ противовѣсъ многочисленнымъ германизмамъ? Въѣдъ одними простонародными оборотами не можетъ обойтись ни одинъ языкъ, имѣющій притязаніе быть органомъ литературы. Часть попытокъ подобнаго рода, конечно, будетъ отвергнута, но инныя фразы все же быть можетъ привыются.

Въ изданіи озаглавленномъ «Slovanska knjižnica», въ выпу-

скѣ 15-мъ вышелъ переводъ «Гробовщика», подъ заглавіемъ «Rakvač», сдѣланный J. K—j (Когей). Переводъ легкій и правильный, хотя и здѣсь противъ нѣкоторыхъ выраженій можно бы возражать.

Въ томъ же изданіи «Slovanska knjižnica» вышелъ какъ выпускъ 55 и 56 еще переводъ «Капитанской дочери», подъ заглавіемъ «Karitanova hči». Переводчикомъ значится Семенъ Семеновичъ, псевдонимъ Ивана Пріятеля. Во время появленія перевода словѣнская критика отозвалась о немъ очень благо-склонно.

Въ новѣйшее время сталъ заниматься переводами изъ русской литературы словѣнскій поэтъ *Медвѣдъ* (Medved). Этому можно только порадоваться, знакомство съ богатой литературой русской должно очень выгодно отразиться на его собственномъ творествѣ, если онъ сумѣетъ оцѣнить изумительно богатую наблюдательность русскихъ писателей и вѣрность ихъ изображеній. Изъ Пушкина переведены имъ «Талисманъ» и «Черная палъ» (Talizman, Črni šal), то и другое въ журналѣ «Slovenka» за 1898 г., на стр. 499 и 532. Эти попытки не вполне удовлетворяютъ, отъ поэта въ родѣ Медвѣда, имѣющаго технику словѣнскаго стиха въ своей власти, можно бы ожидать лучшаго, болѣе цѣльнаго.

Существуютъ въ словѣнской литературѣ еще нѣкоторые переводы изъ Пушкина, преслѣдующія постороннія цѣли, какъ напр. водвореніе у словѣнцевъ кирилловскаго письма и чтенія кириллицей напечатанныхъ словѣнскихъ текстовъ, или же сближеніе словѣнскаго языка съ русскимъ въ видѣ безвкусной смѣси. Этимъ попыткамъ никто не будетъ придавать значенія, кто знакомъ съ реальными условіями жизни. Къ числу такихъ переводовъ принадлежатъ напечатанные въ журналѣ «Slovanski Svet» тексты Ламурскаго (псевдонимъ, настоящая фамилія автора Матѣ. Андр. Трновець): «Črna šal» (въ 1891 году), «Rusalka», «Šotlandska pesen», «Kavkaški vjetnik», «Čerkeška pesen» (въ 1892 году) и «Pesen o veščem Olegu» М. Хостника (въ 1895 году).

Больше значенія для словѣнской литературы имѣютъ нѣкоторыя статьи, задавшіяся цѣлью познакомить свою публику съ біографіею и историко-литературнымъ значеніемъ русскаго поэта.

Словѣнскіе переводы изъ Пушкина.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА.

Misli in želja. (Po Puškinu Rodoljub Ledinski). Novice, 1885, № 89.

Kavkaz. (Po A. Puškinu I. Vesel). Slov. Glasnik, 1865, № 16.

Severni cveti. Ivan Vesel. Letopis Mat. Slov. 1870:

- a) Obrekovalcem Ruske, стр. 163.
- b) Prerok, стр. 164.
- c) Morju, стр. 165.
- d) Gvadalkvivir, стр. 167.
- e) Gruzinska pesen, стр. 167.
- f) Elegija, 168.

Rusko-Puškinovih petero. Jovan Vesel-Koseski. Razne dela, Ljubljana, 1870:

- a) Ribič in zlata riba, стр. 125—133.
- b) Kavkazki vjetnik, стр. 133—152.
- c) Mrtva carevna in sedmero vitezov, стр. 152—169.
- d) Bakčisarajski vodomet, стр. 169—187.
- e) Car Saltan in knez Gvidon, стр. 188—222.

Dubrovski, svobodno prevel I. I. Slov. Narod, 1873, № 84 и д.

Prevodi ruskih pesnikov. Ivan Vesel. Zora, 1873, № 16—18:

- a) Krokarka, стр. 241.
- b) Zimski večer, стр. 242.
- c) Besi, стр. 256.
- d) Črna megla, стр. 271.

Klevetnikom Rusije. Dr. J. Mencinger. Pesmarica, izdal Dr. J. R. Razlag. Ljubljana, 1873, стр. 197.

Voz življenja, prevel —š— (M. Pleteršnik). Zora, 1874, стр. 209.

Prerojenje, prevel —š— (M. Pleteršnik). Zora, 1874, стр. 209.

Gospica-kmetica. Prevel F. M. Štifter. Slov. Narod, 1875, № 63 и д.

Rusalka, po St. Vrazu, Zora, 1877.

Strel. Prevel J. P(intar). Slov. Narod, 1883, № 1—4.

Bojarska hči kot kmetško dekle. Poslovenil J. P(intar). Slov. Narod, 1883, № 5—9.

Dubrovski. Poslovenil J. P(intar). Slov. Narod, 1883, № 250—276.

Dva vrana. Kaliper (Levstik). Ljub. Zvon, 1883, стр. 544.

Stotnikova hči. Prevel —r. Slov. Narod, 1883, № 84—110.

Pesem A. S. Puškina (Elegija). F. G. Slovan, 1886, стр. 213.

Pikova dama. Prevel I. H. Edinost, 1888, № 37—47.

O ribiču in zlati ribici. Prevel Ant. Aškerc. Slov. Večernice, 1889, стр. 66.

Zgodovina Pugačevljevega punta. Preložil —o. Slov. Narod, 1890, № 33—79.

Pik dama. Prevel Z. D(okler). Slov. Narod, 1891, № 214—229.

Črna šal, preložil Lamurski (Mat. Andr. Trnovec). Slov. Svet, 1891.

Rusalka. Lamurski. Slov. Svet, 1892, стр. 116.

Šotlandska pesem. Lamurski. Slov. Svet, 1892, стр. 129.

Čerkeška pesem. Lamurski. Slov. Svet, 1892, стр. 146.

Kavkaški vjetnik. Lamurski. Slov. Svet, 1892, стр. 192.

Rakvar (Grobovščik). Poslov. J. Kogej. Slov. knjižnica, вып. 15.

Pesem o Veščem Olegu. Preložil M. Hostnik. Slov. Svet, 1895, стр. 43.

Kapitanova hči. Poslov. Semen Semenovič (Ivan Prijatelj). Slov. knjižnica, вып. 55—56.

Talisman. Ant. Medved. Slovenka, 1898, стр. 499.

Črni šal. Ant. Medved. Slovenka, 1898, стр. 532.

Trije vrelci. Sem. Semenovič (Iv. Prijatelj). Slovenka, 1899, стр. 167.

Въ концѣ мая 1901 года выйдетъ въ Горицѣ у Габерщека «*Ruska antologija*», редакція которой, послѣ кончины Ивана Весела, въ рукахъ Антона Ашкерца. Сколько мы могли узнать изъ газетныхъ объявленій, она будетъ содержать слѣдующія стихотворенія Пушкина (переводчики въ скобкахъ).

Resnica (Dr. J. Mencinger) — Stance T...mu (Vesel) — Ugaslo dneva je sveto (Mencinger) — Črni šal (Medved) — Preživel svoje sem zelenje (Vesel) — Ovidiju (Vesel) — Morju (Vesel) — Gvadalkvivir (Vesel) — A. P. Kernovi (Gregorčič) — Zimski večer (Vesel) — Prerok (Vesel) — Angelj (Vesel) — Talisman (Medved) — Slavec (Mencinger) — Poslanica v Sibir (тотъ-же) — Trije viri (тотъ-же) — Zlato in jeklo (тотъ-же) — Gruzinska pesem (Vesel) — Cvetke (Dragotin Kette) — 26 maja 1828 (Vesel) — Utopljenec (тотъ-же) — Dva vranova (Levstik) — Ančar (Mencinger) — Glota (тотъ-же) — Kavkaz (Vesel) — Sneženi plaz (S. Gregorčič) — Zimsko jutro (тотъ-же) — Elegija (Vesel) — Besi (тотъ-же) — Obrekovalcem Rusije (тотъ-же) — Jek (Mencinger) — Pokopališču (тотъ-же) — Črna megla (Vesel) — Bajka o ribiču in ribici (Aškerc) — Spomenik (Vesel).

Біографіи и критическіе оцѣнки поэта.

1. *Ruski pesnik Puškin.* Spisal Janko Babnik. Slov. Narod, 1880, № 127—131.

2. *Aleksander Sergejevič Puškin in njegove poezije.* Predavanje Ivana Hribarja. Slov. Narod, 1882, № 94—99.

3. *Aleksander Sergejevič Puškin.* Spisal dr. Celestin. Slovan, 1884, № 29—41.

4. *K 50-letnici Puškina.* Spisal Krutorogov (Hostnik). Slovan, 1887, стр. 55—59. Съ портретомъ.

5. *Aleksander Sergejevič Puškin*. Spisal Fr. Bučar. Dom in Svet, 1895, № 15—16. Съ портретомъ.

6. *Aleksander Sergejevič Puškin*. Spisal Semen Semenovič. Slov. knjižnica, вып. 55—56.

7. *Puškin*. Spisal Iv. Merhar. (Slov. Narod, XXXII l. 1899, № 132, 134, 135, 138, 139).

Нельзя сказать, чтобы число этихъ статей, въ сравненіи съ числомъ переводовъ, не было очень значительно. Мы бы даже не ожидали столько ихъ. Къ сожалѣнію содержаніе не соответствуетъ численности. У всѣхъ повторяется преимущественно біографія поэта, повторяются избитыя мѣста, общія похвальные сужденія о значеніи Пушкина. Не видно никакой попытки познакомить словѣнскую публику съ поэзіею Пушкинскою на особый, домашній, словѣнцамъ понятный ладъ; не видно указаній на то, которою частью своей поэтической и литературной дѣятельности Пушкинъ могъ бы и теперь еще быть полезнымъ и поучительнымъ для словѣнскихъ писателей. Всѣ эти статьи, конечно, компиляціи изъ чужихъ трудовъ, самостоятельнаго изученія нельзя даже ожидать. Въ доказательство можно указать, напр. въ статьѣ подъ числомъ 1, на пѣснь Пушкина «о вещемъ Олегѣ», заглавіе которой переведено такъ: «Ревеш о *belem* Olegi». Компиляторъ статьи смѣшалъ нѣмецкое прилагательное «vom weisen Oleg» съ прилагательнымъ weiss: «vom wissen Oleg»! Лучше другихъ написано чтеніе Хрибаря подъ № 2.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.

Alter Novus 44.
 Амвросій казанскій 28.
 Амвросій рыльскій 5.
 Анатолій архимандритъ 6.
 Андерсонъ 33.
 Андрейчинъ Ив. Ст. 36, 42, 48.
 Андреевъ Иванъ (см. Богоровъ).
 Аячевъ Д. Г. 41, 42, 44, 45, 46, 47, 49.
 Априловъ 8, 10, 11, 12.
 Асангеръ Э. (Асан-ага) 61, 84, 86, 90,
 92, 95, 96, 103, 104, 112, 114, 127.
 Ашкерцъ А. 389, 390, 393, 394.

Бабникъ Янко 394.
 Бабукичъ 373.
 Бадаличъ Гуго 98, 104, 106, 114.
 Байронъ 54, 58, 67.
 Банъ М. 112, 118.
 Бароній 6.
 Бахъ 58.
 Белло 33.
 Беранже 31.
 Бирбекъ 33.
 Блейвейсъ 372, 373.
 Бобчевъ Д-ръ Н. 42.
 » Ил. С. 42.
 » С. С. 38, 39.
 Боговичъ Мирко 58, 60, 61.
 Богоровъ Д-ръ 20, 26, 27.
 Боденштедтъ 204.
 Бокль 28, 33.
 Бончевъ 30, 31, 32, 33.
 Борисъ 105, 106.
 Ботйовъ Хр. 28, 29, 30, 34.
 Брлековичъ Богомиръ 65, 66, 100, 115,
 130.
 Бѣгій (?) 21.
 Бѣлинскій 42, 339.
 Бѣлчевъ Партеній 16, 18.

Булгаринъ Оадей 30.
 Бурмовъ 26.
 Бучаръ Фр. 394.

Вазовъ Ив. 16, 18, 20, 31, 32, 34, 35, 36,
 38, 40, 43—48.
 Валявецъ М. 72.
 Веберъ Г. 37.
 Великановичъ Иса 67, 123, 311, 321—
 325.
 Велисавъ 48.
 Величковъ К. 34, 36, 40, 43, 45, 46, 48.
 Вельтманъ 19.
 Веневитиновъ 56.
 Венелинъ 9, 11.
 Вера 82.
 Вергилий 66.
 Весель-Косески Јованъ 375, 376, 377,
 378, 392.
 Весель-Веснинъ Иванъ 372, 375, 378,
 379—382, 383, 388, 392, 394.
 Весинъ Никола 80, 83.
 Владикинъ см. Јонковъ.
 Владимировъ Ив. 48.
 Владиславъ 104.
 Вовчекъ Марко 29.
 Водникъ 369, 370.
 Войничковъ 23.
 Волковъ Теодоръ 22.
 Волтава Сл. (см. Асангеръ).
 Вразъ Станко 54—57, 59, 80, 88, 89, 92,
 95, 98, 104, 108, 112, 113, 120, 121,
 122, 371, 393.
 Вуксанъ Рад. М. 366.
 Вѣлковъ 45.
 Вяземскій князь 378.

Габрщекъ 394.
 Гавличекъ И. (Havlíček Ivan) 181.

Гавриловичъ Андр. 109.
 Гай Людевитъ 53.
 Галаховъ 34.
 Гарамбашичъ А. (Harambašić A.) 82, 84, 85, 87, 90, 91, 92, 93, 94, 97, 98, 99, 107, 108, 110.
 Гашевскій Б. Ив. 44.
 Гейне 67.
 Гексли 28.
 Георги (?) 47.
 Герасимъ рыльскій 17.
 Гербель 37.
 Геровъ Найдень 12, 16, 17.
 Герценъ 204.
 Гёте 25, 66.
 Гнѣдичъ 23.
 Гоголь 29, 30, 31, 39, 204, 373.
 Гомеръ 32, 66.
 Горацій 22, 35.
 Горенецъ-Подгоричанъ Лав. 373.
 Гостиша И. (Gostiša J.) 131.
 Грегоричъ 394.
 Грибаръ см. Хрибаръ.
 Григоровичъ В. 5, 6, 11.
 Груевъ J. 17, 19, 36.
 Гумбольдтъ 28.
 Гундуличъ 55.
 Гюго Викторъ 31, 67.
 Гюриичъ М. С. 129, см. Джуриичъ.
 Гяльски 55.
 Данте 28, 33.
 Дарваръ Д. Н. 8.
 Дарвинъ 28.
 Делиспасовъ С. 47.
 Деметеръ Димитрій 54, 57, 88, 90, 113, 114, 131.
 Державинъ 18, 20.
 Десницкій см. Михаилъ.
 Деспотовичъ П. 119, 122, 177, 187, 192—200.
 Джакометти 33.
 Джуриичъ (Ђуричић) М. С. 129.
 Дивковичъ 127.
 Димитріевичъ Д. J. 99, 103, 107, 109.
 Димитрій ростовскій 20.
 Димитровичъ Спиро котаранинъ 61—65, 119, 120, 121, 122, 124, 125, 139, 152, 155—161, 203—255, 272, 276.
 Димитровъ А. Н. 46.
 Доклеръ З. 388, 393.
 Достоевскій 38.
 Драгановъ 33, 35, 366.
 Дреперъ 28.
 Лучичъ J. А. (Ranko) 81, 111, 121, 129, 130, 345—364, 365, 366.
 Дѣспинскій Михаилъ 23, см. Михаилъ.
 Евгеній кievскій 23.

Евстатиевъ К. 39.
 Еллаичъ банъ 54, 58.
 Жакель (см. Лединскій) 371.
 Жинзифовъ 32.
 Жуковскій 26, 56, 148, 152, 204.
 Жупанъ 371.
 Зайцъ 60.
 Захеръ Мазохъ 33.
 Златарскій В. Н. 6.
 Ивановъ Ив. Д. 39.
 » Йорданъ 3, 21, 40, 47.
 Ил. Станко 132.
 Илийтъ (Илијѣ) Драгутинъ J. 124, 126, 127, 134, 167—173.
 Јовановичъ Змай Јованъ (Змајова) 66, 77, 80, 88, 89, 91, 104, 105, 107, 111, 116, 117, 124, 128, 155, 163.
 Јовановичъ Јованъ П. 133, 134.
 » М. 102.
 » М. Владимиръ 88, 91, 92, 100, 104, 105, 107, 116, 117.
 Јовановичъ Хаджи Найдень 17.
 Јонковъ Н. Владинъ 40.
 Јордановъ Д. 41.
 Кантемиръ 22.
 Каравеловъ Любенъ 18, 19, 28, 29, 30, 31, 34, 36.
 Караджичъ Вукъ 223, 233, 255, 268.
 Карамзинъ 9, 19, 20, 23, 152.
 Карапетковъ Хр. 48.
 Катрановъ Н. 25.
 Кеттъ Драг. 394.
 Кипиловскій 20.
 Киѣловъ Михаилъ 9, 20.
 Княжескій Захарій 11, 12—16, 20.
 Кобъ 371.
 Когей 391, 393.
 Колларъ Янъ 54, 55, 56, 67.
 Константиновичъ Бранко В. 132.
 Константиновъ Алеко 34, 40, 45.
 » И. Х. 7, 20.
 » Никифоръ 16.
 Костовъ 34, 40, 43, 44, 45, 46, 47.
 Костомаровъ 29.
 Крашна 373.
 Крутороговъ см. Хостникъ.
 Кръстевъ Д-ръ К. 42, 47, 48.
 Крыловъ 23.
 Кукольникъ 23.
 Кукулевичъ 58.
 Кулаковскій Платонъ 124.
 Кургановъ 11.
 Къичевъ В. 20.
 Ламурскій (М. А. Трновецъ) 391.
 Ланге 339.

Левстикъ Фр. 387, 393, 394.
 Лединскій Родолюбъ (см. Жакель) 371, 374, 392.
 Ленски см. Якшичъ.
 Леопарди 67.
 Лермонтовъ 29, 31, 35, 56, 66, 77, 204, 378.
 Ломоносовъ 9, 18, 20, 22.
 Лукшичъ А. 78.
 Мажураничъ Иванъ 54, 55.
 Майковъ Аполлонъ 255.
 » Л. Н. 78, 81, 82.
 Маколей 33.
 Максимовичъ J. 72.
 Марекевичъ (pl. Mareković) 182, 183.
 Маретичъ Т. (Maretić Tomislav) 65, 66, 77, 79, 109, 117, 118, 124, 185, 185—162, 329—337.
 Марковичъ 66.
 Медаковичъ Д-ръ 118.
 Медвѣдъ А. 391, 393, 394.
 Медичъ Данѣлъ 124.
 Менцингеръ Д-ръ Янезъ 382, 383, 392, 394.
 Меньшиковъ кн. 162.
 Мерхаръ Ив. 395.
 Миклошичъ 371.
 Милаковичъ Јосипъ 88, 89, 110.
 Милетичъ Л. 4, 6.
 Миливой 96, 117 (см. Маретичъ).
 Мильтонъ 28.
 Минянъ 23.
 Михайловичъ Риста 131.
 Михайловскій Н. 16.
 Михаилъ Десницкій 23.
 Митровичъ Милорадъ И. 86.
 Мицкевичъ 33, 55, 66, 67, 372.
 Мишевъ 34, 40, 43, 44, 45, 46, 47.
 Мишкатовичъ J. 60, 61.
 Момчиловъ 16.
 Морозовъ П. О. 77, 78, 81, 82, 85, 86, 87, 129.
 Московъ М. 42, 43, 45.
 Мразовичъ 7.
 Мутѣва Е. 19.
 Некрасовъ 31.
 Неновъ Г. 39.
 Неофитъ рыльскій 7, 9, 10, 11, 12.
 Николай I Черногорскій 124.
 Новаковичъ Стоянъ 73, 108, 119, 134, 135, 177—187, 192.
 Новиковъ 23.
 Одавичъ Р. J. 93, 115, 122, 126, 204—308, 310.
 Озеровъ А. П. 10.
 Орбини Мавро 6.

Островскій 23.
 Острогорскій В. 39.
 Пансій хилендарскій 4, 6.
 Палаузовъ Н. 8, 10, 11, 12.
 Панаѣотовъ Д. 43.
 Пелагичъ Васа 118.
 Перволюкъ 55.
 Петръ Великій 22.
 Петковъ Ботьо 16.
 Петровичъ С. 132.
 Пинтаръ 384, 385, 386, 387, 393.
 Писаревичъ А. 123, 311, 313—323.
 Писемскій 23.
 Платонъ митрополитъ 6, 20.
 Плетершникъ М. 384, 393.
 Погодинъ М. П. 10, 12, 13, 15.
 Поливановъ 314, 324.
 Поповичъ Милорадъ Шапчанинъ 184.
 » Милошъ 87, 135.
 » Мита 95.
 » Райно 8, 26.
 Поповъ Димитрій 16.
 » Нилъ 12.
 » Ст. 48.
 Прерадовичъ Петаръ 54, 55, 62, 65.
 Прешеренъ 372.
 Примипъ 370.
 Пріятель (Семень Семеновичъ) 391, 393, 394, 395.
 Пуцичъ Мехо (Počić Orsat) 55, 87, 103, 112, 113.
 Пушкинъ А. С. 36, 38, 39, 40, 42, 57, 60, 61, 67.
 Радевъ П. Ив. 48.
 Радичъ А. (Radić) 123, 135, 339—342.
 Радовичъ Д. М. 135, 329—342.
 Разлагъ Д-ръ J. P. 388, 392.
 Раковскій 27.
 Ранко см. Дучичъ.
 Реньаръ 33.
 Семеновичъ Семень см. Иванъ Пріятель.
 Сервантесъ 33.
 Скабичевскій А. М. 39, 339.
 Славейковъ Пенчо 34, 35, 41, 42, 44, 47.
 » П. Р. 24, 25, 32, 35, 41, 46
 Смайльсъ 33.
 Смотрицкій М. 7.
 Спенсеръ 33.
 Спиридонъ іеросхимонахъ 6.
 Срезневскій И. И. 56.
 Стаичъ (Стајић) 73.
 Станко Ил. 132.
 Стойковичъ Богданъ 132.
 Стоиловъ Ст. 48.
 Стокичъ Милутинъ 134.

Страусъ 28.
Стритаръ 374.
Сумароковъ 22.

Тассо 28.
Теодоровъ А. 3, 4.
Ткальчевичъ А. (Tkalčević-Veber) 127.
Токвиль 28.
Толстой Л. Н. 373.
Томичъ J. 60.
Тончевъ Д. 46.
Тредьяковский 20.
Трифоновъ Т. Ц. 84, 36, 89, 41, 46, 47.
Трновецъ см. Ламурскій.
Тринки Ив. 59—61, 65—67, 85, 88, 89,
94, 96, 101, 102, 106, 107, 110, 115,
119, 120, 121, 125, 133, 134, 177, 187—
192, 200, 203, 204—307.
Трстеникъ 371.
Тургеневъ 23, 38, 39, 55, 60, 61, 77, 373.

Уландъ 54, 376.
Утѣшеновичъ (Ognjeslav Utješepović-
Ostrožinski) 65, 127.

Фенелонъ 28.
Фетъ А. 35.
Филаретъ 23.
Филиповичъ Жарколюбъ 365.
Филоновъ 34.
Фогтъ 28.

Хомяковъ 18, 56, 378.
Хостникъ М. 394.
Храниловичъ (Hranilović) Job. 97, 101,
102.
Хрибаръ 394, 395.
Христовъ К. 42.

Цаневъ Т. 48.
Цачевъ П. 38, 44, 48.

Целестинъ Фр. 394.
Циглеръ 371.
Поневъ Б. 4.
Црквенацъ (Crkvenac) 132.

Чинтуловъ 24, 25.
Чокичъ Јованъ Симеоновичъ 126, 306—
310.
Чолаковъ Атанасій 16.
Чурчичъ (Ћурчић) Стева 131.

Шамисо 376.
Шевченко 32.
Шекспиръ 33, 62.
Шеноа А. 55, 62, 118.
Шереметевъ 162.
Шиллеръ 25, 31, 62.
Шишковичъ Т. Н. 19.
Шишковъ А. С. 23.
Шишковъ Т. Н. 36.
Шнайдеръ 370.
Шопенгауеръ 33.
Шпаничъ Ст. (Španić Stj.) 110, 112, 113.
Шрепель Милвой 51, 73, 82, 85, 87, 90,
91, 92, 93, 94, 97, 98, 99, 102, 104, 110,
117, 126, 134, 136, 177, 365.
Штиггаръ Ф. М. 384, 385, 393.
Штоосъ Павелъ 54.

Юрдановъ И. Д. 43, 45.
Юрковичъ (Jurković Janko) 78.
Юруковъ С. Д. 49.
Юрчичъ 387.

Ягичъ 65.
Языковъ 56.
Яковъ (?) 37.
Якшичъ М. (Јенски) 95.
Јанежичъ Вал. (Јанежић) 131.
Јанковичъ (Јанковић Ћура) 132.
Јарникъ 370.

УКАЗАТЕЛЬ ПЕРЕВЕДЕННЫХЪ СОЧИНЕНИЙ.

- Альбомъ (Въ):** Что въ имени тебѣ моемъ? 108.
- Ангелъ:** Въ дверяхъ эдема ангелъ рая 101, 102, 382, 394.
- Анджело** 130, 343—364.
- Анчаръ:** Въ пустынь чухлой и скупой 42, 107, 394.
- Барышня-крестьянка** 60, 133, 384, 393.
- Бахчисарайскій фонтанъ** 40, 45, 57, 59, 120, 375, 392.
- Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье** 378, 394.
- Благочестивая жена** 116, 117.
- Боже царя храни** 26.
- Больны вы, дядюшка?** 84.
- Борисъ Годуновъ см. Годуновъ.**
- Бородинская годовщина: Великій день Бородина** 57, 113.
- Братья разбойники** 46, 62, 63, 120, 121.
- Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ (Стансы)** 42, 109, 372, 374.
- Будрысъ и его сыновья (изъ Мицкевича)** 114.
- Буря мглою небо кроетъ** 42, 98—100, 378, 382, 392, 394.
- Бѣсы:** Мчатся тучи, вьются тучи 110, 111, 378, 382, 392, 394.
- Вакхическая пѣсня: Что смолкнулъ веселья гласъ** 44, 95.
- Великимъ быть желаю (Про себя)** 85.
- Великій день Бородина (Бородинская годовщина)** 57, 113.
- Веселый пиръ** 86, 87.
- Взгляни на милую (Красавица передъ зеркаломъ)** 90.
- Во глубинѣ сибирскихъ рудъ** 394.
- Воевода (изъ Мицкевича): Поздно ночью изъ похода** 113, 114.
- Возрожденіе** 384, 393.
- Возстанъ, о Греція, возстанъ** 43, 44.
- Воронъ къ ворону летитъ (Шотландская пѣсня)** 106, 378, 882, 391, 392, 394.
- Воспоминаніе: Когда для смертнаго** 43.
- Всадникъ мѣдный** 46, 66, 130.
- Все мое, сказало злато** 101.
- Въ альбомъ: Что въ имени тебѣ моемъ?** 108, 109.
- Въ безмолвіи садовъ** 394.
- Въ дверяхъ эдема ангелъ нѣжный** 101, 102, 382, 394.
- Въ младенцествѣ моемъ она меня любила (Муза)** 90.
- Въ неволѣ скучной увядаетъ (Наслажденіе)** 81.
- Въ пустынь чухлой и скупой (Анчаръ)** 42, 107, 394.
- Въ степи мирской (Три ключа)** 104, 394.
- Въ тѣ дни, когда мнѣ были новы (Демонъ)** 93, 94.
- Вчера за чашей пуншевою (Слезы)** 81, 82.
- Выстрѣлъ** 48, 65, 131, 386, 393.
- Галубъ: Не для бесѣдъ и ликованій** 129.
- Гляжу какъ безумный** 83, 89, 90.
- Годуновъ Борисъ** 32, 41, 42, 46, 47, 67, 77, 122, 311—325.
- Городокъ (Къ ***): Прости мнѣ, милый другъ** 32.
- Графъ. А. А. Орловой-Чесменской** 116, 117.
- Гробовщикъ** 132, 133, 391, 393.
- Гробъ (юноши?)** 24, 25.
- Гроза Луны, свободы воинъ (Дочери Карагеоргія)** 87.

Грузинская пѣснь см. Не пой красавица.

Даръ напрасный, даръ случайный (26 мая 1828) 42, 106, 394.

Делибашъ 372.

Демонъ (А. Н. Раевскому): Въ тѣ дни, когда мнѣ были новы 98, 94.

Деревня: Привѣтствую тебя, пустынный уголокъ 86.

Десятая заповѣдь 91, 92.

Дочери Карагеоргія (Гроза Луны, свободы воинъ) 87.

Дробясь о мрачныя скалы 394.

Друзьямъ: Среди бесѣды вашей шумной 82, 83.

Дубровский 49, 60, 134, 382, 386, 392.

Духовной жаждою томимъ (Пророкъ) 100, 101, 378, 380, 392, 394.

Евгеній Онѣгинъ см. Онѣгинъ.

Египетскія ночи 136.

Ех ungue leonem (Эпиграмма): Недавно я стихами 95, 96.

Желаніе: Медлительно влекутся дни мои 79, 80.

Желаніе славы: Когда, любовію и нѣгой упоенный 96.

Зимнее утро 394.

Зимній вечеръ: Буря мглою небо кроетъ 42, 98, 99, 100, 378, 382, 392, 394.

Зимняя дорога: Сквозь волнистые туманы 101.

Золото и бузатъ (Эпиграмма) 104, 394.

Изъ Мицкевича: 1) Воевода 113.

2) Будрысь и его сыновья 114.

Изъ Томаса Мура: Эхо 42, 111, 394.

Испанскій романсъ: Ночной зефиръ 94, 95, 378, 381, 392, 394.

Истина (Resnica) 394.

Исторія Пугачевского бунта 390, 393.

Кавказскій плѣнникъ 41, 45, 59, 60, 119, 175—200, 375, 391, 392, 393.

Кавказъ 42, 44, 375, 378, 379, 394.

Какъ нынѣ собирается вѣщій Олегъ (Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ) 44, 391, 393.

Каменный гость 41, 47, 125, 366.

Капитанская дочка 29, 36, 48, 65, 77, 134, 135, 327—342, 387, 391, 393.

Карагеоргія дочери: Гроза Луны, свободы воинъ 87.

Кирджали 29, 36, 48, 366.

Клеветникамъ Россіи 36, 57, 112, 113, 378, 379, 383, 392, 394.

Когда для смертнаго... (Воспоминаніе) 43.

Когда за городомъ задумчивъ я брожу 42, 394.

Когда, любовію и нѣгой упоенный (Желаніе славы) 96.

Красавица передъ зеркаломъ: Взгляни на милую 90.

Къ А. П. Кернъ 42, 43, 97, 394.

Къ *** (Городокъ): Прости мнѣ, милый другъ 32.

Къ морю: Прощай, свободная стихія! 94, 378, 381, 392, 394.

Къ нянѣ: Подруга дней моихъ суровыхъ 44.

Лизѣ страшно полюбить 92.

Любопытный (Эпиграмма): Что-жъ новаго? 108.

Мая 26-го 1828: Даръ напрасный, даръ случайный 42, 106, 394.

Медлительно влекутся дни мои (Желаніе) 79, 80.

Метель 48, 131, 132.

Мечты, мечты, гдѣ ваша сладость (Пробужденіе) 83.

Мицкевичъ: Онъ между нами жилъ 114.

Младой Дафнисъ, гонимый за Доридой (Разсудокъ и любовь) 79.

Морозъ и солнце 394.

Морю (Къ): Прощай, свободная стихія 94, 378, 381, 392, 394.

Моцартъ и Сальери 41, 47, 124.

Муза: Въ младенчества моемъ она меня любила 90.

Мура Томаса (Изъ): Эхо 42, 111, 394.

Мчатся тучи, выются тучи (Бѣсы) 110, 111, 378, 382, 392, 394.

Мѣдный всадникъ см. Всадникъ.

Надъ лѣсистыми берегами 110.

Надъ Невою рѣзво выются (Пиръ Петра Великаго) 44, 115.

Надъ озеромъ, въ глухихъ дубовахъ 85, 86.

Наслажденіе: Въ неволѣ скучной увядаетъ 81.

На смерть стихотворца 84.

Недавно я стихами какъ-то свистнулъ (Эпиграмма) 95, 96.

Не для бесѣдъ и ликованій (Галубъ) 129.

Не пой красавица при мнѣ 378, 381, 392, 394.

Ночной зефиръ (Испанскій романсъ) 94, 95, 378, 381, 392, 394.

Обвалъ 394.

Овидію (Къ) 382, 394.

Ода вольность 43.

Октябрь 19-го 1825 г. 98.

Она тогда ко мнѣ придетъ 116.

Онъ между нами жилъ (Мицкевичъ) 114.

Онѣгинъ Евгений 48, 61, 62, 63, 65, 66,

77, 118, 125, 126, 201—310.

Орловой-Чесменской граф. А. А. 116, 117.

Отвѣтъ на вызовъ написать стихи въ честь Государыни Императрицы Елизаветы Алексѣевны 43.

О чемъ прозаикъ ты хлопчешь (Прозаикъ и поэтъ) 97.

О чемъ шумите вы... (Клеветникамъ Россіи) 36, 57, 112, 113, 378, 379, 383, 392, 394.

Памятникъ: Я памятникъ себѣ воздвигъ 44, 115, 382, 394.

Пиковая дама 48, 135, 388, 393.

Пиръ Петра Великаго: Надъ Невой рѣзвo вьются 44, 115.

Повѣсти Бѣлкина 48, 49, 131.

Погасло дневное свѣтило 394.

Подруга дней моихъ (Къ нянѣ) 44.

Подъ-вечеръ, осенью ненастной 44, 78.

Поѣдемъ, я готовъ 43.

Поздно ночью изъ похода (Воевода) 113, 114.

Покойникъ Клитъ въ раю не будетъ (Эпиграмма) 184.

Полтава 40, 45, 62, 63, 66, 120, 121, 124, 153—163, 329.

Посланіе въ Сибирь 394.

Послѣдніе цвѣты: Цвѣты послѣдніе милѣй 98.

Послѣдняя туча разсѣянной бури (Туча) 42, 114, 378, 392, 394.

Поэту: Поэтъ не дорожи любовію народной 42, 109, 110.

Поэтъ и чернь 31, 32, 35.

Поэтъ по мѣрѣ вдохновенной 35, 43, 394.

Прибѣжали въ избу дѣти (Утопленникъ) 44, 45, 107, 382, 394.

Привѣтствую тебя (Деревня) 86.

Пробужденіе: Мечты, мечты, гдѣ ваша сладость! 53.

Прозаикъ и поэтъ: О чемъ прозаикъ ты хлопчешь 97.

Пророкъ: Духовной жаждою томимъ 100, 101, 378, 380, 392, 394.

Про себя: Великимъ быть желаю 85.

Прости мнѣ, милый другъ... (Городокъ) 32.

Прощай свободная стихія (Къ морю) 94, 378, 381, 392, 394.

Птичка божія не знаетъ (изъ Цыганъ) 45, 58, 122.

Пустое «вы» сердечнымъ «ты» (Ты и вы) 105.

Пѣсня дѣвушекъ (изъ Онѣгина) 126.

Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ: Какъ нынѣ собирается 44, 391, 393.

Пѣсня черкесская 60, 391, 393.

Разсудокъ и любовь: Младой Дафнисъ, гоняясь за Доридой 79.

Реветь ли звѣрь (Эхо) 42, 111, 394.

Роза 382.

Романсъ: Подъ-вечеръ, осенью ненастной 44, 78.

Роняетъ дѣтъ багряный свой уборъ (19 окт. 1825) 98.

Русалка 34, 36, 47, 77, 126, 165—173.

Русалка: Надъ озеромъ въ глухихъ дубовахъ 85, 86, 365, 391, 393.

Русланъ и Людмила 62, 63, 119, 137—152.

Сказка о мертвой царевнѣ 46, 129, 375, 392.

Сказка о рыбацкѣ и рыбкѣ 24, 41, 46, 127—129, 375, 378, 389, 392, 393, 394.

Сказка о царѣ Салтанѣ 376, 392.

Сквозъ волнистые туманы (Зимняя дорога) 101.

Скупой рыцарь 41, 47.

Слеза: Вчера за чашей пуншевою 81, 82. Соловей 394.

Среди бесѣды вашей шумной (Друзьямъ) 82, 83.

Стансы: Брожу-ли я вдоль улицъ шумныхъ 42, 109, 372, 374.

Стансы: Философъ ранній ты бѣжишь 394.

Станціонный смотритель 49, 133.

Сцена изъ Фауста 123.

Счастливъ, кто въ страсти 80, 388.

Талисманъ: Тамъ, гдѣ море вѣчно плещетъ 44, 102, 103, 391, 393, 394.

Телѣга жизни: Хоть тяжело подъ-часть 93, 384, 393.

Три ключа: Въ степи мірской 104, 394.

Три у Будрыса сына 114.

Туча: Послѣдняя туча разсѣянной бури 42, 114, 378, 382, 392, 394.

Ты и вы: Пустое «вы» сердечнымъ «ты» 105.

У Кларисы денегъ мало (Эпиграмма) 92.

Утопленникъ: Прибѣжали въ избу дѣти 44, 45, 107, 382, 394.

Философъ ранній ты бѣжишь 394.

Хоть тяжело подъ-часть въ ней бремя (Телѣга жизни) 93, 384, 393.

Цвѣтокъ: Цвѣтокъ засохшій безухан-
ный 105, 382, 394.

Цвѣты послѣдніе милѣй 98.

Цыганы 40, 45, 62—65, 121, 122, 365.

Цыганы: Надъ лѣсистыми брегами 110.

Черкесская пѣсня см. Пѣсня.

Черная шаль 44, 88—90, 382, 391, 393,
394.

Чернь 35, 43, 394.

Что въ имени тебѣ моемъ (Въ альбомѣ)
108, 109.

Что-жь новаго?— Ей Богу ничего (Лю-
бопытный) 108.

Что смолкнулъ веселія гласъ (Вакхиче-
ская пѣсня) 44, 95.

Шотландская пѣсня: Воронъ къ воро-
ну летить 106, 378, 382, 392, 393.

Элегическій отрывокъ 43.

Элегія (изъ поэмы «Кавказъ»): Я перс-
жилъ свои желанья 43, 91, 394.

Элегія: Счастливъ, кто въ страсти самъ
себѣ 80, 388.

Элегія: Безумныхъ лѣтъ угасшее ве-
селье 378, 394.

Эпиграммы: 1) Больны вы, дядюшка 84.

2) У Кларисы денегъ мало
92.

3) Что-жь новаго? 108.

4) Золото и булатъ 104, 394.

5) Ех ungue leonem, Недав-
но я стихами какъ-то
свищнулъ 95, 96.

Эпитафія: Покойникъ Клитъ въ раю не
будетъ 84.

Эхо (Томаса Мура): Реветь ли звѣрь
42, 111, 394.

Я думалъ сердце позабыло 107.

Я жизнь любилъ, когда полна 116.

Я здѣсь, Инезилья стою подъ окномъ
111.

Я люблю вечерній пиръ 86, 87.

Я памятникъ себѣ воздвигъ неруко-
творный 44, 115, 382, 394.

Я пережилъ свои желанія 43, 91, 394.

Я помню чудное мгновеніе (Къ А. П.
Кернъ) 42, 43, 97.

ОПЕЧАТКИ И ПОПРАВКИ.

Стр. 4 строка 9 послѣ нашего изслѣдованія *надо прибавить:* Этотъ вопросъ разработанъ нами подробнѣе въ болгарскомъ журналѣ «Български Прегледъ» за 1899 годъ, кн. IX—X, на стр. 103—178, подъ заглавіемъ «Наченки отъ руско влияние въ българската книжнина».

Стр. 6 строка 6 снизу: за тѣй испр. *съ* за тѣй.

Стр. 8 строка 19: Райка *читать* *надо* Райна, *тамъ-же строка 24* Райко *читай* Райно.

Стр. 20 строка 1 снизу *вм.* Кличева *читай* Кънчева.

Стр. 28 строка 5—6 *надо читать:* въ области изящной литературы — *Тамъ-же строка 13* Ботеву *читай* Ботѣнову.

Стр. 36 строка 13 *вм.* Андрейчика *надо читать* Андрейчина.

Стр. 77 строка 22 *вм.* № 73 *читай* № 94.

Стр. 88 строка 6 *вм.* (XII-й) *читай* (XIII-й).

Стр. 98 строка 2 *вм.* мон *читай* милѣй.

Стр. 100 строка 17 (подъ № 35) *вм.* № 45 *читай* № 41.

Стр. 111 строка 20 Обдѣ *надо исправить* Овдѣ.

Стр. 130 строка 2 снизу: 185 *исправить* *надо съ* 105.

Стр. 131 строка 1: У *једном* *читай* у *једноме* — *тамъ же строка 3* чедолюбив *испр. съ* чедолюбив.

Стр. 157 строка 17: понятный *читай* попятный.

Стр. 165 съ заглавіи *послѣ* слова перевода *надо устранить* точку. *Речь идетъ не о* статьѣ Драгутина Илиича, *а о* его переводѣ.

Стр. 171 строка 5 *вм.* пије *читай* није.

Стр. 190 строка 7 снизу *вм.* гасну *читай* заснугъ.

Стр. 217 строка 6 снизу *вм.* sietih *читай* sietit.

Стр. 250 строка 1 *вм.* privlačla *читай* privlači.

Стр. 266 строка 7 *вм.* koga *читай* koja.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

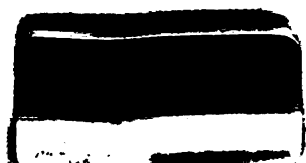
	СТРАН.
I. Русское вліяніе и Пушкинъ въ болгарской литературѣ. <i>И. Д. Штиманова</i>	1—49
II. А. С. Пушкинъ въ хорватской литературѣ. <i>М. Шрепеля</i>	51—67
III. А. С. Пушкинъ въ сербско-хорватской литературѣ. Очеркъ библіографическій <i>И. В. Яича</i>	69—136
IV. О переводѣ «Руслана и Людмилы». <i>И. В. Яича</i> ..	137—152
V. «Полтава» въ двухъ хорватскихъ переводахъ. <i>И. В. Яича</i>	153—163
VI. «Русалка» въ сербскомъ переводѣ. <i>И. В. Яича</i> ...	165—173
VII. «Кавказскій плѣнникъ» въ трехъ сербско-хорватскихъ переводахъ. <i>И. В. Яича</i>	175—200
VIII. «Евгеній Онѣгинъ» въ трехъ сербско-хорватскихъ полныхъ переводахъ. <i>И. В. Яича</i>	201—310
IX. «Борисъ Годуновъ» въ двухъ переводахъ. <i>И. В. Яича</i>	311—325
X. Нѣсколько словъ о трехъ переводахъ «Капитанской дочки». <i>И. В. Яича</i>	327—342
XI. «Анджело» въ двухъ переводахъ одного и того же переводчика. <i>И. В. Яича</i>	343—364
XII. Пушкинъ въ словѣнской литературѣ. <i>Ив. Пріятеля</i> ..	367—395
Указатель личныхъ именъ	397—400
Указатель переведенныхъ сочиненій ..	401—404

В.И. КЛОЧКОВА
Петроградъ, Литинный пр. № 55
W.KLOTSCHKOFF
Petrograd.-Litinsky n° 55

8909254235b

b89092542356a

84042542356

B89092542356A